

О радости
сильной
женщины

АННА БЕРСЕНЕВА

Анна Берсенева

Слабости сильной женщины

Анна Берсенева

Из-за болезни матери Лера Вологодина бросает учебу в аспирантуре и начинает заниматься бизнесом. Сначала она становится обычным «челноком», но вскоре незаурядность и талант помогают ей добиться успеха в серьезном предпринимательстве. И тут Лера понимает, что главные проблемы «селф-мейд вумен» связаны не с таможней или бандитами. Ее характер меняется, и эти перемены ее не радуют. Да и чему радоваться? Ее оставляет муж, она едва не теряет ребенка, а потом чувствует, что утратила интерес к жизни. Есть ли выход из тупика, в который сама себя загнала эта сильная женщина?

Часть первая

Глава 1

У них походочка, как в море лодочка!..

Целый день вертелась у Леры в голове эта песенка, и целый день, перепрыгивая через бесчисленные лужи, она с любопытством думала: неужели и правда какая-то особенная у нее походка?

Комплимент ей сделал случайный прохожий. Даже и не комплимент, а так просто, сказал на ходу:

– Эх и походочка у вас, девушка, – загляденье!

Вот и прицепилась песенка, которую часто пел Митя Гладышев.

Лера даже в витрины косилась, чтобы рассмотреть свою походку получше, но совершенно напрасно: витрины были грязные и пустые, и поэтому смотреться в них, как в зеркала, было невозможно – просвечивали внутренности магазинов, и все.

День у нее сегодня выдался просто сумасшедший, но это Леру ничуть не угнетало. Она любила сумасшедшие дни в дождливую погоду и с удовольствием летала по всему городу. Ей нравилось, что ходит она быстро – в самом деле, летает, – нравилось лавировать в толпе прохожих, никого не задевая и никому не позволяя тормозить ее стремительное движение. Она не торопилась, но все успевала. Может быть, правда – походка такая?

Сегодня, например, она успела получить обе стипендии, свою и Костину. Даже в каждой из двух очередей почти не стояла, потому что прибежала в числе первых – а те, кто ходят медленно, пусть торчат в очередях. А после стипендий успела еще на одну лекцию, на которой ей, как аспирантке, вообще-то не обязательно было присутствовать, но ей было интересно – и она успела, хотя для этого пришлось ехать с Ленинских гор на Моховую, на журфак.

А потом вернуться на метро «Калужская», в аптеку. С утра было почему-то закрыто, и, поколебавшись пару минут: ждать ли, пока откроют – вроде маячили какие-то фигуры внутри, – или спешить на необязательную лекцию и вернуться потом еще раз, – Лера решила, что лучше вернется.

Эта аптека на Бутлерова оставалась, кажется, последней на всю Москву, где был церебролизин. Мама обзвонила все районные справочные, и всюду отвечали: нету, нету, не знаем когда, и будет ли вообще.

– Как это может быть! – возмущалась Лера. – Если это единственное

лекарство, которое помогает, и если оно нужно постоянно – как это может быть, чтобы оно продавалось в единственной аптеке!

– Очень просто. – У мамы, кажется, ничего не могло вызвать возмущения в привычной действительности. – Лерочка, надо еще радоваться, что хоть там есть. А если бы не было нигде?

Мама говорила об этом спокойно, как о том, что завтра ожидается дождливый день, – чему, мол, удивляться, осень же. И Лере даже в голову не пришел вчера вечером простой вопрос: а что будет, когда не будет нигде? Ведь раньше лекарство продавалось в аптеке на Сретенке, а теперь нету...

Зато сегодня, когда она во второй раз вернулась на Бутлерова, – этот простой вопрос тут же поразил ее, заставил остановиться, смирить свой стремительный и легкий бег.

– Церебролизин, пожалуйста, – сказала она, протягивая рецепт в окошечко первого отдела.

– Нету, – ответила провизорша, едва взглянув на Лерину бумажку.

– То есть как – нету? – возмутилась было Лера. – Вчера по телефону сказали, что есть!

– Вчера еще был – теперь кончился, – объяснила аптекарша так спокойно, словно речь шла о поливитаминке, без которой прекрасно можно обойтись.

– И что же делать?

– Девушка, милая, ну откуда я знаю? – пожилая провизорша ответила с таким неожиданным сочувствием, что Лера даже не могла возмущаться дальше. – Я же все понимаю, для чего церебролизин, – но нету! Что я могу сделать?

– А мама что должна делать? – по инерции спросила Лера – впрочем, уже без всякого возмущения.

Она вдруг почувствовала, что устала. Казалось ерундой – проехать туда-сюда в метро-автобусе, пробежаться немножко под дождем, немножко промокнуть, послушать лекцию, высыхая прямо в аудитории, еще проехать и пробежаться... И вдруг – устала, и стояла теперь, беспомощно глядя на спокойную аптекаршу.

– Думаете, вы первая меня об этом спрашиваете? Со всего города едут... Другие каналы надо искать, больше что же? На аптеки теперь надеяться нечего.

Лера вышла на улицу все с тем же чувством: устала, непонятно почему – устала, и торопиться совершенно некуда. Где они текут, другие каналы?

Она спустилась по выщербленным ступенькам, остановилась. Дождь кончился, но крупные капли падали со старой липы, разросшейся у входа, и

от этого тихого шелеста листьев и капель, и от подступающих осенних сумерек Лера вдруг охватила безнадежность – таким устоявшимся все показалось, таким неотменимым...

У нее всегда было это ощущение во время осенних дождливых сумерек – завершенности и покоя. Но Лера любила его, и никогда оно не связывалось у нее с безнадежностью. И только сегодня все вдруг изменилось.

– Девушка, это вы церебролизин для мамы спрашивали?

Обернувшись, Лера увидела невысокого парня, быстро спускающегося вслед за ней по ступенькам аптеки. На нем была болоньевая коричневая куртка, по которой тут же забарабанили капли.

– А что? – спросила она с надеждой.

– Могу помочь, – ответил парень.

Лера тут же встрепенулась. Нет, все-таки ей везет! Только что казалось, что все потеряно – и вдруг появляется этот неприметный парень с угреватым лицом, и оказывается, что он может помочь!

– Вы знаете, где есть церебролизин? – спросила она.

– Конечно, знаю, – усмехнулся парень. – У меня.

Отлично! Мало ли откуда у человека может оказаться дефицитное лекарство – может, успел купить про запас, а может, тетя двоюродная прислала из Швейцарии.

– Вы продадите? – Лера посмотрела на парня немного заискивающе – не передумал бы!

– Если купите, почему не продать? Иначе бы не спрашивал.

– Сколько? – спросила Лера, доставая кошелек.

«Половина стипендии, – мгновенно мелькнуло у нее в голове, когда парень назвал цену. – Да-а, рачительный молодой человек...»

Возмущение, злость, растерянность мелькнули у нее внутри так же быстро – и даже, наверное, отразились в глазах. Но едва ли ее собеседник мог реагировать на выражение лица, а вслух Лера, не раздумывая, произнесла:

– Сколько у вас?

– На курс инъекций трех упаковок хватит, – деловито ответил парень – видно, он неплохо был осведомлен о том, как следует колоть церебролизин. – Будете брать?

– Буду.

Парень впервые взглянул на нее удивленно: видимо, он привык, что клиенты возмущаются, называют спекулянтом, желают гибели и жалуется на безденежье. А эта девица с пушистой стрижкой – пожалуйста,

берет без комментариев.

«Значит, деньги есть», – тут же решил продавец; он не любил обременять себя лишними размышлениями.

Коробочки с ампулами, которые он извлек из туго набитой сумки, были аккуратно упакованы в целлофановый пакет, и край пакета был заплавлен утюгом.

– Герметично, – объяснил он. – В аптеке вам не упакуют, а так – довезете под любым дождем в целостности-сохранности.

– Мерси.

Лера вытащила деньги из кошелька и протянула продавцу. Тот пересчитал их мгновенным, веерным движением и спрятал где-то в недрах куртки.

– На здоровье вашей мамочке, – напутствовал он Леру. – Милости просим, я тут постоянно теперь бываю.

Только в метро Лера поняла, что, собственно, произошло. Правда, она ничуть не жалела, что купила лекарство раз в двадцать дороже, чем оно должно было бы стоить. Где бы они стали его искать, раз уже нет в последней аптеке? Но вот мысль о том, что вскоре оно понадобится снова, а потом – еще раз, и потом опять, – эта мысль заставила Леру покрыться холодным потом, несмотря на то что по дороге до метро она успела продрогнуть.

Можно сэкономить на чем-нибудь, как-нибудь перебиться в этом месяце без половины стипендии – хотя им троим и так хватало только впритык. Можно экономить даже на колготках, если, как ни противно, под джинсы надевать рваные.

Но что делать потом? Церебролизин будет нужен постоянно, и никакой стипендии на это не хватит, и зарплаты не хватит, и пенсии... А сэкономить на этом лекарстве при маминой болезни было невозможно, и будет невозможно, как ни старайся. И в продаже оно не появится, это ясно. А если удастся найти «каналы» – там оно будет приблизительно по той же цене, что и у парня в болоньевой куртке, это тоже ясно.

Вот это и был тупик, и ощущение тупика заставило Леру похолодеть и схватиться за поручень, хотя поезд не тормозил. Каково же тогда должно быть маме, которая не сможет жить без этих инъекций?

В подъезде Лера разорвала заутюженный целлофан и выбросила в бачок для пищевых отходов. В аптеке-то не бывает такой упаковки.

Костя еще не возвращался из Ленинки. Она ведь потому и получала за него стипендию, что у него сегодня был библиотечный день и ему не надо было ни в университет, ни в Институт высшей нервной деятельности на ту

самую улицу Бутлерова.

Впрочем, это можно было считать удачным стечением обстоятельств. А вдруг Костя не решился бы отдать столько за лекарство, подумал бы, что надо посоветоваться с Лерой или Надеждой Сергеевной, а потом того спекулянта могло уже и не быть возле аптеки... А что уж тут советоваться – и так все ясно.

– Лерочка, обедать будешь или Котю подождешь? – спросила мама, заглянув в ванную, где Лера уже расчесывала мокрые от дождя волосы. – Успела в аптеку?

– Успела, мам. Не буду обедать, подожду.

– Боже, вот везение! – обрадовалась Надежда Сергеевна. – А я ведь, грешным делом, подумала: вдруг кончится лекарство, что тогда? А лекция как?

– Какая лекция? – удивилась Лера, и тут только поняла, что уже успела забыть о ней.

А ведь выбегала сегодня из аудитории с какими-то легкими, еще не сложившимися в стройную систему мыслями, и радовалась, что вечером будет время вспомнить их спокойно, и старалась не забыть хотя бы этот мгновенный, спутанный клубок из слов, образов и предположений...

– О чем сегодня лекция была? – переспросила мама.

– А! О погибших мозаиках храма Юстиниана, Сан-Витале.

– Где это? – сразу заинтересовалась Надежда Сергеевна – она вообще интересовалась всем, что изучала ее Лерочка.

– В Равенне, мама, – улыбнулась Лера. – Далеко!

Глава 2

Лера Вологодина должна была закончить аспирантуру ровно через год, но к писанию диссертации еще и не приступала. Правда, угрызений совести она из-за этого не испытывала никаких. За два года аспирантуры Лера успела прочитать все – ну, почти все, – что ей могло понадобиться для диссертации, а написать – написать она успеет! Год для самого писанья, когда все уже сложилось в голове, – и то много. Ведь у них на истфаке не то, что на биофаке у Кости: кроликов резать не надо, опыты проводить тоже не надо.

– Все свое ношу с собой! – смеялась Лера, когда муж удивлялся, что за два года у нее появилось только множество исписанных карточек. – У вас своя специфика, у нас своя!

А напишет она все месяца за три: привыкла думать быстро и работать быстро, и все равно не стала бы писать в месяц по две страницы на протяжении нескольких лет.

Не зря же, впервые собрав свежеиспеченных аспирантов, профессор Ратманов спросил их, усмехаясь в усы:

– Ну, молодые люди, еще не усомнились в избранной специальности? И вообще – в общественной необходимости ваших штудий? И не сомневайтесь, не сомневайтесь, – тут же махнул он рукою. – А если засомневаетесь, утешайте себя тем, что никогда больше у вас не будет в жизни такого восхитительно-беззаботного времени, как золотые аспирантские годы. Уже только из-за этого стоит писать диссертацию, уверяю вас!

И Лера вполне наслаждалась обещанной беззаботностью.

Учиться ей было еще легче, чем в студенческие годы; минимумы она сдала играючи. И что может быть лучше, чем заниматься тем, что тебе интересно: читать книги об итальянском Возрождении, думать, глядя на старинные картины...

И предполагать, что будущая работа окажется чем-то похожим. Во всяком случае, она будет будоражить мысль и не будет угнетать душу – а иначе зачем ею вообще заниматься?

И слушать Костины рассказы про высшую нервную деятельность – радуясь, что и он занят любимым делом. Костя даже больше был влюблен в своих улиток, чем Лера в картины старых венецианцев. Потому что Лера все-таки любила жизнь больше, чем всех итальянцев, вместе взятых, а

Костя любил улиток сразу на втором месте после Леры.

А как же иначе?

Она вообще любила все, из чего состояла ее жизнь, и всех, из кого она состояла. Так вот, вперемешку, всех вместе и любила, и действительно не могла бы жить иначе.

Двор свой любила – мрачноватый, на чужой взгляд, но настоящий, старый московский двор; и маму, конечно, с ее трогательным интересом к чему угодно и наивной уверенностью, что все люди в общем-то хорошие; и школу свою на Сретенке, и истфак на Ленгорах, да мало ли что еще!

И мужа Костю. Но его – совсем иначе, совсем отдельно, как счастливого посланника судьбы.

Они поженились еще в начале третьего курса, но Лера до сих пор не могла привыкнуть к своему мужу. Она даже сама удивлялась: ведь все привыкают друг к другу, все друг другу немножко надоедают за какие-нибудь пару лет, а у них – все иначе! Тем более что познакомились они вообще на первой «картошке», значит, еще два года плюс – и все равно...

Костя был первым, кого заметила Лера, подойдя к первому гуманитарному корпусу МГУ, возле которого уже выстроилась вереница автобусов. Сердце у нее замирало в тот день и тут же начинало колотиться с быстрым восторгом: поступила, студентка! Теперь – «картошка», вообще – какая-то неведомая жизнь, что может быть лучше!

И, словно в подтверждение своих чудесных предчувствий, едва подойдя к корпусу, Лера увидела этого чудесного мальчика.

Его невозможно было не заметить, потому что он был похож на Есенина. Не лохматого и нарочито бесшабашного, каким тот выглядел на некоторых фотографиях, а такого, каким получался, снимаясь с Айседорой Дункан, – с одухотворенным лицом и ясным взглядом больших светлых глаз.

Утро казалось золотым из-за того, что солнечный свет проходил сквозь осенние листья. Площадка перед первым гуманитарным напоминала старинную картину в золотистых трещинках: множество людей, освещенных каким-то особенным светом, каждый из них принадлежит себе и одновременно участвует в едином движении.

Это было так красиво, что Лера влюбилась во всех одновременно, во всю эту новую жизнь – и, наверное, поэтому не сразу догадалась, что влюбилась в Костю.

Единство единством, а неразбериха царила порядочная. Например, оказалось, что до сих пор не решено, кто куда поедет. А это было

немаловажно, потому что одним предстояло ехать в ближнее Подмосковье, а другим почему-то – в Смоленскую область, откуда домой на выходные не съездишь.

Лере было все равно – она-то и попала в Смоленскую, вместе с половиной своего факультета и половиной биофака. Молодой, спортивного вида куратор поставил птичку напротив ее фамилии, и она взобралась в свой автобус – какой сама выбрала среди отправлявшихся в Смоленскую.

Она тогда вообще была восторженная до самозабвения и компанию поддерживать привыкла с детства, а тут еще эйфория от первого картошечного дня – и Лера, как все, пела песни до хрипоты, и смеялась неизвестно чему, и пила вино из бумажного стаканчика, и перезнакомилась со всеми еще прежде, чем автобус выехал за Кольцевую.

Но даже в эти шумные часы, в тесноте автобуса, она все время видела Костю – краешком глаза, потому что он сидел в углу. Костя улыбался, словно бы смущенно – оттого, что не принимал шумного участия в общем веселье.

«Взгляд у него какой – ласковый! – вдруг поняла Лера. – Ничего невозможно больше сказать о нем, а вот это сразу чувствуется...»

– Ты не любишь петь? – спросила она, в какой-то момент оказавшись рядом с этим ясноглазым мальчиком – все перемещались по автобусному салону, болтали друг с другом, обрывали разговор на полуслове и тут же продолжали его с кем-нибудь другим. – Или тебе невесело?

– Нет, что ты – мне действительно очень весело, – спокойно возразил мальчик, покачав головой, словно опровергая такое странное предположение о нем. – Просто у меня ни голоса, ни слуха – как же я могу петь?

– Да очень просто! – воскликнула Лера. – Здесь же не оперный театр, все поют, как могут, и веселятся, как хотят. Меня зовут Лера Вологодина.

– Константин Веденеев.

– Ты на истфаке или на биофаке? – спросила Лера, не припоминая этой фамилии в длинном списке однокурсников.

Но она ведь и не запомнила весь список, когда со страхом и надеждой просматривала его, подпрыгивая за спинами других абитуриентов.

– На биофаке.

– Как же ты будешь резать кроликов? – вдруг удивилась Лера.

Это действительно было первое, что пришло ей в голову. Да и что еще можно было подумать, глядя в ласковые Костины глаза?

– Почему обязательно кроликов? – улыбнулся он. – И потом, ведь это будет не сразу, я привыкну.

Лера ожидала, что он спросит что-нибудь и о ней, но Костя не спросил, и она через полминуты забыла об этом. Просто он немногословный, это же понятно. А раз уж они попали на общую «картошку», раз впереди у них по меньшей мере месяц – успеют поговорить обо всем!

Через несколько часов все устали от шума и крика, а некоторых просто разморило от вина – и многие уснули или хотя бы притихли. Лера и не устала, и не опьянела: в их прибалтийском дворе вино пробовали в самом розовом возрасте, и хотя она к прибалтийским не относилась, но и опьянеть от трех глотков сухача тоже, конечно, не могла.

Перешагивая через рюкзаки и сумки, Лера пробралась вперед, к водителю.

– А на Бородино заедем?

– Нет-нет, на обратном пути, – тут же ответил сидевший рядом куратор. – Пока доберемся до места – еще дождя не было бы там, а то дорогу развезет! – пока устроимся... На обратном пути удовлетворим ваше историческое любопытство.

Вообще-то Лера уже была на Бородинском поле, еще в школе возили на экскурсию, но сейчас ей хотелось попасть туда еще раз – с Костей.

И тут она с удивлением поняла: да ведь ей все хочется делать вместе с Костей!..

Деревня Студеново, в которую привезли часам к шести, показалась им совершенно заброшенной.

– Да-а... – протянул однокурсник Игорь. – Прямо иллюстрация к демографическому справочнику о вымирающей России!

Все Студеново состояло из одной недлинной улицы. Конечно, люди жили в этих вросших в землю домах, но очень уж незаметно, наверное, проходила их жизнь, просто еле теплилась. И на этой единственной улице было пусто, хотя даже сумерки еще не сгустились.

Лес подступал почти к самым домам, и казалось, из него может выйти кто угодно, включая Бабу Ягу.

– Страшновато как-то, – поежилась Зиночка Рудницкая. – Там, наверное, и волки есть?

– Есть! – охотно подтвердила Лера, которой совсем не было страшно. – И медведи, и тигры, и пантеры, и...

– Не понимаю, что тебя так веселит, – обиделась Зиночка. – Представь: в этой глухомани придется месяц прожить! А дожди пойдут, а дорогу развезет? Нет, все-таки это несправедливо: почему именно мы сюда, а другие возле самого дома! А мыться где?

– Мыться – в бане, в любой дом пустят, – объяснил симпатичный

куратор Петр Васильевич. – И прошу не волноваться: мы сюда ездим уже не первый год, лично я – третий, и никаких ЧП не было ни разу. Люди здесь доброжелательные и относительно спокойные. Молодежи практически нет, но оно и лучше, мы сами себе молодежь.

– А где мы будем жить? – не отставала Зиночка.

– Жить мы будем в школе. Да-да, не удивляйтесь, здесь есть школа, – подтвердил Петр, поймав на себе удивленный Зиначкин взгляд. – Бывшая, конечно. Теперь ее именно и используют как жилье для студентов.

Несмотря на заверения куратора, школа не была особенно приспособлена для жилья. Во всяком случае, никому и в голову не пришло протопить к их приезду – из-за скрипучей двери на них дохнуло затхлой сыростью. Даже Лера поежилась, хотя ее-то все это угнетало меньше, чем остальных.

– Бр-р, да как же тут жить? – фыркнул Игорь. – Чем топить?

– Ребята, не унывайте! – бодро посоветовал куратор Петр. – Неужели никто не умеет спилить сосну? Посмотрите, сколько их здесь!

– Потрясающе – пилить сосну на дрова! – воскликнула Зина. – А поохотиться не надо, чтобы обед добыть?

– Обед нам будут привозить с центральной усадьбы. Собирались мы в спешке, здесь одни первокурсники, поэтому я не был уверен, что среди нас найдутся пристойные повара. И кстати, – добавил Петр Васильевич, – если кого-то не устраивают здешние условия – так ведь можно отправиться с другой группой дальше, в следующую деревню. Мы же не все здесь разместимся.

– Нет уж, хватит, – решительно сказал Игорь. – Можно подумать, за лесом нам откроются достижения цивилизации. Приехали!

Их автобус остался в Студенове полным составом – и Костя тоже. Лера ворчала потихоньку вместе со всеми, растапливая сырыми дровами дымящую печку, и щелями в стенах возмущалась вместе со всеми. Но на самом деле просто не хотелось выделяться – а так-то ей совершенно наплевать было и на дым, и на дырявые стены.

Ведь это была настоящая деревня – такая, как есть, а не такая, какой она представлялась из-за забора пионерского лагеря, куда Лера ездила каждое лето до седьмого класса! И деревня, рядом с которой располагалась дача тети Киры, была совсем не такая, как это Студеново – так, поселок подмосковный, те же дачи. И родственников деревенских у Леры не было. Правда, отец происходил из деревни Большие Коньки Тульской области, но отец с ними давно не жил и даже не встречался, и Большие Коньки были для Леры такой же абстракцией, как Гавайские острова.

Поэтому она и радовалась сейчас всему: и глухумани, и лесу, и тому, что придется рубить на растопку сосны. Она вдруг так легко почувствовала себя здесь! Ничто ее не стесняло, ничего ей не мешало, и целый месяц впереди, который так страшил Зиночку Рудницкую, казался Лере праздником.

На обустройство не дали ни одного свободного дня. Уже на следующее утро куратор Петя поднял студентов чуть свет и собрал на поляне возле школы. Рядом с Петей стоял мрачного вида мужик в дерматиновой куртке.

– Наш бригадир Иван Трофимыч Ершов, – представил его куратор. – Он сформулирует нашу программу и наметит фронт работ.

Программу бригадир Ершов формулировать не стал – видно, она была ему неизвестна, – а фронтом работ оказалось огромное льняное поле в десяти километрах от школы.

– И что, пешком туда будем ходить? – ужаснулась Зиночка.

– Будет грузовик, – коротко объяснил Ершов.

Лера посочувствовала бригадиру. По его мрачному лицу, по тому, как судорожно он сглатывал слюну, то и дело морщась, она сразу поняла, что до беседы со студентами он не успел опохмелиться и теперь мечтает только о том, чтобы беседа кончилась поскорее и без лишних вопросов. Да и о чем было спрашивать?

Грузовик пришел за ними ровно в восемь, сразу после завтрака. Лера даже подивилась такой пунктуальности. Ей казалось, что о деревне этой все забыли, что время здесь стоит на месте...

Они с Костей оказались рядом и в кузове грузовика, и потом, на поле, рядом с длинной льняной дорожкой. Лен был уже выдернут и аккуратно, стебелек к стебельку, расстелен по всему полю; дорожки уходили чуть ли не за горизонт.

– Значит, так, сезонные сельхозработники, – объяснил Петя. – Поле закрепляется за нами полностью, все уборочные циклы – кроме, как вы видите, уборки комбайном, которая уже завершена. Сначала сворачиваем лен и ставим вот в такие стожки-пирамидки. – Объясняя, Петя ловко проделывал все, о чем говорил. – Потом, когда он просохнет, будем снопики вязать и ставить в скирды. Потом – грузить их на машины. Потом их повезут на льнозавод, но это уже, к счастью, не наша забота. Ясна задача?

Задача была ясна, но это вовсе не значило, что с нею легко можно было справиться.

– Ты когда-нибудь ставил стожки-пирамидки? – спросила Лера у Кости.

– Разумеется, нет. Я вообще впервые вижу лен в его, так сказать,

натуральном виде. А ты?

– Тоже. Но это ничего, я думаю. Что мы, глупее Пети? Научимся!

Лера действительно научилась очень быстро – да в тот же день и научилась. И после обеда уже работала легко, в самом деле, не хуже Пети. Она сама не понимала, как выходит у нее такое легкое движение – и аккуратный конус уже стоит вместо кусочка серебристой льняной дорожки.

– Как здорово, Лера! – восхищался Костя. – У меня в жизни так не получится.

Конусы у него и в самом деле получались кособокие, они падали от малейшего дуновения ветра, и Косте приходилось возвращаться назад, чтобы попытаться придать им хоть какую-то устойчивость.

Он сразу отстал от Леры и, когда она останавливалась, чтобы дождаться его, смущенно смотрел на нее и даже пытался оправдываться:

– Видишь, я же говорил...

– Ерунда! – успокаивала его Лера. – Ты же не собирался посвятить свою жизнь установке стожков-пирамидок, правда? Ну и все, не переживай!

– Но ты ведь тоже не по стожкам вступительные сдавала, а у тебя получается. – Костя не хотел быть к себе снисходительным.

– Это ни о чем не говорит, ты понимаешь? Только о том, что у меня это почему-то получилось, и все. Ничего не значит – ни хорошего, ни плохого.

Лера покраснелась от теплого сентябрьского ветра, золотисто-каштановые завитки выбивались из-под ярко-алого платка.

Они стояли у самой опушки березовой рощи, и прозрачные осенние паутинки то цеплялись за белые стволы, то липли к Лериным щекам, то путались в Костиных волнистых волосах. Он смотрел на Леру, на закатное солнце у нее за спиной, щурясь от неярких лучей, – и Лера снова почувствовала ласку его взгляда, и сердце у нее замерло...

– Ты устал? – спросила она, чтобы нарушить молчание.

– Немного. А ты нет?

– Да, кажется, и я, – ответила она, чтобы не обидеть его; на самом деле она совсем не устала. – Я сегодня утром слышала, как коровы мычали. Возьмем молока у кого-нибудь?

Так и пошла их жизнь в Студенове: сначала стожки-пирамидки, потом снопики, и все до горизонта. Но все это было так неважно, на все это так не стоило обращать внимания – по сравнению с тем, что Костя вдруг вскидывал на нее свои ласковые глаза и смотрел не отрываясь...

Вечера были шумные. Оказалось, что их истфаковская группа подобралась дружная и веселая, да и биологи не отставали, так что скучать не приходилось.

Может быть, даже слишком они были все вместе. Вспоминая Костин взгляд, Лера хотела, чтобы все поскорее уже насладились первой студенческой дружбой и немножко замедлили ритм общественной жизни. Каждый вечер то КВН, то беспроигрышная лотерея, то «огонек» – и все это вместе, все друг у друга на виду...

Во время танцев у Леры не было отбою от кавалеров, ей просто не удавалось протанцевать с одним и тем же два медленных подряд – ни с кем, и уж тем более с Костей.

Он был такой... Нерешительный, даже робкий, но ее ничуть не сердила его робость, как не сердили его смущенные взгляды из-под светлых ресниц, которые он бросал на Леру, когда кто-нибудь, опередив его, приглашал ее на танец. Как она могла на него сердиться! Разве плохо, если человек не умеет расталкивать всех локтями?

– Лерик, ты чудно танцуешь, – прошептал ей на ухо Игорь Лапин. – Двигаешься просто изумительно, каждое твое движение сводит меня с ума!..

Лера улыбнулась Игорю, и он тут же покрепче сжал ее плечи. Было уже совсем темно, поляна перед школой освещалась только светом из окон, и это создавало атмосферу таинственную и даже интимную. Поэтому объятия Игоря не выглядели чем-то особенным. Все так танцевали, и почти всем девчонкам говорились подобные комплименты – тем более, почти все кавалеры успели выпить понемногу после работы.

Дотанцевав с Игорем, Лера огляделась. Где же Костя? Она видела, что он был здесь и танцевал с Наташкой, но теперь его не было, хотя музыка только что кончилась.

– Наташ, куда Костя девался? – тут же спросила она Костину партнершу.

– Да ну его! – обиженно надула губки Наташка. – Ты меня, Лерунь, извини, но не понимаю я таких кавалеров. Не нравится девушка, не приглашай, правда? А так – посреди танца смываться... Он к речке, кажется, пошел, – пояснила она.

Лера отправилась к речке. Она шла по тропинке через мокрый луг, все убыстряя шаг. Ей казалось, что с Костей что-то случилось, и она торопилась, торопилась – внутренняя тревога подгоняла ее.

Высокая трава хлестала по ее резиновым сапогам, вышедшая из-за облака луна освещала узкую тропинку в траве.

Кости не было у реки – там, где темнело кострище от традиционного студенческого костра, и в сторону от кострища – тоже не было. Сердце у Леры заколотилось, едва не выпрыгивая из груди. Куда же он исчез и что же

случилось с ним?

Обратно к деревне она почти бежала.

«Какая же я дура! – мелькало у нее в голове. – Зачем было дразнить его – ведь я же именно дразнила его, кокетничала с Игорем! Разве можно так – с ним, когда у него такие глаза и такой взгляд...»

Вдруг она остановилась на бегу, словно споткнулась: Костин голос доносился с десятка шагов! Затаив дыхание, Лера подошла к углу покосившегося сарая и замерла, прислушиваясь.

Но теперь она услышала голос Игоря Лапина:

– Значит, Котик, ты меня понял. Я вижу, тебе Лерочка нравится. Ну, так это твои подробности. А у меня на нее свои виды, и ты в это дело лучше не лезь. Тем более, я ей тоже вроде нравлюсь, и нечего ей на ерунду всякую отвлекаться.

Костя молчал.

– Ну, чего молчишь? – снова заговорил Игорь. – Молчание – знак согласия, правильно я тебя понимаю? Вот и хорошо, что ты такой сообразительный.

Тут Лера услышала какой-то звук вроде шлепка. И сразу – крик Игоря:

– Да ты что, ошизел?!

Она поняла, что шлепок был пощечиной, которую Костя закатил Игорю. Ситуация была смешная, какая-то даже трогательная – хотя Косте, наверное, так не казалось. Во всяком случае, пора было вмешаться, и Лера вышла из-за сарая.

– Вы, я смотрю, повздорили, мальчишки? – сказала она ласковым голосом, не предвещающим ничего хорошего – во всяком случае, для Игоря. – Девушку не поделили, правильно я поняла?

В ярком свете полной луны было видно, как напряженно застыл у самой стены сарая невысокий Костя и каким возмущенным восклицательным знаком маячит перед ним фигура Игоря.

– Может, драться будете, завоевывать в честной мужской схватке?

Соперники растерянно молчали, глядя на Леру.

– А кто это вам сказал, – медленно продолжала она, подходя поближе к Лапину и глядя прямо ему в глаза. – Кто вам сказал, первобытные вы мои, что я достанусь сильнейшему?

Ей было жалко Костю – ведь он наверняка действовал искренне, и наверняка нелегко далась ему пощечина, отвешенная Лапину. Но все это следовало немедленно прекратить. Ей в самом деле противна была эта пародия на борьбу за женщину! Дурачок все-таки Костя – ничего не понимает...

– Вот что, Игорек, – сказала она, – ты мне в самом деле нравишься – только на расстоянии, понял? На о-очень далеком расстоянии, так что туда и отправляйся! Если что – тебя вызовут.

Лера говорила жестко и слова подбирала не самые теплые. Но голос... Голос у нее был как колокольчик, с нежными, полувопросительными интонациями. Это сочетание блатной дворовой непреклонности и чудесного, загадочного обещания кого угодно могло поставить в тупик. И Игорь, вместо того чтобы хотя бы возмутиться, растерянно пробормотал:

– Ну что ты, Лерик, в самом деле... Я же не хотел тебя обидеть...

– Знаю, Лапочка. Ты меня и не обидел, и мы с тобой будем и дальше дружить для взаимной приятности, правда? А сейчас – ты иди, Игорек, иди, а то не выспишься завтра, производительность труда упадет.

И он пошел! Пошел, убыстряя шаги – да, впрочем, Лера и не ожидала ничего другого. Она обернулась к Косте, сделала к нему несколько шагов. Он поднял на нее глаза, и вдруг Лера увидела в них настоящую боль.

– Что же теперь, Лерочка? – тихо спросил он. – Так всю жизнь теперь и будет – ты будешь меня защищать?..

Всю жизнь! Это было главное, это было единственное, что она расслышала, – и все остальное было неважно! Она так и сказала Косте, чувствуя, как комок подступает к горлу:

– Но ведь это все неважно, правда – все это ерунда... Просто так получилось, Костенька, просто сегодня так получилось – и какая разница? С ним же все ясно, с Игорем – зачем тебе на это время и силы тратить? Ты же...

Она задохнулась, не закончив фразы.

«Зачем тебе на него силы тратить, когда у тебя такие глаза? – хотела она сказать. – Когда ты так смотришь на меня, когда ты думаешь о чем-то, мне неведомом и удивительном, когда ты весь такой, каких больше нет!..»

Костя и сейчас смотрел на нее так, и глаза его сияли светло и ясно в лунном свете. Потом он подошел к Лере еще ближе и обнял ее – и объятия у него были такие, какие невозможны были ни с кем другим. Та же нежность, что была в его взгляде, чувствовалась и в прикосновении его рук, лежащих сейчас на Лериной талии.

– Лерочка, – прошептал он. – Лерочка, милая, ведь я влюбился в тебя по уши, ты понимаешь? Мне уже кажется, я тебя знаю тысячу лет...

Он поцеловал ее – прикоснулся к ее губам, не прикрывая глаз. И, отвечая на его поцелуй, Лера все время смотрела в эти глаза – ясные, неповторимые...

Он был ее первым и единственным мужчиной. Вернее, он стал им – но

не там, не на «картошке», гораздо позже. А в деревне Студеново они гуляли до рассвета, целовались, сидя у холодной, подернутой утренним туманом реки, Костя гладил ее легкие золотящиеся волосы и шептал:

– Ты такая удивительная, Лерочка, весь мир такой удивительный, когда ты рядом...

Лере было жаль возвращаться домой, она готова была оставаться здесь до бесконечности – в этом сказочном месте ее первой любви. Она запоминала каждую тропинку, травинку, каждое дерево на опушке леса, где они гуляли с Костей.

И все помогало здесь тому, чтобы их любовь была спокойной и счастливой: и безлюдье этой деревни с одинокими стариками и их маленькими серьезными внуками, и удаленность Студенова от всего мира – в дождливую погоду действительно не доехать было сюда...

«Бывают же на свете такие места, – думала Лера. – Созданные для любви, для того, чтобы только смотреть друга на друга, и чтобы ни на что не отвлекался взгляд».

Ей так грустно было возвращаться в Москву, что даже обещанная Петей-куратором остановка на Бородинском поле ничуть не порадовала. А ведь она любила места, в которых воплощалась история, любила их внутреннюю наполненность отзвучавшими голосами и событиями. Но сейчас – сейчас ей нужны были другие места: незаметные, прозрачные, в которых были бы только они с Костей – и больше никого.

«Как-то оно будет в Москве? – думала Лера. – Учиться ведь надо будет, и вообще – осваивать новую жизнь».

Она вдруг так пожалела об этом – что придется отвлекаться на повседневность, что не удастся видеть его рядом постоянно...

Но неожиданно оказалось, что все это вовсе не так безысходно, как ей уж было представилось.

Во-первых, Лера и не думала, что Костя так влюблен в биологию. Как-то не замечала в деревне, чтобы он с особым интересом относился к былинкам и собачкам – к тому, что именно и казалось ей биологией.

Когда она однажды сказала об этом Косте – это было в буфете на одиннадцатом этаже первого гуманитарного, куда он зашел за ней после занятий, – тот улыбнулся своей покоряюще-застенчивой улыбкой:

– Ну при чем здесь собачки, Лерочка? Зачем мне зверюшек любить, я же не ветеринар. А биология – это процессы. Не знаю, можно ли их любить, но они меня страшно увлекают, особенно все, что связано с высшей нервной деятельностью.

Так Лера впервые услышала от него это словосочетание, которое вскоре стало его специальностью и которое всегда звучало для нее серьезно и значительно.

Среда, в которой выросла Лера, была приспособлена для практической деятельности. В их дворе предпочитали работать руками, а если думать, то с мгновенной и реальной целью.

Лера и сама была такая, и кто знает – если бы не Елена Васильевна Гладышева и Митя, она, может быть, никогда и не увлеклась бы такими необъяснимыми вещами, как произведения итальянского Возрождения, цель которых заключена в них самих.

Во всяком случае, несмотря на умственность ее теперешних занятий, в Лере долго оставалось какое-то почтительное уважение к чужой учености, ко всякой духовной деятельности.

Пожалуй, единственный человек, не вызывавший у нее в этом смысле никакого благоговения, был сам Митя с его скрипкой – как ни странно. Но это, скорее всего, было связано с Митиным характером – легким и насмешливым – и с тем, что Лера знала его сто лет, какое уж тут благоговение!

Глава 3

Костя пришел домой поздно – как обычно в свой библиотечный день. Его всегда выгоняли из четвертого зала Ленинки в числе последних, он настолько погрузился в книги, что выудить его можно было, только выключив свет.

– Лерочка! – рассеянно обрадовался он, увидев ее на пороге квартиры: она открыла дверь, потому что мама уже легла. – Ты уже дома?

– А где же мне быть, Котя? – улыбнулась Лера. – Ты знаешь, который час?

– Да, поздно, – сказал Костя, снимая мокрый плащ. – Но ты понимаешь, я просто не мог оторваться. Возможно, сегодня я наконец понял то, чего не мог понять, анализируя последнюю серию опытов, – помнишь, я тебе говорил? Павел Сергеевич был прав: действительно, чтобы осмыслить все в целом, мне надо было оторваться от практических результатов, как это ни парадоксально.

– Ты ведь не обедал? – спросила Лера.

– Нет, почему, перекусил в буфете.

– И что же, интересно, ты ел?

– Ну какая разница! Что-то – что дали. Что дают в буфете в Ленинке, разве ты не знаешь?

– Знаю, потому и спрашиваю. Бурду с булочкой.

– Нет, какой-то салат был...

Лера часто вот так, вдруг, начинала его расспрашивать о чем-нибудь подобном. Ей интересно было, она словно проверяла: остался ли Костя таким же, каким был всегда, или изменился? Он оставался таким же, и ей становилось спокойнее жить на свете.

Особенно сегодня ей было это важно, после угнетающе-тупикового дня – почувствовать, что Костя не изменился, что он по-прежнему не замечает всякой ерунды, происходящей во внешнем мире. Мир от этого сразу приобрел очертания ясные, как Костин взгляд.

Лера и тогда, первой своей студенческой осенью и быстро наступившей зимой, радовалась, встречаясь с ним, как будто каждый раз получала необыкновенный и неожиданный подарок. Хотя, конечно, ей мало было этих встреч.

Пока шли занятия, все было еще ничего. Лере сразу понравилось учиться на истфаке. Просто удивительно, в школе-то она не отличалась

особенной прилежностью, даже, может быть, не сдала бы вступительные экзамены, если бы не льготный проходной балл для москвичей. А здесь, в университете, понравилось сразу, и понравилось все! Правда, Лера гораздо больше чувствовала в истории, чем знала, – она и увлеклась-то историей, поддавшись чувству, впечатлению. И теперь ей многое приходилось наверстывать, догоняя тех, кто готовился к будущей специальности с малых лет, стабильно и последовательно – как, например, Игорь Лапин.

Но именно живое чувство оказалось тем главным, что выделяло ее среди остальных. И – ей повезло с преподавателем, профессором Георгием Александровичем Ратмановым.

Он читал у них античную историю – Грецию. Лера не пропустила ни одной лекции и слушала, затаив дыхание, даже не записывала ничего, чтобы не отвлекаться. Ратманов, высокий старик с львиной седой шевелюрой, говорил именно о том, что сама она любила. О том, как протекала жизнь в далекие, ушедшие в небытие годы – и небытие отступало.

Он рассказывал о раскопках и черепках как-то мимоходом – хотя, вместе с тем, подробнейшим образом. Но главное было: ради чего все это делается, как связаны эти древние черепки с человеческой душой, которая, в общем-то, мало изменилась за последние несколько тысячелетий...

И он сразу угадал в Лере единомышленницу, когда она сдавала ему экзамен.

– Неплохо, Валерия Викторовна, очень неплохо разобрались, – проговорил он в свои роскошные усы, выслушав ее ответ. – Значит, мифологию – в жизнь, правильно я вас понял?

– Но она же – из жизни, – сказала Лера. – Разве нет?

– Вероятно, да, – согласился Ратманов. – Что ж, барышня, вы, мне кажется, Грецией заинтересовались?

– Не то чтобы заинтересовалась, – объяснила Лера, – просто вы читали очень хорошо, вот я и подготовилась. А вообще-то я Италией хотела бы заниматься – Возрождением. Я из-за этого и пошла на историю искусств.

– Да что вы! – обрадовался Ратманов. – Надо же, какое совпадение. А я ведь именно живописью Возрождения и занимаюсь, неужели вы не знали? Грецию вам читал просто потому, что коллега заболел. Так что, если вы воспылаете годика через два желанием специализироваться по итальянскому Возрождению – милости прошу в мой семинар. И тогда мы с вами сможем поговорить подробнее.

Лера запомнила его предложение, решив про себя, что обязательно им воспользуется – потом, года через два, очень не скоро... А сейчас она с

нетерпением ждала окончания экзамена, чтобы встретиться с Костей.

День был морозный, Лера прикрывала нос рукавичкой, пробегая по широкой аллее университетского городка к биофаку. Костя ждал ее внизу, в вестибюле.

– погоди, я согреюсь немножко, – сказала Лера. – Потом на улицу пойдем. Я на пятерку Ратманову сдала! – похвасталась она.

– Я и не сомневался, – ответил Костя. – Куда пойдем?

Идти обычно было некуда, разве что в кино. За несколько месяцев Лера пересмотрела, кажется, все фильмы, идущие в кинотеатрах Москвы, а некоторые даже по два раза – если не хотелось идти далеко и приходилось довольствоваться ближайшим теплым помещением, не обращая внимания на то, что фильм уже знаком.

Но сегодня день был особенный, и по самой простой причине: мама должна была уйти к своей двоюродной сестре на католическое Рождество. Тетя Кира была замужем за поляком, Рождество всегда отмечалось в их доме, и уже стало традицией приглашать всех родственников именно в этот день.

В детстве Лера тоже ходила к тете Кире и дяде Штефану, но, когда выросла, ей стало скучно подолгу сидеть за столом, вспоминать умершую родню, пить домашнюю наливку. Да еще потом ложиться спать в чужом доме, потому что возвращаться уже поздно.

– Ничего, коханая племянница, – посмеивался дядя Штефан, когда она по телефону извинялась, что опять не может прийти. – Ты молоденькая, тебе сейчас кажется, что счастье все где-то та-ам, а дома одна скука!.. В другой раз придешь, мы тебе всегда рады.

Поэтому тети-Кирино Рождество давно уже проходило для Леры незаметно.

Но в этом году она ждала его с нетерпением.

Лерина мама была такой домоседкой, что даже поход в театр являлся для нее огромным событием, да и здоровье не очень-то позволяло ей ходить далеко. А уж выход к Кире был единственным выходом из дому на два дня.

– Мам, мы с однокурсниками у меня Рождество будем праздновать, – сказала Лера накануне.

– Католическое Рождество? – удивилась Надежда Сергеевна. – Почему?

– Да так, – пожалала плечами Лера. – В Европе католическое празднуют, ну и мы тоже.

Лере хотелось, чтобы мама знала: в этот вечер она будет дома не одна,

лучше не торопиться с возвращением. Надежда Сергеевна была тактична до невозможности, можно было не сомневаться: прежде чем вернуться домой, она раз пять предупредит об этом по телефону.

– Костя, – сказала Лера, когда они вышли наконец из вестибюля биофака на улицу. – По-моему, сегодня такой дикий холод, что мы просто замерзнем, как перелетные птицы.

– Перелетные птицы не замерзают, – объяснил Костя. – Они ведь на юг улетают.

– Я бы тоже не против – на юг. Но за неимением крыльев я хочу тебя пригласить поближе – к себе домой, – сказала Лера.

Она тут же заметила, что Костя смутился, опустил глаза.

– Но... Я не знаю, Лерочка, разве это удобно? Ты хочешь, чтобы я познакомился с твоей мамой?

– А ты не хочешь?

– Нет, почему же...

– Моя мама – кристальный человек, – объяснила Лера. – Ее стесняться незачем даже такому юноше, как ты. Но сегодня ее все равно не будет, она к сестре поехала.

Костя приехал в Москву из Калуги и жил в общежитии – здесь же, в университетском корпусе на Ленгорах. Лера долго не могла привыкнуть, что в этой монументальной сталинской высотке можно жить: как-то не сочеталась ее торжественная внешность с кроватями и кастрюльками.

Лера была у Кости в комнате только однажды, да и то минут пятнадцать: зашли за чем-то по дороге с занятий. Хотя Леру трудно было напугать вахтершами, но их подозрительные взгляды все-таки были ей неприятны. Да и комната на четвертых, все время кто-нибудь что-нибудь учит, или ест, или спит, или пьяный.

«Разве это дом? – подумала она тогда. – То есть, может, кому-то и ничего, даже и мне, пожалуй, было бы ничего, но вот Косте...»

Приглашая Костю домой, да еще сообщая, что они будут одни, Лера ни на секунду даже не подумала о том, как это может выглядеть в его глазах, что он может о ней подумать, услышав такое откровенное предложение. Она действительно просто радовалась тому, что не придется сегодня бродить по холодным улицам, смотреть опротивевшие фильмы.

Они совсем разные были с Костей, но оба довольно наивные, без задних мыслей. Хотя вообще-то Лере так нравилось целоваться на каждом перекрестке, что уже хотелось наконец, чтобы никто не мельтешил при этом вокруг.

Косте понравился их двор. Да Лера и показывала его с гордостью, как

главную достопримечательность Москвы; для нее так оно и было.

– Мы гуляли по Неглинной, – напомнила она. – Заходили на бульвар, нам купили синий-синий, презеленый красный шар. Вот я и живу на Неглинной, нравится?

– Нравится, – согласился Костя. – Здесь, по-моему, настоящая Москва, старинная.

– Ну, не такая уж и старинная, – возразила Лера. – Все давно перемешалось – и люди, и годы. У нас тут на некрополь не очень похоже, очень живой подобрался народ. Даже слишком – один «Узбекистан» чего стоит.

Ресторан «Узбекистан», отделенный от Лериного дома полоской бульвара, был тем еще местечком. Здесь собирались люди «с уголовным прошлым», как говорила Лерина мама.

«И с настоящим», – добавляла Лера – не вслух, чтобы не нервировать Надежду Сергеевну.

Если бы не негласный закон – местных не трогать, – который действовал на этой территории, здесь и ходить было бы небезопасно по вечерам, мимо мрачноватых личностей, в любую погоду тусующихся возле «Узбекистана».

Но благодаря этому закону, да еще неизменной солидарности, царившей в их дворе, Лера с детства привыкла никого не бояться – и на всю жизнь была благодарна и двору своему, и соседям.

У них никто ничего не боялся, сколько раз она в этом убеждалась. И хотя до сих пор Лерина жизнь не требовала от нее какого-то особенного бесстрашия – все равно она всегда словно поддержку чувствовала, словно похлопывание по плечу: не трусь, мы с тобой!

Ей так много всего надо было рассказать Косте! Но как можно рассказать обо всем? О том, как прошло ее детство – здесь, на этих улицах – разве об этом можно рассказать по-настоящему?

Как они однажды пошли с мамой в Сандуны – Лере было тогда десять лет – и мама показала ей великую балерину Семенову. Та делала маникюр у миниатюрной интеллигентной старушки Киры Сергеевны, дворянки, которую судьба сделала маникюршей в Сандунах. И мама рассказывала потом Лере, что Семенова всегда накладывает только один слой лака: говорит, иначе ей тяжело будет танцевать...

Невозможно было рассказать обо всем этом – обо всей своей жизни, в которой то и дело, посреди обыденных дней, возникало что-нибудь такое, совершенно необычное, как тяжесть прозрачного лака на пальцах балерины.

А так хотелось, чтобы Костя знал теперь обо всем...

Они прошли через арку, повернули налево, к подъезду.

– Здесь Сандуны рядом, – рассказывала Лера по дороге. – И вообще все рядом – Кузнецкий, Сретенка. Моя школа на Сретенке, я тебе рассказывала?

– Нет еще, кажется...

Костя казался каким-то смущенным, притихшим. Правда, он никогда и не был шумным или говорливым, но сейчас, пересекая рядом с Лерой ее двор, и вовсе стушевался. Даже оглядывался как-то испуганно, словно боялся встретить кого-нибудь.

Как назло, им и встретился Митя Гладышев. Хотя Лера-то, конечно, никого не опасалась встретить, но тоже почему-то смутилась – наверное, из-за Костиного смущения.

Митя шел через двор, думая о чем-то своем, не глядя вокруг и засунув руки в карманы пальто. Он был, как обычно, без шапки, и снежинки белели на его темных волосах.

– Лера! – обрадовался Митя, едва не столкнувшись с нею посреди двора. – Сто лет тебя не видел, Лерка! Вот не думал, что ты будешь так вдохновенно учиться.

Тут он заметил и Костю.

– А это кто? – тут же поинтересовался Митя, с необычной для него, но обычной для их двора бесцеремонностью.

Впрочем, Лера на такую бесцеремонность никогда не обижалась. Митя, по ее понятиям, даже больше, чем любой другой, имел право поинтересоваться, кто это оказался рядом с Лерой в их общем пространстве – в их дворе.

– Это Костя Веденеев, учится на биофаке. Он мой друг, Мить, – добавила она.

– Очень рад, – сказал Митя. Сказал довольно рассеянно, но при этом окинул Костю быстрым, оценивающим взглядом. – Дмитрий Гладышев, будем знакомы.

Лера улыбнулась, заметив этот взгляд. В нем все соединялось: и то, что Митя слышал сейчас не только их голоса, но и какие-то другие звуки – он их всегда слышал, сам ей говорил однажды; и то, что он привык в любом состоянии мгновенно оценивать даже случайного встречного, а уж тем более парня, которого привела в их двор подружка детства-отрочества Лера Вологодина.

– Ладно, Лер, не пропадай, – простился Митя, коротко прикоснувшись к рукаву ее пальто. – Чему уж такому у вас там учат, что тебя не видать, не

слыхать?

И, не дожидаясь ее ответа, он пошел дальше, закуривая на ходу, – и скрылся в гулкой арке.

– Костя, ты не смущайся, пожалуйста, – говорила Лера, когда они поднимались на третий этаж по темной холодной лестнице. – У нас здесь правда все просто, и люди простые – не в смысле что примитивные, а негордые, и друг к другу хорошо относятся. И к тебе будут хорошо относиться, – добавила она, открывая дверь.

Квартира у них была такая же, как и все квартиры в доме: с высокими потолками и окнами, с лепными розетками вокруг люстр. Из-за этих высоких потолков и окон не слишком большие комнаты все равно казались просторными.

В детстве Лера любила с ногами забираться на широкий подоконник. Особенно когда болела и долго нельзя было выходить на улицу. Весь двор был виден с третьего этажа, и не только видно было, кто куда пошел, но и придумывать можно было какую-то сказочную жизнь, которой видно не было. Их с виду самый обыкновенный двор позволял придумывать о себе что угодно.

И Лера придумывала – фантазии у нее хватило бы на десяток дворов! Все подвалы были у нее населены подземными человечками, а чердаки и крыши – привидениями, или феями, или тенями исчезнувших дворян.

Дворян Лера выдумала, когда ей было лет пять. Мама, которой она рассказывала обо всех своих фантазиях, спросила, улыбнувшись:

– А кто такие дворяне, ты знаешь, Лерочка?

– Знаю, – убежденно ответила Лера. – Это которые жили в нашем дворе. Да?

– Почти, – согласилась мама. – И в нашем дворе тоже.

И вот теперь, впервые входя с Костей в свою квартиру, Лера поняла, что хочет ему рассказать обо всем этом немедленно. Чтобы и для него дышали памятью эти стены, чтобы и он знал о дворянах и привидениях, и о ней, Лере, – все знал о ней, всю ее знал!

Еще утром, перед экзаменом, заглядывая одним глазом в учебник по Греции, Лера приготовила пару салатов, наштиговала чесноком кусок розовой свинины, купленный вчера на Центральном рынке.

– Костя, ты ко мне в комнату проходи! – крикнула она, сразу пробегая на кухню, чтобы включить духовку. – Она направо, а мамина – налево.

Ей было так спокойно и хорошо в своем тихом доме. После мороза она сразу согрелась, покраснелась, глаза у нее заблестели.

– Хочешь фотографии пока посмотреть? – предложила она Косте. – Или

марки – я в детстве собирала, а потом надоело, но коллекция осталась хорошая. Или книги, или что хочешь!

Костя молчал, оглядываясь – казалось, он не хотел посмотреть ни марки, ни книги. Но Лера-то чувствовала его смущение, скованность в непривычной обстановке и ничуть не обижалась на него.

– У тебя здесь очень хорошо, – сказал он наконец – так искренне, как только он умел говорить. – Спасибо, что пригласила.

– На здоровье! – засмеялась Лера. – Приходите к нам еще.

Мясо было нежное, парное и приготовилось очень быстро. Уже через полчаса по всему дому пошел такой аромат, от которого текли слюнки. Пока запекалось мясо, Лера накрывала на стол, а Костя смотрел на нее, не отводя глаз, сидя в глубоком кресле-качалке.

– Ты знаешь, ведь сегодня Рождество, – говорила Лера, с хрустом разворачивая белую, вышитую крестиком скатерть.

У них все белье было крахмальное и отутюженное, маме никогда не лень было этим заниматься, не то что Лере. И вышивать крестиком маме было не лень, и печь воздушные пироги – вот и сейчас один ждал своего часа на шкафу, прикрытый салфеткой.

– У нас дома тоже Рождество празднуют, – сказал Костя. – Только не это, а православное, седьмого января.

Лера тут же рассказала про тетю Киру и дядю Штефана, а заодно про тетину старенькую дачу в Малаховке, куда она ездила летом, а заодно про елочные игрушки, которые остались у них еще с дореволюционных времен.

Потом она водрузила на стол истекающее соком мясо и пригласила Костю:

– Прощу, волшебный гость!

Вино «Киндзмараули» она тоже купила заранее – в винном на Трубной площади, где ради одной бутылки для любимого мужики пропустили ее без очереди.

Костя налил вино в круглые бокалы на тонких ножках и сказал:

– Я хочу выпить за тебя, Лерочка. За то, что ты необыкновенная!

Лера выпила полбокала, ей было так хорошо за своим столом, рядом с Костей, она готова была сидеть так до бесконечности в приглушенном свете двух бра в виде золотых рыбок.

И вдруг, совершенно непонятно почему, она почувствовала смущение. Как будто калейдоскоп повернули, и сразу сложились в другой узор разноцветные стеклышки.

Она словно со стороны взглянула на них с Костей – молодых, любящих друг друга и до сих пор немного друг друга стесняющихся, и вот сейчас

сидящих в тишине пустой квартиры...

Можно было сколько угодно играть в полудетский праздник и возиться с салатами и пирогами, но ведь Костя был мужчиной, и он любил ее, и он смотрел на нее сейчас так... Смотрел так, как смотрит влюбленный мужчина на любимую женщину, которая сидит совсем рядом и которую ему каждую минуту хочется обнимать, целовать, прижимать к себе до потемнения в глазах.

Ранние декабрьские сумерки уже сгущались за окном, в комнату врывалась вечерняя синева, смешиваясь с неярким светом ламп. В Лериных светло-карих, янтарных глазах дрожали золотые точки и манили Костю, притягивали, как волшебные омуты...

Он поднялся, поставил бокал на стол. Руки у него слегка дрожали, немного красного вина пролилось на скатерть. Он подошел к Лере, сидящей в кресле у стола, остановился рядом с нею. Потом осторожно, точно впервые, прикоснулся к ее плечам – и снова замер.

Лера подняла на него глаза, прижалась щекой к его животу. Она чувствовала, как дрожит все его тело, она сама задрожала от никогда ей прежде не ведомого волнения, восторга; дыхание у нее занялось, и в глазах потемнело. Весь мир растворился в дрожи Костиных рук, и Лера тоже поднялась со своего кресла, встречая его поцелуй.

– Как будто первый раз тебя целую, – прошептал он – как всегда, не закрывая глаз.

И тут же рука его скользнула по ее груди, нащупывая пуговицы светлой праздничной блузки, и дыхание стало таким частым, как никогда прежде, и, не справившись с пуговками, руки его сжали ее грудь под тонкой тканью.

Если бы и саму Леру не захлестнуло той же неодолимой волной, она, может быть, почувствовала бы, что Костя не владеет собою, что весь он отдается сейчас единственному порыву – к ней, к ней, к ее трепещущему телу, к ее полуоткрытым губам. Он так и не закрыл глаз, словно не хотел пропустить ни единого мгновения, когда мог видеть Леру.

Она сама расстегнула пуговицы, пока Костя тоже раздевался, путаясь в собственной одежде, торопясь и шепча:

– Сейчас, Лерочка, милая, сейчас...

Неизвестно, кто из них был неопытнее – первые мужчина и женщина друг для друга... Но их так тянуло друг к другу, что этим сглаживалась неопытность, эта тяга подсказывала им, что делать в каждую следующую минуту.

Лера почувствовала на себе Костино тело, почувствовала, как пытается он войти в нее порывистыми толчками – там, внизу, где и она ждала его,

раздвигая ноги навстречу.

Она еще не знала, какое оно на самом деле – желание, она и не ощущала его по-настоящему. Только любовь и нежность, только головокружение от каждого Костиного прикосновения. Она рада была бы ему помочь, чувствуя, как он волнуется, как стремится в нее, – но не знала, как это сделать, она и сама не знала...

Но, наверное, интуиции у нее было побольше, чем у Кости, и когда он, задышавшись от отчаяния, уткнулся лбом ей в плечо – Лера осторожно опустила руку вниз, лодочкой приложила к его напряженной плоти, почувствовала, как волосы щекочут ей ладонь, и прошептала:

– Костя, милый мой, не волнуйся, все хорошо...

И он поверил ей – замер на миг, успокоился, потом снова приподнялся над нею, ища губами ее губы и так же страстно ища этот заветный вход в ее тело.

Лера не знала, еще не чувствовала, хорошо ли ей с ним. Но она любила его, это она чувствовала ясно, и это было главным. Остальное – было больно, быстро, она вообще не успела понять, что же это было – остальное...

Костя задергался, лицо его перекосилось, он вскрикнул:

– А-ах, Лерочка... – и дальше что-то невнятное, стонущее, счастливое.

Потом он затих, время от времени еще вздрагивая и по-прежнему не закрывая глаз. Потом снова припал к Лериному плечу, целуя его и шепча какие-то слова – то ли любви, то ли извинения.

Лера не могла понять, какие чувства наплывают в ней друг на друга. Она и предположить не могла, что их будет так много – чувств. Ведь она просто любила Костю, и отчего же такое смятение?.. Но ей хотелось плакать, и чтобы он утешал ее – хотя почему бы ее надо было утешать, ведь она была счастлива, и при чем здесь слезы?

Но Костя и не утешал ее. Он целовал ее, гладил обеими руками ее волосы, щеки, плечи. И Лера сама тут же забыла о своем странном желании плакать – она снова любила его всепоглощающе, безраздельно, и снова это было единственным чувством, и к нему не примешивалось никакое другое.

Как только оба они немного отошли от так неожиданно подхватившего их порыва, как только легли рядом на диван, – снова повернулись стеклышки в калейдоскопе. То есть, наверное, для Кости повернулись. Лера не заметила на этот раз никакого поворота: она по-прежнему смотрела на него и по-прежнему была с ним счастлива.

А Костя вдруг застыдился своей наготы, набросил рубашку себе на ноги и на живот и тут же покраснел: на рубашке стали проступать розовые

пятна. Все это почему-то казалось ему неловким, стыдным, и собственное тело тоже, наверное, стесняло его, хотя ему нечего было стыдиться: Костя не выглядел атлетом, но был пропорционально сложен, кожа у него была чистая и мягкая, и руки мягкие – такие же ласковые, как его взгляд.

И что могло быть стыдного между ними, если в каждом движении была любовь?

Лере странно было, что Костя этого не понимает. Сама-то она не стеснялась его ничуть, она так естественно чувствовала себя с ним, что вообще забыла о стеснении. Она легко встала, сделала несколько шагов к столу, взяла два бокала с недопитым вином и снова вернулась на диван, села рядом с Костей.

– Я тебя люблю, – прошептала она, прикасаясь к Костиным губам. – И теперь я хочу выпить за тебя, такого...

Лера задохнулась от подступивших к самому горлу слов, чувств, для которых не было слов. Она очень красивая была сейчас – с этим янтарным, любовным сиянием глаз, уголки которых были чуть приподняты к вискам. И тело ее светилось любовью, и ничто не мешало этому свету.

Наверное, мужчина поопытнее мог бы по-настоящему оценить всю дразнящую прелесть Лериного облика. Но Костя был неопытен, и он действительно стеснялся, отводил глаза от ее светящегося тела. Но ведь ей и не нужен был опытный, ей вообще не нужен был какой-то абстрактный мужчина – ей нужен был Костя, такой как есть!

Когда за окном совсем стемнело, Костя сказал вопросительно:

– Мне ведь пора идти, Лерочка?

– А мама сегодня у тети Киры будет ночевать, – ответила Лера. – Оставайся, Костя?

– Нет, – отказался он. – Ты извини, но я как-то... не могу. Ведь я незнаком с твоей мамой, я не могу ночевать в ее доме в ее отсутствие, как будто тайком.

– Ну что, Котенька, что ты? – расстроилась Лера. – Я ведь не хотела тебя обидеть! Хочешь, завтра и познакомишься, когда она придет?

– Нет, только не завтра! Она ведь сразу все поймет, я не смогу притворяться...

– Да кто тебе сказал, что надо притворяться? – удивилась Лера. – Думаешь, я стану что-то от нее скрывать теперь? Она чудесная, вот ты увидишь. Хорошо, хорошо, – поспешно добавила она, – не хочешь завтра – потом познакомишься, послезавтра. Мне просто так жаль, что ты уходишь...

– Ничего, я ведь буду думать о тебе, – прошептал Костя, целуя ее.

Лере дороги были его слова, но как мало было ей этого сейчас – думать... Ей хотелось видеть его перед собою, ощущать его прикосновения, ловить на себе его ясный взгляд. Но что ж, если он хочет, пусть уходит сегодня. Ведь и правда, они не расстанутся теперь, в этом Лера была уверена.

Ее уверенность не складывалась в какие-то стройные планы. Она, например, даже не думала о замужестве, ей оно казалось таким само собою разумеющимся, как будто уже произошло.

– Я тебя провожу немного, до метро, – сказала Лера, протягивая руку за юбкой.

– Ну, это уже слишком будет. – Костя даже остановился с поднятой ногой и брюками в руках. – Как это – ты меня проводишь?

Лера поняла, что невольно обидела его, и поспешила объяснить:

– Нет-нет, ты не думай!.. Почему же слишком? У нас ведь здесь местечко, знаешь, такое... специфическое. Бандитское вообще-то местечко, хоть и старинная, как ты сказал, Москва. Всякое может быть. А меня здесь все знают, и со мной здесь ничего быть не может, потому я и сказала. Это только пока, Костенька, только пока, а потом и тебя будут знать, ты не думай!

И, несмотря на его уверения, что он отлично дойдет до метро сам, Лера все-таки прошла с ним до самой Пушкинской площади.

Потом она вернулась домой и, присев на краешек стула, поставив локти на стол между пирогом и вином, подумала: «Господи, ну зачем же он ушел?» – и чуть не заплакала.

Глава 4

Тогда Лере казалось, что они уже и поженились с Костей. Но на самом деле это произошло почти через два года, как ни странно.

С Надеждой Сергеевной он познакомился через неделю. Принес цветы, торт в круглой коробке и просидел целый вечер, разговаривая с Лериной мамой – немного о своей биологии, немного о Калуге и немного о Москве.

Маму он совершенно очаровал, да Лера в этом и не сомневалась.

– Очень хороший мальчик Костя, – сказала Надежда Сергеевна, когда он ушел. – Такой воспитанный, милый. Он тебе нравится, Лерочка? – осторожно спросила она.

– Я его люблю, – ответила Лера, и мама замолчала.

А в общем-то – что тут можно было сказать? Ведь это очень хорошо, что ее Лерочка полюбила именно этого мальчика – умного, порядочного и доброго. От Кости веяло постоянством, Надежда Сергеевна сразу это почувствовала – и обрадовалась.

Она вообще боялась непостоянства, а особенно когда думала о Лере: дочка была слишком похожа на своего отца – по крайней мере, внешне; от мамы почти ничего не было в ее летящем, как рисунок пером, облике.

Хотя, к счастью, Надежда Сергеевна пока совсем не чувствовала в ней отцовского упорства, его непреклонной воли в странном сочетании с мимолетностью, – а все-таки лучше, чтобы жизнь и дальше не испытывала Лерочку...

Поэтому Надежда Сергеевна обрадовалась, увидев ясноглазого, спокойного Костю и услышав, что его любит ее восемнадцатилетняя дочь.

– Лерушка, – сказал Костя, вскоре после того, как начал бывать в их доме постоянно. – Я хотел спросить тебя...

– Почему же не спросишь? – улыбнулась Лера.

– Да, правда. Я хотел сказать тебе... Ты согласилась бы выйти за меня замуж?

– Конечно! – удивилась Лера: она только сейчас поняла, что они ведь еще и не говорили об этом. – А ты думал, нет?

– Я сомневался. Ты такая... непредсказуемая, необыкновенная. Тебе не скучно со мной?

– Ну что ты, Костенька! – расстроилась Лера. – О чем ты думаешь, вот ерунда какая!..

– Тогда... – Лицо у Кости снова просветлело. – Тогда я только хотел попросить тебя: может быть, мы поженимся не сейчас, то есть не прямо сейчас?

– Да, наверное. – Лера снова едва сдержала улыбку. – Сейчас мы с тобой сидим в буфете и едим сосиски.

– Нет, я вообще... Что ты скажешь, если мы подождем года два?

– Да ничего не скажу, – пожала плечами Лера. – Как хочешь, Котя.

Она говорила вполне искренне. Ей действительно было неважно, когда состоится свадьба, она уже сейчас считала себя Костиной женой, и штамп в паспорте был здесь совсем ни при чем. Она даже не спросила Костю, почему надо ждать именно два года. Он сам объяснил:

– Видишь ли... Может быть, это покажется тебе странным или даже смешным, но мне хотелось бы хоть немного определиться, прежде чем жениться.

– Что ты называешь – определиться? – заинтересовалась Лера. – Ты собираешься через два года закончить университет?

– Нет, но через два года я надеюсь достичь кое-каких результатов и, соответственно, обрести перспективу. Видишь ли, я ведь начал работать с Павлом Сергеевичем Жихаревым из Института высшей нервной деятельности. Он начинает интереснейшие исследования, связанные с улитками...

Услышав про улиток, Лера невольно улыбнулась.

– Да-да, очень серьезные исследования, Лерочка, не смейся! – горячо подтвердил Костя. – И он приглашает меня работать с ним – уже сейчас, а ведь я только на первом курсе! Ты понимаешь, какие это перспективы? Но это – время, силы, это значит, я должен буду полностью отдаться работе и учебе, правда?

– Правда, – согласилась Лера, которой неловко стало из-за того, что ее рассмешили улитки.

Костя такой целеустремленный и талантливый, это ясно, раз ему уже сейчас предлагают серьезную работу.

«Что ж, – вздохнула про себя Лера. – Хоть и непонятно, почему изучать улиток можно только холостяку, но если он так считает...»

– Как хочешь, Котя, – повторила она. – Да и вообще, какая разница, когда мы распишемся?

– Конечно! – согласился Костя. – Но ты правда не обиделась на меня, Лерушка?

– Правда, правда, – заверила Лера. – Улитки так улитки.

Может быть, из-за этих улиток, как ни странно, она и не могла

привыкнуть к Косте. Во всем остальном он был словно создан для того чтобы к нему привыкнуть, как к восходу солнца. Но его увлеченность чем-то неизвестным, немного смешным и трогательным – именно такими представлялись Лере улитки – накладывала особый отпечаток на его характер, манеру говорить, смотреть, слушать. К этому невозможно было привыкнуть, в этом он был не такой, как все, – и Лера даже благодарна была склизким существам, которые так увлекали его.

А то, что ей довольно много времени приходилось проводить без Кости, неожиданно оказалось благотворным для нее самой. Не дожидаясь, пока лекции по итальянскому Возрождению начнутся по программе, Лера сама пришла в семинар профессора Ратманова. Тот обрадовался, увидев ее:

– Что, Валерия Викторовна, одолело вас нетерпенье? Уважаю ваш порыв и надеюсь, он не пропадет впустую.

Так Лера начала всерьез заниматься итальянцами, и тема выбралась сама собою: Тинторетто и Венецианское государство. Она и итальянский успела изучить за какой-нибудь год – в добавление к своему французскому, отличному после школы с уклоном, и сноскому университетскому английскому.

А поженились они ровно через два года, как и сказал Костя, – в начале третьего курса.

Костины родители, наконец приехавшие из Калуги познакомиться с новой родней, оказались простыми и очень приятными людьми – хотя совсем другими, чем представляла их себе Лера.

Даже удивительно, как у такого яркого, громогласного и шумного человека, как прораб Иван Егорыч Веденеев, мог быть такой тихий и мягкий мальчик, как Костя.

– Эх, сватья! – гремел Иван Егорыч, выпив немного водки за знакомство. – Вот увидел я ваш дом, и рад за Котьку, ей-богу рад! Он же у нас такой парень – мухи не обидит, а его всякий обидеть может. Боялись мы с матерью за него, что и говорить – Москва же, да еще общежитие это, какие там нравы, известно. А тут у вас как у Христа за пазухой, как нам не радоваться!

Костя краснел, пытался остановить отца:

– Перестань, папа, ну при чем здесь общежитие! Что Надежда Сергеевна подумает...

– А чего ей думать? – удивлялся Иван Егорыч. – Ты ж не из-за квартиры, разве непонятно? Ты ж из-за Лерочки, красавицы такой!

И он тут же оборачивался к невестке, которая явно вызывала у него не

меньшее восхищение, чем сватья и спокойный, уютный дом.

Но, несмотря на разницу темпераментов, взгляд у Ивана Егорыча был такой же бесхитростный и ясный, как у сына. И мама у Кости была тихая, неговорливая. Сидела, пригубливая водку, то и дело поправляя тщательно уложенные в парикмахерской волосы, и кивала, соглашаясь со всем, что говорили муж, и сватья, и невестка.

Свадьбу праздновали дома: не хотелось общепита, заказного веселья. Да и где же было праздновать Леркину свадьбу, как не в любимом, неповторимом дворе, к которому прикипела ее душа!

– Споешь, Митя? – спросила Лера, сообщая Мите Гладышеву день своей свадьбы. – Споешь на свадьбе у меня?

Она любила, когда Митя пел, да и все у них это любили. Он никогда специально не занимался вокалом, но у него был волшебный голос – за каждым словом, за каждым гитарным аккордом чувствовалось гораздо больше, чем только звучало...

– Спую, – ответил Митя. – Спую на твоей свадьбе, боевая подруга, буду петь, пока не охрипну!

И он пел, и играл на гитаре – сначала у Леры дома, а потом, уже в темноте, на осеннем бульваре посредине Неглинной, сидя на спинке скамейки и то и дело прихлебывая портвейн из стоящей на асфальте бутылки.

Пел все, что просила Лера: про соловья на углу, на Греческой, про пароход белый-беленький, дым над красной трубой, про то, как до полуночи мы украдкой утешались речью сладкою...

И, конечно, ее любимую – про Кейптаунский порт. Лера и сама не понимала, почему так будоражат ее сердце незамысловатые слова про «Жанетту» с какао на борту и алую морскую кровь. Но когда Митя пел:

И больше не войдут в таверенный уют
Четырнадцать французских моряков...
Лежат убитые, в песок зарытые,
Крестами кортики в груди торчат... —

когда он пел, ей всегда хотелось и плакать, и смеяться одновременно. Или просто он так умел спеть об этих жестоких страстях?

– А теперь про снежиночку с пальто, а, Мить? – попросила Лера, когда все песни были уже перепеты – хотя, правда, Митя неизвестно откуда знал их такое множество, что и в самом деле мог бы петь до полной хрипоты.

– Про снежиночку – не буду, – неожиданно ответил он.

– Почему? – удивилась Лера – она так любила эту песню!

– Не хочу.

И ничего больше не стал объяснять, но Лера тут же перестала просить. Митя делал только то, что хотел, и никто не мог его заставить – ей ли было этого не знать!..

Они напелись, насмеялись – а многие и напились – до одурения. Лера так устала перед своей первой брачной ночью, что без сил упала на диван.

– Ох, Костя, ну и повеселились! – выдохнула она. – Правда, хорошо было?

– Отлично, – согласился он. – Хорошие у тебя друзья.

– Ну, они старались сегодня. Даже Гоша набрался только к самому финишу, держал себя в руках.

– У Мити голос как у Высоцкого, – вдруг сказал Костя.

– Да ты что! – удивилась Лера. – С чего ты взял? Ничего общего: у Высоцкого хриплый голос, а у Мити баритон, и очень мелодичный. Совсем не похоже!

– Дело не в этом – мелодичный или хриплый, – не согласился Костя, но уточнить, что он имеет в виду, не стал.

А Лера так устала, что ей вообще было не до этого. Кроме того, хоть она и не впервые оставалась с Костей наедине, но так надоело за эти два года вечно куда-то торопиться, вечно от кого-то скрываться неизвестно почему, что она просто радовалась своей первой брачной ночи, и бесконечным ночам, которые будут потом.

Так началась ее семейная жизнь, которая и продолжалась теперь, октябрьским дождливым вечером, когда муж Костя пришел из Ленинки и ужинал на кухне, а жена Лера расспрашивала его про библиотечный буфет – для самоуспокоения.

Лера слушала мужа, улыбалась, чувствовала, как одолевает ее усталость, как сами собою слипаются ресницы, – но сквозь усталость, сквозь Костин голос и подступающий сон пробивался неотвратимый вопрос: как же они будут жить дальше?

Она так и уснула, чувствуя рядом Костино тихое дыхание – и не найдя ответа.

Глава 5

Мамино лекарство – первый звоночек, это Лера поняла сразу. Она кожей чувствовала, что жизнь скоро переменится совершенно; это не могло быть иначе. Интуиции ей всегда было не занимать – и Лера ждала перемен.

Да и как можно было их не предвидеть – после недавних августовских дней, которые так взбудоражили всю страну, и особенно Москву!

Лето этого года они с Костей, как обычно, проводили в Калуге – вернее, под Калугой, где у старших Веденеевых был в деревне домик. Вообще-то Лера любила деревенскую жизнь еще со времен Студенова, но заготовка запасов на зиму надоела ей до чертиков. Она просто не привыкла к тому, что это можно делать в таких масштабах – в Москве-то они с мамой питались из магазина, – и теперь просто изнывала от бесконечного консервирования, засолки и засушки.

Правда, свекровь не настаивала, чтобы этим занималась еще и Лерочка, но ведь самой неудобно сидеть с книжкой или гулять по окрестностям, когда вся семья собирает, варит, закручивает, да еще приговаривает: это деткам в Москву, на зиму!

В общем, Лера вздохнула с облегчением, когда, оставив Костю родителям в качестве заложника, смылась в середине августа в Москву, где очень кстати намечалась конференция по Данте в Библиотеке иностранной литературы.

Она вдруг почувствовала мало кем ценимую прелесть летнего пустого города: его пыли, сухой листвы, плавящегося асфальта и собственного легкого одиночества, – всего того, что пропускалось почти всеми москвичами, сбегавшими на это время за город.

Во дворе было пусто: большинство соседей тоже разъехались по дачам.

И когда девятнадцатого августа Лера выбежала на Неглинную и остановилась на мгновение – чувствуя, что оставаться дома невозможно, и раздумывая, куда же идти, – ей тоже никто не встретился во дворе.

Каждый час, каждая минута этих дней до сих пор, спустя почти три месяца, помнились ей так ясно, как будто все это было вчера. Эти танки на улицах, эти толпы людей, которые нарочно гуляли вечером, чтобы показать свое презрение к тем, кто хотел ими командовать.

И неожиданно хлынувший дождь, под которым она так промокла ночью у Белого дома, что едва не подхватила воспаление легких, и разговоры, и споры, и ощущение полного бесстрашия, которое ей было не в диковинку,

но которое многие открыли в себе впервые.

Она даже о Косте забыла и вспомнила только когда все кончилось и он наконец застал ее дома звонком.

– Лерочка, да я чуть с ума не сошел! – услышала она взволнованный Костин голос в трубке. – Неужели ты была на улице, как же можно!

– А где же мне было быть? – пробормотала Лера: она едва не падала после бессонных ночей.

– Представляю, что было с мамой!

– Да ничего с ней не было, все нормально, – успокоила мужа Лера. – Я, Коть, наверное, уже не приеду. Ратманов звонил, он симпозиум готовит... Ты когда будешь?

Мама действительно ни разу не попросила, чтобы Лерочка осталась дома. Даже наоборот: когда все кончилось, когда Лера наконец выспалась и смогла членораздельно рассказать обо всем, что видела и в чем участвовала, Надежда Сергеевна сказала, к огромному Лериному удивлению:

– Как все-таки хорошо, что ты так вовремя приехала, правда? Я представить себе не могу, что было бы, если бы тебя там не было...

И то, что после всего этого время снова потянулось так безысходно, так уныло – с пустыми магазинами, ощущением собственной незначимости, – не могло, конечно, длиться долго.

Лера радовалась переменам, сопровождавшим ее студенческую юность. Да и как было не радоваться: все в ней звенело и трепетало, когда она читала то, что раньше невозможно было читать, говорила о том, о чем раньше люди боялись даже шептать. Господи, да все у нее было, как у всех – и митинги, и «Архипелаг», и пронзительное ощущение свободы...

Однажды она шла по Петровским линиям, потом свернула в Камергерский и вдруг поняла: а ведь вот в том доме горела на столе свеча, а потом стоял гроб доктора Живаго, и сюда приходила проститься с ним, мертвым, Лара!.. И она, Лера, живет в десяти минутах ходьбы от этого дома...

Что значили по сравнению с этим пустые прилавки, и очереди, и дефицит всего и вся! Хотя Лера ненавидела убогую жизнь, но потерпеть ради свободы...

И только теперь, впервые, она подумала: свобода – это хорошо, но лекарство-то все равно будет нужно, и никто его на блюдечке не принесет. Мысли эти были не то чтобы мучительны, но назойливы, и Лера каждый день ощущала их свербящую неотвратимость.

Она даже не догадывалась, что всего лишь через какие-нибудь полгода

об этом придется задуматься очень многим людям – в ее дворе, в Москве и за ее пределами. И далеко не все поймут то, что поняла она: что никто не принесет на блюдечке...

А главное, за мыслями должно было следовать действие, так было у Леры всегда, и сейчас она раздумывала только – какое.

Как обычно и бывает, выход оказался там, где его и не думаешь искать.

Ранний утренний звонок разбудил Леру, но не заставил проснуться окончательно.

– Попросите гражданку Михальцову, – услышала она женский голос в телефонной трубке.

– Сейчас, – ответила Лера. – Узнаю, дома ли гражданка.

Она взяла с тумбочки бронзовый бюстик Пушкина и три раза коротко постучала по трубе парового отопления. Услышав ответный стук сверху, Лера сказала в трубку:

– Она подойдет ровно через минуту.

Волей-неволей пришлось просыпаться совсем, вылезать из-под теплого одеяла на холодный пол и шлепать к двери, чтобы открыть Зоське.

Зоя Михальцова жила как раз над Лерой, но не в квартире, а, по сути, на чердаке, и телефон там был не положен. Но ведь человек не может жить посреди Москвы без телефона, это просто ненормально – и Зоське звонили по Лериному номеру.

Зоя была на три года моложе Леры. Сейчас, когда и самой Лере уже исполнилось двадцать пять, казалось, что Зоська жила в их дворе всегда, но на самом деле это было не совсем так. Лера отлично помнила, как та появилась здесь – шестилетняя, маленькая, с мышинной светлой косичкой.

Зосина мама Любовь Петровна устроилась дворничихой, и ей тут же дали служебную жилплощадь – эту самую комнату на чердаке. Кажется, за Любой Михальцовой числилась даже не комната, а койко-место. Но чердачная квартира все равно пустовала, жил там только слесарь, тоже занимавший одну комнату, – и Люба устроилась попросторнее.

Ее две комнаты находились в самом конце необозримого обшарпанного коридора с холодными стенами, покрашенными облупившейся масляной краской. От входной двери и от туалета было еще идти-идти, чтобы попасть к Любе. Пришедшие сюда впервые вообще пугались: не верилось, что в этом мрачном, сыром жилище могут жить люди.

Но Люба жила, и даже неплохо жила. Во всяком случае, открыв дверь в ее апартаменты, гость ахал – таким неожиданным теплом и уютом веяло на него прямо с порога. Уютными казались сводчатые – по форме крыши –

потолки, и полукруглые чердачные окна, и круглый стол с бахромчатой скатертью, и даже трещина в стене, завешенная большой фотографией Зосиных покойных бабушки и дедушки.

Обстановка в двух крошечных комнатках была более чем простая, но это никому не мешало чувствовать себя здесь как дома. Как не мешало этому отсутствие горячей воды и ванной, и то, что холодная вода была зимой не просто холодной, а ледяной: слишком близко к улице проходили трубы.

То есть, наверное, Люба очень даже ощущала все эти «удобства», но она была такая тихая, безответная, так радовалась тому, что может жить с дочкой не в общежитии, а в квартире, – что ей и в голову не приходило жаловаться.

Каждый, кто приходил в этот дом, тут же проникался щемящим, пугающим чувством незащитности этих двух одиноких женщин – Любы и ее дочки, и даже как-то терялся: как же они живут вот так, одни? Хотя мало ли женщин живут с детьми в одиночестве, и гораздо хуже...

Но Зосю впервые увидели не дома, где она была словно бы защищена самой незащитностью своей матери, а во дворе, где действовали довольно жесткие детские правила. Эту жесткость Зося сразу же ощутила на себе.

Дело в том, что звали ее Жозефина. Один бог знает, почему Любе пришло в голову назвать единственную дочь таким странным именем – даже в Москве странным, не говоря уж о городке под названием Обоянь, откуда она привезла девочку, как только немного обустроила свое жилье.

Но когда Зося впервые вышла во двор погулять, держа в руке скакалку, и сообщила девчонкам и пацанам, как ее зовут, – в ответ ей раздался такой хохот, что она покраснела и слезы выступили у нее на глазах.

– Жозефина?! Вот это да! – громче всех хохотал Женька Стрепет из второго подъезда. – Что ж ты думаешь, мы тебя так и будем звать? Нет, мы тебе другое придумаем имя!

И они начали наперебой придумывать.

– Жозя!

– Физя!

– Тогда уж лучше просто Жопа!

Это была обычная жестокость восьми-девятилетних детей, с которой мало кто не сталкивался в детстве. Но для маленькой Жозефины все это было настоящей трагедией. Она бросила скакалку и, в голос разрыдавшись, убежала домой.

– Жозя! Физя! – несло ей вслед.

Все это повторялось с завидным упорством, когда бы Жозефина ни

вышла во двор. Неизвестно, почему так травили эту маленькую беленькую девочку из-за такой ерунды, как вычурное имя, – но дети уже не могли остановиться. Ко всему добавлялось еще и то, что Жозефина была «из деревни», и это давало дополнительный повод к насмешкам.

Трудно сказать, чем кончилась бы эта травля, длившаяся несколько недель, если бы не Митя Гладышев.

Митя появлялся во дворе редко – у него не много времени было для прогулок, – но метко. И неудивительно – он был душой двора, а это ведь и у каждого отдельного человека так: душа, она же не может быть видна постоянно – когда, например, человек жует свой повседневный бутерброд или мчит за утренним автобусом. Но уж если она у него есть, то никуда и не денется.

Митя возвращался с занятий, держа в руке футляр со скрипкой, и вполне мог не заметить Жозефину, спрятавшуюся под покатою подвальной крышей возле его подъезда. Тем более что уже смеркалось, а после своих скрипичных уроков Митя вообще мало что замечал. Но он все-таки услышал шмыганье и тихое иканье, доносившееся из-под крыши, тут же заглянул туда и извлек на белый свет Жозефину.

– Чего режем? – спросил Митя, присев перед ней на корточки и с усмешкой вглядываясь в опухшее личико.

Ему было в это время четырнадцать, а он уже заканчивал Центральную музыкальную школу и, конечно, имел право насмешливо относиться к сопливой мелочи.

– Ничего-о! – прорыдала Жозефина.

– Ничего – не бывает. Скажи, скажи – может, я тоже с тобой пореву! Ну, что молчишь?

Жозефина подняла на взрослого мальчика голубые зареванные глаза и, проникнувшись к нему неожиданным доверием, сообщила:

– У меня плохое имя!

– Плохое? – удивился Митя. – Думаешь, бывают плохие имена? И как же тебя зовут?

– Жо.... Жозефина... – выговорила она с опаской.

Митя не выдержал и тоже улыбнулся.

– Да-а, вот это фантазия! Ну и что? Разве ты не можешь жить со своим именем?

– Я могу. – Глаза Жозефины снова стали наливаться слезами. – Я могу, но они же не могут! Они меня дразнят, придумывают другие имена всякие, и к тому же я – из деревни!..

– Из деревни – ничего, – возразил Митя. – Ломоносов тоже был из

деревни. А как тебя мама дома называет?

– Так и называет – Жозефина. Ей нравится.

– А внимания ни на кого не обращать ты разве не можешь – тем более, маме нравится? – спросил Митя.

Он разговаривал с ней так серьезно, несмотря на то что был совсем взрослый, – что Жозефина прониклась к нему полным доверием.

– Не могу, – вздохнула она. – Я бы отсюда насовсем уехала обратно в Обоянь, но бабушка умерла, и мама сказала, что я теперь буду жить здесь с ней всегда.

– Не уезжай в Обоянь, – попросил Митя. – Ты мне нравишься. А им скажи... Скажи, что тебя зовут... Какое-нибудь простое имя... Да, скажи, что тебя зовут Зося, вот и все! Зося – это красивое польское имя, по-моему, можно считать его уменьшительным от Жозефины. И заодно можешь сказать, что твоя прабабушка была польская королева и враги ее сослали в эту Обоянь. Чтобы они заткнулись насчет деревни, если уж тебя это так удручает. А если не заткнутся – можешь сказать, что я их убью. Меня зовут Митя Гладышев, я живу в этом подъезде, в седьмой квартире, и они меня знают. Поняла, Зося?

И он исчез в темноте подъезда, словно растворился под звон дождевых капель о крышу подвала.

Но самое удивительное, что так и получилось, как он сказал! Как только Митя дал ей имя, Зося словно заново появилась в их дворе – и никто, ни один человек, как по мановению волшебной палочки, не обидел ее больше! Ей даже не пришлось говорить про польскую королеву – всем и так понравилось ее новое имя, и ее наконец признали здесь своей.

Лера обо всем этом узнала позже, от Мити: в то время она болела свинкой и целый месяц не показывалась во дворе.

Нельзя сказать, чтобы Лера очень уж дружила с Зосей в школьные годы. Все-таки сказывалась трехлетняя разница в возрасте, да и учились они в разных школах. Но они отлично знали друг друга, и знали, что могут рассчитывать друг на друга всегда. И разве этого мало?

Поэтому Лера не находила ни странным, ни утомительным, что Зосе звонили по ее телефону.

Оставив дверь открытой, Лера снова забралась в постель, легла на Костину подушку. Она любила поспать подольше и с удовольствием использовала аспирантскую возможность не бежать чуть свет на лекции. А Костя в свои аспирантские годы чуть свет уезжал в Институт, к улиткам.

– Да, конечно, – говорила Зося по второму аппарату в прихожей. – Конечно, поеду опять. Нет-нет, самолетом дорого! Я без претензий...

«Интересно, куда это Зоська собирается, да еще самолетом?» – подумала Лера, поняв, что заснуть не удастся.

– Спасибо, Лер. – Зоська заглянула в комнату.

Она мало изменилась с тех пор как пятнадцать лет назад впервые зашла к соседке Лере, жившей прямо под ее чердаком. Те же тоненькие, прямые и мягкие как пух светлые волосы, те же голубые глаза – маленькие, как и все черты ее лица, как и остренький носик. Внешность у Зоси была не слишком примечательная, но милая – в маму Любу. И она была похожа на птичку-синичку.

– Не за что, – ответила Лера. – А ты что, ехать куда-то собираешься?

– Да ведь я езжу уже, ты разве не знаешь? – удивилась Зося.

– Куда это? Ничего не знаю!

– В Турцию, челночницей. Я как раз с фирмой говорила, которая шоп-туры организует.

– Надо же! А я думала, ты в детском саду своем работаешь.

– Нет, какой теперь детсад!

– Но тебе же нравилось?

– Ой, теперь не до того, чтоб нравилось, – махнула рукой Зося. – Мы же на квартиру на очереди, ты знаешь? А теперь – пожалуйста, предлагают только кооператив. Или ждать еще лет сто, тоже вариант. Кооператив – ты представляешь, сколько он теперь стоит? Но я уже не могу, Лер! – воскликнула Зося. – В Сандуны ходить всю жизнь – дело хорошее, но когда вода замерзает в кране... И трещина такая стала, прямо ветер свищет. Кажется, дунь, и развалится стена. А никому дела нет. Говорят, не хотите кооператив – ваши проблемы, значит, можете подождать. А эти поездки – Лер, ты себе не представляешь! Раза за три можно первый взнос оплатить...

– Подожди, Зоська, не сыпь так быстро, – остановила ее Лера. – Я все поняла, но ты мне расскажи подробнее. Пойдем на кухню, кофе пить.

Глава 6

Выслушав Зоськин рассыпающийся мелкими горошинками рассказ о челночных поездках в Турцию, Лера тут же заявила:

– Слушай, а мне можно с тобой?

– Тебе-е? – глаза у Зоси округлились. – Тебе-то зачем?

– Что значит – зачем? Думаешь, я живу как у Христа за пазухой? Нет, ты не подумай, я не жалею, но и хвастаться особо нечем.

И Лера рассказала Зосе историю с лекарством.

– Да и вообще, – добавила она, – мне двадцать пять лет. Не шестнадцать, конечно, но и не семьдесят. А я, чтобы колготки купить, специально деньги должна откладывать. Нормально это, как ты думаешь?

– Разве я говорю? – заоправдывалась Зося. – Но странно это как-то: ты – и вдруг... Хотя, – тут же возразила она себе, – туда кто только не ездит! Кандидаты наук даже есть, вот не поверишь!

– Да ладно, можно подумать, я принцесса крови. Почему бы и не я? Ты когда едешь? Возьмешь с собой?

– Через месяц, в декабре. Загранпаспорт нужен, есть у тебя?

Загранпаспорт у Леры был: предполагалось, что она как пишущая диссертацию по Италии поедет в Рим. В результате недолгих и неизвестных Лере интриг поехала доцент Рыбкина, и даже Ратманов ничего не смог сделать.

Но эти подробности были теперь неважны – главное, паспорт был.

Лера и не знала, что эти поездки, оказывается, давно уже отлично налажены: ей не пришлось возиться ни с визами, ни с билетами, надо было только подождать до декабря – и пожалуйста, все готово, можно ехать.

Самолетом, конечно, было дорого. Все-таки это ведь не экскурсия, а коммерческая поездка, какой смысл тратить лишнее на билеты? Зося объяснила все это, немного смущаясь, но Лера и не предполагала, что предстоит роскошное турне.

– Да брось ты, Зось, – отмахнулась она. – Я что, дура, по-твоему, простых вещей не понимаю? Поедем поездом, куда нам спешить?

Меньше всего Лера думала о такой ерунде, как комфорт; она думала совсем о другом...

Ее пугала эта поездка. Это было первое событие в Лериной жизни, перед которым она испытывала страх, лишь смутно догадываясь о причине.

Конечно, в газетах вовсю писали о всевозможных ужасах, подстерегающих несчастных челноков, – и все-таки причина Лериной робости была не в тех опасностях, которые можно внятно описать в газете.

Она чувствовала, что с этим так случайно возникшим в ее жизни делом связана какая-то другая жизнь – та, которой она совсем не знала. И она не могла понять: ведь это же интересно – новая жизнь, новые люди, ведь она всегда любила радостный трепет предчувствия, связанный со всем, что ново. Почему же так сжимается сердце, когда она думает об этой нынешней новизне, почему возникает в груди такая пронизывающая пустота?

«Может, я просто стесняюсь? – размышляла Лера. – Стесняюсь становиться торгашкой? Да нет, какое там!»

Она никогда не стеснялась ни простой работы, ни простых людей. Вернее, она даже не отличала себя от людей, которых принято называть «простыми» – например, от Зоськиной мамы Любы. Лере повезло: она с детства знала людей, при которых просто невозможен был снобизм; ничего подобного не было и в ней.

Но тогда почему же?..

Лера ожидала, что известие о ее поездке вызовет шок у мамы и Кости. Насчет мамы она не ошиблась. Глаза у Надежды Сергеевны округлились, когда она узнала, что Лерочка уезжает уже через неделю – и куда, и зачем!

– Но ведь сколько людей теперь ездит, мама, – пыталась успокоить ее Лера. – Ты же сама, помнишь, носки турецкие дяде Штефану в подарок покупала на рынке?

– Но Лерочка... – Надежда Сергеевна едва не плакала. – Я ничего плохого не хочу сказать про ту женщину, что продавала носки, но ведь она... Ведь она явно не училась в МГУ. И потом, у нее на лице лежала печать такой безысходности... Совершенно ясно, почему она торговала носками – скорее всего, дети, муж-пьяница. Но ты-то почему?

– А я – потому что учусь в МГУ и дальше собираюсь учиться, – объяснила Лера. – Слава богу, каждый день на лекции ходить уже не надо, вот и останется время для забот о бренности земной. И ведь я не собираюсь всю жизнь этому посвятить – ну что ты, мам! Съезжу один раз, денег заработаю, посмотрю – даже интересно!

Лера старалась, чтобы голос ее звучал как можно более убедительно. Не хватало еще, чтобы мама поняла, что последней каплей – или, наоборот, первой? – стало ее лекарство... И она обернулась к Косте, ища поддержки:

– Ведь правда, Коть, даже интересно? Все-таки это же Константинополь, Царьград, Византия... И эмиграция первой волны, и

все... Нет-нет, действительно интересно!

Она искала у Кости поддержки, но сама не поняла, почему слегка вздрогнула, получив ее.

– Наверное, ты права, Лерочка, – согласился Костя. – Я тоже думаю, что надо использовать любую возможность для того, чтобы посмотреть мир. Конечно, хотелось бы в Италию, по твоей специальности. Но для начала и Турция интересна. В самом деле, Константинополь...

Лера только вздохнула – и тут же отогнала от себя печаль этого непонятого вздоха. В конце концов, даже хорошо, что Костя пока еще не понимает... Что у него нет ощущения этой новой жизни, которая разверзается перед его женой. Ведь иначе он наверняка возражал бы, просил не ехать, они бы, может быть, даже поссорились...

Лера рисовала в воображении эти неприятные картины семейного разлада и радовалась, что ничего подобного не происходит.

С Митей можно было поговорить об этом спокойнее, он ведь не мама, не ужаснется. То есть Лера и не собиралась с ним говорить об этом – он сам поймал ее за руку, когда она, на бегу поздоровавшись, летела мимо него через двор.

– С Зоськой едешь? – спросил Митя, перехватывая Леру; ей волея-неволей пришлось тормознуться.

– Да, а что?

– Ничего. – Он смотрел на нее с обычным своим выражением: голова чуть наклонена, глаза прищурены, и не поймешь, интересно ему или смешно. – А что так, вдруг?

– Ой, Мить, ну это долго объяснять, сейчас времени нет!

Но все-таки Лера объяснила в двух словах, что к чему. Когда знаешь человека почти двадцать лет, можно объяснить быстро – в надежде, что он и так поймет. Она даже добавила про Царьград, вызвав откровенную насмешку.

– Вот про это только не надо мне рассказывать! Вещая Олега нашлась! Ладно, лягушка-путешественница, когда ты едешь?

– Скоро. В конце декабря.

– В конце декабря?.. – сказал Митя задумчиво. – К Новому году хоть вернешься?

– Ну конечно! Как раз тридцать первого, представляешь?

– Представляю. Скажи Косте, чтобы такси заказал заранее. На вокзале ни одного не будет, увидишь. Я однажды тоже из Праги под Новый год прилетел – думал, пешком буду добираться. Ну, счастливо тебе!

Они мало разговаривали с Митей в последнее время, и всегда вот так,

на ходу. Лера понимала, что не может всю жизнь быть столько же времени на разговоры, сколько бывает в ранней юности, – и все-таки жалела, что не может...

Они ведь раньше могли говорить бесконечно и бессонно, и им никогда не надоедало. Во время одного из таких бесконечных разговоров Митя даже спел ей – как раз об этом.

– О том, как мы сидим с тобой и говорим, послушай, – сказал он и прикоснулся к струнам – осторожно, легко, вслушиваясь в первый аккорд так, как будто слышал гитарный голос впервые.

Так, на любимой бульварной скамейке дворовой молодежи, она впервые услышала эти стихи: «Ты задумался, я сижу, молчу, занавесь окно, потуши свечу», – и едва не заплакала.

– Ты сентиментальна, Лерка, – улыбнулся Митя. – Даже не верится.

– Это плохо? – спросила Лера.

– Как это может быть плохо – если человек способен на чувство? Да и вообще...

Но что «вообще» – не объяснил.

Но это давно было, Лере едва исполнилось пятнадцать. А у Мити тогда, в его двадцать лет, было гораздо больше свободного времени, чем теперь. Правда, он и тогда занимался по сто часов в сутки, но – меньше ездил, что ли? Конечно, тогда ведь не очень-то можно было ездить. А сейчас его и в Москве-то редко увидишь: то конкурс где-нибудь в Европе, то турне...

Но в данную конкретную минуту Лере некогда было думать об этом, и вспоминать было некогда: она бежала к Зоське, чтобы узнать, купила ли та доллары. Покупку долларов можно было считать ответственным мероприятием по целому ряду причин. Потому что от их количества зависела вся поездка; потому что, хоть все на такую мелочь давно плюют, но покупать их не в банке – дело-то подсудное; потому, наконец, что доллары покупались на деньги, вырученные Лерой в антикварном магазине за старинное кольцо с сапфиром – даже не Лерино, а прабабушкино, перешедшее к Лере в день совершеннолетия. На деньги, вырученные за колечко, вся их семья могла бы жить довольно долго. Но не каждый же день колечки продавать, а поездка – долговременный источник.

– Ой, я как вспомню, каково их везти – доллары! – рассказывала Зоська, когда они с Лерой уже пили чай за круглым столом с бахромчатой скатертью. – Их же вывозить разрешают – ну просто кошкины слезы. А там знаешь как обидно бывает: ведь каждый доллар на счету, как не взять лишних? Еще и из-за них невозможно самолетом лететь: они же звенят под прибором. А в поезде могут и не найти. Хотя, конечно, если не повезет на

таможне и вцепятся... Но я тебе потом покажу, как спрятать – едва ли найдут.

Лера слушала Зоську, и ощущение гулкой пустоты внутри становилось все более гнетущим. И снова не могла она понять, в чем дело. Ее не пугали разговоры о таможне, о том, что придется прятать доллары, – а тяжесть в груди не проходила, и тоска не отпускала, грызла сердце.

Лера уезжала ранним декабрьским утром в Стамбул, так и не поняв, что же с нею происходит.

Глава 7

«Но все-таки ведь и правда интересно, – говорила себе Лера уже в пути, устроившись на жесткой вагонной полке. – Я ведь даже на Украине, можно считать, не была: Крым не Украина. А тут Болгария, Румыния...»

Через Болгарию и Румынию предстояло ехать автобусом: в фирме сообщили, что это еще дешевле, и они с Зоськой тут же согласились.

– Автобусом не так уж и трудно, – сказала Зося. – Тем более, только от границы, всего одна ночь. Я однажды от самой Москвы трое суток автобусом ехала – вот это тяжело было. Мужики все напились, пристают...

«Жалко, что ночью, – думала Лера. – Хоть в окно бы посмотреть».

Она уже успела привыкнуть к дороге, поспала, и настроение у нее улучшилось. В самом деле, зачем предаваться какой-то необъяснимой тоске, когда мелькают за окном новые земли и влажное тепло юга уже вливается в тамбур во время коротких остановок?

– Лер, – напомнила Зоська, – деньги же надо спрятать, забыла?

– Да, правда, – вспомнила Лера. – Ну, в туфли, что ли? Или в лифчик?

– Нет, это ерунда, – возразила Зоська. – В лифчик сразу полезут, первым делом, если искать начнут. А спрятать надо в трусы. В пакетик целлофановый положить, в тряпочку завернуть – и между ног.

Леру немного смутили Зоськины физиологические откровения, но тут же ей стало смешно, и она кивнула. Чтобы спрятать деньги, пришлось выйти в туалет: соседки по купе, мрачноватые тетki с крашенными в один и тот же цвет волосами, сидели как монолиты и выходили только по очереди, а проделывать эту процедуру при них не хотелось.

Приближение к границе почувствовалось сразу – по той нервозности, которая воцарилась в вагоне. Лера и сама ощутила неприятный холодок страха – на этот раз не какого-то необъяснимого чувства, а именно страха. Это было так ново для нее, так странно, что она тут же разозлилась на себя.

Страх – до дрожи – не прошел и когда пошли по вагонам пограничники. Вид у них был такой серьезный и лица пассажиров они сличали с фотографиями так внимательно, словно именно в этом вагоне, именно в этом купе предстояло им обнаружить злого нарушителя границы.

Лере показалось, что их как-то слишком много: сначала зашли одни, потом другие, заставили всех выйти и осмотрели все купе. Потом – еще какие-то двое.

– Доски есть? – тут же спросил один из них, глядя прямо на Леру.

- Что? – растерянно спросила она. – Зачем нам доски?
- Ну, иконы, иконы – везем? – поторопил парень.
- А! Нет, иконы не везем. – Лера улыбнулась с облегчением.
- Водки сколько?

– По две бутылки, как положено, – ответила Зоська. – Могу показать.

Но показывать не пришлось. Удовлетворившись их ответами, пограничники – или это были уже таможенники? – исчезли. Лера вздохнула было с облегчением, как вдруг в дверях купе возникла следующая группа. На этот раз ее возглавляла женщина, высокая, полная и чернобровая, почему-то казавшаяся неопрятной.

– Женщины, долларов сколько везем? – спросила она уверенным и властным тоном.

Лера, Зоська и две их попутчицы переглянулись, не зная, кто должен отвечать.

– Как в декларации написали, – наконец ответили они вразнобой.

– Так-таки и по декларации? – прищурилась таможенница. – На Турцию, значит, поглядеть едем, товаров не будем приобретать? Ой, ну смех с этими челноками, хоть бы за дуру меня не держали!

Неожиданно она отступила в коридор и скомандовала оттуда:

– Вы три, – она кивнула на монолитных теток и Зоську, – выйдите. А вы, – кивок в Лерину сторону, – в купе останьтесь.

Выходя в коридор, Зоська испуганно оглянулась на Леру, но таможенница уже закрывала за ней дверь.

– Женщина, а мне кажется, у вас-то лишние доллары и есть, – сказала она, внимательно глядя Лере прямо в глаза.

Глаза у самой таможенницы были цепкие, ощупывающие – казалось, ее взгляд сейчас проколет Лере лицо.

– Почему же вам так кажется? – спросила Лера.

Сердце у нее заколотилось так быстро, что она испугалась, как бы не участилось дыхание.

«Хорошо еще, что я не краснею, – успела подумать она. – Хорошо, что не блондинка...»

– Насмотрелась тут на вас. Чутье у меня как у собаки, – коротко объяснила таможенница.

Потом неторопливо, старательно ощупывая, провела руками по Лериной груди, животу.

– Ну-ка, расстегните халат, – велела она.

Лера принялась расстегивать пуговицы, стараясь, чтобы не дрожали руки.

– Снимайте халат, снимайте, – поторопила таможенница. – Теперь лифчик. Так, туфли тоже снимайте. И дайте-ка мне их сюда!

Оставшись в одних трусах, Лера нагнулась и подала таможеннице туфли. Та, не отводя взгляда от голой Леры, быстро ощупала их изнутри и, чтобы не нагибаться, поставила на полку.

– А в трусах у вас что? – медленно протянула она. – Ну! Между ног – что?

– Вы не знаете, что бывает между ног? – спросила Лера, прищурившись.

– Знаю, вы меня не учите. А белое, вон то – что?

– У меня месячные – что, нельзя?

– Что-то много вас с месячными челночат! – хмыкнула женщина. – А если я сейчас и трусы скажу снять, и проверю, какая у тебя там гигиена?

– Пожалуйста, – пожала плечами Лера. – Если вам не противно... Снимать?

– Ладно, – таможенница наконец поморщилась. – Хотя и надо бы...

«Сейчас проверит на этот самый прозвон, – билось у Леры в висках. – Найдет эти чертовы доллары – и что тогда? Хорошо, если просто отберут, а если вообще обратно отправят?»

– Одевайтесь, – коротко бросила таможенница. – Некогда тут с вами, а то бы...

Не дожидаясь, пока Лера оденется, она вышла из купе, не став больше никого обыскивать.

Придерживая на груди руками незастегнутый халат, Лера опустилась на полку.

– Лер, ну ты не переживай так, – шептала Зоська, когда они вышли вдвоем в коридор. – Не нашла же, что еще надо? Но ты молодец, не растерялась! Я же тебя и не предупредила даже, что говорить в случае чего... Теперь все нормально будет, ведь, считай, повезло!

– Повезло, – машинально кивнула Лера.

Она никак не могла стряхнуть с себя оцепенение, овладевшее ею с той самой минуты, когда таможенница велела снять халат. И снова: это не страх был – то непонятное чувство, которое она испытала.

Она совсем не боялась этой женщины; на самом деле, не боялась даже того, что найдут лишнюю сотню долларов. Но эти короткие толстые пальцы, которые могли прикоснуться к ней, Лере, – прикоснуться по полному праву, по закону – эти властные пальцы, перед которыми она была абсолютно беспомощна...

Она вдруг поняла: «А ведь я вообще беспомощна сейчас, я влилась в

какой-то поток, в котором действуют совсем другие законы, чем я привыкла, и в этом потоке никто не различает отдельных капель...»

Это и была та неведомая жизнь, что так смутно страшила ее все время до отъезда. И как жить в ней, какой быть в ней теперь – когда не хочется быть никакой?..

– Смотри, подняли поезд, – услышала она голос Зоси. – Колеса перед Болгарией меняют, ты же не видела еще?

Лера снова кивнула – что за дело ей было до колес!

– Тут недалеко до следующей остановки. Горна Оряховица называется, – объясняла Зоська. – А там в автобусы погрузимся – и все, до самого Стамбула.

Ночная дорога в автобусе запомнилась Лере только остановками то на румынской, то на турецкой границе. Выходили, показывали вещи, документы.

– Туда вообще-то нормально ехать, – снова объясняла Зоська. – Взять с нас, кроме долларов, нечего, а их еще возись, ищи... А вот обратно – это похуже будет: все ведь на виду, что везем.

Лера впала в какое-то странное состояние, напоминавшее бред. Огни пограничных постов поблескивали в воспаленном сознании; чужие голоса звенели в ушах, откуда-то изнутри распирая голову. Ей стыдно было перед Зоськой. Как будто испугалась всех этих таможен, обысков и проверок! Как объяснить, что дело совсем не в этом... У Леры было такое ощущение, словно она вылезает из собственной кожи, словно со скрипом меняется каждую минуту.

Безобидная поездка, предпринятая так неожиданно и легко, оборачивалась чем-то бесповоротным.

Лера уснула только под утро, когда уже ехали мимо турецких поселков, едва различимых в редющей предрассветной тьме.

Шея затекла от сидячего сна, и Лера едва подняла голову.

– Стамбул, Лер, приехали! – толкала ее Зося.

Все уже проснулись, пили кофе из термосов. Лера потрянула головой, приходя в себя.

Несмотря на усталость после бессонной ночи, она чувствовала себя гораздо лучше. Как-то отдалилось воспоминание о таможеннице с ее властными пальцами, перестали мучить ночные размышления. К тому же усталость, которую надо было преодолеть, мешала прислушиваться к собственному состоянию.

Петля по узким улицам, автобус подъехал к гостинице «Гянджлик».

– Слушай, а почему здесь так грязно? – удивилась Лера, спрыгнув на тротуар.

– Сама не понимаю, – так же удивленно протянула Зося. – Смотри, мусор кучами лежит!

Действительно, асфальт был устлан отбросами, обрывками и объедками.

– У них мусорщики бастуют, вот и грязь, – лениво объяснил шофер. – А вам-то не все равно разве? – добавил он. – До магазинов догребете как-нибудь, не утонете.

Они находились в европейской, торговой части Стамбула, и это немного разочаровало Леру. Тот Константинополь, который ей так хотелось увидеть, оставался за Босфором.

Когда разместились в гостиничном номере и, перекусив дорожными остатками, отправились в город, – все стало еще яснее. Лера видела Зоськино нетерпение: той хотелось как можно скорее пробежаться по знакомым магазинчикам, выяснить, не появилось ли в них чего-нибудь подешевле. Лера прекрасно ее понимала. Дело даже не в том, что Зоське безразлична Айя-София, просто она человек практический и совсем не склонный к самообману.

Шум на узеньких торговых улицах стоял невообразимый. Но, как ни странно, он не утомил, а, наоборот, взбодрил Леру. Ей понравились зазывалы, стоящие возле каждой лавчонки и хватающие прохожих за руки. Их жесты и интонации были так выразительны, что трудно было не поддаваться на эти настойчивые приглашения.

– Наташа, Наташа! – кричали зазывалы, узнавая в Лере и Зосе русских.

– Они всех наших Наташами зовут, – усмехнулась Зоська. – Откуда взяли – непонятно.

В лавочках их встречали так, словно они были долгожданными гостями: показывали товар, приносили кофе, на пальцах показывали цену.

– Нет, – решительно говорила Зося. – Я другую лавку знаю, там дешевле. Пойдем!

«Господи, как она помнит эту другую лавку! – удивлялась Лера. – Все же одинаковое – и лавки, и улицы, и зазывалы».

– А на какой она улице, та лавка? – спросила она наконец.

– Да я не знаю, на какой. Здесь, по-моему, улицы вообще без названий, – ответила Зоська. – От гостиницы нашей через три улицы, и там потом еще налево – я тебе покажу.

В той лавке товары действительно оказались дешевле. То есть не все товары, а только коробочки с наборами мужских трусов – по пять штук в

прозрачной упаковке.

– Видишь, я же говорила, – торжествующе сказала Зося. – А еще поторгнемся да побольше возьмем – представляешь, на сколько дешевле обойдется? Обязательно сюда потом придем, я и в прошлый раз их здесь брала.

Что до Леры – она купила бы эти трусы уже сейчас и отнесла в гостиницу. Какой смысл приходить потом? Но Зося была другого мнения.

– Ну что ты! – сказала она. – А вдруг мы что-нибудь такое обнаружим... Сногшибательное! И решим побольше взять, а трусов – поменьше?

– Что уж такое сногшибательное ты ищешь? – с тоской заметила Лера.

Она тут же заметила, что Зоська слегка надулась: в самом деле, почему она должна объяснять Лере каждую мелочь? И, заметив это, Лера тут же поспешила загладить свою вину:

– Нет, ты не думай! Пойдем, конечно, еще походим, куда нам спешить? Вдруг и правда – сногшибательное...

– А что ты думаешь? – оживилась Зося. – Ты вспомни, что у нас там сейчас творится!

Они не заметили, как проходили до обеда. Ноги у Леры гудели, хотя она и надела удобные кроссовки: сказывалась непривычка к долгой ходьбе.

– Можем после обеда еще пойти, а можем и отдохнуть, – успокоила ее Зося. – Три дня у нас в запасе, успеем. Хотя, по-моему, можно уже начинать покупать, зачем надолго откладывать? Вот продадим свое – и вперед.

«Свое» значило ту самую водку и заварочные чайники. Зоська заранее предупредила Леру, что везти в Турцию на продажу.

– Там каждый доллар на счету – знаешь, какую прибыль дает в Москве, – объяснила она. – А они почему-то заварочные чайники любят, с ними даже на рынок можно не ходить, прямо на улице и продадим. Игрушки еще любят наши: у них там дорогие до чертиков и плохие вообще-то. Я прошлый раз даже старых своих кукол собрала – и все расхватала в момент.

Собирать старых кукол Лера не стала – да их у нее, кажется, и не было, она не любила в детстве кукол, – а вот за этими заварниками пришлось бежать пол-Москвы.

В декабре, накануне Нового года, московские магазины поражали таким унынием, какого она не видела никогда прежде. В «Подарках» на Горького почти все витрины вообще были застелены полиэтиленовыми пакетами с изображением кота Леопольда и надписью «Ребята, давайте жить дружно!». Наконец удалось купить три чайника из серо-белого, в голубых цветочках фаянса.

Зоська была права: даже на рынок идти не пришлось. Едва они стали на улице с прозрачными пакетами, в которых лежали заварники и бутылки с водкой, – тут же послышалось:

– Наташа! Наташа! Неей чья?

Через дорогу к ним уже спешил молодой веселый турок, на ходу спрашивая пальцами, сколько стоит их товар. Торговался он яростно, то и дело выбрасывая новое число пальцев обеих рук, поворачиваясь, делая вид, что сейчас уйдет, – но в конце концов купил и заварники, и водку. Отдав деньги, он протянул руку к Лере и быстро, словно так и надо, погладил ее по груди, слегка ущипнул.

– Ты что, с ума сошел! – отшатнулась Лера, но турок только засмеялся и отправился дальше, подхватив покупку.

– Ты не удивляйся, они все здесь так, – успокоила Зоська. – Ты видела, как здесь женщины одеты, как держатся? Конечно, они наших всех проститутками считают, что поделаешь.

Леру удивило, что Зося так спокойно относится к тому, что ее считают проституткой. Впрочем, удивлялась она все реже. К концу этого бесконечного дня Лере уже казалось, что она провела здесь полжизни. И ничего особенного уже не видела она в этом, сутки назад еще незнакомом, восточном городе, и ей было тоскливо, и хотелось не погулять подольше, а поскорее попасть в гостиницу, растянуться на кровати...

«Айя-София! – вдруг подумала она с горечью. – Господи, вот дура!..»

Единственным, что еще будоражило воображение, были запахи еды. После Москвы, где теперь даже пирожок днем с огнем было не найти на улице, улочки Стамбула поражали обилием всевозможной снеди. Всюду что-то жарилось, варилось, продавалось – мясное, рыбное, овощное и фруктовое! Особенно фруктовое: от обилия фруктов, громоздящихся на лотках прямо на улицах, у Леры текли слюнки.

Зося заметила жадные взгляды, которые Лера бросала на все эти бесчисленные лотки, и сказала извиняющимся тоном, как будто была виновата в здешнем изобилии:

– Лер, дороговато это... То есть по сравнению с другими странами, может, и не дорого, но для нас – нет, невозможно. Ну скажи: ты можешь, например, блузочку обменять на пару груш или на кусок мяса? Я – не могу. Долларами за еду платить – да ты что! И мы же ненадолго сюда, – успокоила она. – Три дня можно и тушенки поесть, не умрем, правда?

– Правда, – вздохнула Лера.

Зоська лучше знала законы того мира, в потоке которого несло их сейчас.

Вечером поели тушенки с хлебом, запили чаем и сразу выключили свет. Не хотелось даже читать захваченный с собой детектив.

Впрочем, свет пришлось включить минут через пятнадцать: по всей комнате раздавалось осторожное тараканье шуршанье. Вскоре Лера ощутила на своей щеке торопливое щекотанье лапок – и вскочила как подброшенная пружиной.

– Что же теперь, всю ночь при свете спать? – едва не плача, спросила Зоська. – Откуда они взялись, гады? Вот прошлый раз в «Эрден-Сараево» поселили – там ни одного не было!

– Что-то не слишком тебе со мной везет в эту поездку, – невесело усмехнулась Лера. – И таможня обыскивает, и мусорщики бастуют, и тараканы даже...

– Ерунда! – тут же горячо возразила Зоська. – Подумаешь, тараканы! Ну, не будем свет выключать. Я, например, так вымоталась, что и при свете усну.

Лера тоже уснула при свете, и короткие обрывки мыслей, проносившиеся в ее голове в последние несколько минут перед сном, были совсем не веселыми.

На следующий день Лера даже удивилась: почему было не погулять по вечернему Стамбулу, почему не выбрать в Старый город?

«Сегодня – обязательно, – решила она. – Нельзя же так падать духом неизвестно почему!»

С утра Лера чувствовала себя довольно бодро. К ней вернулось то самое ощущение легкого, летящего движения, которое всегда сопровождало ее в Москве, а сейчас было уже почти забыто. Она и выглядела хорошо – стройненькая, невысокая, но и не маленькая, с пышной недлинной стрижкой и живым взглядом прозрачно-карих глаз.

Одеты они с Зоськой были по-походному: в джинсах, куртках с капюшонами, которые то и дело приходилось набрасывать, чтобы не мокли волосы от мгновенно тающего снега.

В этот, второй день Лера внимательнее пригляделась к людям на улицах. Она впервые была в чужой стране, и ей интересно было: как живут они здесь, чем отличается их повседневность от того, к чему она привыкла в Москве? Это, пожалуй, было даже интереснее, чем старина – живая жизнь людей, гомон во влажном воздухе...

Мужчины мало чем отличались от европейцев – если не считать характерной восточной внешности. Одеты они были примерно так же, как одеваются мужчины в Москве. Необычным было, пожалуй, только то, что

многие из них прямо на ходу перебирали четки.

«Неужели они и правда постоянно молятся? – подумала Лера. – Или просто нервы успокаивают?»

Поверить в молитвенное состояние прохожих было тем труднее, что едва ли не каждый второй из молодых мужчин норовил выразить свой интерес к русским женщинам: уверенно щипнуть на ходу, подмигнуть, приглашая куда-то за угол, прищелкнуть языком, окидывая их оценивающим взглядом.

Лера вскоре перестала обращать на это внимание. Действительно, слишком уж они с Зоськой отличались от турецких женщин. Те были в неизменных платках, в длинных свободных плащах и сапогах. Даже руки были закрыты перчатками – наверное, чтобы не оставалось уж совсем ни одного открытого участка тела.

– Сейчас еще ничего, – сказала Зоська, заметив, что Лера рассматривает одежду турчанок. – А вот как они летом так ходят, в жару – ума не приложу. Точно так же одеты, представляешь? Некоторые даже сапог не снимают!

Второй день был днем основных покупок, пришлось побегать даже больше, чем вчера. Теперь они не просто смотрели и приценивались, но главным образом яростно торговались. Лера и представить себе не могла, что в магазине можно сбавить цену больше, чем в Москве на рынке. Но Зоська, судя по всему, даже и не собиралась брать товар по той цене, которую сразу назначали торговцы.

– С ума ты сошла! – толкала она Леру, видя, что та готова согласиться с первой же ценой. – Да он же сам знает, что с запросом говорит! Нас же дурами будет считать, если не поторгуемся.

И она спорила до хрипоты и тоже делала вид, что уходит, и наконец удовлетворенно покупала десятки лифчиков и трусов по цене, чуть не вдвое ниже первоначальной. Лера вскоре оставила собственные попытки принимать участие в торге и только расплачивалась, перегружая в объемистые сумки купленный товар.

Они несколько раз возвращались в гостиницу, относили покупки, шли снова. Присев на минуту в кресло, чтобы отдышаться перед очередным заходом, Лера смотрела на Мраморное море, которое было видно из окна, на огромных бакланов, летающих у самого берега...

Зоська устала еще больше, чем Лера, и та поглядывала на нее с уважением. Устала – не устала, а все так же неутомимо бегают по магазинчикам, и торгуются все так же яростно, и вспоминает, где видела женские кошельки подешевле, которых, конечно, следует купить как можно больше.

– Вся Москва с этими кошельками ходит, – объясняла Зоська. – Ты не видела разве?

– Но зачем тогда их везти, если уже и сейчас у всех полно? – удивлялась Лера. – Думаешь, до бесконечности будут брать?

– Не знаю, как до бесконечности, а пока берут, – не соглашалась Зоська. – Ты, Лер, просто по себе судишь. Тебе хочется что-нибудь такое, чего ни у кого нет. А нормальному человеку наоборот – хочется такое же, как у всех...

Иногда они сталкивались в магазинах с другими челноками из их группы. Те брали точно такие же кошельки и трусы-«недельки», и Лера не переставала удивляться: как же продать все это бесконечное количество одинаковых вещей, кому?

Закупив уже, казалось, все, что было возможно, Зоська скомандовала:

– Давай еще мохер возьмем. Отлично идет, берут влет.

– Да он же садится после первой стирки, – возразила было Лера. Когда-то мама научила ее вязать, и, хотя она не слишком увлекалась этим, все-таки однажды даже связала свитер для Кости. – Кто его брать будет?

– Еще как берут! – убежденно сказала Зоська. – И какое тебе дело, что он садится? Для себя, что ли, ты его покупаешь?

И они нагрузили очередную сумку разноцветными мотками.

К вечеру они вымотались так, что не могли пошевелить ни рукой, ни ногой. Лера даже не заикалась ни о какой вечерней прогулке по городу. Не только потому, что глупо было предлагать это Зоське, но и потому, что самой уже тошно было выходить на знакомые улочки.

Тем более что вечер вовсе не был свободен: следовало упаковывать мешки к завтрашнему отъезду.

Собственно, все их попутчики уже этим и занимались. Когда Лера и Зоська вернулись в гостиницу с последней партией товара, из-за каждой двери на их этаже доносился треск разрываемого скотча. Весь их номер был завален пакетиками, коробочками и моточками. Просто не верилось, что все это можно как-то уложить!

«И ведь у всех столько, – подумала Лера. – Как же мы втиснемся в автобус?»

Вздохнув, она принялась укладывать товар в большие пластиковые мешки.

Как и все, за что бралась Лера, это нехитрое занятие быстро было ею освоено. Она ничуть не уступала Зоське в сноровке, с которой увязывались и клеивались мешки, – и скоро целая гора громоздилась посреди комнаты.

– Все! – сказала наконец Зоська, удовлетворенно поглядывая на плоды их трудов. – Молодцы мы с тобой – смотри, мешочки как куколки!

Пока было у нее какое-то конкретное занятие – покупать, относить, паковать, – Лера чувствовала легкий душевный подъем. Но теперь, глядя на глянцевою гору мешков, она ощущала только тоску, и больше ничего.

Странное чувство овладевало ею... Впервые она столкнулась с чем-то подобным, кажется, в пионерлагере, куда мама отправила ее после пятого класса, «чтобы ребенок подышал свежим воздухом». Тогда, в девчачьей палате на пятнадцать коек, ей вдруг показалось, что другого мира – мира, в котором она родилась и росла, который любила, – просто не существует. Нет их дома на Неглинной, нет ее школы на Сретенке, и книг нет, которые она украдкой читала до полуночи, и вообще – ничего нет, а есть только галдящие девчонки, на которых она почему-то обязательно должна быть похожа, и есть ходьба строем, и речевки, и утренние линейки...

Тогда, вечером в лагерной палате, ей стало так тоскливо, что она полночи прорыдала под одеялом и наутро решила сбежать отсюда во что бы то ни стало. Слишком уж невыносимо было лишиться своего мира – Лере казалось, что это произошло безвозвратно.

«Но ведь привыкла ты тогда, – уговаривала себя Лера, сидя на кровати в номере гостиницы „Гянджлик“. – Привыкла, и тебе даже понравилось потом. За ягодами можно было бегать чуть свет, и на танцы вечером, и Сережа Хмара из второго отряда приглашал танцевать только тебя...»

Но мысль о том, что вот точно так же привыкнет она и к беготне по стамбульским магазинам, была для Леры невыносима.

– Может быть, завтра еще что-нибудь докупим, – сказала Зося. – Я еще ночные рубашки видела дешевые, можно их. Все равно автобус только вечером, а из гостиницы в двенадцать надо выметаться. Не платить же за лишние сутки.

– Что же мы, с мешками этими будем по городу бродить? – удивилась Лера.

– Да ты не волнуйся, – успокоила Зоська. – Здесь же понимают. Разрешат в вестибюле с мешками посидеть до вечера. Ты посидишь, а я сбегаю, а потом я посижу.

Вот это и оказалось самым невыносимым – сидеть на мешках в вестибюле гостиницы «Гянджлик»! Даже унижение таможенного обыска не могло с этим сравниться. Там, по крайней мере, все происходило один на один и довольно быстро. А здесь – минуты казались часами, а часы – вечностью...

Зоська умотала в город сразу же, как только они перетаскали свои мешки вниз и расположились рядом с другими челноками из их группы. Лера уселась на мешок с мохером и уставилась перед собой пустыми глазами.

Вестибюль был полон. Входили и выходили проживающие, шли в ресторан, болтали и смеялись на ходу, что-то жевали, звонили куда-то из автоматов, просто сидели в мягких креслах и пили кофе.

Колоритная челночная группа привлекала всеобщее внимание: не так уж много было в Стамбуле русских челноков. Темпераментные турки останавливались, показывали на них пальцами, хохотали. И, конечно, призывно подмигивали, приглашая пройти с ними, и похлопывали себя по карманам, обещая деньги.

Лера сидела, стиснув зубы, чувствуя себя животным в зоопарке.

«Сейчас кто-нибудь булочку бросит, – зло думала она. – Куда же девалась Зоська? Скорее бы пришла, и я бы убежала отсюда куда глаза глядят, ничего бы не покупала больше, походила бы хоть немного по городу просто так, к морю бы пошла».

И, главное, не сидела бы здесь, в этом вестибюле, на проклятых мешках, под насмешливыми и маслеными взглядами, не слышала бы этого хохота...

Чтобы хоть немного отвлечься, выключиться из происходящего, Лера стала вспоминать – так, что в голову приходило, что подсказывало мечущееся сознание.

Например, простые песенки под гитару. Она всегда могла их слушать и петь до бесконечности, и сейчас, прижав ладони к ушам, чтобы ничего не слышать извне, нарочно старалась вспомнить слова своих любимых.

«Удлинились расстоянья, перепутались пути... До свиданья, до свиданья, где тебя теперь найти? Не увидишь, не докажешь, чья вина и чья беда. То, что спуталось однажды, не распутать никогда. Нам не встретиться с тобою, не поможет нам никто. Только грусть смахни рукою, как снежиночку с пальто...»

Такая была песенка. Вроде бы никакого отношения она не имела к Лериной ясной и счастливой судьбе, но Лера ее очень любила и шептала сейчас, беззвучно шевеля губами и прикрыв глаза.

Кто-то потряс ее за плечо. Лера вздрогнула от неожиданности.

– Не спите, девушка, – услышала она знакомый голос. – Товар унесут!

Лера подняла глаза и увидела Митю Гладышева. Без малейшего удивления, как будто они встретились где-нибудь на Столешниках, он стоял перед нею и смотрел с обычной своей усмешкой.

Глава 8

Но самое необыкновенное было в том, что и сама Лера почти не удивилась, увидев его! Как будто это и правда было совершенно обычным делом – вдруг столкнуться с ним нос к носу в стамбульской гостинице.

Она только обрадовалась – так обрадовалась, увидев его, что едва не заплакала.

– Ой, Митя! – воскликнула Лера и тут же шмыгнула носом. – Неужели это ты?

– Несомненно, – подтвердил Митя, присаживаясь на корточки рядом с ней. – Или я похож на привидение? Ты, например, не похожа – мешков слишком много. А Зося где?

– В город пошла, – объяснила Лера. – За ночными рубашками.

Первая радость мгновенно прошла, и Лера вдруг почувствовала невыносимый стыд перед Митей – оттого, что сидит на этих мешках, в этом вестибюле, под взглядами любопытствующих... Стыд тут же сменился злостью – как ни странно, на него же. Зачем он появился здесь, зачем сидит рядом с нею и даже – зачем выглядит таким же изящным, как всегда, в расстегнутом темно-синем плаще, с блестящими каплями дождя на темных волосах?

Кажется, Митя догадался, что с ней происходит. Усмешка исчезла с его лица, и он посмотрел на Леру как-то странно, немного грустно и немного как-то еще – она не могла понять, как, да и не хотела.

– Скажи, подружка моя, – вдруг спросил он, – а что делает сейчас твой муж Костя? Изучает мозги улиток?

Лучше бы он этого не спрашивал! Лера разозлилась так, что уже не стала сдерживаться.

– А что, по-твоему, – зловеще протянула она, – все должны теперь все бросить и кинуться лифчики закупать? И вообще, тебе-то какое дело до моего мужа и до того, чем он занимается?

Но Митю трудно было обидеть или напугать Лериным зловещим видом. Он, наоборот, улыбнулся и снова прикоснулся к ее плечу, словно успокаивая.

– Ладно, ладно, не кипятись. Не мое – так не мое, это ты права. Скажи мне лучше: как ты думаешь, не пора ли пообедать?

– Ты что, хочешь, чтобы я еще и тушенку здесь открывала? – устало сказала Лера. Весь ее сердитый пыл улетучился, и она теперь

действительно не чувствовала ничего, кроме усталости. – Мало того что я здесь сижу, как в клетке, так теперь еще устроим кормление зверей?

– Тушенку – не надо, – согласился Митя. – Но тут же полно всякой еды, и все едят на ходу. Я сейчас принесу что-нибудь, вот и все.

– Дорого, – возразила Лера.

– Недорого. И вкусно.

– Не надо, Мить, – сказала она. – У меня правда аппетита совсем нет. Тошно...

– Какого же черта ты сюда поехала! – рассердился он. – Ты что, дурочка совсем, себя не знаешь? Так расспросила бы кого-нибудь и сообразила, кому сюда надо ездить, а кому нет. С твоим воображением – не надо, это точно!

– Не сердись, Митя, – попросила она. – Я и сама теперь понимаю, но не улетишь же отсюда по воздуху. Конечно, дура, конечно, не надо было. Но я же не думала, что так все... И к тому же: а лекарство, а вообще – на что жить, можешь ты мне сказать?

Митя замолчал.

– Ладно, чего уж теперь, – сказал он наконец. – Скоро Зоська придет?

– Не знаю. Сказала, только за рубашками, но, может, еще что-нибудь ищет. У нас автобус в восемь, а сейчас уже четыре – надо думать, к автобусу-то явится.

Зоська появилась через пять минут – и едва не упала, увидев Митю.

– Господи, ты-то здесь откуда? – ахнула она. – Ты что здесь делаешь, Митя?

– Вот Лерка – та об этом даже и не спросила, – усмехнулся он. – Ничего особенного я здесь не делаю. Изучаю турецкую музыку. Диатонические напевы в унисонном сопровождении, очень своеобразная. Здесь ведь, между прочим, Оперный театр есть, не только ваши лавки. Забочусь о разнообразии своего творческого развития. Зося, – тут же спросил он, – ты еще куда-нибудь пойдешь?

– Да нет, никуда. – Зоська покраснела чуть не до слез. – Теперь моя очередь сидеть.

– При чем тут очередь... – начала было Лера, но Митя оборвал ее.

– Тогда мы с Леркой пройдемся немного, – сказал он. – Ей, как искусствоведу, интересно будет город посмотреть. Может, она еще своих итальянцев бросит и турками увлечется по совместительству с коммерцией. Правда, Лер?

– Конечно, вы идите, идите, – торопливо сказала Зося. – Не опоздайте только к восьми.

Лера знала, почему Зоська залилась краской, увидев Митю, почему опустила глаза и, кажется, ждала, чтобы он поскорее ушел.

Зоська была в него влюблена, это знал весь двор и, скорее всего, сам Митя. Она влюбилась в него, наверное, в тот самый день, когда он придумал ей имя, – и до сих пор это чувство оставалось неизменным. Зоська смущалась, даже старалась Мити избегать – и смотрела на него с непреходящим обожанием, всегда снизу вверх. И такой смешной, такой трогательной она при этом становилась, что Лера даже сейчас едва сдержала улыбку.

Да, вот это был для Зоськи сюрприз – увидеть здесь Митю Гладышева! Лера хотела было предложить, чтобы Митя не ее, а Зоську прогулял по городу, – но не решилась. Как-то неудобно было затевать здесь спор, да и что еще он на это скажет?

Они вышли из «Гянджлика» и направились к бухте Золотой Рог. Митя шел быстро, усталая Лера едва поспевала за ним. Но, как ни странно, идти ей становилось все легче, она вдруг почувствовала, как снова становится стремительной походка, как легко она лавирует между прохожими... Лера даже удивилась было этому, но тут же перестала следить и за походкой своей, и за усталостью.

Ей показалось, будто она попала совсем в другой город! И улицы были те же, и люди, но блаженное чувство бесцельности всего этого неожиданного похода наполнило ее живым любопытством. Впрочем, пешком они шли совсем недолго: Митя быстро остановил такси.

– Глупо тратить время здесь, – объяснил он, – когда у тебя всего три часа осталось. Знаешь что – давай к Айя-Софии потом, если успеем. А сейчас доедем до Галатского моста и через него – в Старый город, на Капалы Чарши.

– Что это – Капалы Чарши? – спросила Лера.

– Стыдно, мадам историк! – укорил Митя. – Бунин даже писал о нем, да и другие многие. Это восточный базар – настоящий, не ваш ширпотребовский. Был центром всего Ближнего Востока.

То, что они попали в «настоящее» место, Лера поняла сразу за мостом, на Рыбном рынке. Чувствовалась близость четырех морей: рыба просто заливала прилавки и лотки бесконечными серебряными волнами. Скумбрия, ставрида, кефаль, меч-рыба – про этих Лера хотя бы слышала. А были еще какие-то, с красными пятнышками у губ, и были плоские, как блины, и омары, и мидии...

У нее глаза разбежались от этого сверкающего изобилия, и тут же она

почувствовала, как заурчало в животе. Чуть ли не через каждый метр стояли жаровни, на которых шкворчало и благоухало все, что заполняло прилавки.

– Теперь не тошно? – улыбнулся Митя. – Можем пообедать наконец, раз уж аппетит к тебе вернулся.

Они отошли на два шага в сторону и, присев за маленький круглый столик, ели горячую, истекающую жиром и соком кефаль, заедая ее мидиями.

– А мы мидий в Крыму ели, – вспомнила Лера. – Когда после четвертого курса на виноградники ездили работать. Но эти лучше, правда?

– Наверное, – согласился Митя. – Эти – отличные.

Глаза у него блестели, и в них была не всегдашняя усмешка, а просто улыбка. Видно было, что ему нравится и этот шумный рыбный рынок, и мидии, и Лерина радость.

– Пойдем? – спросил он, когда от кефали остались только косточки. – Где-нибудь кофе выпьем.

Кофе они выпили на Египетском рынке, на горе за мечетью. Но до того, как они уселись в маленькой кофейне, чтобы перевести дыхание, – до этого у Леры даже шея заболела от того, что она беспрестанно вертела ею налево и направо.

Вообще-то это и не рынок был даже, а большая сводчатая улица-лабиринт с окнами по бокам. Каждое из окон было маленькой лавкой, из каждого продавали фрукты и овощи: прозрачный и благоухающий мускатный виноград, оливки всех цветов и оттенков – соленые, маринованные, которые Лера с удовольствием пробовала, – и абрикосы, и персики, и сушеный инжир в красивых соломенных корзинках, в которых каждая инжирина была завернута в фольгу, и перцы, и баклажаны, а дальше сладости, горы мраморной халвы, и еще, и еще – и до бесконечности!

Это было так красиво, от всего этого изобилия веяло таким счастливым довольством и жизнью, что Лера смеялась, идя по улочке между бесконечных фруктовых рядов и пробуя все подряд.

– Бежим отсюда, Митя! – взмолилась она наконец. – Я желудок расстрою, не доеду до дому!

И они оказались в полутемной кофейне, где густой восточный аромат навевал совсем другие, неторопливые мысли. Серьезный турок с выражением священнодействия сварил кофе в старинных медных джезве: трижды дал подняться ароматным шапкам пены, потом легко постучал по горячей меди – и пена побелела.

– Тысячу раз ведь описан этот город, – тихо сказала Лера, вдыхая жаркий запах кофе над крошечной чашечкой. – И я, кажется, читала... А когда попала сюда, словно затмение какое-то нашло. Ты понимаешь, мне показалось, что не было здесь ничего – ни Святой Софии, ни вот этих базаров восточных знаменитых, и генерал Хлудов не смотрел на эту бухту... Только лифчики да мохер, да какие-то кошельки – по сто штук в руки. Я все забыла, ничего не видела! Наваждение, да?

– Не знаю, Лер, – ответил Митя. – Я сначала подумал: тебе не надо было все это затевать. А теперь – правда, не знаю. Какой смысл в том, чтобы закрывать глаза перед жизнью? В тебе жизнь бьет через край, все равно тебе себя не удержать. Но ведь тяжело это...

– Что – тяжело? – не поняла Лера.

– Да вот это столкновение с жизнью, на которое ты решилась. Мне всегда странно было: как это тебе хватает Тинторетто, венецианцев твоих? На тебя только взглянуть...

– Что, появляются мысли не о Тинторетто, а о рынке в Лужниках? – обиделась Лера.

– Нет, совсем не то. Я же сказал: жизни в тебе много, и сразу ясно, что ей тесно в любых застывших формах.

– Ты считаешь, это плохо?

– Я ничего не считаю. Я знаю только, что это нелегко. Застывшие формы поддерживают, а выдержать без них – на это не каждого хватит, особенно теперь. Времена идут тяжелые.

Он замолчал, глядя на Леру и вдыхая сигаретный дым.

– Жаль, что ты торопишься, – улыбнулся он вдруг. – Мы бы с тобой кальян покурили. Или хочешь гашиш попробовать?

– Не знаю, – Лера тоже не удержалась от улыбки. – Я и обыкновенные сигареты курила только в школе, за компанию.

– Тогда пойдем? – сказал Митя. – Если хочешь, конечно, если ты не устала. Ведь он удивительный, я думаю – этот рынок. Византийский город.

Византийский город был так же шумен, как привычные Лере торговые улочки европейского Стамбула. Но Митя быстро провел ее мимо зазывал куда-то в сторону, в узкий и тихий переулок.

– Откуда ты знаешь, куда идти, Мить? – удивилась Лера. – Ты что, был здесь?

– Не был, – ответил он. – Но говорю же тебе, он описан в сотне книг. И знакомых в Оперном расспросил. Мы сейчас в ювелирный ряд пойдем.

В ювелирном ряду было совсем мало покупателей, да и те в основном любовались работами старинных мастеров – медными кальянами и

подносами, черненым серебром. Серебро Леру тоже заинтересовало, и она с удовольствием разглядывала изящные колечки, и узкие браслеты, и витые серьги с тускло поблескивающими камнями.

– Лер, можно я тебе что-нибудь подарю? – вдруг спросил Митя. – Кольцо вот это, например?

– Но зачем? – удивилась она. – Представляю, сколько оно стоит, это же ручная работа! Я вообще здесь хожу как в музей.

– Это неважно – можно? – повторил он, и Лера услышала в его голосе какую-то странную интонацию.

– Ну, подари, – сказала она. – Спасибо, Митя. Но ты и так мне подарил сегодняшний день...

– Но к Софии мы не успели, – заметил он. – Вот и пусть будет колечко – вместо Айя-Софии, хорошо?

– Что значит – не успели? Мы же не на экскурсии! Все было так хорошо – даже без Софии, я тебе правда благодарна...

Айя-Софию они действительно увидели только издалека, сквозь быстро сгущающиеся сумерки. Но, как ни странно, ажурное серебряное колечко, которое Лера тут же надела на руку, и в самом деле было похоже на этот храм. Во всяком случае, на такой, каким представлялся он Лере. Это было удивительное Митино свойство: как он говорил, так и получалось – как с Зоськиным именем.

В гостиницу они вернулись без четверти восемь. Перепуганная Зоська выбежала им навстречу, бросив без присмотра мешки.

– Зось, мы долго? – извиняющимся голосом издалека сказала Лера. – А мы тебе рыбу жареную принесли, чтобы ты не сердилась!

– Ой, ну какая рыба! – воскликнула Зоська. – Автобус уже пришел, вы что! Все погрузились, а я тут бегаю как клушка, а все, конечно, своими вещами заняты, не до меня. По-моему, нам и впрямь места не хватит в автобусе, просто ужас, сколько туда барахла уже втиснули!

– Не волнуйся, Зоська, сейчас погрузим, – успокоил ее Митя.

Глаза у него снова веселились, и выражение лица было как всегда – насмешливое ожидание.

Они быстро перетаскали мешки к автобусу, но затолкать их внутрь действительно не представлялось возможным. Кажется, в автобусе негде было даже стоять, не то что сидеть или складывать багаж.

– Что же делать? – растерянно сказала Зоська.

Лера заметила: как только появился Митя, Зоська переменилась – стала какой-то маленькой, испуганной и неуверенной. Как будто это не она совсем недавно яростно торговалась в лавках и носилась по городу в

азартном поиске очередной партии товара. Теперь она то и дело бросала на Митю вопросительные взгляды, словно ожидая совета.

А Лера наоборот – воспрянула духом, и ее уже не могла напугать такая ерунда, как переполненный автобус.

– Но без вас ведь не уедут, правильно я понимаю? – спросил Митя и тут же, вскочив на подножку, обратился с этим вопросом куда-то внутрь автобуса. – Ведь не уедете же без них, правильно?

– Да что ты будешь делать с этими тетками? – извиняющимся тоном ответил ему водитель. – Ведь и знают же, что с места не тронемся, пока всех не загрузим, а все равно... Ну, пусть сидят на своих клунках, раз не торопятся, а я подожду! – Это он произнес уже громко, в салон.

То ли слова шофера возымели действие, то ли Митина веселая уверенность, но внутри автобуса нехотя зашевелились пассажиры, задвигались мешки, и вскоре оказалось, что вполне хватает места для Лериной и Зосиной поклажи.

– Вот и отлично, – удовлетворенно произнес Митя. – Спасибо за сознательность, товарищи! Ну-ка, девочки, быстренько, пока коллеги не передумали, – поторопил Митя, подхватывая их поклажу.

Общими усилиями мешки оказались в автобусе в мгновение ока. Зоська сразу нырнула в салон, помахав Мите рукой на прощание. Лера остановилась на минуту в дверях.

– А ты надолго сюда, Митя? – спохватилась она. – Я ведь даже не спросила...

– Ты вообще мало спрашиваешь. Ненадолго, сегодня вечером самолет.

– Тогда – до Москвы, дома увидимся? – сказала Лера.

– Не увидимся. Я ведь не в Москву, разве я не сказал?

– А куда же? – удивилась она.

– В Лион. Главным дирижером Оперы.

– Ничего себе! – поразилась Лера. – Почему же ты ничего не рассказывал, Мить? Ведь это же... Главным дирижером!

– Я же говорю: ты мало спрашиваешь.

– И на сколько?

– На год пока, а там видно будет. Меня ведь давно приглашали, но пока мама была... А сейчас – что меня удерживает в Москве?

Он неотрывно смотрел снизу на стоящую на ступеньке Леру. Та отвела глаза. Она тоже понимала, что Мите тяжело должно быть в Москве после смерти матери, и ей нелегко было встречать его взгляд – словно устремленный туда, где была теперь Елена Васильевна...

– Но ты же будешь приезжать? – неуверенно сказала Лера.

– Не знаю, посмотрим. Ладно, подружка, счастливо тебе! – Он легко коснулся рукава Лериной куртки.

– Спасибо, Митя! Если бы не ты, я бы с ума сошла, точно!

– Не сошла бы, – улыбнулся он. – Это не те страхи, от которых ты можешь сойти с ума.

И он пошел по улице, не оглядываясь, а Лера поднялась ступенькой выше, и дверь за ней захлопнулась.

Зоська уже сидела у окна и держала рядом место для Леры. Вид у нее был печальный, она была похожа на нахохленную синичку с остреньким носиком.

– Как он появился здесь?.. – проговорила она. – И почему?..

– Он же сказал: турецкую музыку изучал, – сказала Лера.

– А ты и поверила...

Глава 9

Несмотря на усталость, несмотря на то что Зоська оказалась права, обещая, что обратный путь будет труднее, – эти трудности показались Лере совсем ерундовыми.

Конечно, их автобус становился на каждой границе объектом пристального внимания. Приставали турки, приставали румыны, потом болгары. Каждый пограничник вспоминал, что у него есть жена, дети и множество родственников, которым не помешает новая тряпка.

Но все эти бесконечные препирательства с обнаглевшими должностными лицами уже не казались Лере ни унижительными, ни даже требующими душевных сил. Она и сама не понимала, почему это произошло, но она повеселела, почувствовала в себе прежнюю готовность дать отпор кому угодно – словно струна зазвенела у нее в груди. И, не утруждая себя лишними размышлениями, она вытаскивала из мешков коробочки, и пакетики, и банки с пивом – и отдавала таможенникам.

В этих хлопотах прошла вся ночь. Когда в Горной Оряховице автобус остановился у железнодорожного вокзала, измотанная Зоська сказала с тоской:

– Все, Лер, сил больше нет. А еще в поезд все это грузить, господи! Сейчас наши все опять как кинутся, снова места не останется в купе!..

– Останется, – успокоила ее Лера. – Почему ты думаешь, что я их вперед пропущу? Было бы кого!

И соратники уступили ее напору. Лера не расталкивала никого локтями, не ругалась, но действовала так уверенно, что никто не решился оттеснить их с Зоськой от подножки вагона, и их мешки оказались в купе вовремя.

Правда, Лера и сама устала после этого мероприятия – присела на краешек вагонной полки, стараясь отдышаться. Зоська – та и вовсе была бледной, тяжело дышала, и капельки пота выступили у нее на носу. Даже странно: она, казавшаяся такой неутомимой и неунывающей в начале поездки, теперь совсем сдала; какой-то безнадежностью веяло от нее.

– Что с тобой, Зосенька? – попыталась приободрить ее Лера. – Погрузились ведь, сейчас поедem. Уже можешь расслабиться – по крайней мере, до границы.

– Не обращай внимания, – махнула рукой Зося. – Я не устала, это я так просто...

«Что с ней, в самом деле?» – мелькнуло у Леры в голове.

Но надо было как-то разместить мешки в купе, надо было не перепутать свои с чужими – и Лера забыла о странном Зоськином состоянии.

А разместить все, что они с Зоськой и их соседки втиснули в купе, – это была задача не из легких! Соседки были придавлены куда-то к самому окну, даже их голов не было видно из-за горы мешков. Лера с Зоськой, наоборот, стояли у самой двери, не надеясь сесть.

Как ни старались они все вчетвером превратить купе в пространство, пригодное для жизни, – это им не удалось. Кое-как забили мешками все верхние полки и весь пол, высвободив нижние полки, чтобы спать на них по двое.

Появился проводник, запричитал:

– Вещей какая прорва, и куда вы их прете? Перевес, с меня же штраф возьмут, не только с вас! Нет, не могу разрешить, не могу!

Разумеется, двух зеленых бумажек, полученных с Леры и Зоськи и с их попутчиц, оказалось достаточно, чтобы проводник испарился, забыв про перевес.

– Господи, что они с нами делают! – вздохнула одна из женщин – усталая, полная, в поношенном спортивном костюме.

– Ну и что? – хмыкнула вторая, с узкими блеклыми губами и пронзительным взглядом. – Вроде они не понимают: мы ж с этого дела неплохо поймеем – почему они не должны попользоваться? Если я про своих детей подумала, разве они не подумают?

Лере не хотелось сейчас никаких разговоров, рассказов о поездке, рассуждений о трудностях челночного дела. Но и попутчицам, похоже, было не до разговоров. Примостившись на своей полке, они задремали, не укладываясь, в ожидании границы.

– Теперь и граница-то какая, не поймешь – советская, украинская? – пробормотала одна из них.

Действительно, из Москвы уехали как раз после отречения Горбачева, и теперь Лера сама не могла бы ответить на этот вопрос. Правда, попутчиц и не интересовал ответ.

– Чья бы ни была, – махнула рукой вторая. – С тебя все сдерут, не переживай. Спи лучше!

Бодрый украинский – или еще советский? – таможенник подтвердил эти слова.

– Значит, так, бабы! – объявил он после того как пограничники проверили документы. – Чего у нас там по декларации? Лифчики, трусы, мохер, кошельки, ремни еще какие-то? У жинки моей – третий номер лифчика, ей два белых и черный, а у Петькиной – пятый, ей телесных надо

три. Запомнили размеры? Действуйте, девчата, я к вам на обратном пути загляну. А то не много ли товара везете, могу же ж и поинтересоваться...

Едва отойдя от купе, он тут же вернулся.

– Да, а мне-то! Мне-то у вас и взять нечего... Ну, ремни давайте, что ли, обойдусь уж двумя. И пива пошукайте – неужто не запасли?

Когда таможенник исчез – наверняка ненадолго, – Зоська с тоской взглянула на забитые мешками полки.

– Два белых и черный, третий номер! Вот сволочь, брал бы любые – номер еще, цвет выбирает... Где я их буду сейчас искать?

Мешки действительно были похожи, как капли черной воды. Чертыхаясь, Лера полезла вверх, ощупывала их, отдирала скотч. Наконец удалось найти мешок с лифчиками, но, как назло, третьим номером в нем были только белые – и поиски пришлось продолжить.

Когда, чихая от вагонной пыли, Лера спустилась наконец вниз с лифчиками, Зоська уже выудила из других мешков ремни. Взглянув на расстроенное лицо подружки, Лера рассмеялась.

– Что уж тебе так весело? – обиделась Зоська.

– Это тебе что уж так грустно?

– А чему радоваться? – шмыгнула носом Зоська. – Ни за что отдай этим дармоедам, да еще размеры им подбирай!

Но Лере снова показалось, что Зоська расстроена не таможенными проблемами – или, во всяком случае, не только ими.

Удовлетворившись выданными лифчиками и ремнями, таможенник даже не заглянул в их мешки. Соседки отделались ночными рубашками и мохером.

– Все, девушки, спать, что ли? – весело воскликнула Лера, когда наконец поменяли колеса и поезд тронулся с места. – Вроде на родину въехали.

– Нет, ты подожди спать, – сказала Зоська. – Сейчас картошку понесут, винегрет. Прямо к поезду, представляешь? Хоть поедим по-человечески, не за валюту, а то уже глаза бы не глядели на тушенку проклятую!

Есть за рубли действительно было приятно, и женщины, тащившие к поезду горячую картошку, показались родными, хотя не преминули содрать с расслабившихся челноков втридорога.

А главное, Лера действительно наслаждалась всеми этими нехитрыми радостями, не думая больше ни о чем, не погружаясь в мучительное самокопание.

«Наверное, это и в самом деле не те страхи, которые могут меня одолеть», – подумала она, засыпая рядом с бессонно вертевшейся Зоськой.

Предновогодняя Москва выглядела так уныло по сравнению с живым, гудящим и едящим Стамбулом, что Лера почувствовала легкий укол разочарования, когда поплыл мимо перрон Киевского вокзала. Грязь, слякоть, суровые и недоброжелательные лица... А ведь так хотелось вернуться поскорее!

И вдруг она увидела Костю, стоящего на перроне, – и сердце у нее вздрогнуло. Но не от радости увидеть его, как Лера могла бы ожидать от себя, а от единственного отчетливого чувства: боже мой, да ведь я даже не вспомнила о нем ни разу за все эти невообразимые дни, как же стыдно!

«Нет-нет, это ничего не значит – просто было много дел, просто я уставала, – тут же сказала себе Лера, спрыгивая на перрон. – И как я рада его видеть!»

– Котенька! – воскликнула она, целуя мужа. – Как хорошо, что ты встретил! У нас столько вещей, ужас!

– Как же вы их несли в Стамбуле? – удивился Костя.

– Лучше не спрашивай! – махнула рукой Лера. – У меня теперь мускулы как у штангиста.

Но, увидев их багаж своими глазами, Костя просто остолбенел.

– Лерочка... – пробормотал он. – Но это же просто...

– Что – невозможно? – спросила Лера едва ли не с гордостью. – Я и сама не понимаю, как мы все это довели!

– Нет, это же просто... Как-то даже неприлично... То есть я предполагал, что ты что-то привезешь, но чтобы столько...

Вид у Кости был такой потерянный, что Лере стало его жаль – хотя ее укололи его слова о неприличии.

– Не так уж и много, некоторые больше везут, – спокойно возразила она. – У нас с Зоськой всего четырнадцать мешков на двоих, это нормально. Ладно, Коть, – сказала она, сурово посмотрев на подскочившего носильщика, – делаем так: Зоська стоит здесь, а мы с тобой перетаскиваем все к машине. Кстати, какая машина – такси?

– Нет, ты понимаешь, – начал объяснять Костя, – мне не удалось заказать такси. Было все время занято, а потом я опаздывал, когда выбежал из дому, поэтому и... Но мы что-нибудь найдем сейчас, не волнуйся.

Лера разозлилась было про себя, но ей так радостно было оказаться наконец дома, что она махнула рукой. И правда, неужели уж в Москве машину не найдем!

На площади Киевского вокзала не было и следа привычной очереди и привычной стоянки такси. Только несколько пассажиров топтались там, где

она была совсем недавно, и изумленно оглядывались.

– Да-а, – протянула Лера, опуская мешок на грязный асфальт. – Этот вид транспорта уходит в небытие. Оно-то по городу давно заметно, но чтобы и на вокзале...

– Чем же мы поедem? – огляделся Костя.

– Чем – понятно, вопрос – почему, – объяснила Лера, показывая на стайку машин, припаркованных неподалеку.

И точно: к ним тут же подскочили несколько водителей, покручивая на пальцах ключи.

– Куда едем, ребята? – бодро спросил тот, что добежал первым. – Строгино, Тушино, Митино.

– Нет, в центр, – сказала Лера.

– Тогда, значит, со мной, – тут же встрял следующий.

– С тобой так с тобой, – согласилась Лера. – Лишь бы мешки поместились.

– Это мы знаем, – кивнул водитель. – Не первый раз к этому поезду ездим, дело привычное.

Лера осталась рядом с «Жигулями»-пикапом, а Костя побежал за багажом. Пока они с Зоськой перетаскивали мешки, Лера торговалась с шофером – впрочем, не слишком рассчитывая на успех: Москва ведь, не Турция.

– За пару километров – как до Митино! – возмущалась она.

– А что же ты думала, девушка, – насмерть стоял шофер. – Мне вообще резона нет на такие расстояния ездить, ты мне, считай, за вредность маршрута платишь!

– Ладно, все, – сдалась Лера, заметив, что вещи все равно уже погружены. – Поехали, что ж теперь...

– Я просто не представляю, Лерочка, как же мы будем выгружать все это прямо во дворе, – сказал Костя по дороге. – Ведь на глазах у всех, как на Лобном месте! А сегодня еще и дома все сидят – тридцать первое...

– Мы попросим водителя въехать на наш этаж, – сказала Лера с неожиданным раздражением. – Костя, сколько можно убиваться? Во дворе никто глазом не моргнет, не беспокойся. Они не такие видали картины.

– Не ссорьтесь, ребята, – примирительно заметила Зоська. – Ты бы, Костенька, лучше расспросил нас, как мы съездили.

– Да, действительно, я говорю совсем не о том! – устыдился Костя. – Что вы видели в Стамбуле, мои дорогие?

– Лифчики, – сказала Лера. – И трусы, и мохер – я тебе дома покажу, составишь полное впечатление о Византии.

Не надо было говорить этого, и ее раздражения Костя совсем не заслужил. Ведь не он заставил ее ехать в эту поездку, он и представить себе не мог, что это такое – она и сама не представляла. Но Лера почувствовала вдруг, как начало сказываться напряжение этих дней. Все ее раздражало, беспричинные слезы подступали к горлу, и она не в силах была себя сдерживать.

Чтобы не наговорить еще каких-нибудь обидных глупостей, она замолчала. Костя тоже молчал, и в таком печальном молчании доехали они до родного дома.

Глава 10

Три выходных дня Лера вообще не выходила на улицу.

Прежде такого с ней не бывало. Она не могла усидеть дома, и даже если не было никаких срочных дел, все равно находила, куда отправиться, хотя бы под предлогом поисков какого-нибудь из бесчисленных дефицитов – мыла, например, или гречки.

Но после Стамбула ей не хотелось никуда, и она сама себе удивлялась – правда, и удивлялась как-то вяло.

Новый год встречали втроем. Лера пошла спать раньше всех, чего тоже никогда прежде не бывало.

– Ты устала, Лерочка? – сочувственно спросила мама на следующий день, видя, как безучастно смотрит она в книгу, валяясь на диване. – Ты знаешь, я подумала: не стоит тебе, наверное, больше этим заниматься...

Надежда Сергеевна говорила полувопросительно, чтобы не обидеть Лерочку. Не дай бог, подумает, что мама презрительно относится к ее новому занятию...

– Мама, – вдруг спросила Лера, по-прежнему глядя перед собой тем же безразличным взглядом, – а правда, что у меня походка какая-то необычная?

Испуг мелькнул в маминых глазах.

– Правда... – тихо сказала она.

– А почему?

Надежда Сергеевна молчала.

– Почему, мама? – повторила Лера.

– Я не могу тебе ответить, – вдруг сказала мама. – И не спрашивай меня больше об этом, Лерочка, прошу тебя...

С тех самых пор, как Лера себя помнила, мать всегда благоговела перед ней. Это, наверное, даже смешно выглядело, когда Лере было лет пять. В самом деле, странную картину они являли собою: мама спрашивает у маленькой девочки с пышным бантом, надо ли купить треску, или лучше – минтай. Даже продавщицы в «Рыбе» на Петровке улыбались.

А Лера никогда и не удивлялась этому. Мама всегда казалась ей слабой, робкой – да так оно, наверное, и было. А потом началась эта ужасная энцефалопатия, Надежду Сергеевну то и дело увозили в Боткинскую. Лет до тринадцати Лера перебиралась на это время к тете Кире и бегала в больницу с передачами, каждый день со страхом думая: что же будет, если

мама умрет?

А потом она выросла, стала оставаться дома одна, но в Боткинскую бегала по-прежнему, и мысли были прежние...

На фоне этих мыслей совсем не казалось трудным брать на себя то, что Надежда Сергеевна считала «тяготами быта», а Лера – повседневными мелочами, на которые и внимания обращать не стоит. В самом деле, ну что им было нужно такого особенного, из-за чего жизнь могла бы показаться трудной?

Отца она совершенно не помнила: он ушел из дому, когда ей было два года, и с тех пор не появился ни разу. Пока Лере не исполнилось восемнадцать, приходили раз в месяц деньги, а потом не осталось и этих свидетельств того, что он еще живет где-то на свете. Лера настолько привыкла к этому, что даже не огорчалась и зла на него не держала. Его просто не было, и все.

Она никогда не спрашивала, что думает об этом мама, и Надежда Сергеевна тоже не заговаривала о муже. Кажется, она и не думала о нем, и не вспоминала. Дочка Лерочка – умница, красавица, заботливая и энергичная – была ее единственной радостью. И в университет она поступила сразу, и замуж вышла за такого хорошего мальчика, и в аспирантуре учится, чего же боле, как говорится!

И если Лерочка считает, что это нормально – ездить в эти ужасные челночные поездки, – значит, так оно и есть. Вот только трудно это, вон какой усталой вернулась – и Надежда Сергеевна осторожно интересовалась, не следует ли отказаться от них...

– Я больше не поеду, мама, – ответила Лера. – Придумаю что-нибудь другое, проживем как-нибудь.

Она не кривила душой, говоря, что больше не поедет. Нет, не из-за усталости – она вообще не знала, что такое усталость, и сейчас ей оказалось достаточно один раз выспаться, чтобы отдохнуть. И не из-за таможенных трудностей, и не из-за тараканов в гостинице.

Дело было в другом. То непонятное чувство, которое только смутно тревожило Леру накануне отъезда, теперь стало совершенно отчетливым. Она отшатнулась перед тем, что про себя назвала «другая жизнь». Но это была не та другая жизнь, о которой писал ее любимый Трифонов, – не высшая жизнь освобожденного духа, а совсем наоборот.

«Другая жизнь», с которой так неожиданно для себя столкнулась Лера, исключала само существование какого-то духа. Она шла по жестоким законам выживания, и то, что с детства считалось недопустимым, невозможным, – в этой «другой жизни» как раз и было возможно, и даже

необходимо.

Лере показалось, что она заглянула в какую-то пропасть в глубине собственной души, – и она в ужасе отшатнулась, дав себе зарок больше не заглядывать туда.

А тараканы, таможня, сотни лифчиков – это что же, это ерунда...

Но мешки громоздились в прихожей, на кухне и в комнатах, и, как бы там ни было, следовало продать их содержимое.

– Лучше всего – в Луже, – сказала Зоська. – Там оптовиков много, не обязательно все в розницу продавать. И из провинции много приезжает, берут что зря.

– В Луже так в Луже, – согласилась Лера: ей было все равно, лишь бы скорее.

Как назло, первые дни нового года выдались такие морозные, что даже дыхание схватывало, как только выходишь на улицу.

– Как в сорок первом году, – сердилась Зоська.

Часов в девять утра они с Лерой вышли из подъезда и, перехватывая из руки в руку свои битком набитые стамбульские сумки, направились к метро.

– По-моему, не мы одни о сорок первом думаем, – заметила Лера. – Того и гляди, общая паника начнется.

Состояние, в котором находились люди в эти первые дни нового года, можно было назвать не паникой, а шоком. Женщины ахали в магазинах, разглядывая ценники, а старушки – те и вовсе столбенели, благодаря бога, что успели запастись спички и соль.

– Вот всегда так, – сказала Зоська, когда уже ехали в метро по Юго-Западной ветке. – Бедному жениться – ночь коротка. Как теперь распродадимся, не представляю. Люди-то деньги придержат теперь, не до тряпья будет...

Может быть, люди и собирались придержать деньги, но торговцев это, похоже, ничуть не смущало. Лере показалось, что густая толпа гудит на всей огромной площадке перед Лужниками, и она не могла понять: что делают здесь все эти люди – покупают, продают?

– На трибуны не пойдем, – сказала Зоська. – Там, конечно, разрешено, но платить надо, куда нам? А тут нельзя, зато бесплатно.

Подойдя поближе, Лера разглядела, что толпа вовсе не так беспорядочна, как ей показалось на первый взгляд. От решетки стадиона до самого памятника Ленину тянулись длинные человеческие дорожки, образованные рядами торговцев. По этим дорожкам переливалась другая

толпа – покупателей.

Здесь уже шла особая, вполне устоявшаяся жизнь – с собственными законами и заботами.

«Снова – другая жизнь, – подумала Лера. – Господи, сколько же их?»

Но размышлять на отвлеченные темы было некогда. Лера издали высмотрела просвет между плотно стоящими торговцами, и они с Зоськой тут же устремились туда – к самой ноге Ильича.

Втиснувшись между двумя женщинами, Зоська расставила ноги и поставила между ними сумку. Лера последовала ее примеру. Она уже успела заметить, что эти ряды в основном и состоят из таких же женщин, как они с Зоськой, как их соседки, стоящие с сумками между расставленных ног.

«Профессиональная поза, – усмехнулась про себя Лера. – Вечная женская поза...»

Хорошо было иронизировать, но Лера тут же порадовалась, что натянула под теплые брюки все штаны, которые нашлись в доме, и повязала мамин пуховый платок. Ветер был не сильный, но пронизывающий, он мгновенно выдувал все мысли из стынущей головы.

– Сегодня долго не простоим, – решила Зоська. – Посмотрим, как пойдет, и хватит для первого раза.

В первый день Лера с Зоськой вынесли на продажу лифчики и «недельки», и дела пошли неплохо – особенно по сравнению с другими женщинами, примостившимися рядом.

– Надо же, – попыталась пошутить Лера, едва разжимая онемевшие губы, – только женщины могут в такую погоду летнее белье покупать!

– Дешево просто, – стуча зубами, возразила Зоська. – Они бы, может, и рады шубы покупать. Так ведь сколько она теперь стоит будет, шуба...

Действительно, Лере вскоре показалось, что только белье еще и берут здешние покупатели. К остальным продавцам они подходили только для того чтобы прицениться, ахнуть и тут же отойти. А к ней то и дело подходили женщины, стягивали перчатки, щупали товар – и многие брали, даже по несколько штук.

Лера даже радовалась, что холод сделал людей безразличными друг к другу. Ей вовсе не хотелось сейчас, чтобы покупательницы разглядывали ее, а соседки спрашивали о чем-нибудь.

Иногда, отсчитывая сдачу, она удивлялась, но словно издали, сквозь пелену холода: как легко это оказалось для нее, торговать на рынке!.. А она-то не могла вчера уснуть, представляя, как будет стоять под презрительными взглядами покупателей. Почему-то ей казалось, что они

неприменно станут презирать ее, ставшую торговкой.

Из-за холода у людей не было даже желания поторговаться, да Лера с Зоськой и просили недорого. Поэтому Лере приходилось в основном следить, чтобы не ошибиться со сдачей, и она вскоре освоила эту нехитрую науку не хуже, чем опытная Зоська. Вот только руки едва шевелились от холода.

– Все! – сказала Зоська через два часа. – Лер, не могу больше!

– Что, уже уйдем? – удивилась Лера. – Но ведь берут, давай еще постоим. Неужели обратно столько повезем?

– Ты прямо нестигаемая, ей-богу! – удивилась Зоська. – У меня уже все внутри вымерзло, а ты как Снежная королева! Давай хоть кофе попьем, согреемся немного.

С этими словами Зоська извлекла из сумки термос и на время спрятала коробочки с бельем.

– У меня с коньяком, – сказала она. – Хочешь?

– Давай! – согласилась Лера: коньяк был очень кстати. – Жаль, я не догадалась. Ну, ничего – завтра...

– Дожить бы еще до завтра, – хныкнула Зоська. – Я же в первый раз зимой торгую. Это ужас!

От горячего кофе с коньяком Лера сразу порозовела, глаза у нее заблестели. Она была вовсе не похожа сейчас на Снежную королеву – наоборот, морозный воздух словно таял от медового блеска ее глаз.

Немного отогревшись, Лера внимательнее пригляделась к соседкам.

Черноглазая женщина, накрашенная так ярко, словно пришла не на рынок, а на карнавал, крепко сжимала ногами сумку, из которой выглядывали шарфы из ангоры – голубые, розовые, желтые, зеленые. Это роскошное пушистое многоцветье привлекало почти всех, кто проходил мимо, но, узнав цену, люди в основном шли дальше.

Женщина сердилась и уже начинала посматривать на свои шарфы с ненавистью.

– Девчонки, – сказала она наконец, обернувшись к Лере и Зосе, – покараульте сумку, а? Стоять уже не могу, надо сбегать выпить!

Она сказала об этом с такой подкупающей простотой, что Лера не могла отказать ей в этой просьбе.

– Сбегай, – кивнула она, улыбнувшись. – Покараулю.

Даже не поблагодарив – видно, сильно горела душа, – женщина подвинула свою сумку прямо к Лериной ноге и торопливо пошла к выходу, протискиваясь сквозь толпу покупателей.

– Ты что? – возмутилась Зоська. – Чего это мы должны ее сумку

караулить? А если пропадет что-нибудь – ты представляешь, сколько такая сумочка стоит? Всеми нашими трусами не расплатимся!

– Да ладно, – махнула рукой Лера. – Авось не украдут.

Она расставила ноги пошире, придерживая сумку соседки. Соседка слева, наблюдавшая за этой сценой, покачала головой.

– До чего же есть бессовестные люди, – негромко сказала она. – Просто удивительно, ведь она совершенно уверена, что кто-то должен решать ее проблемы. Она, видите ли, хочет выпить!

Лера давно уже обратила внимание на эту пожилую женщину. Собственно, в ее облике не было ничего особенного: высокая, в темно-сером пальто с потертым норковым воротником, в низко повязанном платке. И – в больших темных очках, скрывающих глаза. Заметив, что Лера удивленно смотрит на очки, женщина спросила:

– Вам они кажутся странными?

– Вообще-то да, – призналась Лера. – Ведь солнца нет.

– А я не от солнца. Просто я здесь живу неподалеку. И я учительница, вы понимаете?

Женщина наконец сняла очки, натершие ей переносицу, и теперь вопросительно смотрела на Леру. Глаза у нее были смущенные и усталые.

– Вы понимаете? – повторила она. – А вдруг кто-нибудь из знакомых сюда придет или из учеников? И меня узнает...

Только представив себе такую возможность, пожилая учительница покраснела, слезы выступили у нее на глазах.

– Но у меня сын – инвалид, вы понимаете? – сказала она. – И конечно, я лучше буду продавать эти заколки, чем позволю ему голодать, а ведь и такое возможно, вы чувствуете?

Лера застыла с термосным стаканчиком в руке. Эти оправдывающиеся интонации в голосе учительницы были так невыносимы, что она сама готова была провалиться сквозь землю.

– Но почему же... – пробормотала она, но голос ее тут же окреп. – Почему же вы думаете, что вам надо стыдиться?

– А как же! – воскликнула учительница. – А вы разве считаете нормальным то, чем мы здесь занимаемся? Правда, вы моложе. – Она повнимательнее присмотрелась к Лере. – Но нас ведь совсем по-другому воспитывали... Просто я раньше других поняла. – В ее голосе снова промелькнули нотки самооправдания. – Я раньше других поняла, что нас всех ожидает, и я хочу запасти денег на будущее, хотя бы на ближайшее. Мне не на кого надеяться, вы понимаете?

Сколько раз в течение следующих месяцев приходилось Лере слышать

эти оправдывающиеся интонации в голосах самых разных людей, сколько видеть отводимых глаз! Вскоре она привыкла к тому, что едва ли не каждый продавец на рынке считал своим долгом оправдывать себя в собственных глазах, – как будто был по уши вымазан в грязи.

Но в этот, первый день Лера не знала, что сказать пожилой учительнице. И ей было стыдно только за то, что, оказавшись в такой же ситуации, сама она не испытывает ничего подобного...

– Лер! – Зоська прервала этот неловкий разговор. – Давай дальше продавать. Раньше сядешь – раньше выйдешь.

Лера кивнула и, убрав термос, снова расстегнула сумку. Но едва к ней подошла первая покупательница и принялась придирчиво выбирать лифчики нужного цвета и размера, – что-то произошло в торговых рядах.

Роясь в сумке в поисках бежевого третьего номера, Лера не сразу поняла, что же произошло. Она только почувствовала, как огромная, сметающая все на своем пути волна прокатилась по рядам. Люди, собравшиеся на вытоптанной площадке – от решетки до Ленина, – вдруг засуетились, принялись лихорадочно запихивать в сумки товар.

– Воры! Милиция! Грабят! Бежим! – пронеслось по рядам.

И тут же люди, каждый из которых только что был маленьким и отдельным островком в этом море голов, мгновенно сделались единым и безумным существом. Это существо метнулось вправо, влево – и безудержно понеслось куда-то, подхватывая всех в своем бессмысленном беге.

Лера не успела понять, что же произошло, но инстинктивно успела сделать то, что было сейчас единственно правильным и возможным. Мгновенно отшатнувшись назад и сдвинув ноги, она подхватила обе сумки – сумка с ее товаром была расстегнута – и шатнулась куда-то вместе с толпой, успев крикнуть Зоське:

– Зося, встречаемся возле Ленина, если разминемся, езжай домой!

Краем глаза Лера успела еще увидеть, как бежит куда-то пожилая учительница, – но и ее тут же скрыл людской водоворот. Сама Лера не испытывала ни страха, ни желания скрыться, спрятаться. Она вообще не поняла, что произошло, просто почувствовала: останься она сейчас стоять – тут же сметут, растопчут, и поздно тогда будет искать виноватых.

Две коробочки с «недельками» выпали из ее сумки, пока Лере удалось на ходу застегнуть «молнию». Она хотела было нагнуться, поднять коробочки, но толпа уже несла ее дальше, а чьи-то быстрые руки подхватили упавшую мелочь.

Все это необъяснимое и неостановимое движение продолжалось

недолго, минут пять. Потом толпа вдруг остановилась, словно наткнувшись на невидимую преграду.

– Девки, куда это мы? – раздался молодой, певучий голос. – Где воры-то?

Эти слова, прозвучавшие неожиданно громко, подействовали на людей как ушат холодной воды.

– В самом деле, – тут же зазвучало вокруг. – Кто кричал-то, кого ограбили?

Постояв несколько минут там, где застало их отрезвление, люди медленно, словно нехотя, побрели на свои места. Выругавшись про себя, Лера потащила свои сумки обратно, к ноге Ильича.

– Ну, не идиоты?! – Зоська уже ждала ее там, вся пунцовая от гнева; даже ее замерзший, побелевший было носик покраснел. – Куда бежали, чего вдруг, ты можешь мне сказать? И ведь это часто так: заорет кто-нибудь, бросится куда-то – и все за ним, как стадо!

Лере стало смешно, и, не сдерживаясь, она расхохоталась.

– Ничего веселого, – обиделась Зоська. – У тебя все цело? В смысле – товар?

– Руки-ноги целы, слава богу, – ответила Лера. – А две коробочки выпали, я видела. И кто-то тут же подхватил.

– Еще шарфы эти дурацкие! – продолжала возмущаться Зоська. – Надо было бросить эту ее сумку, пускай бы знала! Где вот она сейчас, алкоголичка чертова?

– Как странно, – сказала Лера с неожиданной задумчивостью. – Я никогда раньше этого не видела, только читала: инстинкт толпы... Ведь я совсем не хотела бежать, а бежала вместе со всеми, чтобы под ноги им не упасть. А кто-то испугался, а кто-то растерялся, но все бежали, все! От одного дурацкого вскрика...

– Не такого уж, между прочим, и дурацкого, – заметила Зоська. – Кое-кто оч-чень даже неплохо на этой панике наживается: мало ли что перепадет в спешке.

Разговаривая так, они снова заняли свои места, расстегнули сумки. Вообще, жизнь этого странного человеческого муравейника налаживалась так же быстро, как разрушалась. Снова – раздвинутые ноги, плотно сжатые сумки, просьбы уступить в цене...

– А вот и я, девчонки! – раздался знакомый голос.

Черноглазая накрашенная соседка уже стояла рядом с Лерой. Лицо у нее стало едва ли не таким же красным, как помада, глаза удовлетворенно блестели.

– Покараулили сумочку, вот спасибо, – сказала она довольно рассеянным тоном, словно это действительно было в порядке вещей, караулить ее шарфы. – А чего орал тут все? Опять дурку кто-то пустил?

Похоже, время она использовала продуктивно: в морозном воздухе разносился крепкий водочный дух.

– Забирай свое барахло, – зло сказала Зоська. – Жаль, не мне ты его оставляла. Уж я бы с ним не бегала как полоумная, сейчас бы ты его по снегу собирала.

– Да ладно вам, девчонки, – примирительно сказала черноглазая, ногой передвигая к себе сумку с шарфами и расстегивая «молнию». – Ну, хотелось выпить, с кем не бывает? Я тут с девяти стою, совсем околела. У меня и так придатки застуженные, сколько можно? А зато – смотрите, чего у меня!

Женщина отвернула края ярко-красного шарфа – такого же, какие торчали из ее сумки, – и показала длинные золотые серьги, покачивающиеся в ушах.

– Видали? – сказала она с пьяной самодовольной хвастливостью. – Только что купила. Задаром, можно сказать, отдали мне. А что? – воскликнула она так, словно кто-то возражал против ее приобретения. – А что ж я, серьги себе не могу позволить?! Могу! Для чего я тут с утра корячусь каждый день, морожусь, как треска какая? Чтоб в серьгах себе отказывать?!

Ее голос наливался слезами, в нем зазвучали истерические нотки.

– Можешь, можешь, – сказала Лера успокоительным тоном. – Правильно сделала, что купила – хорошие серьги. Тебя как зовут?

– Галина.

Как ни странно, Лерин тон мгновенно успокоил продавщицу шарфов. Она шмыгнула носом, спрятала серьги под ярко-красной ангорой.

– Мужик вообще убьет, – сказала она тусклым после недавнего нервного всплеска голосом. – Ну и хрен с ним! Я тоже человек...

Но настроение у нее, наверное, было испорчено: не помогла даже водка.

– Пойду я, девчонки, – сказала она. – Все равно два часа уже, через час все разбредутся, а мне еще в Чертаново пилить.

И, не простившись с ними, Галина подняла свою сумку и исчезла в редющей толпе.

Они поторговали еще полчаса и тоже стали собираться. Рынок стремительно пустел.

– С почином тебя, Лер, – печально усмехнулась Зоська. – Век бы его не иметь...

– Перестань! – оборвала ее Лера. – И правда – с почином, что в этом такого? Не надо так, Зосенька, – добавила она примирительно. – Не надо себя унижать.

– А сама? – заметила Зоська, застегивая «молнию» на почти пустой сумке. – Кто зубами скрипел в Стамбуле? Думаешь, я не видела?

– Но ведь я только сначала, – стала оправдываться Лера. – А потом все нормально стало, и не надо себя топтать, совершенно незачем!

– Потом – все нормально стало... – повторила Зоська задумчиво. – Как всегда, когда...

Но Лера уже не слушала ее. Настроение у нее, как ни странно, было хорошее. Совсем не такое, как в те несколько праздничных дней, которые провела она дома, размышляя о «другой жизни» и о себе – другой.

Всегда, когда у нее появлялось простое и внятное дело, Лера отдавалась ему полностью. И если дело удавалось, она просто радовалась этому, и гордилась собой, и печальные мысли отступали.

А сегодняшнее дело явно удалось. Она распродала почти все лифчики, сумка не оттягивала рук, и приятное сознание того, что завтра не надо будет ужасаться, входя в гастроном и присматриваясь к обновленным ценникам, подтверждало ее сегодняшний успех.

– Говорят, потепление завтра, – сказала Зося. – Хорошо бы! Я, знаешь, сегодня больше вообще ни о чем не думала, только о холоде проклятом.

– Теплолюбивое растение, – улыбнулась Лера. – Ладно, пойдем, в метро согреемся по дороге.

Глава 11

Напрасно Лера радовалась. Ее гордость собою продолжалась не дольше, чем потребовалось на дорогу от Лужников до дома. Да и смешно было бы надеяться, что у нее не хватит ума для того, чтобы реально видеть, как идет теперь ее жизнь.

«Но ведь это только пока, – пыталась она себя успокоить. – Ведь не выбрасывать же теперь товар, надо же его продать».

Но, говоря себе все это, Лера уже чувствовала, что такими же словами оправдывают себя сейчас едва ли не все те люди, которые стояли сегодня на огромной площадке в Лужниках.

И она обрадовалась, когда наконец пришел домой Костя. Сегодня он работал в Институте на Бутлерова и, как обычно, допоздна задержался в лаборатории.

К его возвращению Лера успела отогреться в горячей ванне, выпить чаю с малиной – и сидела теперь на диване, кутаясь в мягкий махровый халат.

Но то состояние, в котором она находилась, не было обычным наслаждением теплом и домашним уютом. Она так же легко привыкала к теплу, как и к холоду; все это было для нее только сменой физических ощущений, не более. Лера прислушивалась к тому, что происходило в ее душе. Ей казалось, будто льдины с треском наплзают друг на друга где-то у нее внутри.

– Костенька! – обрадовалась она, открывая дверь. – А я так соскучилась, ты себе не представляешь!

Костя поцеловал ее, снял пальто.

– Потеплело к вечеру, слава богу, – сказал он. – А днем – не представляю, как ты там стояла на морозе!

Лере было приятно, что Костя думал о ней. Хотя у нее никогда не было случая усомниться в его любви, хотя он всегда был ласков с нею, все-таки не часто он бывал внимателен. Но Лера ничуть не обижалась на него за это. Она знала, что Костя не может расплыться: талант требует от него такой полной отдачи, что на заботу о ней, Лере, просто остается мало времени и сил.

А в том, что Костя талантлив, она не сомневалась. Об этом говорило и то, что всего за несколько лет он стал правой рукой профессора Жихарева; и то, что он публиковал статьи на Западе; и то, как часто ему звонили

домой в те дни, когда он не был занят в Институте, – чтобы узнать его мнение о чем-то, не терпящем отлагательств. И коэффициент цитирования у него был – «три». Лера уже знала, что это очень много. Это значило, что работы Константина Веденеева в течение года трижды упоминались в мировой научной печати, а ведь он был еще только аспирантом!

И ей в самом деле вовсе не надо было, чтобы он заботился о ней. Она сама о ком хочешь могла позаботиться, а с Костей ей было важно совсем другое – что он есть, что он такой, как есть, и что они любят друг друга...

Она ждала его. Треск наползающих льдин, который она слышала в себе, невозможно было выносить в одиночестве. Ей казалось, что вся ее жизнь разбивается, корежится. Но она знала: когда появляется Костя, жизнь становится осмысленной, ясной, как его глаза, – и Лера особенно ждала его в этот вечер...

– Долго вы там пробыли сегодня? – спросил Костя.

Они сидели на кухне. Костя ужинал, а Лера смотрела на него каким-то странным взглядом.

– Нет, не очень, – ответила она наконец. – Или – не знаю. Кажется, долго.

– То есть? – удивился Костя. – Сколько часов?

– Неважно, Костенька, правда? – ответила Лера. – До трех почти, как все.

Она не могла понять, что с ней происходит, и главное – почему? Ведь она так ждала его, она так надеялась, что одно его появление расставит все на свои места и она станет собою – прежней Лерой, для которой не было ничего трудного в жизни и которая всматривалась в собственную душу только для того, чтобы понять, как отражаются в ней картины старых итальянцев.

Он пришел – а она осталась такой же, какой была сегодня на площадке в Лужниках... Костя не был в этом виноват, никто не был в этом виноват, но это было так, и Лере хотелось плакать от отчаяния.

Ее больше не спасал ни дом, ни муж – она менялась и начинала понимать, что эти перемены необратимы.

– Знаешь, я сегодня целый день думал, Лерочка, – сказал Костя. – Наверное, я должен помогать тебе хотя бы отвезить туда сумку... – Он смотрел на нее смущенно и вопросительно, ожидая ответа. Но Лера молчала, и Косте пришлось продолжить: – Я долго думал об этом, поверь мне... И, – Лерочка, я не могу! Я не могу во всем этом участвовать. Что мне делать?

В Костиных глазах появилось настоящее отчаяние, и Лере стало его

жаль.

– Ну что ты, Котя? – Она погладила его по руке. – Перестань, прошу тебя. Как будто я гири таскаю в этой сумке. Это же белье, оно легкое, и я его сама прекрасно донесу.

– Не в том дело... Просто я понимаю: ты взяла на себя все заботы, а я не только ничем тебе не помогаю, но и знаю, что не найду в себе мужества включиться в этот процесс...

– Костенька, – улыбнулась Лера, – но кто тебе сказал, что ты должен в это включаться? Там и мужчин почти нет, на этом рынке, – так уж получается...

– Но ведь тебе, я думаю, психологически должно быть тяжело... – начал он.

– Что? – быстро спросила Лера. – Как ты думаешь, что мне должно быть психологически тяжело?

– Например, отрываться от любимого дела, от диссертации, и вообще... Это довольно странное амплуа для такой женщины, как ты.

– Амплуа... – тихо проговорила Лера. – И диссертация... Нет, Костенька, мне не это тяжело.

– А что же? – На лице его было недоумение.

– Я сама не могу объяснить... – все так же медленно произнесла Лера. – Столкновение с жизнью? Не знаю...

Она действительно не могла объяснить мужу, что происходит сейчас в ее душе. И это было так неожиданно, так ново! Прежде не было в ее жизни ничего, что она не могла бы объяснить Косте – все было так ясно и просто...

И вдруг Лера поняла: да ведь он и не ждал от нее никаких объяснений! Он любил ее, он любит, в этом нет сомнений. Но что ему за дело и до наползающих друг на друга льдин, и вообще – до любых необъяснимых дуновений?

– Но ты не подумай, Лерочка, – снова заговорил Костя. – Я уверен, то, чем я сейчас занимаюсь, даст результат в самом скором времени. В том числе и материальный результат! У нас очень перспективная тема, над ней бьются ведущие мировые научные коллективы. Ведь будет же это когда-нибудь соответственно оплачиваться?

– Зачем ты меня уговариваешь, Костя? – поморщилась Лера. – Неужели ты думаешь, что я этого не понимаю? Или что я считаю, будто все теперь должны торговать на рынке? Да если даже и не будешь ты получать за своих улиток столько, сколько торговли за «недельки» получают, разве в этом дело?

Лера видела, что Костя обрадовался ее словам. Обрадовался – и успокоился...

– Ты удивительная жена, Лерочка! – воскликнул он. – Тонкая, понимающая. Мне так повезло, если бы ты знала!

– Пойдем спать, Костя, – улыбнулась Лера. – Смотри, уже двенадцать, нам обоим завтра рано вставать.

Костя придвинулся поближе, едва она погасила свет и забралась под зеленое атласное одеяло. Лера любила мужа, и их тайная, ночная жизнь была счастливой. Она отвечала на его ласки, на поцелуи его мягких губ, и ей по-прежнему нравилось встречать в минуты страсти взгляд его широко открытых глаз. И сегодня, почувствовав его прикосновение, она обрадовалась: чудная струна зазвенела у нее внутри ему навстречу...

Костя целовал ее, прикасался к ней – руками, всем телом. И Лера обнимала его, разгоралась вместе с ним и почему-то торопила страстную завершающую минуту, когда они одновременно задрожат друг в друге, стараясь слиться еще больше, еще...

И она наступила, эта минута, и все было так же хорошо, как всегда, и приятная, согревающая слабость овладела ею после страстных содроганий – но струна звенела по-прежнему, неутолимо.

Костя уже уснул, а Лера все прислушивалась к этому неутихающему звону.

«Что же это? – думала она, бессонно глядя на светлое пятно фонаря, видимое сквозь занавеску. – Ведь ничего не изменилось, ведь все по-прежнему, все так, как я и ожидала. Что же со мной?»

В эту ночь, через пять лет после замужества, Лера поняла, что привыкла к Косте.

Глава 12

Следующий день в Луже мало чем отличался от предыдущего. Правда, они привезли на этот раз мохер, а его покупали хуже, чем белье.

– Я же говорила: людям теперь не до тряпок будет. – Зоська пританцовывала над своей сумкой. – Лифчики приходится брать, никуда не денешься. А с мохером погодят.

Часам к двенадцати Лере начало казаться, что она не пришла сюда во второй раз в жизни, а находилась здесь всегда. Она знала это странное свойство больниц, пионерских лагерей и прочих мест, где поневоле собирается много людей: законы, которые здесь мгновенно устанавливаются, берут в плен слишком крепко, отсекая весь остальной мир.

– Если так и дальше пойдет, – сказала Зоська, – нечего здесь до конца стоять, мерзнуть зря. Пойдем домой пораньше, ладно?

Но ответить Лера не успела. Знакомая волна пробежала по толпе, и она тут же почувствовала ее, и приготовилась уже повести себя иначе, чем во время вчерашней бессмысленной паники, – например, прижаться к памятнику и остаться на месте.

Но оказалось, что на этот раз паника вовсе не была беспричинной.

– Милиция! – раздался крик.

Оглянувшись, Лера увидела милиционеров, и каких! Это был отряд конной милиции – объект особого интереса всех детей из их двора, объект обожания и завистливых взглядов...

Она смотрела на быстро приближающийся отряд и не могла сдвинуться с места.

– Лерка, ты что? – закричала Зося. – Бежим же, чего ты ждешь!

С трудом выйдя из странного оцепенения, Лера подхватила сумку и побежала – как обычно, вместе со всеми. Но кони были уже совсем рядом, убежать от них было невозможно, и Лера остановилась.

Всадники были вооружены автоматами, в руках они держали настоящие плетки.

«Как у казаков в кино», – успела подумать Лера.

Впереди отряда ехала женщина – большая, крепко сбитая, державшаяся в седле с какой-то особой, не присущей мужчинам уверенностью.

– А ну, торгашня! – крикнула она. – Пшли отсюда! Сколько можно вас гонять!

Всадница была совсем близко от Леры, и она слышала каждое слово, произнесенное этой женщиной.

– Разрешило вам государство наживать! – Милиционерша заходила в луженом крике. – Нет, все мало! Стадиона уже мало, рядом надо территорию поганить!

Всадники напирала на сгрудившихся торговцев. Людей было слишком много, и, несмотря на быстроту общего бега, не все успели отбежать подальше.

«Да что же они делают! – ужаснулась Лера. – Неужели конями будут давить?!»

Но, кажется, принимать крайние меры никто все-таки не собирался. Конная милиция должна была подействовать устрашающе, и она достигла своей цели. Площадка от решетки до Ленина опустела так быстро, словно и не было здесь только что человеческих дорожек, сумок и ширпотребовского разноцветья. Конечно, никто никуда не ушел, люди просто образовали беспорядочную толпу, в которой уже невозможно было угадать организованный рынок. Оглядевшись, Лера тут же увидела Зоську.

– Что же теперь? – спросила она. – По домам все разойдутся?

– Да какое там! – махнула рукой Зоська. – Опять встанут, не вечно же эти будут кататься. Лошади не люди, им отдых нужен. Но знаешь что? – Она решительно взглянула на Леру. – Надо оптовиков искать, хватит так надрываться! Я же говорила, первый раз зимой торгую – нет, это слишком. Всех денег не заработаешь, о здоровье тоже надо подумать.

Лера не возражала. Она вообще не думала сейчас ни о торговле, ни даже о холоде. Конные милиционеры, завершив рейд, уже исчезли, но Лера все еще видела их перед собою. Но не этих, теснящих конями людей, а других – праздничных, улыбающихся всадников своего детства, и ноябрьский пар от лошадиного дыхания...

– Что? – Лера вздрогнула от Зоськиного голоса. – Конечно, отдадим оптовикам. Как хочешь. Зося, – вдруг спросила она, – ты чувствуешь, что все уходит безвозвратно?

– Уходит? – удивилась Зоська. – Ты о чем, Лер?

Оптовичку Зоська нашла уже на следующий день. Они поторговали еще немного бельем, а кошельки и мохер продали этой высокой быстрой женщине неопределенной внешности.

– Ничего мы на этом не потеряли, – успокаивала Зоська. – Конечно, подъема большого не получается, если оптовикам сдавать, но все равно неплохо.

Глядя, как два расторопных паренька волокут вслед за женщиной их стамбульские мешки, Лера почувствовала такое облегчение, словно сбросила с плеч тяжелый груз.

«Вот и все, – думала она, возвращаясь в этот день домой. – Вот и все, и исчезла эта непонятная жизнь, и можно вернуться и забыть...»

Лера не кривила душой, когда говорила маме, что больше не собирается ехать в Турцию. Ей действительно казалось, что все это уже исчерпано и она непременно найдет другой способ зарабатывать деньги и чувствовать себя уверенно.

Может быть, так оно и оказалось бы – в другое время. Но в тот год все менялось ежедневно, и не так это было просто – обрести устойчивость в общей панике. Никому не нужны были услуги переводчицы – ни с французского, ни с английского, ни даже с итальянского: по Москве метались сотни отчаявшихся интеллектуалов, гораздо более квалифицированных, чем никому не известная аспирантка истфака.

И, отправляясь каждый день в магазин или – особенно – на аптечный склад в Коптеве, где через одну молоденькую провизоршу открылся лекарственный «канал», Лера все отчетливее ощущала замкнутость круга, в котором оказалась.

В следующий раз они поехали в Стамбул в марте, потом в мае, потом в июне. Все эти поездки слились для Леры в одну, да она уже и не воспринимала их как поездки. Просто – какое-то усилие, и все равно, где его совершать, в Москве или в каком-то другом месте.

В следующий приезд Лера пошла посмотреть Айя-Софию. Но ее разочаровал знаменитый собор: он мало чем отличался от стамбульских мечетей, был какой-то приземистый, несмотря на свою высоту. Ей даже показалось, что туристы, бродившие под его сводами, тоже немного разочарованы и словно бы отбывают свою туристическую повинность.

А Митино колечко было похоже на ту Айя-Софию, которую она себе представляла. И когда Лера смотрела на него, ей казалось, что тот, воображаемый, храм существует на самом деле.

На рынок в Лужниках они больше не ходили.

– С ума там сойдешь, – решила Зоська. – И что это за работа, от милиции бегать? Мы с тобой лучше на Переделкинский рынок поедем, в Солнцево, знаешь?

– Знаю, – ответила Лера. – Солнцевская мафия.

– Ну и что, что мафия? – не согласилась Зоська. – Мне наша челночица одна говорила, очень даже там нормально. Заплатишь «крыше», так по

крайней мере знаешь, что больше никто тебя гонять не будет. Поехали, Лера, она там два места купила, одно нам сдаст. Далековато, конечно, зато спокойно.

И они поехали.

Зоська оказалась права: Переделкинский рынок действительно производил впечатление стабильного и относительно спокойного. Надо было платить челночнице Валентине за купленное ею место, муниципалитету за право торговли, примерно вдвое больше – бандитам, расположившимся в вагончике посреди рынка, – и все, можно было торговать.

Как ни странно, оказалось, что самое утомительное во всем этом – необходимость постоянно находиться рядом с местодательницей Валентиной. Она казалась Лере не совсем нормальной – женщина с остановившимися глазами, оживлявшаяся только при виде покупателя и при необходимости отсчитывать сдачу. Единственное, о чем могла говорить Валентина, было:

– Скоро места подорожают. Как пить дать подорожают, девки, вот помяните мое слово. И солнцевские сразу цену подымут, и государство. Что тогда будем делать?

Первое время Лера еще пыталась отвечать:

– Ну, будем больше платить, что же еще можно делать?

Но вскоре она поняла, что отвечать бесполезно. Получив ответ, Валентина несколько минут молчала – и заводила все ту же песню.

Это не просто раздражало, мешало – это сводило с ума, заставляло сомневаться в собственной вменяемости. И это надо было терпеть, потому что места на рынке были распределены так плотно, что сбежать от Валентины не представлялось возможным.

Чтобы хоть как-то отвлечься от разговоров о скором подорожании мест, Лера вглядывалась в других своих соседей. Но и это не слишком улучшало настроение.

Как и на рынке в Луже, много было учителей, и их вид угнетал Леру гораздо больше, чем вид квадратных парней из «солнцевской мафии». И неизвестно, что было лучше: беспомощная покорность судьбе, которую демонстрировали одни учительницы, или агрессивная готовность отстаивать свою честь, которой отличались другие.

Одна из таких стояла прямо рядом с Лерой и Зоськой. Она была маленькая, хрупкая и злая, как оса.

«Вот, наверное, учеников мучила», – думала Лера.

Эта учительница математики торговала мужскими пуловерами с

аляповатыми картинками. Рядом с нею часто стояла ее мать, пенсионерка, всю жизнь проработавшая в той же школе, что и дочь.

– Ты, торгашка, барыга хренова! – услышала однажды Лера и мгновенно обернулась.

Перед осой-математичкой стоял подвыпивший мужик и яростно орал:

– За синтетику – такие бабки! Да я за них вон в магазине шерсть пойду куплю!

– Ну и иди! – огрызнулась математичка. – Что же ты сюда пришел?

– Не твое дело! Твое дело – барахло продавать, раз больше ни на что не способная!

Услышав эти слова, математичка не выдержала.

– Это ты мне говоришь? – закричала она. – Ты, быдло пьяное?! Да у меня, если хочешь знать, купеческая кровь! Мои предки по-настоящему торговали, пользовались уважением! А ты мне... ты мне...

Она едва не плакала, и неизвестно, чем кончилась бы эта перепалка, если бы мужик, плюнув, не пошел нетвердой походкой к другому лотку. Математичка долго не могла успокоиться. Пот выступил у нее на лбу, она достала из сумки капроновую флягу с водой и сделала несколько судорожных глотков.

– Быдло, самое настоящее быдло! – повторяла она.

Чтобы не видеть этого, Лера отвернулась. Что она могла сказать в этом мире, где все перемешалось, где никто не был ни прав, ни виноват?

Спокойнее всех, пожалуй, чувствовала себя Наташа, продававшая джинсы сомнительного происхождения. Она никогда не нервничала, не пыталась оправдаться ни перед соседями, ни перед собою: казалось, она родилась на этом рынке.

На самом деле Наташа родилась в деревне неподалеку от Переделкина и всю жизнь проработала в овощном магазине здесь же, в Солнцева.

– А теперь, девочки, какой смысл? – спокойно объясняла она. – У меня зарплата была неплохая, и сверху я каждый день еще по ползарплаты делала на весах. Это я понимаю, можно жить. А по нынешним ценам не очень-то сверху дадут сделать. Тем более, на рынке овощи дешевле бывают, чем в магазине, люди туда идут. Что ж я, дура, за зарплату корячиться?

– Наташ, – спросила однажды Зоська, – а вот было бы у тебя... Ну, не знаю, сколько. Двести тысяч баксов, например. Что бы ты с ними сделала?

– Дом бы купила в Испании, – ответила Наташа так уверенно, как будто уже съездила и посмотрела будущий дом. – А на остальные – магазин у нас в Солнцева, и джинсами бы торговала. Чтоб не на холоде и не барахлом – настоящими, фирменными. А что еще?

«Господи, – с тоской подумала Лера. – Есть же счастливые люди!»

Впечатление счастливого человека производил и еще один мужчина – один из немногих мужчин, торговавших на рынке. Когда он появился здесь впервые, Лера едва не ахнула: вот это красавец! Он чем-то напоминал Марлона Брандо, но выглядел гораздо более величественно – высокий, статный, с густой седеющей шевелюрой.

Расположился он основательно, аккуратно разложил на небольшом складном столике пакеты с женскими блузками. И начал зазывать покупателей.

Кажется, он не говорил при этом ничего особенного, но, услышав его зазывные возгласы, Лера поморщилась.

– Женщины-красавицы! – громко повторял Марлон Брандо, обращаясь к каждой, проходившей мимо его столика. – Кто вас порадует, если сами себя не порадуете? Купите блузочку, девушка, не пожалеете! Парижский шик, вам не будет равных!

Он повторял это не раз и не два – целый день, и главное, так радовался, когда его призывы достигали цели, что даже неловко было видеть его счастливую улыбку и подрагивание рук, отсчитывающих сдачу.

Он был едва ли не единственным на рынке, кто ничего не рассказывал о себе соседям – даже имени не называл. Он возвышался над женщинами – прямой, широкоплечий и красивый, и многие отводили глаза, слыша его громкий голос, – непонятно почему...

И все это повторялось каждый день, и так прошел июнь.

Мама уже перебралась на дачу к тете Кире, Костю Лера с трудом уговорила уехать к родителям в Калугу.

– Ну что мне за радость, если ты из-за меня будешь киснуть в такую погоду в Москве? – убеждала она мужа. – Котенька, подумай сам: все равно я целыми днями на рынке, все равно мне некогда. Лучше я распродам все это поскорее и приеду, правда? И может быть, это в последний раз...

Лера сама уже не верила в собственные слова; она говорила их только для Кости. Не получается в последний раз, и ничего не поделать. Единственное, на что она еще рассчитывала: действительно, как можно скорее развязаться с очередной партией товара – и засесть в Ленинке, взяться за диссертацию, пока есть деньги на жизнь.

Лера ловила себя на том, что ей уже не так и хочется писать о Тинторетто, но ей было стыдно за эти мысли. Это раньше можно было выбирать, прислушиваться к едва уловимым душевным движениям, а теперь Тинторетто вдруг оказался единственной соломинкой, за которую

она хваталась.

Если не писать диссертацию, то что тогда? Тогда, значит, она – одна из торговек, прочно обосновавшихся в Солнцево, и какая разница, в чем она убеждает себя вечерами? В том же самом, что и ее соседи по рынку...

Глава 13

Поэтому Лера радовалась, когда наступил наконец день, в который она отправилась в Солнцево с последней партией товара. Она ехала одна: теперь они часто торговали с Зоськой по очереди.

День отличался от других только Лериным настроением, все остальное было на рынке по-прежнему. Появилось несколько новых торговцев, но в этом не было ничего необычного: прежние расторговались и на время своего короткого отдыха сдавали места в аренду.

Лера даже не особенно торопилась в этот день. У нее осталось совсем немного блестящих заколок и клипсов, летом их брали хорошо, и можно было приехать попозже. Но, добравшись до своего места, она с удивлением увидела, что оно занято каким-то мужчиной.

– Эй, – воскликнул он, едва увидев Леру, – а Сима где?!

– Какая еще Сима? – удивилась она.

– Какая, будто не знаешь! Тут Симка вчера была, я ей еще фанерку дал – где она?

– Слушай, мужик! – обозлилась Лера. – Не знаю я никакой Симки и никакой фанерки. Вали-ка ты отсюда!

– Как так – вали? – возмутился он. – А фанерка моя что же, так и пропала? Симка попросила, сказала, вернет – она, мол, всегда тут торгует. А теперь что же, значит, пропала?

Лера не могла понять, действительно ли он перепутал места и убивается из-за пропавшей фанерки, или просто пудрит ей мозги, чтобы поторговать на халяву.

Она уже настроилась уйти сегодня поскорее, и ее разозлила неожиданная помеха в лице этого странного мужика. Глаза у него были какие-то мутные, и руки дергались, хотя от него совсем не шел знакомый спиртной дух. Но, в общем, он казался довольно безобидным, и Лера решила просто не обращать на него внимания.

Она поставила рядом с ним сумку, раскладные стол и стульчик и начала выкладывать заколки. Но мужик не унимался и совсем не собирался уходить.

– Ты! – завопил он вдруг. – Отдавай фанерку, на чем я сидеть буду?! У самой вон кресло тут целое, а бедный человек стоять должен?!

Голос его срывался в фальцет, он напирал на Леру и вдруг пнул ногой ее столик – так, что заколки разлетелись во все стороны. Это окончательно

вывело ее из себя, она вскочила, мгновенно соображая, как остановить этого хама. Но он вдруг повел себя совсем иначе, чем до сих пор.

Лицо мужичка исказилось, глаза побелели от ненависти. Он даже кричать перестал: весь напрягся, что-то прошипел – и выхватил из кармана нож на толстой металлической цепочке. Несмотря на кажущуюся слабость, он держал нож так уверенно, что Лера отшатнулась.

– Что, сука, не нравится? – хохотнул мужик и описал ножом блестящий круг в воздухе. – Я твою харю достану, будешь знать у меня!

«Да он же просто обкурился!» – вдруг догадалась Лера.

Она тут же вспомнила, что именно так блестели глаза у тех ребят в их дворе, что баловались планом, и движения у них становились именно такими.

Было похоже, что мужиком овладела навязчивая идея – во что бы то ни стало расправиться с Лерой, невольно ставшей объектом его раздражения. Он стремительно вращал нож на цепочке, подходя все ближе.

Леру трудно было напугать такими штучками, но обстановку она оценивала правильно. Оставалось только бежать, и, может быть, Лера побежала бы, плюнув на все, – но куда? Едва ли ей удастся убежать от наркомана: каждое его движение уже стало упругим, быстрым, и видно было, что он сделался совершенно невменяем.

Отступая от него, Лера краем глаза видела, что вокруг них образуется пустой круг: торговцы разбегались, отшатывались от сверкающего лезвия. Вот с неожиданной резвостью отпрыгнул в сторону Марлон Брандо, не забыв подхватить сумку с блузочками; отбежала Наташа, бросив джинсы...

Лера поняла, что, пока она будет поворачиваться к мужику спиной, чтобы бежать, – лезвие достанет ее. Она выставила было вперед руку, мгновенно подумав: «Лучше рука, чем глаза!» – но тут блестящий круг дрогнул, замельтешил – и нож со звоном ударился о чей-то металлический столик.

Наркоман вскрикнул, переломился пополам и выгнулся вперед, неестественно закидывая назад правую руку. За его спиной стоял высокий светловолосый парень и сжимал руку, в которой только что был нож, одновременно подталкивая наркомана, заставляя его нагибаться все ниже.

– Эй, девушки, – распорядился неожиданный Лерин защитник, – ну-ка сбегайте в вагончик, позовите бандитов. Пусть хоть немного поработают, за что же вы им платите!

Приземистый, круглоголовый и лысый Гриша появился минут через пять – подошел неторопливой, валкой походкой.

– А, опять ты! – узнал он наркомана. – Я тебе что, непонятно вчера

объяснил? Я тебе, падла, что вчера сказал? – С этими словами Гриша перехватил его руку у светловолосого парня. – Нам тут мочилова не нужно, понял? Наширлся – сиди дома!

Приговаривая это и пиная взвизгивающего наркомана ногами, Гриша поволок его к выходу с рынка.

– Надо же, – усмехнулся парень, – да они здесь за вас прямо горой. Защитники!

– Никакого им до нас дела нет. Просто им действительно мочилово ни к чему – шума много, милиция набежит, – объяснила Лера. – А вам спасибо, вы меня просто спасли.

– Не стоит благодарности, – ответил парень, помогая Лере собрать заколки. – Он же хлипкий, с ним справиться ничего не стоит.

– А мужики здешние – дерьмо, так и прыснули по сторонам, – заметила Наташа, кокетливо глядя на высокого парня и презрительно – на Марлона Брандо.

Тот уже вернулся на свое место, снова достал блузки из сумки. Но слова Наташи неожиданно взбесили его. Он покраснел, выпрямился; Лера никогда не видела его в таком волнении.

– Интересно! – воскликнул он. – Я что, по-вашему, ее защищать сюда пришел? – Он указал подбородком на Леру. – У нее, между прочим, кольцо обручальное на пальце! Ее муж, значит, дома будет сидеть, а я здесь его жену охранять? А мою, а моих близнецов двухлетних – их кто защитит?

Трясущимися руками Марлон Брандо принялся запихивать свои блузки в сумку, потом сложил столик и стульчик и быстро пошел к выходу.

– Как жизнь людей ломает... – медленно произнес высокий парень. – Где и увидишь, как не здесь...

– А вы что, жизнь здесь изучаете? – поинтересовалась Лера.

– Почти, – кивнул парень, улыбаясь. – Меня зовут Валентин.

– Лера, очень приятно.

– Скажите, Лера, – тут же спросил Валентин, – а не хотите ли вы смыться отсюда пораньше? Мне почему-то кажется, что хотите.

– Хочу, – улыбнулась Лера. – А вы разве уже закончили на сегодня?

– Вы же сами заметили, что я здесь жизнь изучаю, – ответил Валентин. – Мои штудии на сегодня можно считать законченными. Так как же?

Лера заколебалась. Конечно, она не продала сегодня ничего, но ей вдруг передалась веселая уверенность этого парня, его легкость – и невыносимо захотелось уйти как можно скорее.

– Может быть, я оптом продам кому-нибудь... – произнесла она, еще

колеблясь. – И правда – надоело.

– Вот и отлично! – сказал Валентин, тут же застегивая свою небольшую сумку, в которой россыпью лежали шариковые ручки и пластмассовые зажигалки. – Кому продавать будете?

Оптовик нашелся быстро: Лера многих знала на рынке, да и товар у нее был ходовой. Минут через двадцать она уже пробиралась вслед за Валентином к выходу.

Первое впечатление о нем не казалось обманчивым. Внешность у Валентина была удивительно располагающая: открытое интеллигентное лицо с постоянным выражением необидной иронии, веселые серые глаза. На нем была лакостовская футболка с крокодилчиком и черные джинсы.

– А правда, что вы делаете на рынке? – спросила Лера, когда они уже подошли к автобусной остановке. – Как-то не похоже, что у вас дома дети плачут.

– А у вас разве плачут? – усмехнулся Валентин.

– Ну, у меня другие обстоятельства. Вот мне и интересны ваши, – сказала Лера. – Тем более, я вас здесь раньше не видела.

– А я вчера только и появился, – объяснил Валентин. – И на вашем месте другая девушка торговала, я вас тоже впервые сегодня увидел.

– Это моя подруга, мы с ней по очереди.

– А я вообще на несколько дней сюда командирован, – сказал Валентин. И, встретив удивленный Лерин взгляд, пояснил: – Я ведь журналист, материал собираю для репортажа. Мне приятель место уступил на пару дней.

Валентин Старогородский работал в молодежной газете, которая с каждым днем набирала популярность.

– У меня, кстати, псевдоним – Валентин Стар, – сказал он. – Своя фамилия длинная слишком, не репортерская.

– Буду теперь следить за вашим творчеством, – улыбнулась Лера. – А о чем вы собираетесь писать?

– Например, о вас, – ответил он. – Мне интересно, как вы здесь оказались и почему. Вы ведь не производите впечатления потомственной торговли.

– А здесь потомственных и нет почти, – заметила Лера. – Все осваивают новую профессию, и все надеются, что это только на время.

– А вы? – быстро спросил Валентин. – Вы тоже надеетесь?

– Не знаю... Надеяться-то можно, но иногда мне кажется, что это навсегда. Только писать обо мне не надо, – решительно сказала Лера.

– Да я не собираюсь упоминать ваше имя, – успокоил ее Валентин. – И

даже факультет могу указать другой. Ведь вы студентка?

– Аспирантка.

– И о чем же вы пишете? – сразу заинтересовался ее новый знакомый.

Так, рассказывая друг другу о себе, они сели в автобус.

– Куда мы, кстати, едем? – спохватилась Лера.

– А я хотел вас в кафе пригласить, посидеть немного, – ответил Валентин. – Может быть, вы мне заодно расскажете и об этом рынке, и о челноках. У вас, я вижу, опыт уже есть кое-какой.

– Даже больший, чем мне хотелось бы, – усмехнулась Лера. – Расскажу, если вам это необходимо. Только зовите меня, пожалуйста, на «ты».

Разговаривать с Валентином было легко, он то и дело заставлял Леру улыбаться и даже смеяться. Вдруг оказалось, что поводов для смеха вокруг полным-полно. Например, яркая вывеска над подворотней: «Иномарки: восстановление, тонирование, бронирование».

– «...ритуальные услуги», – завершил Валентин. – Комплексное, так сказать, обслуживание.

– Как ты все это замечаешь! – удивилась Лера, вытирая слезы, выступившие от смеха.

– А я вообще коллекционирую такие штучки, – сказал Валентин. – Приметы времени. Вот недавно в нашей же газете реклама прошла: «Для состоятельных господ – охота на медведя, волка, рысь. Разумные цены, трофеи гарантированы фирмой». Каково?

– Приметно, – согласилась Лера, снова отсмеявшись. – В духе времени.

Она так рада была, что встретила его сегодня! Даже не потому, что он защитил ее от наркомана, хотя и это было приятно. Но от Валентина исходила такая уверенность в том, что все беды преодолимы, что жизнь в общем-то вовсе не безнадежна, – что Лера сразу воспрянула духом.

Оказывается, они направлялись в Дом журналиста. Похоже, его здесь знали: церберного вида тетка на входе приветливо улыбнулась и даже не потребовала удостоверение.

Они спустились вниз, в прохладный после июньского дня подвальчик, и сели за столик у круглого окошка.

– Значит, так, – сказал Валентин. – Я люблю пиво, а ты?

– Шампанское, – ответила Лера.

Несмотря на его приглашение, она собиралась платить сама, и поэтому вовсе не стеснялась заказывать подороже. И, кстати, ей было интересно: как он отреагирует на ее запросы? Он отреагировал совершенно спокойно.

– Отлично. А закуску я сам закажу, хорошо? Все-таки я лучше знаю здешние возможности.

Он принес от стойки откупоренную бутылку шампанского, маслины в маленькой вазочке, креветки. Потом на несколько минут вышел из прохладного буфета, и вскоре официант принес из ресторана две большие тарелки с дымящимися отбивными и разноцветным гарниром.

Лера не обедала в ресторане уже лет сто – чуть ли не с первого курса, – и ей было теперь приятно сидеть здесь с изящным и ироничным молодым журналистом, который проявлял к ней явный интерес.

Впрочем, трудно было сказать, что интересовало его больше: сама Лера или ее познания по теме его репортажа. Они выпили за успешное завершение очередного этапа Лериной торговли, и она сама не заметила, как начала рассказывать Валентину о своей первой поездке. И о таможенном обыске, и о стамбульских лавках, и о поборах на обратном пути...

Он слушал очень внимательно, но ничего не записывал, как можно было бы ожидать.

– А почему ты не записываешь? – спросила наконец Лера. – Тебе ведь, по-моему, профессионально это интересно?

– Профессионально – я все запоминаю, – ответил он. – Это довольно простая информация и, кстати, многое я уже знаю. И я думаю сейчас о другом...

– О чем же? – спросила Лера, слегка обидевшись на то, что, оказывается, ее история воспринималась им как стандартная.

– О том, что в наше время такая женщина, как ты, все-таки могла бы найти занятие получше. Ты умная, коммуникабельная, образованная, языки знаешь...

– Ну хватит, хватит, – оборвала его Лера. – Спасибо, конечно, за комплимент, но в наше время таких умных-коммуникабельных – пруд-пруди, даже на отдельно взятом Переделкинском рынке. Нас хорошо учили, – усмехнулась она. – Образовался переизбыток интеллекта, и денег за него не платят. Тем более, я не физик-ядерщик, толку от моих итальянцев никому и никакого.

– А кстати, – тут же заинтересовался Валентин, – почему именно итальянцы?

– Это долго рассказывать. Было одно сильное впечатление в детстве.

– Ну, не хочешь – не надо, – легко согласился он. – И все-таки ты, по-моему, не совсем права. Дело не в образовании – вернее, не в дипломе. Сейчас на многих местах нужны люди со свободными мозгами, а их-то как раз и немного. Во всяком случае, гораздо меньше, чем просто образованных людей. И ты, по-моему, относишься именно к таким.

– Очень может быть, – не стала спорить Лера. – В следующий раз повешу объявление на столбе: «Женщина со свободными мозгами ищет высокооплачиваемую работу».

– И с язвительным язычком, – добавил Валентин. – Зря ты смеешься, ведь я не просто так говорю. Не далее как вчера один мой приятель просил меня поискать именно таких людей – с теми качествами, которые я тебе только что перечислил. Даже из нашей газеты готов был сманить, под высокую зарплату.

– Так смани меня! – тут же предложила Лера. – Смани меня с Переделкинского рынка – я согласна!

– Я об этом и говорю, – невозмутимо согласился Валентин. – Тебе стоит попробовать себя в других жанрах.

Все это было так неожиданно, что Лера не верила своим ушам. Слишком уж похоже на сказку про Золушку – светловолосый принц, неожиданное преобразование судьбы...

– Мне вообще-то не до шуток, – сказала она неуверенно.

– А я и не шучу. У меня вообще идея появилась, пока на рынке на вашем толкался: вот где можно персонал для любой фирмы набрать! Ярчайшие личности попадаются... Но учти, – тут же добавил он. – Если ты договоришься с этим моим приятелем, работа у тебя будет не такая, чтобы в библиотеке сидеть над диссертацией.

– Ах, Валя, да я уже забыла, когда там была, в библиотеке! – невесело усмехнулась Лера. – Одни намерения. Бьюсь как рыба об лед, а все равно: только перестань биться – и под воду уйдешь... Так что за работа у твоего приятеля?

– Туристическое агентство, – сказал Валентин. – Недавно начал, но раскручивается неплохо. У него комсомольское прошлое, – объяснил он. – А это, сама понимаешь, залог успеха. Во всяком случае, начинал он не с нуля и связи наладил быстро.

Лера забыла и про отбивные, и про шампанское. Валентин говорил спокойно, и весь этот разговор казался каким-то обыденным, но она тут же почувствовала, как много он может значить в ее жизни.

– Ему можно позвонить? – спросила Лера.

– Конечно. Я дам тебе его телефон, а сам ему звякну сегодня вечером. Только ты прямо завтра позвони, – добавил Валентин. – Он не любит, когда сомневаются. Ночи хватит тебе на раздумья?

– Я могу позвонить сегодня, – сказала Лера. – Даже прямо отсюда, из автомата.

– Ну-ну, не надо крайностей, – улыбнулся Валентин. – Я же сказал –

завтра.

Увидев, что Лера достает кошелек и ищет глазами официанта, Валентин недоуменно вскинул брови.

– Я уже заплатил, – сказал он. – Ты хочешь расплачиваться еще раз?

Они прошли немного по бульварам и простились у метро «Пушкинская». Перед тем как спуститься вниз, Валентин сказал:

– Ты мне свой-то телефон дай все-таки? Может, еще когда-нибудь пообщаемся.

– Да, – спохватилась Лера. – Конечно! И ты мне – свой.

Она провела с ним приятнейший день и с удовольствием встретила бы еще. Валентин напоминал ей и полузабытых за этот год однокурсников, и даже дворовых друзей-приятелей – он был отличный парень!

И все же в ее отношении к нему примешивался и другой оттенок. Лера поняла, что он понравился ей как-то иначе, чем мог бы понравиться просто новый хороший знакомый. Было что-то будоражащее в его ироничном взгляде, и в голосе, и в манере говорить...

Почувствовав это, Лера удивилась – так удивилась, что даже остановилась прямо посреди Страстного бульвара, у Петровских ворот. Это было так странно, это было какое-то новое отношение к мужчине, неизвестное ей до сих пор.

С того дня, как Лера влюбилась в Костю, мужчины не существовали для нее как объекты особого, женского внимания. Она только отмечала их человеческие качества: вот этот – порядочный человек, а тот – просто нахал без совести. И вдруг...

И как только она это поняла, ей стало жаль себя прежнюю.

Ей не было по-настоящему жаль ничего, что уходило безвозвратно: ни ноябрьских демонстраций, ни дешевой колбасы, ни даже уверенности в завтрашнем дне. Она, например, смотрела на конную милицию на рынке в Лужниках, вспоминала детство, сказочных милиционеров на могучих конях, и думала: вот, и это кончилось, – и в этих ее мыслях тоже не было сожаления.

Но себя прежнюю ей было жаль до слез. Себя – жену своего мужа Кости, дочку своей мамы, аспирантку профессора Ратманова. Она нравилась себе – та, и ее – той – больше не было. А какая была теперь, Лера не знала...

Глава 14

Валентин позвонил через три дня.

– Что, на мази дело? – спросил он веселым голосом. – У меня легкая рука, мне все говорят.

– Спасибо, Валя! – Лера обрадовалась, услышав его голос. – Мы отлично договорились с Андреем Павловичем, он мне уже рассказал, чем надо будет заниматься, послезавтра начинаю.

– Турагентом? – уточнил Валентин.

– Да. Исходная зарплата неплохая, а вообще – от того, сколько народу отправлю в поездки.

– Меньше получится, чем на рынке, – заметил Валентин. – Туризм – это, знаешь, больше в перспективе...

Это-то Лера понимала. Трудно было представить, чтобы, например, ее обнищавшие родственники и знакомые ринулись вдруг на Канары. А те редкие люди, которые уже могли себе это позволить, еще не создавали тот поток, который необходим для стабильной работы.

Но ей было важно сейчас даже не то, сколько она будет получать – во всяком случае, достаточно, чтобы не чувствовать себя нищей. Дело было в другом. Впервые за последние нескончаемые месяцы, думая о том, чем ей придется заниматься ежедневно, Лера не испытывала прилива безнадежной тоски. Даже наоборот!

Она думала об огромном мире, по которому свободно перемещались люди, который ей тоже предстояло теперь узнать и который она уже сейчас начинала представлять все яснее и отчетливее. Ей вообще необходимо было все осваивать воображением; любое ее решение могло основываться только на сильном впечатлении – так было с самого детства.

И поход в туристическую фирму «Московский гость» вдруг оказался не просто деловым визитом. Лера почувствовала это, едва войдя в небольшой офис, который к тому же располагался совсем рядом с ее домом, на Петровских линиях, – и это тоже значило больше, чем просто удобное местоположение.

В светлом холле, прямо напротив входной двери, висела большая, на полстены, фотография, подписанная: «Отражение площади Сан-Марко», – и Лера остановилась перед этой простой фотографией в таком оцепенении, точно это была настоящая старинная картина.

Самой площади не было видно – она была залита серебристо-

коричневой водой, и по воде шли где-то вдалеке мужчина и женщина в высоких сапогах. А вокруг них, прямо под их ногами, площадь отражалась вся: уходила в глубину воды колокольня Святого Марка, трепетал Палаццо Дукале, вздрагивала в водной ряби часовня с двумя бронзовыми фигурами...

Отражение Венеции манило к себе в неярких красках дождливого дня – манило так властно, словно можно было шагнуть в него прямо отсюда, из дома в центре Москвы.

«Да-а, – подумала Лера, с трудом стряхнув оцепенение. – Если человек вместо рекламного плаката поярче вешает прямо у входа такую фотографию...»

Андрей Павлович Майборода казался совсем молодым – лет тридцати, не больше. Изящный костюм в едва заметную елочку шел даже к его взгляду – изучающе-приветливому. У него была по-настоящему располагающая внешность, хотя первое, что бросалось в глаза при взгляде на него, был именно элегантный костюм в елочку.

Лера даже усмехнулась про себя. Ей никогда не приходилось видеть людей, чья внешность была бы столь же явно располагающей, сколь маловыразительной.

«Ему бы резидентом быть где-нибудь в Европе, – подумала она, присматриваясь к возможному шефу. – Можно с ним целый день проговорить – и забыть, как он выглядит».

Но, во всяком случае, он не казался ни наглым, ни глупым, – и этого было достаточно.

– Прекрасная фотография в холле у вас висит, – сказала Лера сразу после того, как они представились друг другу.

– А! – улыбнулся Майборода. – Да, хороший снимок. И отражает некоторые неясные мечтанья... Но знаете, Валерия Викторовна, будни наши, можно сказать, прямо противоположны тому настроению, которое в этом снимке, так сказать, выражается.

– А я и не предполагала, – улыбнулась в ответ Лера, – что мне придется гулять под дождем по Венеции. Наверное, у меня будут более конкретные обязанности?

– Разумеется. Вы будете формировать туристские группы. Видите ли, мы начали неплохо, но у нас еще практически не сложился ни круг клиентов, ни даже список приоритетов.

«Язык у него суконный, – отметила про себя Лера. – Но что он хочет сказать – понятно, и на том спасибо».

– Хотя, – продолжал Майборода, – по сравнению с другими

турфирмами мы можем чувствовать себя уверенно. Мы умеем угадывать веяния времени, и в этом наше преимущество. Сначала, пока жизнь располагала к привычному отдыху, отправляли людей на уже освоенные курорты – Балатон, Карловы Вары, Золотые Пески. А потом, когда все это началось, – он сделал неопределенный круговой жест рукой, – не погнушались организацией шоп-туров в Турцию, в Польшу, даже в Китай. И таким образом у нас всегда были клиенты, при любой ситуации. А теперь времена снова будут меняться, и мы собираемся идти немно-ожко впереди перемен. – Он протянул это «немно-ожко» и улыбнулся с забавной хитринкой. – Вы понимаете?

– В общем, да, – кивнула Лера. – Вы хотите сказать, что у многих людей начнут появляться деньги не только на то, чтобы ездить на заработки, но и для отдыха, и для развлекательных путешествий?

– Вот именно! – Майборода обрадовался так, словно Лера проявила бог весть какую проницательность. – Именно это мы и собираемся обеспечивать. Разумеется, не теряя того, что уже наработано. Поэтому наша задача теперь: освоить не самые дорогие, но привлекательные страны. Если мы оба решим, что вы будете у нас работать, – он бросил на Леру быстрый взгляд, – то вы примете в этом участие. Кроме того, – добавил он, – я жду от турагентов и собственных идей. Разумеется, не в ущерб их основным обязанностям.

– Что ж, мои задачи мне ясны – в общем, конечно, – сказала Лера.

– А мои обязанности по отношению к вам будут заключаться в следующем...

Леру устраивало то, что он предлагал. Ее это даже более чем устраивало – и, как она вдруг поняла, не только по сравнению с торговлей на Переделкинском рынке. Просто все то небольшое, что уже было связано для нее с этой возможной работой, соединилось в какую-то особенную цепочку – даже фотография в холле...

Ей понравилось даже то, что Андрей Павлович Майборода смотрел на нее как-то нейтрально, без того интереса, который мужчина мог бы испытывать к привлекательной молодой женщине. С недавних пор Лера мгновенно чувствовала по отношению к себе этот интерес.

А сейчас его не было, и это сразу ее успокоило. Ей показалось, что, разговаривая с ней, Майборода словно бы занят чем-то другим, более важным, чем этот разговор.

«Чем же, интересно? – подумала она с любопытством. – А впрочем, все равно, это его дело».

– Итак, Валерия Викторовна, я посмотрю ваше резюме. – Он выговорил

новое слово «резюме» с особенным удовольствием. – И завтра сообщу вам свое решение по телефону. И выслушаю ваше.

– Скажите, Андрей Павлович, – спросила Лера перед тем как проститься, – а почему ваша фирма так странно называется?

– Что же странного? – удивленно спросил он.

– Да просто: ведь «гость» – значит «купец».

– Да нет, этого я не имел в виду и даже не знал, – протянул Майборода.

– Или это может еще значить, – продолжала Лера, – что вы ждете гостей, понимаете? То есть что ваша фирма настроена на прием гостей в Москве.

– Вот это точно – нет! – тут же возразил он и даже рукой махнул. – Еще этого мне не хватало – иностранцы в Москве! Вы себе представляете, какая это головная боль по нынешним временам? То путч, то просто пальба в подворотне, то рэкет, то ворье. Нет, это исключено! Я просто обозначил наших туристов на Западе – московские гости, и все.

Но эти последние несколько фраз уже были не важны, и они простились, вполне довольные друг другом.

Валентин пообещал позвонить через пару дней: возился с рыночным репортажем. Положив трубку, Лера долго еще сидела рядом с телефоном. Она сама не понимала, почему так взволновал ее звонок Старгородского – обычный звонок человека, посодержавшего в устройстве на работу и теперь поздравляющего свою протезе.

Лера вспоминала их случайную встречу на рынке, свободное, уверенное поведение Валентина, его располагающую ироничность... Она впервые думала о совершенно постороннем мужчине с таким чувством!

«Чего же я жду? – думала она, машинально не отводя руки от телефонной трубки. – Какого развития отношений, и неужели я вообще жду каких-то особенных с ним отношений? Что же это со мною?..»

Телефон зазвонил снова – так неожиданно, что Лера вздрогнула и не сразу подняла трубку.

– Лерочка? – услышала она голос профессора Ратманова. – Ну, наконец-то! Вас не застать дома. Неужели в библиотеке все время проводите?

Георгий Александрович засмеялся, а Лера почувствовала, что все похолодело у нее внутри. Этот звонок прозвучал совершенно неожиданно, и она не знала теперь, как разговаривать с Ратмановым, что сказать ему. Хотя – ведь понятно, что разговор с ним должен был состояться рано или поздно...

– Милая Валерия, я мечтаю увидеть черновой вариант, – сказал

Ратманов. – Согласитесь, я не слишком надоедал вам в процессе работы, но ведь и меня уже торопят. Сегодня Люся интересовалась, на какое число ставить ваше обсуждение на кафедре.

– Я должна поговорить с вами, Георгий Александрович, – набрав побольше воздуха, словно перед прыжком в холодную воду, сказала Лера. – Когда у вас будет время?

– Да когда угодно, Лерочка, чем скорее, тем лучше!

– Тогда я приду завтра, хорошо? – предложила она. – На кафедру.

Этот звонок вызвал у нее совсем другие размышления, чем разговор с Валентином.

Ратманов... Лера влюбилась в него с первого курса, с первой лекции. Конечно, совсем не так, как влюблена была в Костю, или как влюблены были в своих кавалеров ее однокурсницы.

Профессор Ратманов словно создан был для того, чтобы вызывать восхищение, и Лера восхищалась им каждый раз, когда видела. Он был блестящим человеком, и это был блеск подлинности, блеск глубокого ума. За все пять лет на истфаке Лера не видела никого, кто мог бы хоть отдаленно с ним сравниться. Она чувствовала жизнь в каждом слове, которое произносил Георгий Александрович, в самой парадоксальности его мыслей и в том, как он рассказывал о временах, давно ушедших, и о людях, давно умерших.

Он был вторым человеком – после Елены Васильевны, – который разбудил Лерино воображение, заставил почувствовать цельность жизни во всех ее проявлениях. И ему она должна была сказать сейчас то, чего он меньше всего ожидал от нее.

Ратманов пил чай, сидя за столом у окна, и просматривал какие-то бумаги. Лаборантка Люся сидела напротив и смотрела на него ожидающе. Наверное, он должен был что-то ей сказать, просмотрев эти листки.

Лера тихо приоткрыла дверь, остановилась на пороге. Ей вдруг стало страшно. И даже не только от того, что она должна была сейчас сказать Ратманову. Ей стало страшно оттого, что она уже чувствовала себя здесь чужою, что настоящая ее жизнь проходила теперь где-то вне этой тихой комнаты, которую она прежде так любила...

– Здравствуйте, Георгий Александрович, – сказала она, так и не решаясь войти.

– А, Лерочка! – обрадовался Ратманов. – Рад видеть. Вы все хорошеете, молодеете.

– Скоро буду совсем младенцем выглядеть, – попыталась улыбнуться

Лера.

Она чувствовала неловкость еще и от присутствия Люси – первой кафедральной сплетницы. Лера готовилась к разговору с Ратмановым, но почему-то совсем упустила из виду, что он может состояться не наедине.

Но Ратманов словно почувствовал, как взбудоражена его аспирантка Валерия Вологодина.

– Люсенька, – сказал он, – можешь отнести Марецкому и сказать, что я со всем согласен. Спасибо ему, что счел нужным мне показать, прежде чем подписывать. Иди, милая, он ждет, наверное.

Люся бросила на Леру быстрый взгляд, в котором сквозило досадливое любопытство, и, нехотя взяв бумаги, вышла из комнаты.

– Что с вами, Лера? – спросил Ратманов. – Вы взволнованы, я вижу – но чем? Работа не ладится? Или, не дай бог, дома что-то случилось?

Он смотрел на нее встревоженно, и эта тревога в сочетании с благородством только делала его взгляд и внешность еще более выразительными.

– Нет, ничего. – Лере вдруг так захотелось, чтобы действительно ни о чем не надо было говорить ему – и как это было бы прекрасно! – То есть да, Георгий Александрович... – Она вздохнула, снова набирая побольше воздуха, и сказала: – Дело в том, что я не буду писать диссертацию.

Она знала Ратманова достаточно хорошо для того, чтобы понять: он не начнет ахать, не схватится за валидол; наверняка он попросит ее объяснить. И это казалось ей сейчас самым трудным.

– Та-ак, – произнес Ратманов, становясь серьезным. – И что же, это ваше окончательное решение?

– Боюсь, что да.

– А объяснить его вы можете – внятно, так, чтобы даже я понял?

– Я попробую, Георгий Александрович, – начала Лера. – Вы же знаете, я ничего не писала – все оставила на последние полгода, и я вам говорила, почему. Я не могу писать медленно, мне важно сначала представить, в голове все оживить – и тогда я напишу легко, а без этого все равно смысла нет, хоть десять лет сиди.

Ратманов кивнул.

– И теперь дело не в том, что я не успеваю, поверьте! – продолжала она. – Знаете, еще три месяца назад я просто сказала бы вам: мне надо зарабатывать деньги, у меня не остается времени больше ни на что – и это была бы чистая правда. Но теперь...

– Что же произошло теперь, Лерочка?

Ратманов всматривался в ее лицо так внимательно, точно она должна

была сообщить ему что-то очень важное – не только для нее, но для него самого.

– Теперь я поняла, что должна выбирать. Да, у меня действительно не останется времени ни на что, кроме той работы, которую мне сейчас предлагают. Но вернее – меня не останется больше ни на что, вы понимаете? Я чувствую, что от меня потребуется такая самоотдача, какой я раньше просто не знала... И я должна решить: или я принимаю это предложение и не пишу диссертацию, или пишу – но тогда моя жизнь всегда будет идти так, как идет она сейчас.

– А ведь я даже не знаю, как идет она сейчас... – вдруг сказал Ратманов – сказал совсем не то, что ожидала Лера. – Ведь я ничего о вас не знаю, Лерочка. Ну, муж, мама, тема диссертации – и ведь это все.

– Но... Я не понимаю, Георгий Александрович, – выговорила Лера, глядя на Ратманова с нескрываемым удивлением. – Что же еще я могу вам сказать о себе?

– Да, извините, моя дорогая. Действительно, что это я любопытствую! Я просто не смог объяснить, что имею в виду... Знаете, вы всегда казались мне барометром, Лера, – понятно мое странное сравнение? Еще тогда, на первом курсе, когда греческую мифологию мне отвечали, помните? Я даже обрадовался тогда, слушая вас. Вот, думаю, если такая живая, такая искрометная девушка говорит об этих греках с таким искренним воодушевлением – значит, не мертвой материей мы все здесь занимаемся. И сейчас мне кажется, что я понимаю, о чем вы хотите мне сказать. Вы чувствуете, что из всего этого ушла жизнь, – так, Лера? Вы перестали чувствовать биенье жизни в том, чем занимались до сих пор?

Он смотрел на нее с таким тревожным ожиданием, что Лера невольно отвела глаза.

– Я не знаю, Георгий Александрович, – произнесла она наконец. – То есть – я не знаю, действительно ли ушла из всего этого жизнь, или это только для меня так... Нет, знаю! – вдруг сказала она решительно. – Для меня. Я перестала чувствовать прелесть застывших форм – кто это говорил мне об этом? Я не знаю, почему это случилось – время переменялось, что ли? Но мне тесно в застывших формах, мне хочется чего-то другого. Вы понимаете, я вдруг почувствовала, что сама могу что-то делать в этой жизни, как-то менять ее. Что сама могу действовать в ней, а не наблюдать за ее тихим течением. И это сильнее наркотика, я не могу от этого отказаться!.. Я говорю глупости, это совершенно непонятно, Георгий Александрович?

Лера действительно боялась, что говорит сбивчиво, непонятно. Ведь

она собиралась сказать Ратманову совсем о другом, когда шла сюда, и вдруг... Она и сама не до конца понимала то, о чем говорила ему сейчас; слова рождались в те самые мгновения, когда она их произносила.

– Нет-нет, почему же непонятно? – покачал головой Ратманов. – Может быть, я все-таки не совсем примитивен эмоционально, правда? Но как вы все-таки думаете, это вот именно только для вас так? – снова спросил он.

И вдруг Лера поняла: да ведь он ищет у нее ответа на вопрос, который мучит его самого! Может быть, это он перестал чувствовать биенье жизни...

Словно подтверждая ее слова, Ратманов медленно произнес:

– Страшное время, Лерочка... Нет, не потому, что трудное, не потому, что нестабильное. Разрушительное время, понимаете? Как будто цунами проходит по всему, проверяя все на прочность, – наши души в первую очередь. Достаточно ли мы были честны во всем: в своих занятиях, пристрастиях, чувствах... И не у многих хватает мужества сказать: я занимался не своим делом, я любил не того человека, я притворялся перед самим собой.

– Но, Георгий Александрович... – Лера растерялась, слыша его слова. – Вы думаете, я притворялась перед собой, или...

«Или любила не того человека?» – вдруг захотелось ей спросить.

– Вы – ни в коем случае, – возразил Ратманов. – Вы-то как раз всегда казались мне честной, и у вас, по-моему, и сейчас хватает мужества таковою оставаться. Именно мужества, – повторил он. – Потому что, поверьте старику, изучать Тинторетто гораздо проще – даже сейчас, – чем бросаться в эти волны. А вы бросаетесь, вам дорого что-то едва уловимое и опасное, и вы многим готовы ради этого пожертвовать – ведь так?

– Да, – кивнула Лера.

Его слова не казались ей непонятными – наоборот, он говорил именно о том, что чувствовала она сама. Действительно, она «бросалась в эти волны» не из-за такого простого дела, как деньги. И это она почувствовала, как ни странно, в ту минуту, когда смотрела на фотографию отраженной Венеции.

Можно было и дальше ездить время от времени в Турцию, приторговывая на рынке, зарабатывая таким образом на жизнь. Ведь она в последнее время уже начала догадываться, как можно выкраивать время для библиотеки, для диссертации, – и собиралась это делать.

Но что делать тогда со своей изменившейся душой, с той струной, которая зазвенела в ней недавно и которую ничто не могло утолить?..

– Что ж, Лерочка, – вдруг улыбнулся Ратманов. – Помогай вам бог. Не

могу сказать, чтобы историческая наука теряла в вашем лице нового Тарле... Вы не обижаетесь за мою старческую прямоту?

– Ну что вы, Георгий Александрович! – Лера почувствовала некоторое облегчение. – Я и сама понимаю, я же итальянцами моими так только начала заниматься... Из-за одного только детского впечатления, если честно. Какой уж там Тарле!

– Но мне безумно жаль вас терять, – продолжал Ратманов. – Как будто уходит лучшее, что во мне было... И самое живое. Вот какой, знаете ли, парадокс. Поэтому, Лера, я буду рад, если вы передумаете. Когда-нибудь, все равно когда. Я буду рад без объяснений, вы понимаете? Я вас помню, Лера, вы – одно из лучших воспоминаний моей университетской деятельности. Понимаете, моя неудавшаяся аспирантка?

Он снова улыбнулся, как будто не сетовал на ее неудачную карьеру, а поздравлял с каким-то важным успехом. И Лера улыбнулась ему в ответ – с благодарностью за то, что он понял ее сбивчивую речь, и понял все, что с нею происходило. Понял – и благословил.

Она шла на эту встречу с тяжелым сердцем, а уходила с ощущением такой легкости, какой давно уже не помнила в себе. Нет, она не перестала чувствовать перемены, произошедшие в ней. Но она вдруг поняла, что между Лерой нынешней и той, прежней Лерой, – нет пропасти. И воспоминания тут же нахлынули на нее...

Глава 15

В день своего рождения Лера заболела – надо же, чтобы такое невезение! И к тому же не каким-то безобидным насморком, а заразной свинкой, и пригласить, значит, никого нельзя... А она уже всем обещала: вот скоро мне будет девять лет, и мама испечет новый торт, и разрешит праздновать хоть до ночи – я же тогда буду взрослая...

А теперь вместо праздника и гостей сиди одна перед телевизором! Даже торт, который мама все-таки испекла, Леру ничуть не успокоил, даже книжка про Чингачгука... Болела голова, шею было не повернуть, да еще погода была мрачной – серый снег до сих пор лежал на карнизе под окном, а ведь был уже конец марта.

По телевизору тоже показывали что-то скучное: какой-то урок математики, потом – природоведения, потом, кажется, музыки – на экране появилась девочка с белыми бантами и села к роялю.

Девочка начала играть, Лера слушала. Сначала рассеянно – но не выключать же телевизор, – а потом, незаметно для себя, стала вслушиваться в каждый звук. Девочка играла что-то печальное, похожее то ли на осень, то ли на пасмурную весну – такую, как была сейчас за окном. Но эта грустная музыка совсем не нагоняла тоску – наоборот! Она словно вбирала в себя тоску, и душа становилась легкой, ясной, и настроение менялось.

– Не болит голова, Лерочка? – Мама заглянула в комнату. – Может, выключить телевизор?

– Нет, мам, послушай! – воскликнула Лера хриплым из-за свинки шепотом. – Как красиво она играет! И совсем не взрослая...

– Как ты, не старше, – подтвердила мама. – Умница какая.

Мама в то время старалась обращать Лерино внимание на всех «умниц», которые попадались в жизни. Ее пугала дочкина непоседливость, излишняя, как ей казалось, живость.

– Вот бы и тебе так, – заметила она, умиленно глядя на девочку с бантами. – Ведь и пианино есть... Жаль, что ты такая неусидчивая!

– Откуда ты знаешь? – обиделась Лера. – Я ведь не пробовала еще на пианино играть. Может, у меня как раз получится?

Пианино у них было простое – «Заря». Оно осталось от покойного дедушки. Тот мечтал, чтобы Лерина мама училась играть, но как-то не получилось это, и вышло, что пианино было куплено зря. Лера научилась

играть на нем «Чижика-пыжика», и еще ей нравилось открывать крышку и, нажимая на клавиши, смотреть, как молоточки ударяют по струнам.

– Знаешь что? – тут же сказала она. – Когда принимают в музыкальную школу? Я хочу пойти!

– Правда, Лерочка? – обрадовалась мама. – Очень хорошо! Но ведь там экзамен, – тут же усомнилась она. – И, по-моему, тебе уже поздно в первый класс. Кажется, там детей помладше принимают.

– Ничего, я попробую, – заверила Лера.

Девочка с бантами играла теперь какую-то веселую польку, но это было Лере уже не так интересно. Она не могла забыть, как музыка забрала себе ее грусть.

Лера даже представить себе не могла, что ее не примут в музыкальную школу! Ей всегда казалось, что достаточно захотеть – и все получится. И вдруг...

Высокая, изящная учительница в очках, принимавшая экзамен, вышла в коридор и зачитала взволнованным родителям список принятых детей. Валерии Вологдиной в этом списке не было.

– Как же так? – Надежда Сергеевна расстроилась едва ли не до слез. – Что же теперь делать, Лерочка?

– Не знаю, – мрачно пробормотала Лера.

Ей не то чтобы неприятно было, что ее не приняли, – ей просто хотелось играть на пианино, и вдруг это не удавалось!

– Я сейчас спрошу, почему, – решительно сказала мама и направилась к учительнице в очках.

– Вологдина? – переспросила та. – Ах да, помню. Видите ли, ваша девочка, конечно, не без способностей, и слух у нее можно развивать. Но у нас в этом году такой конкурс... Нам приходится выбирать только тех, у кого уже сейчас заметно серьезное дарование, вы понимаете?

– Но она так хочет... – растерянно сказала Надежда Сергеевна. – Что же теперь делать?

– Вероятно, поискать частного педагога, – пожала плечами учительница. – Я же сказала: девочка не без способностей, для себя ей, может быть, и стоит позаниматься.

С тем они и ушли из музыкальной школы.

– Не расстраивайся, Лерочка! – убеждала ее по дороге мама. – Она же сказала: способности у тебя есть, надо искать учителя. Мы и поищем, ведь учитель – не иголка, правда? А знаешь что? – Надежда Сергеевна даже остановилась от неожиданной догадки. – Я у Елены Васильевны спрошу –

что она посоветует?

Услышав об Елене Васильевне, Лера тоже воспрянула духом. Она видела эту женщину, маму Мити Гладышева, только изредка, когда ее вывозили гулять во двор или на бульвар – то Митя, то домработница Катя. У Елены Васильевны не двигались ноги, и она всегда сидела в инвалидной коляске с большими колесами.

Но даже неподвижная, даже издалека, она казалась Лере необыкновенно красивой! Это была не просто красота – от нее веяло каким-то неуловимым очарованием, в ней была такая утонченность, которую чувствовала даже девятилетняя Лера.

Конечно, Елена Васильевна могла посоветовать, где учиться музыке! Надежда Сергеевна говорила, что она даже сама учила своего Митю, пока он был маленький и пока не выяснилось, что ему надо учиться серьезно.

Мама отправилась к Гладышевым в тот же вечер. Она так радовалась дочкиному желанию учиться музыке, что боялась, как бы оно не прошло так же неожиданно, как возникло.

– Лерочка! – радостно сказала Надежда Сергеевна, вернувшись часа через полтора от соседей. – Ты представить себе не можешь: Елена Васильевна сказала, чтобы ты сама к ней пришла, она хочет тебя послушать! И, может быть, сама и будет с тобой заниматься... Она такая чудесная женщина, Лерочка, – умная, образованная, а такая простая, приветливая. Завтра же и пойдешь, она пригласила к десяти утра.

Так Лера впервые оказалась дома у Гладышевых, и с того дня переменялась ее жизнь.

Дверь Лере открыла Катя – крупная, широкоплечая женщина лет сорока, постоянно жившая у Гладышевых. Ее-то Лера видела часто и часто стояла с ней в одной очереди в гастрономе.

– В библиотеке подожди, – сказала Катя без лишней приветливости. – Сейчас выйдет.

И скрылась где-то в глубине огромной полутемной квартиры.

Лера прошла по длинному коридору туда, куда указала ей Катя, и попала в библиотеку. И – остановилась посреди комнаты, не в силах даже пошевелиться.

Она никогда не видела, чтобы в обыкновенном доме, в обыкновенной квартире было столько книг! Они занимали все стены просторной комнаты, высились на стеллажах от пола до потолка, их старинные золотые корешки поблескивали за стеклами. Казалось, что они живые и просто замолчали с приходом Леры – ненадолго, чтобы потом опять заговорить своими особыми, величественными голосами.

Только небольшая часть стены не была занята книгами. И там, в неярком свете, падающем из окна, Лера увидела картину.

Это была старинная картина, такие она прежде видела только в Пушкинском музее, куда их класс водили на экскурсию. На картине была изображена широкая мраморная терраса над спокойной водой; за водой, на другом берегу – горы, высокие и причудливые, и замок в горах, и маленькая деревня... На террасе сидели и стояли люди – Лере сразу бросилась в глаза фигура молодой женщины в черном, с молитвенно сложенными руками, и мужчина с мечом. И над всем этим странным, необыкновенным пейзажем, над всеми этими людьми плыли невысокие облака и отражались в спокойной воде.

Лера не понимала, почему так потрясла ее эта картина, но она глаз не могла отвести от нее. Ей казалось, весь мир вместился в это удивительно заполненное пространство.

– Вам нравится? – услышала она женский голос и вздрогнула от неожиданности: ей уже трудно было представить, что кто-то еще существует в этом мире книг и единственной картины.

Елена Васильевна смотрела на Леру, остановившись в дверях библиотеки. Дома она передвигалась сама – на другой коляске, изящной и блестящей, колеса которой крутила руками.

– Д-да, – с трудом произнесла Лера, поворачиваясь на голос вошедшей.

Она совсем растерялась, оказавшись в этом необыкновенном доме, и ей даже захотелось убежать. К тому же, никто еще не называл ее на «вы».

Лера совсем забыла, зачем сюда пришла, и о своем желании играть на пианино. Даже смешным казалось теперь это детское упрямое желание – по сравнению со всем тем подлинным и никогда не виданным, что вдруг ее здесь окружило.

– Она действительно необыкновенная, – подтвердила Елена Васильевна, точно услышала Лерины мысли. – Я вам потом про нее расскажу, хорошо, Лерочка? А теперь пойдете, ведь вы хотите на фортепиано заниматься, правда?

Лера кивнула, хотя вовсе не была теперь уверена, что пришла сюда именно за этим. Но и уйти ей уже казалось невозможным.

В общем-то Елена Васильевна проверила ее так же, как на экзамене в музыкальной школе: попросила отвернуться, а потом повторить на пианино те ноты, которые проигрывала за Лериной спиной, попросила что-то пропеть...

Сначала Лера делала все это машинально и, наверное, не слишком удачно, но вскоре ей передалась спокойная доброжелательность Елены

Васильевны, и она увлеклась, оживилась и стала держаться свободнее.

Елена Васильевна тут же заметила это и улыбнулась:

– Вот так бы и сразу, Лерочка. Почему вы робеете, ведь у вас все получается!

– Правда? – обрадовалась Лера. – А в школе сказали совсем другое...

– В школе свои требования, к сожалению, – заметила Елена Васильевна. – Они думают о себе, а не о вас. Но не будем их осуждать: на то есть причины. А мне кажется, что вам, во всяком случае, полезно будет позаниматься музыкой – тем более что вас это увлекает.

– И это правда, что вы сможете со мной позаниматься? – не веря своим ушам, спросила Лера.

Здесь, в этом доме, ей показалось невозможным то, о чем вчера сообщила мама.

– Почему же нет? – ответила Елена Васильевна. – Ведь мой день не так уж и заполнен. Митя целый день либо в школе, либо занимается. И поверьте, Лерочка, мне бывает одиноко... Правда, – заметила она, – я могла немного утратить свою преподавательскую квалификацию. Я ведь после Мити ни с кем не занималась, а это было так давно, лет десять назад.

– Ну что вы, Елена Васильевна! – горячо возразила Лера.

Она смотрела на эту женщину с нескрываемым восхищением, и та улыбалась ей в ответ. Елене Васильевне Гладышевой было на вид не больше сорока, и все в ее хрупком облике было необыкновенным. Глаза – не черные и не карие, а какие-то по-особенному темные, глубокие и выразительные – располагались на лице так причудливо, что их наружные уголки, опущенные вниз, были совсем скрыты густыми ресницами, и непонятно было – что таится там, под их сенью, какая загадка? И линия губ – странная, неуловимая, то и дело меняющая очертания; и прямой нос, и плавный абрис щек, – все это придавало ее лицу какую-то живую трепетность.

Лера глаз не могла отвести от ее лица, как только что – от старинной картины!..

– Если вы не возражаете, мы могли бы с вами заниматься два раза в неделю, – сказала Елена Васильевна.

– Хорошо, – выдохнула Лера.

– Все у вас действительно будет хорошо, Лерочка, не волнуйтесь, – добавила она мягко, но уверенно.

И Лера тут же успокоилась! Ей вообще-то и не присуща была робость, так неожиданно охватившая ее в этом доме. Может быть, поэтому она и успокоилась так легко, от одной фразы Елены Васильевны. А может быть,

дело было в том, как та произнесла эту фразу.

– А какая это картина, Елена Васильевна? – напомнила Лера. – Там, в библиотеке?

– А! Это вообще-то копия, но очень удачная. Она была в свое время сделана для Музея изящных искусств – знаете, цветаевского, на Волхонке? Но по каким-то причинам не попала туда, скиталась по частным собраниям, пока ее не купил мой дед. Здесь она пережила и революцию, и все остальное. Кто автор копии, я не знаю, а подлинник хранится во Флоренции, его написал Джованни Беллини.

– А как называется подлинник? – спросила Лера, едва Елена Васильевна замолчала.

Леру уже перестало удивлять, что та говорит с нею серьезно, как со взрослой. Да она и почувствовала себя взрослой – именно такой, с какой разговаривала эта женщина.

– Это трудный вопрос, – улыбнулась Елена Васильевна. – Ее часто называют «Святой беседой», но Павел Муратов, например, считает это название ошибочным. Он полагает, что она должна называться «Души чистилища» – видите, ведь все происходит на берегу Леты.

Все это было так ново, так необычно! Лера не ошиблась, когда почувствовала совсем особенный мир, открывающийся на этом полотне.

– А кто такой Павел Муратов? – снова спросила она.

– А я вам дам его книгу, – тут же предложила Елена Васильевна. – Мне иногда кажется, что это лучшее из написанного об Италии. Пойдемте, Лерочка, вы мне поможете достать.

С этими словами она выехала из комнаты, где стояло пианино, и направилась по коридору к библиотеке. Лера пошла за ней.

Книга была большая, в старинном переплете. Достав с полки, Лера держала ее в руках осторожно, как хрустальную.

– Не бойтесь, читайте легко и спокойно, – заверила ее Елена Васильевна. – Эта книга предназначена для чтения, а не для благоговения – она очень живая.

Поблагодарив, Лера решила, что пора идти. Ведь они уже поговорили о будущих занятиях, и ей было неудобно задерживать Елену Васильевну. И она уже открыла было рот, чтобы проститься, – как вдруг замерла.

Откуда-то из глубины квартиры послышалась музыка – это был голос скрипки, и это, конечно, играл Митя.

Лера никогда не слышала, как он играет; даже удивительно, ведь они росли в одном дворе, и все знали, что Митя играет на скрипке. Но сейчас эти чудесные, чистые звуки словно застали ее врасплох – впрочем, как все

в этом доме.

– Вы слушаете, Лерочка? – заметила Елена Васильевна. – Не торопитесь, подождите – сейчас Митя выйдет. Он не будет долго заниматься, просто повторяет один пассаж перед уроком.

– Тогда я послушаю? – сказала Лера.

– Ну конечно! Правда, хорошо?

Это было не просто хорошо – это было иначе, чем можно высказать словами... Митина скрипка спрашивала о чем-то – спрашивала ее, Леру, и тут же сама отвечала – именно то, что она, Лера, хотела ответить. А потом тихо смеялась над нею же, над ее смущенной неловкостью, и тут же восхищалась – ее же, Лериным, живым восторгом. И звала, и манила, и тосковала, и радовалась... Лера никогда не думала, что такое вообще может быть, что это доступно человеку!..

Она перевела дыхание только когда мелодия закончилась – как будто даже дыхание могло помешать скрипачу.

– К-как же это... Как же это может быть? – медленно произнесла она.

– Я сама удивляюсь, – тихо ответила Елена Васильевна. – И никто не объяснит... Что ж, Лерочка, – значит, до послезавтра? Извините, я должна идти. А Митя сейчас выйдет, он рад будет вам.

И, кивнув Лере с прежней приветливостью, Елена Васильевна скрылась в коридоре. А Лера осталась в библиотеке, держа в руке книгу «Образы Италии» и ожидая Митю с таким чувством, точно должна была увидеть его впервые.

Но он был точно такой, каким она видела его во дворе, каким знала чуть ли не с рождения. Лера даже усомнилась на минуту: неужели это он только что играл?

– Привет! – сказал Митя, появляясь в дверях. – Ну как, будешь заниматься?

Вид у него был самый обыкновенный, но Лера вдруг поняла, что играл именно он – и поняла потому, что он был удивительно похож на мать; она только сейчас это заметила.

Правда, в его облике не было той хрупкости, которая сразу бросалась в глаза в Елене Васильевне. Скорее, наоборот: и в том, как он вошел в комнату, и в том, как посмотрел на Леру – одновременно с интересом и с усмешкой, – чувствовалось что-то, показавшееся ей твердостью или даже решимостью; вот только решимостью на что?

Но глаза у него были точно такие же, как у матери, и так же непонятно было, что таится в их уголках, под сенью темных прямых ресниц?

– Буду, – ответила Лера. – А ты так хорошо играл, просто ужас!

– Почему же ужас, если хорошо? – усмехнулся Митя. – Ты приходи, я тебе еще поиграю, если понравилось, – тут же предложил он.

– Я приду, – ответила Лера. – Я буду два раза в неделю приходить.

– Вот и отлично. Увидимся!

– А чья это музыка была? – спросила Лера ему вслед.

– Моцарта, – ответил он.

И подмигнул ей, уже без усмешки и насмешки, а просто весело; и вышел из комнаты.

Дома Лера открыла книгу Павла Муратова. Шелестела прозрачная бумага над иллюстрациями, и просторная веранда над рекой Летой проглядывала сквозь нее.

«У него есть своя стихия, не только краски и формы, но целый объем чувств и переживаний, составляющих как бы воздух его картин, – прочитала Лера. – Никто другой не умеет так, как он, соединять все помыслы зрителя на какой-то неопределенной сосредоточенности, приводить его к самозабвенному и беспредметному созерцанию. Рассеянное воображение Беллини часто бывает обращено к простым вещам, оно охотно смешивает великое с малым».

Лера мало что поняла в этой фразе, но эти слова зазвучали в ней со всей силой необъяснимой убедительности.

Так появились в ее жизни образы Италии и Елена Васильевна Гладышева.

Наверное, Лера была не очень одаренной ученицей. Правда, пальцы у нее оказались подвижные, гибкие, и бегали они по клавишам легко. Но, глядя на их бег, Елена Васильевна едва уловимо улыбалась.

– Я плохо ими двигаю? – тут же заметила Лера.

– Нет, двигаешь хорошо, – ответила та. – Легко и быстро. Но этого мало.

– А что же еще надо? – тут же спросила Лера.

Она чувствовала, что звуки, выходящие из-под ее рук, – какие-то слабые, поверхностные, но не могла понять, в чем дело.

– Надо многое, – ответила Елена Васильевна. – Если бы это можно было так просто объяснить, если бы дело было только в технике! Что ж, попросту говоря: тебе, например, надо повзрослеть.

– Почему? – удивилась Лера. – Чтобы кисть стала длиннее?

– Нет, – улыбнулась Елена Васильевна. – Чтобы чувства стали глубже. И тогда ты сама поймешь, что требуется от твоих пальцев. Конечно, это не

значит, что ты тут же этому и научишься. Но для тебя, для твоей будущей жизни, мне кажется, – понять даже важнее, чем научиться.

Елена Васильевна знала очень много таких вот, таинственных и не очень понятных, вещей. В ее словах была та же мимолетная убедительность, что и в книге Павла Муратова, которую Лера читала теперь постоянно, удивляя и немного пугая свою маму.

И примерно через полгода Лера поняла, что ходит в этот дом не столько ради своей пианинной учебы, сколько ради этих неожиданно возникающих слов или даже долгих разговоров.

Елена Васильевна рассказывала ей о живописи: в гостиной Гладышевых висело много картин, и это были уже не копии, а подлинники. Были среди них даже эскизы Коровина и Левитана, подаренные авторами деду Елены Васильевны – профессору Академии художеств.

– Ведь моя семья – петербургская, – объяснила Елена Васильевна. – Дед поздно перебрался в Москву, так сложились жизненные обстоятельства. И ведь что удивительно: я родилась здесь, выросла, да что там – здесь родилась моя мать. А все-таки я больше люблю Петербург, и иногда даже чувствую себя немного чужой в Москве... Это Митин отец – коренной москвич, бог весть в каком поколении. Его дед был профессором Московской консерватории, дружил с Рахманиновым, у Сергея Павловича даже хранится их переписка.

За полгода Лера ни разу не видела Митинового отца, и это казалось ей странным, потому что имя Сергея Павловича Гладышева часто упоминалось в доме. Однажды она даже решилась спросить Митю:

– А папа твой где?

– Он много ездит с концертами, – ответил тот. – Он очень хороший пианист.

И все, а что это за концерты, которые длятся полгода без перерыва, – не сказал.

Если перед Еленой Васильевной Лера благоговела, то с Митей ей было так легко, словно он был ее братом и словно она знала его с пеленок. Даже о книгах она по-другому говорила с Митей, чем с его мамой.

А читать Лера стала теперь так много, что сама себе удивлялась. Она быстро перечитала все, что было дома, потом стала брать книги у Гладышевых – а это можно было делать бесконечно.

Елена Васильевна любила объяснять Лере, что хотел сказать автор, что значит тот или иной образ, – и Лера слушала, затаив дыхание, не переставая удивляться точности объяснений, которая так поразила ее с самого начала, с самого первого разговора с Еленой Васильевной.

А Митя, кажется, ничего не объяснял – наоборот, он сам слушал Леру. И только иногда произносил всего несколько фраз – так незаметно, что она даже не всегда их улавливала. Но, неожиданно для нее, оказывалось, что после этих Митиных фраз все ее представление о прочитанном менялось. И как ему это удавалось, непонятно.

– Почему же мы с тобой даже во дворе никогда не дружили? – удивлялась Лера.

– Да ведь у меня времени мало на двор, – улыбался Митя.

Он был старше Леры на пять лет и в свои четырнадцать уже учился в выпускном классе ЦМШ при Консерватории.

– Жалко... – говорила Лера. – У нас там так хорошо, и все друг за друга. Ты все-таки выходи когда-нибудь.

– Не в скакалки же мне с вами прыгать, – словно оправдывался Митя.

Впрочем, Лера вскоре с удивлением заметила, что он все-таки бывает во дворе. Не то чтобы выходит специально, потолкаться в подворотне, как выходили его ровесники, – а как-то мимоходом. Но эти его мимоходные появления почему-то встречаются взрослыми людьми как серьезные события.

Однажды Лера даже видела, как один из самых уважаемых во дворе людей, дядя Леха Буданаев, разговаривал о чем-то с Митей – и при этом слушал так внимательно и смотрел на Митю так уважительно, словно перед ним был не четырнадцатилетний мальчик, а по меньшей мере ровесник. А дяде Лехе было лет сорок...

«О чем это они говорят?» – удивилась Лера.

И прислушалась, остановившись у подъезда и делая вид, что вытряхивает камешек из туфельки.

– Значит, не о чем жалеть, Митя? – спросил дядя Леша.

– Не о чем, – твердо ответил Митя. – Никому вы жизнь не поломали, а о том, что с самим собой произошло, – об этом как жалеть?

Это были загадочные слова – такие же загадочные в своей точности, как те, что иногда произносила Елена Васильевна. Но Митя говорил совсем иначе, чем она. В его словах была такая спокойная твердость, какой Лера никогда не слышала в нежном, с вопросительными интонациями, голосе его матери.

Конечно, какие ему скакалки!

Но с ней Митя всегда говорил как со взрослой. Он не притворялся серьезным: Лере казалось, что ему действительно интересно с ней, и она гордилась этим. И замечала, что у него меняется лицо, когда он слушает ее рассказы о каком-нибудь странном сне, или о «Соборе Парижской

богоматери», только что ею прочитанном, или просто о том, что произошло с нею за день в школе и во дворе.

Конечно, она начала это замечать, когда немного повзрослела. Но это произошло очень скоро: Лера стала взрослеть не по дням, а по часам, познакомившись с Гладышевыми.

– Мить... – осторожно спросила она однажды, увидев эту перемену в его лице во время их разговора. – А что это ты слушаешь?

– Почему – что? Тебя.

– Нет, ты как-то переменялся, знаешь? Я не могу объяснить...

– А! – догадался Митя. – Это из-за звуков.

– Из-за каких еще звуков? – удивилась Лера.

– Разных. Я их все время слышу, – сказал он так спокойно, словно речь шла о том, чего не слышать невозможно.

– И сейчас? Когда мы с тобой разговариваем?

– Да – всегда. Но когда ты говоришь, они меняются, – вдруг добавил он. – И я прислушиваюсь: они всегда по-разному меняются, когда ты говоришь.

Лера почувствовала, что это правда. Митя вообще никогда не говорил неправды, и как он говорил – так и получалось. В этом он был необыкновенный, и это было в нем всегда – как слышимые им звуки.

Как-то она рассказала ему о том, что Витька Долгач из второго подъезда научился играть на гитаре.

– Но это же просто, – сказал Митя.

– Да? – удивилась Лера. – И так красиво! А ты умеешь?

– Наверное. Я вообще-то не пробовал. Подожди-ка!

Он поднялся и вышел куда-то – они сидели в его комнате и разговаривали, это было после Лериного урока, и ей было тогда одиннадцать лет, а ему – шестнадцать.

Митя вернулся через пять минут, держа в руках гитару – золотисто-коричневую, старинную, с тонкой инкрустацией и причудливой сеточкой трещин на лакированной поверхности.

– Ой, откуда она у тебя? – обрадовалась Лера.

– Деда, наверное. Или, может быть, даже прадеда. Пение под гитару – это ведь всегда любили.

Он коснулся струн, перебрал их, словно спросил о чем-то. И струны тут же ответили ему таким таинственным, доверчивым перезвоном, что у Леры замерло сердце. Митя улыбнулся этим звукам, подкрутил немного колки и спросил:

– Что же тебе сыграть?

– Что хочешь! – воскликнула Лера. – А что ты знаешь?

– Ну, что... – Он на минуту задумался. – Вот это, например.

И он сыграл «Гори, гори, моя звезда», потом «Утро туманное», потом – вдруг – совсем другое: «Пароход белый-беленький». И каждый раз перед тем как играть, он проводил по струнам этим легким, едва уловимым вопросительным движением...

Лера боялась дышать, сердце у нее звенело в такт гитарному перебору. К тому же она впервые слышала, как Митя поет, и голос у него тоже был удивительный – таинственный, как уголки глаз под ресницами.

– Нравится тебе, я вижу? – улыбнулся Митя, когда струны затихли. – Больше, чем скрипка?

– Не то что больше, – смущенно ответила Лера. – Но под гитару ты же еще и поешь, и песни такие...

Услышав это, Митя рассмеялся.

– Вот и старайся после этого! Играй, дирижируй, а девочке нравится песенка Шпаликова, и ничего с этим не поделаешь!..

Но это было все-таки не совсем так. Лере нравилось все, что делал Митя, и как он дирижировал – тоже, хотя она видела это всего один раз, за два года до этого разговора.

На концерт в Большой зал Консерватории ее пригласила Елена Васильевна.

– Приходи с мамой, Лерочка, – сказала она. – Я позвоню Надежде Сергеевне. Это должен быть хороший концерт, и – ты знаешь? – Митя впервые будет дирижировать настоящим оркестром. Я очень волнуюсь, Лера! – В глазах ее вдруг мелькнул неподдельный страх. – Ты приходи непременно. Будет очень красивая симфония Гайдна, она редко исполняется.

Надежда Сергеевна тоже волновалась, но совсем по другой причине: ей хотелось, чтобы Лерочка выглядела как можно более празднично.

– Если Елена Васильевна сама нас пригласила, – объясняла она, – значит, обратит внимание на то, как ты выглядишь. И ей будет приятно, если ты оденешься торжественно.

Лера не понимала, почему это так уж важно, но не возражала маме. И та нарядила ее в кремового цвета платье с кружевами, которое незадолго до этого собственноручно пошила и вышила; и длинные золотисто-каштановые волосы не позволила распустить, как обычно, а повязала в них поблескивающий бант.

А сама надела праздничный кримпленовый костюм, достала из шкафа

французские духи, подаренные сто лет назад тетей Кирой, – в общем, по полной программе.

– Представляю, как Елена Васильевна волнуется! – сказала она. – Такой сын, ведь это ответственность какая!

– Почему? – удивилась Лера.

– Потому что талантливый, – объяснила мама. – Талант – это ранимость, Лерочка.

– Но Митя совсем не ранимый, – возразила Лера. – Он очень сильный, ты же его не знаешь!

– Может быть. А может быть, ты просто не замечаешь. Ты же маленькая еще все-таки.

– Он тоже не взрослый, – обиделась Лера.

– Взрослый, – не согласилась Надежда Сергеевна. – Он, по-моему, с рождения взрослый. Тем более, с мамой такое несчастье...

Несчастье действительно произошло с Еленой Васильевной с самого Митинового рождения: во время родов что-то случилось у нее с позвоночником, поэтому она и не могла ходить. И поэтому, как знала теперь Лера, у нее часто бывали приступы боли – из-за них она даже отменяла несколько раз уроки.

Лера впервые была в этом зале и удивилась тому, как сочетается в нем величественность, торжественность – и какое-то тихое тепло, струящееся в самом воздухе, в самих звуках настраивающихся инструментов.

Места у них были хорошие – в середине зала, и сцена вся видна. Лера сразу увидела Елену Васильевну. Та сидела в своем кресле неподалеку от них, в проходе, и неотрывно смотрела на сцену, даже когда на ней еще никого не было. Лицо у нее было бледное, в руках она сжимала белый платочек. Она даже не взглянула в Лерину сторону, и та подумала: «Вот, а мама выдумала со своим платьем!»

Митя должен был играть в самом конце, это Лера уже знала. А сначала играли другие – то виолончелистка, то пианист со скрипачом, то струнный квартет. Каждый раз выходила на сцену полная женщина с высокой прической, в длинном бархатном платье и объявляла очередной номер так торжественно, точно он-то и был самым главным.

Но Лера знала: самое главное – когда будет Митя.

Оркестранты расселись на сцене, начали настраивать инструменты. И вдруг Лера увидела, что перед каждым пюпитром стоит зажженная свеча.

«Зачем? – удивилась она. – Ведь и так светло».

И как только она это подумала – свет тут же погас. Теперь сцена освещалась только множеством свечей. Их огоньки трепетали в

полутемном пространстве, и это было так таинственно, так захватывающе, что Лера забыла обо всем.

И Митя вышел на сцену неожиданно. Лера даже не сразу узнала его, такой он был необычный в этот день. Даже не из-за темного костюма и бабочки на белой рубашке, а из-за выражения сосредоточенности, которое было на его лице, и из-за необычного блеска глаз, казавшихся особенно глубокими в полумраке.

– Гайдн, симфония «Прощальная», дирижирует Дмитрий Гладышев, – объявила дама с привычной приподнятостью.

Но теперь-то Лера поверила ее торжественному тону.

Она не знала, на что смотреть – на тонкую дирижерскую палочку в его поднятой руке или на мерцающие огоньки – и от этого не сразу поняла, как дирижирует Митя.

И только потом ее поразило: как свободно и неотменимо управлял он этим оркестром, как подчинялись движению его рук звуки скрипок, и виолончелей, и еще каких-то духовых инструментов, которых Лера даже не знала! Он постоянно показывал им что-то правой рукой, и еще, совсем по-другому – левой. И показавшийся ей огромным оркестр послушно следовал за его движениями.

Это было необыкновенное зрелище. Лера вдруг почувствовала, что Митя управляет здесь всем – даже трепетом свечного пламени, что от его рук тянутся невидимые нити к каждому из оркестрантов...

Но самое красивое началось потом. Отыграв свою партию, каждый из музыкантов вдруг вставал, задувал свечу и уходил! И Лере казалось, что это Митя отпускал его, разрешал уйти.

Оркестр становился все меньше, свечи исчезали одна за другой вместе со звуками. И наконец на сцене остались два скрипача, и их скрипки разговаривали друг с другом и с Митей, и две свечи освещали их лица...

А потом и они взяли последнюю ноту, и свечи погасли, и зал погрузился в темноту.

И уже в темноте, за мгновение до того как вспыхнул свет, раздался шквал аплодисментов! Лера тоже вскочила, тоже захлопала вместе со всеми, почти не слыша взволнованного голоса мамы:

– Как красиво, как чудесно! И Елена Васильевна как рада...

Теперь, в ярком свете, Лера смотрела только на Митю. Она видела капли пота у него на лбу и то, что он остается таким же сосредоточенным, как вначале – как будто музыка еще звучит. Он поклонился, постоял немного на сцене, словно прислушиваясь к неслышимым теперь звукам, – и ушел, провожаемый аплодисментами и криками «Браво!».

Лере даже неловко было подходить к Елене Васильевне, окруженной теперь толпой людей – судя по всему, знакомых, подошедших поздравить ее. Лицо у нее покраснелось, она отвечала им, улыбалась, в глазах ее стояли слезы – и Лере казалось, что любых слов будет сейчас мало...

И вдруг она увидела Митиного отца. Она сразу поняла, что это он, и сразу вспомнила, что иногда видела его во дворе, когда он входил в подъезд. Но тогда она даже и не думала, кто это, а теперь догадалась сразу.

Митя был совсем не похож на него – вернее, в чертах их лиц не было ничего схожего.

«Он на Бунина похож!» – вдруг поняла Лера, вглядываясь в лицо Сергея Павловича Гладышева, стоявшего в проходе неподалеку от Митиной мамы.

Она видела фотографию Бунина как раз у Гладышевых и даже рассказы его уже читала – тоже брала у них.

Сергей Павлович был светловолос, с короткой прической, глаза у него были серые, спокойные, а руки – такие большие, что это даже издали было заметно. Он выглядел гораздо старше Елены Васильевны.

«А Митя все-таки на папу похож! – тут же подумала Лера. – И руки тоже большие, и вообще...»

Она вдруг поняла, откуда у Мити эта твердость, такая заметная с первого же взгляда. Сергей Павлович стоял в огромном зале, в толпе людей, как капитан на мостике. И в нем была та самая спокойная решимость, которая всегда чувствовалась в его сыне...

Но не успела Лера взглянуть в него повнимательнее – он повернулся и вышел, и больше она его не видела.

Во всем этом была какая-то загадка отношений между тремя людьми, особенно ощутимая сейчас, после триумфального концерта.

Как же Лера могла сказать, что ей не нравится Митино дирижирование!

Но гитара нравилась ей больше всего, как ни стеснялась она в этом признаваться. Хотя – чего же стесняться: ведь она не была музыкантшей, и слух у нее был самый посредственный, и, наверное, в музыке она чувствовала только то, что поддается неискнутому впечатлению.

Вскоре выяснилось, что Митя знает множество песен, каждую из которых Лера могла слушать по сто раз.

– Откуда ты их знаешь? – удивлялась она.

– Да слышал где-то! – усмехался Митя. – Слышал случайно – может быть, на улице – и запомнил. Не специально же я их учу.

Но, например, песни про снежиночку Лера что-то никогда и ни от кого больше не слышала – ни в одном походе, куда она часто ходила теперь со

школьным турклубом, ни в одной компании, куда ее тоже охотно приглашали. Может, Митя сам ее выдумал?

Из-за этих песенок Митя чаще стал появляться во дворе. Уже не мимоходом, а специально выходил вечерами: сидел на спинке скамейки посреди бульвара, играл и пел – и целая толпа слушала его и подпевала.

Лера всегда была среди них и даже гордилась, что вот – все собралось слушать Митю, и готовы слушать хоть до утра, а она знает его лучше всех, и первая слышала эти песни...

Она радовалась, что Митя словно соединяется с тем, чем был для нее их чудесный двор. Сама она вроде бы не была дворовой девчонкой, но, живя здесь, невозможно было не усвоить то, чему учил двор, – и хорошее, и плохое.

Правда, Лера и не умела это разделять. Конечно, нехорошо было, что многие пробовали дешевое крепкое вино уже лет в десять. Но, с другой стороны, что-то не слышно было, чтобы кто-нибудь стал из-за этого алкоголиком. Разными они становились, но не из-за вина, попробованного во дворе.

И драки здесь бывали жестокие, и вид финки ни у кого не вызывал душевного трепета – ну и что? Так оно было в жизни – и почему перед жизнью нужно было трепетать?

Двор учил принимать неожиданность любых сочетаний.

Прошло два года с того дня, как Лера впервые переступила порог гладышевской квартиры, и то чувство, которое она испытывала теперь, казалось ей совсем другим, чем в первый день... Или сама она изменилась?

Наверное, с ней произошло то, что имела в виду Елена Васильевна, когда говорила: «Ты должна повзрослеть». За эти два года Лера стала настолько взрослее, что сама это чувствовала.

И дело было не только в том, что она уже читала Гюго, и Мопассана, и Пушкина, и Толстого, и Бунина, и Лермонтова, и еще множество книг. Она стала иначе видеть простые события – стала чувствовать за ними ту глубину, которая открывается зоркой душе даже за обыденным явлением. И не могла сказать, что сыграло в этом большую роль – объяснения Елены Васильевны или Митины короткие фразы.

Но Лера чувствовала и другое: замкнутость, завершенность того мира, которым был гладышевский дом. Она любила приходить сюда, она ни за что не отказалась бы от этого, – и ей же тесно становилось иногда в этих больших комнатах. И, выходя во двор, она думала: как хорошо, что можно выйти оттуда, а если бы оставаться там все время? И пугалась самого этого предположения.

А Мити хватало на все. Способность воспринимать любые сочетания была в нем, кажется, заложена изначально. Он и на скамейке в парке был такой же, как в отцовском кабинете, где всегда занимался скрипкой. И даже одет был так же – изящно, но без щегольства. И сигарета в зубах ему шла – он с самого начала курил хорошие сигареты, а не «Беломор», которым принято было фразериться перед старшими. И так же смотрел, и так же слушал: одновременно – окружающих и те звуки, о которых говорил Лере...

Лера думала: «Наверное, потому к нему все и относятся так – потому, что он не подстраивает себя ни под кого, и под себя никого не подстраивает».

Может быть, она не в одиннадцать лет так думала, а уже потом, когда стала старше. А может быть, и в одиннадцать.

Лере вообще иногда казалось: все, что есть в ее душе, было в ней всегда, а с возрастом только поднималось на поверхность, делалось отчетливее. Наверное, в этом они с Митей больше всего были похожи.

Однажды она поняла, что больше не хочет заниматься музыкой. Это должно было произойти рано или поздно. Весь дом Гладышевых был музыкой пронизан, и, слушая Митю – даже гитарные песенки, – Лера не могла не чувствовать, что это на самом деле такое. Как же смешны были по сравнению с этим ее попытки брэнчать на пианино!

Как-то она пришла к Гладышевым пораньше – или просто Елена Васильевна задерживалась почему-то с уроком? Во всяком случае, Лера сидела за фортепиано и проигрывала «К Элизе» Бетховена.

Мама не могла без слез слышать, как Лерочка это играет.

– Так красиво и так серьезно! – говорила она. – Как хорошо все-таки, что ты занимаешься...

Но сама Лера уже думала иначе.

Она злилась на себя за то, что не может понять, что же именно не удается ей в этой вещи, и даже за то, что ее все-таки привлекают эти звуки.

Она не заметила, как Митя вошел в гостиную и остановился за ее спиной.

– Немного по-другому, – сказал он. – Показать?

– Да, – кивнула Лера.

И он показал – так, что Лере расхотелось повторять.

Стоило Мите проиграть начало, как она тут же поняла, что именно ей не удавалось. Лера даже не знала еще, как это назвать – то умение спросить, и вслушаться в ответ, и самому ответить, которое было в Митиной игре и

чувствовалось сразу.

Сама она играла «К Элизе» так, как будто знала все наизусть еще до первого аккорда и должна была только воспроизвести то, что знала. А Митя – как будто в каждой ноте таилось нечто, до последнего мгновения ему неведомое. И, словно в благодарность, это «нечто» тут же начинало звучать под его пальцами.

– Поняла? – спросил он, отводя руки от клавиш.

– Поняла, – кивнула Лера. – Митя, – тут же сказала она, – я не буду больше заниматься.

– Ну, не надо так. – Он положил свою руку на ее, лежащую на клавишах, и какой-то случайный аккорд прозвучал под их пальцами. – Я ведь с четырех лет играю, меня мама начинала на фортепиано учить, и потом я тоже на нем играл...

– Не потому, Мить, – покачала головой Лера. – Ты же видишь...

– А я радовался, что ты приходишь, – сказал он. – И тут же добавил, словно торопясь объяснить: – С тобой интересно, ты быстро соображаешь.

– Я и буду приходить, если твоя мама разрешит, – ответила Лера.

– Разрешит, – улыбнулся Митя. – Она тоже с удовольствием с тобой разговаривает.

Так Лера перестала заниматься музыкой и стала приходить к Гладышевым просто так, без расписания и без видимой цели.

Ей по-прежнему нравилось разговаривать с Еленой Васильевной о книгах, о художниках. И спрашивать ее: почему, например, мадам Бовари отравилась – вместо того чтобы воспитывать свою дочку?

А с Митей можно было разговаривать и о другом – о том, о чем она бы под страхом смерти не стала говорить с его мамой.

Однажды Лера уже с обеда выглядывала в окно – ждала, когда Митя вернется из Консерватории. И, увидев, что он появился наконец в арке и идет по двору, – едва отсчитала полчаса, чтобы побежать к Гладышевым. Ей надо было поговорить с ним как можно скорее.

Ей было тринадцать лет, впечатления захлестывали ее, и то, что она хотела спросить у него, – надо было спросить немедленно.

К счастью, Катя была занята, Елены Васильевны тоже не было слышно; Митя сам открыл дверь.

– Это ты, Лерка! – обрадовался он. – Хорошо, а то я тебя сколько уже не видел? Неделю?

– Наверное, Мить, – нетерпеливо подтвердила Лера. – Знаешь, я хочу тебя спросить...

– Пальто сними, – посоветовал он. – И пойдем все-таки в комнату. Или тебе нравится орать на весь подъезд?

– Митя! – воскликнула Лера, когда они наконец уселись в гостиной, под картинами. – Скажи мне, как ты думаешь: какой может быть любовь?

– Вот это да! – Митя рассмеялся так, что даже слезы выступили у него на глазах. – Вот это я понимаю – вопрос! Интересно, как же я должен тебе ответить – одним словом или можно все-таки тремя?

– Как хочешь, – серьезно ответила Лера. – Я тебя спрашиваю про конкретный случай, а ты смеешься!

– Так расскажи мне свой конкретный случай, – попросил Митя. – Ты что, влюбилась?

– Нет, но понимаешь... Я видела такое...

И Лера рассказала Мите о том, что произошло с нею сегодня утром и из-за чего она никак не могла успокоиться.

Началось все с довольно безобидной вещи: с патронов. Их было у Леры десять штук, и достались они ей от Гришки Власюка, ее одноклассника. А Гришка, как выяснилось, стащил их у отца, потому и отдал на хранение Лере. Патроны – вернее, порох, который предстояло из них извлечь, – предназначались для новогоднего фейерверка.

– Ты только спрячь получше, – попросил Гришка. – Я такие петарды сделаю – все ахнут! И тебе дам одну, вот увидишь. Только надо, чтоб не нашли пока, а то отберут, сама понимаешь.

Гришкина просьба заставила Леру задуматься. Сразу согласившись спрятать патроны дома, она совсем забыла о том, что любимое занятие мамы – уборка. Этим она занималась каждый день, и предсказать, что в квартире станет на этот раз объектом вытирания, мытья и перебирания, – было совершенно невозможно.

И, конечно, мама могла обнаружить патроны в любой момент – например, пока Лера будет в школе. Можно было себе представить ее реакцию!

Поэтому, поразмыслив немного, Лера решила спрятать патроны на чердаке. Не в их подъезде – у них чердак был переделан в служебную квартиру, в которой жила Зоська Михальцова, – а в соседнем: там чердак был пуст, открыт и завален всяким хламом.

Она проскользнула в подъезд утром, перед школой: и не слишком светло, и, если мама увидит ее из окна, то подумает, что Лера зашла за Лариской Рябоконе, чтобы вместе идти в школу.

Патроны оттягивали мешок со сменкой, и Лера старалась подниматься как можно более бесшумно. Просто боялась, как будто кто-нибудь мог

случайно выглянуть из-за двери и спросить: «А что это, девочка, у тебя в мешочке?!»

Чердачный люк открылся без скрипа, и Лера уже поставила колено на грязный пол, чтобы взобраться на чердак, – как вдруг замерла, боясь пошевелиться. В самом дальнем углу чердака, у полукруглого тусклого оконца, она увидела двоих.

Она даже не сразу поняла, кто эти мужчина и женщина. Только потом, через минуту, различила в сером свете весеннего утра, что мужчина – просто Сашка Глазьев, десятиклассник из их школы. А кто была женщина, Лера не знала: ее и не видно было, женщину – только ноги, обнимающие Сашкину спину над спадающими брюками...

Одна нога была голая, а на другой висели полуспущенные колготки и цеплялись за какую-то консервную банку, валяющуюся рядом на полу. Ноги женщины двигались в такт Сашкиным торопливым движениям, и слышны были только ее отрывистые стоны с тихими взвизгами.

Вообще-то для Леры не были такой уж загадкой отношения мужчины и женщины – как и для большинства ее ровесников во дворе. О них много разговаривали, о них рассказывали анекдоты, над ними любили смеяться старшие парни и даже девчонки. Да и переулки вокруг Цветного бульвара традиционно славились как место, где всегда можно было найти женщину на любой вкус и за любые деньги.

Но чтобы увидеть самой, и, главное, – на вонючем чердаке, на заплеванном полу...

Лера даже испугалась сначала, но тут же ей стало так противно, что она приложила руки к горлу, чтобы сдержать подступающие спазмы. И осторожно сползла вниз, испачкав платье о край чердачного люка.

Вот об этом она и хотела спросить сейчас у Мити: какой может быть любовь? То, что делал на чердаке Сашка с женщиной в спущенных колготках, принято было называть любовью – во всяком случае, именно об этом как-то загадочно, не договаривая, писали в книгах, которые читала Лера.

Но неужели то, что она увидела, можно было назвать этим словом?

Митя нахмурился, когда она рассказала ему об утреннем происшествии.

– Вечно ты лезешь куда не надо, – сказал он. – Ну что ты забыла на чердаке?

– Неважно, Митя! Мало ли что – надо было, – отмахнулась Лера. – Но ты мне скажи: разве может быть такая любовь?

Митя молчал, а Лера смотрела на него вопросительно.

Она спрашивала его об этом даже не потому, что он был старше, что

ему было уже восемнадцать – мало ли было во дворе старших, восемнадцатилетних! Она спрашивала Митю, потому что только он мог объяснить так, чтобы стало понятно раз и навсегда. Так объяснить, как играл на гитаре: песенки простые, а за каждым звуком – больше, чем слышится сразу...

– Как же так, Митя? – повторила она.

– Что ты хочешь, чтобы я тебе сказал? – ответил он наконец. – Дал определение любви?

– А хотя бы!

– А это невозможно – любовь бежит определений.

– Но все-таки, – не отставала Лера. – Ведь любовь – это же должно быть красиво, правда? А там – если бы ты видел! Грязно, кошками воняет, банки какие-то валяются... Разве можно любить, когда так все?..

– Лер, – решительно сказал Митя, – если ты хочешь, чтобы я тебе ответил, ты меня про этот случай не спрашивай. Я не знаю, что там происходило и почему, вот и не хочу об этом говорить, ты понимаешь? И ты лучше забудь об этом, раз уж увидела. Это не то, что тебе необходимо помнить.

Он встал, прошелся по комнате, потом остановился перед Лерой и, присев по своему обыкновению на корточки, заглянул ей в глаза.

– А вообще-то, – сказал он. – Это все равно – где. И что там валяется на полу, банки или цветы – тоже все равно.

– Но как же... – начала было Лера: она совсем не ожидала, что Митя скажет именно так.

– А вот так же. Любовь освящает все, понятно? И не может быть ничего некрасивого между мужчиной и женщиной, если они любят друг друга. А если не любят – все отвратительно, и везде отвратительно – хоть в розарии.

И Лера тут же поняла, что Митя больше ничего не скажет. И объяснять ничего больше не будет, и не будет ссылаться на Мопассана или Толстого – как, наверное, сделала бы Елена Васильевна, если бы Лера вдруг вздумала рассказать ей что-нибудь подобное.

Митя говорил только то, что было в нем, а уж откуда оно там появлялось – это и было загадкой.

– Все? – спросил Митя, снова садясь в кресло. – Или будут еще вопросы бытия? И не лазай ты по чердакам – вот, ей-богу, как кошка помойная! Мало ли что там можно увидеть – думаешь, тебе все это надо для счастья? Давай я тебе лучше поиграю: никак мне не дается у Бетховена... Послушай!

И он пошел за скрипкой.

Можно ли было не приходить в этот дом?

Лера так привыкла к этому, что и потом, и через пять лет, забегала время от времени, принося к чаю какой-нибудь торт, купленный в кондитерской на Столешниковом или испеченный Надеждой Сергеевной. И всегда сидела подолгу с Еленой Васильевной, разговаривая – по-прежнему о книгах, или о том новом, что постоянно возникало в ее, Лериной, жизни.

Ее жизнь шла теперь совсем по-другому, чем шла жизнь в стенах гладышевской квартиры, но Леру постоянно тянуло сюда. И она чувствовала: в ее быстро меняющейся душе всегда остается что-то, что понимает Елена Васильевна, а иногда – и только она.

Это было Лерино детство, и в нем – первые, едва уловимые приметы пробуждающегося духа. И это было ей дорого при любых обстоятельствах, при любых де-лах, которые ее теперь занимали.

Елене Васильевне первой Лера сказала, что решила поступать на историю искусств, потому что хочет изучать итальянскую живопись.

И о том, что выходит замуж за Костю.

– Я рада за тебя, Лерочка, – сказала Елена Васильевна, но взгляд у нее был грустный. – Я уверена, что он хороший человек.

– Это правда так, – горячо подтвердила Лера. – Он такой...

И тут она поняла, что не может объяснить, какой же Костя. Она его любила, и это было так много, что больше не оставалось слов.

– Он... Талантливый! – сказала она наконец.

– Откуда ты знаешь? – вдруг спросила Елена Васильевна. – То есть ты не думай, Лерочка, я ничуть в этом не сомневаюсь, мне просто интересно: как ты это поняла?

На этот вопрос Лера тоже не могла ответить, хотя они были знакомы с Костей уже два года, и она могла бы рассказать, например, об Институте высшей нервной деятельности, и о профессоре Жихареве, и даже о коэффициенте цитирования. Но она чувствовала, что Елена Васильевна спрашивает ее совсем о другом, – и не знала, что ответить...

Митя к тому времени бывал дома еще реже, чем в детстве. Консерваторию он закончил в девятнадцать лет и уже на последнем курсе ездил на гастроли с Госоркестром – как скрипач и как дирижер. И еще где-то дирижировал в Москве – сыгрывал, как он однажды сказал, какой-то совсем новый оркестр.

У них с Лерой все реже выдавались эти бесконечные разговоры – дома у Гладышевых, или на лавочке посреди Неглинки, – которые они оба так любили. Но что поделаешь! Жизнь есть жизнь, и детство уходит.

А к тому времени, когда Лера собралась замуж, они вообще встречались так редко, что Митя узнал об этом чуть ли не в день свадьбы. И сразу пообещал играть для Леры, «пока не охрипнет».

Гладышевы были тогда связующим звеном между Лериным детством и новой ее, взрослой жизнью. А сейчас она опять стояла перед чем-то новым, и на этот раз чувствовала себя изменившейся до неузнаваемости.

И поэтому вспоминала Митю и Елену Васильевну, выходя из первого гуманитарного корпуса МГУ после разговора с профессором Ратмановым – в новую свою жизнь.

Глава 16

Лера работала в турагентстве «Московский гость» почти три месяца, и эта работа нравилась ей – даже непонятно, почему. Хотя, конечно, одного того, что не надо стоять с заколками на Переделкинском рынке, уже могло хватить, чтобы оценить новую работу.

Но рынок забылся довольно скоро, а работа не разонравилась.

То, что она делала, было в общем-то довольно просто и едва ли могло казаться увлекательным. Но, наверное, Лера чувствовала: это далеко не все, что она может здесь делать, и ей нравилось неторопливое движение по ступенькам лестницы «Московского гостя».

Первое время она занималась только оформлением туристов, приходивших за путевками. И ей интересно было: что это за люди, почему они вдруг решили потратить появившиеся деньги не на покупку того, что еще недавно считалось дефицитом, а теперь понемногу начало появляться в магазинах, – а на какие-то путешествия, от которых одни убытки?

Однажды она даже сказала об этом Андрею Майборде и очень удивилась, когда он пожал плечами:

– А вам не все равно, Валерия? И не жаль вам тратить время на эту социологию? Пришли люди, и слава богу, наше дело – обслужить по полной программе, чтобы пришли еще и знакомых привели.

Лера не стала с ним спорить, и доказывать ничего не стала. Она уже поняла, что Андрей вообще не склонен воспринимать отвлеченные рассуждения, не имеющие прямого отношения к делу.

Но то, что к делу имело отношение, он наладил отлично.

В «Московском госте» работало всего семь человек, но крутились они вовсю, и путевок продавалось много. А Андрей был для них той каменной стеной, за которой можно было работать.

Это чувствовалось уже по тому, что у них не бывало сбоев. Не оказывалось, что гостиница на Кипре не забронирована, или самолет по расписанию вылетает на восемь часов позже, чем говорили в фирме, или в болгарском аэропорту никто не встречает туристов... Да мало ли было возможностей для сбоев, которых они счастливо избегали!

– Лучше меньше, да лучше, – любил повторять Майборда. – Люблю стабильность, особенно сейчас, на фоне общего бардака.

Лера быстро поняла, что имел в виду Валентин, когда говорил о прежних связях ее шефа. Без них, без знакомых и бывших коллег,

работавших буквально везде, просто невозможно было бы обеспечить то, что Андрей называл стабильностью. Лере трудно – да и не слишком интересно – было вникнуть в механизм того, как это обеспечивалось и через кого, но результат был налицо.

Больше всего ее удивляло, что туры у них были сравнительно дешевы: она ведь просматривала теперь и объявления в газетах, и рекламу других фирм. Лера даже спросила об этом Андрея, но он только загадочно усмехнулся:

– Секрет фирмы! Но для вас – только пока секрет, Валерия...

Лера замечала, что Майборода выделяет ее среди других сотрудников, хотя она пришла сюда позже, чем они. И это, как она заметила во время первого же разговора, не было сомнительным мужским предпочтением. Андрей явно присматривался к ней, но не с какой-то двусмысленной целью – просто присматривался к тому, как она работает и как ладит с людьми.

Ей было немножко смешно, что он всегда называл ее Валерией. Леру никто так не называл, и она даже не сразу привыкла, что это ее имя. Но, впрочем, и это только дополняло Андреев облик – так же, как неизменные костюмы в елочку.

«Как странно, – думала иногда Лера, – ведь он неинтересный человек – да что там, просто скучный! А работать у него интересно, и раздражения он не вызывает никакого. Почему?»

Может быть, потому что об Андрее можно было просто не думать. А думать, например, о том, как ты выглядишь. Не для того чтобы ему понравиться, а просто так, для собственного удовольствия.

Впервые Лера задумалась об этом, и эти мысли оказались очень приятными.

Ей всегда было довольно безразлично, как она одета. В детстве мама сама шила ей платья, и на Леру всегда оборачивались: «Ах, какая прелестная девочка, просто розовый ангелочек!»

Потом «ангелочек» стал бегать во дворе, лазать «где не надо», платья рвались и пачкались, но мама со вздохом штопала, зашивала, стирала – и Лера по-прежнему выглядела вполне прилично.

Однажды, правда, она задумалась о том, как должна выглядеть женщина, – когда впервые увидела Елену Васильевну. Лера ощутила тогда, что такое благородство облика. Ни о чем в одежде Елены Васильевны невозможно было сказать отдельно, ничто не бросалось в глаза, но все вместе выглядело так, что сразу вызывало единственную мысль – о невыразимом изяществе.

Как это получалось, Лера не знала. Как-то не верилось, что Елена

Васильевна подолгу продумывает свои туалеты, а вместе с тем – неужели так можно выглядеть, совсем не думая о них?

И Митя был такой же: одежда совсем не была заметна на нем, но всегда оставалось ощущение чего-то изящного и непринужденного.

Но его Лера постеснялась об этом спросить – да может, он и не знает вовсе! – а Елену Васильевну однажды спросила.

– Ты взрослеешь, Лерочка, – улыбнулась та. – Становишься прелестной юной женщиной, это так трогательно...

– Не знаю, – смутилась Лера, которой едва исполнилось тогда пятнадцать. – Просто мне интересно: как вы это умеете?

– Почему ты стесняешься? – удивилась Елена Васильевна. – Ты действительно хорошеешь не по дням, а по часам, в твоём облике появляется такое стремительное очарование... Хотя ты, конечно, довольно искрометное создание, – тут же добавила она. – И то, что тебя интересует одежда, вполне естественно. Но я не знаю, как тебе ответить, Лерочка... Все зависит от того, что ты хочешь подчеркнуть в своей внешности, а в конечном счете – только от твоего вкуса, от уважения к себе и окружающим.

Все это было, конечно, правильно, но едва ли могло пригодиться практически. И, вздохнув, Лера тогда подумала: «Что ж, придется одеваться как бог на душу положит. Кто его знает, есть ли он у меня, этот вкус!..»

Да и размышлять об этом особенно не приходилось. С тех пор как кончились алименты, денег катастрофически не хватало даже на самое необходимое. Из чего было выбирать? К счастью, Костя даже не замечал, во что одета его восхитительная жена, а мнение остальных было Лере безразлично.

Она бегала на занятия в своих любимых джинсах и вообще не любила платьев. А для торжественных случаев у нее было несколько юбок и блузочек, сшитых мамой из каких-то немислимой давности отрезков с экзотически звучащими названиями: тафта, джерси, креп-жоржетт...

И вот теперь, работая в «Московском госте», Лера впервые огляделась вокруг и взглянула на себя по-новому.

Она рассматривала свое лицо в зеркале. Что ж, ничего лица, вполне! Глаза довольно большие, с подтянутыми к вискам уголками, и цвет приятный – не просто карий, а даже янтарный. Рот, правда, великоват, это ясно. Но зато – необычной формы: краешки губ чуть опущены вниз, и от этого лицо всегда выглядит серьезным. А это, учитывая характер, – обманчивое впечатление, и тоже признак оригинальности.

Еще в десятом классе Лера подстриглась – не слишком коротко, так, чтобы прическа выглядела пушистой. И с тех пор не меняла прическу. А зачем, если ей идет? Даже мама, жалевшая дочкины золотисто-каштановые пряди, признала:

– Так ты задорно выглядишь, Лерочка, с этой стрижкой – прямо дразняще...

Вот только походку свою она так и не могла уловить. Смотрелась на бегу в витрины и не понимала: походка как походка, ничего особенного, почему же говорят?..

«Что ж, – решила Лера, изучив таким образом свою внешность, – надо и одежду подбирать соответственно».

И в ее гардеробе появился маленький ярко-красный свитерок из мягкого трикотажа, и узкая черная юбочка, и еще один синий пиджак – вроде бы в деловом стиле, но в то же время романтичный из-за полукруглых лацканов.

Кроме того, она купила несколько ярких косынок и шарфиков, которые освежали любой наряд лучше, чем самые изысканные драгоценности. Правда, каждая из них и стоила не меньше хорошей блузки...

И – вздохнула: эти несколько обновок были пока единственным, что она могла себе позволить.

Но, наверное, одно то, что она задумалась об этом, переменяло ее облик.

– Ты, Лер, как-то так выглядеть стала... – сказала ей однажды Зоя, с которой они сидели в офисе за соседними столами.

– Как? – заинтересовалась Лера.

– Ну, эффектно. Не пойму даже – вроде шмоток новых не много, а смотри ты... Или духи какие-то особенные?

– Да я вообще духами пользуюсь совсем чуть-чуть, – удивилась Лера. – И никакими не особенными.

– Ты сексапильная, – авторитетно заметил Кирилл Стариков, зашедший за чем-то к ним в комнату.

– Интересно, Кирюша, что это значит, по-твоему? – прищурилась Лера.

– А чего ты обиделась? – удивился Кирилл. – Как будто я тебе трахнуть предлагаю! Это значит – сексуально привлекательная, что плохого? Воспитали вас в пионерских лагерях, стесняетесь естественных вещей!

Кириллу едва исполнилось восемнадцать, он выполнял в фирме самые простые поручения – подать-принести, встретить-проводить, – но вид у него всегда был такой, словно вокруг него-то все и вертится.

Но гораздо важнее было для Леры то, что Валентин Старогородский

тоже заметил произошедшие в ней перемены.

Они долго не виделись с Валентином. Сходили как-то, еще летом, в кафе, отметили Лерину новую работу. Он подарил ей тогда букет маленьких ярко-алых роз, заметив, что ей идет этот цвет. Поболтали о том о сем и разошлись. Валентин – как всегда, иронично-невозмутимый, а Лера – с каким-то беспокойным, взбудораженным чувством: как будто что-то было недоговорено между ними...

И она обрадовалась, когда он наконец позвонил и предложил встретиться снова. Ее только смущало немного, что она ничего не говорила об этом Косте. Но в конце концов, разве в ее встречах с Валентином было что-то, чего следовало бы стыдиться перед мужем?

Валентин ждал ее на углу Каляевской и Садовой-Триумфальной. В руках у него, как и при первой встрече, были цветы – на этот раз белые игольчатые астры: была середина октября.

Лера сразу увидела его из окна троллейбуса. Он выделялся в толпе: высокий, и держится как-то независимо, и на лице – это даже издали заметно – нет той привычной печати забот, которая лежит на большинстве московских лиц. Правда, непонятно, что же есть в его лице, кроме обычной иронии. Но это и неважно: все равно он привлекательный.

– Куда мы пойдем, Валя? – спросила Лера после того как Валентин галантно вручил ей букет.

– А у тебя есть конкретные пожелания? – осведомился он.

– Нет, – пожала плечами Лера.

– Тогда мы можем пойти в одно милое местечко, – предложил Валентин. – Ты не против?

– В милое местечко – не против, – улыбнулась Лера. – Надеюсь, еще по дороге я пойму, в чем состоит его милота.

– Женщина не должна быть такой язвительной, Лерочка, – сказал Валентин. – Тем более такая очаровательная, как ты. Ты знаешь, что очень похорошела?

– Спасибо, – слегка смутилась Лера. – А я думала, в темноте не разглядеть.

– Красивую женщину видно даже в темноте. Ладно, долой слова – к делу! – заявил он. – Это здесь, совсем рядом. Знаешь, в Оружейном переулке?

– Знаю, – кивнула Лера. – Там винный магазин хороший.

Валентин расхохотался.

– Интересные у тебя познания! Почему ты-то знаешь именно винный

магазин?

– Ну, не только винный. Пастернак там родился. А вообще-то – очень просто: у нас на Трубной тоже винный большой, вот мужики и обсуждали на всю улицу в очереди, что дают на Оружейке да сколько там стоять.

Но Валентин повел ее, конечно, не в винный. В одном из трехэтажных домов, немного удаленных от Садового кольца, в маленьком подвале располагался ресторанчик.

– Время зря не потеряем, – авторитетно заявил Валентин. – Домашняя кухня, приличная публика, а интерьер – сама увидишь. Это одна моя подруга открыла, актриса, между прочим. Тоже – новое амплуа.

В ярком свете лампы золотились три больших оранжевых шара, висящих над дверью в подвальчик.

– «Три апельсина», – прочитала Лера над входом и поразились: – Надо же, какое совпадение! На работу прихожу устраиваться – там Венеция на фотографии. В ресторан ты меня ведешь – здесь, пожалуйста, Гоцци!

– Да, ты ведь про Италию как раз диссертацию писала, – вспомнил Валентин. – Что ж, тебе тем более должно понравиться.

Они спустились в подвал по узкой лесенке с ярко-красными ступеньками. Внизу, у закрытой двери, стояли два широкоплечих молодца в аккуратных темных костюмах. Они окинули Леру и Валентина внимательными, цепкими взглядами и посторонились, давая им войти.

«В самом деле, интерьер впечатляет!» – подумала Лера, оказавшись в небольшом зале.

Все здесь было выдержано в духе комедии масок, и все – с большим вкусом. Изящные куколки, висевшие на длинных золотых нитях, изображали Панталоне, Тарталью, Коломбину, Труффальдино. Персонажами сказок Гоцци были расписаны стены: по ним летели в легком и бесконечном танце карточные короли, принцессы, драконы, колдуны...

Из середины зала уходила прямо вверх, куда-то под потолок, ажурная, таинственно освещенная лестница неизвестного назначения.

«Наверняка та самая, в которой было сорок миллионов и еще сколько-то ступенек», – вспомнила Лера.

На перилах и ступеньках лестницы сидели разноцветные поблескивающие птицы, и казалось – сейчас по ней спустится вниз какой-нибудь маг.

Людей в зале было немного, их негромкие голоса смешивались с чудными звуками невидимого оркестра.

– Нравится? – спросил Валентин. – Я же тебе говорил, хозяйке вкуса не занимать. И практической хватки, кстати. А вот и она! – тут же воскликнул

он. – Привет, богиня Ника!

– Не богиня, не богиня, Валентинчик! – Навстречу Валентину, обворожительно улыбаясь, шла высокая молодая женщина – наверное, не старше Леры. – Не богиня, а любящая тебя женщина, и ты это знаешь, мой дорогой!

«Может, и не богиня, – подумала Лера. – Но потрясающая женщина, это точно».

В хозяйке ресторана «Три апельсина» выразительным было все: прическа, похожая на застывшую волну, маленькое открытое платье насыщенно-желтого цвета, поверх которого был надет длинный и легкий лимонный пиджак, и даже экзотические туфли – на высоких каблуках, со сверкающими золотыми звездочками на носках.

И выразителен был ее взгляд – так же выразителен, как прическа или блестящие туфельки. Взгляд был устремлен на Валентина и, мельком, – на Леру. Но Лера тут же заметила: даже в этом, направленном, взгляде блистательной хозяйки не было ни капли самозабвенности; наверное, это и позволяло ей производить такое неотразимое впечатление.

Перед Лерой стояла эффектная женщина, ни на минуту не забывающая об этом.

– Вероника Стрельбицкая, неутомимая владелица всего этого волшебства, – сказал Валентин, целуя руку дамы. – А это Валерия Вологодина, моя новая знакомая.

– Волшебства! – улыбнулась Ника Стрельбицкая. – А ты, Валик, так редко приходишь полюбоваться моим волшебством, как будто для этого тебе надо пересечь весь город пешком.

– Грешен, Ника, – охотно согласился Валентин. – Но – дела, ты же знаешь. А то бы я поселился у тебя навеки!

– Навеки – это лишнее, – засмеялась она. – Должна ведь я отдыхать даже от тех, кого люблю так нежно, как тебя, правда? Но, Валенька, не буду тебя отвлекать от твоей спутницы и от предстоящего ужина. Где вы сядете?

– Где посадишь.

– Тогда – вот сюда.

С этими словами Ника провела их через весь зал куда-то в дальний угол. В этом углу прямо из стены росло золотое дерево. Его длинные ветви нависали над столом и едва слышно звенели от неощутимого движения воздуха. Казалось, даже музыка, звучащая в зале, исходила от этих золотых веток.

На столе стоял оранжевый подсвечник в виде трех апельсинов. Незаметно подошел официант в узкой черной маске, зажег свечи, и

апельсины засияли, усиливая ощущение волшебного праздника, которое и так господствовало в этом необычном ресторане. Официант поставил на стол вазу для астр и положил перед Лерой и Валентином кожаные папки.

Лере уже даже неважно было, что подадут на ужин – так восхитило ее все, что она здесь увидела. И поэтому, когда Валентин предложил ей выбрать, она не глядя вернула ему карту.

– Сам закажи, Валя, – сказала Лера. – По-моему, ты здесь завсегда, а мне что угодно понравится.

Ожидая заказа, они пили легкое белое вино, и Валентин рассказывал:

– По сути, это клуб. Вроде и не закрытый, но такой, знаешь... Для своих. Бывают хорошие концертные программы, и театральные бывают вечера. Или просто музыка приятная играет, как сегодня. Ника умеет не превращать заведение в Дом культуры. Все-таки люди отдохнуть приходят, а не мозги напрягать. Я ведь ее давно знаю, – добавил он. – Еще с тех пор как она на артистку училась. И всегда знал, что Ника – яркая женщина с огромными способностями. Но знаешь, у меня всегда было ощущение, как будто ее что-то сдерживает. И я только теперь понял – что.

– Что же? – заинтересовалась Лера.

Она сама не могла понять, что кажется ей таким привлекательным в роскошной хозяйке «Трех апельсинов». Элегантная одежда, прическа? Нет, конечно, нет. И даже не успех ее дела, как можно было бы думать. Но что же тогда?

– А очень просто, – объяснил Валентин. – Ника была зациклена на своем призвании. Считала, что рождена быть актрисой и должна осуществить свое жизненное предназначение.

– Это она тебе так и говорила? – недоверчиво спросила Лера.

– А что, не похоже? – усмехнулся Валентин. – Теперь действительно не похоже. А тогда, в гитисовской общаге, представь себе, так оно и было. Сидела красивая и довольно скромная девушка на застеленной байковым одеялом койке и говорила о жизненном предназначении.

– А как ты думаешь... – Лере все интереснее было говорить об этом. – Как ты думаешь, Валя: когда она была права, тогда или теперь?

– Не знаю, – пожал плечами Валентин. – По-моему, это довольно абстрактный вопрос. Знаю только, что тогда в ней совершенно не было того, что составляет весь шарм в женщине. Того, кстати, чего так много в тебе, – небрежно добавил он. – Это по-французски точно называется, тебе должно быть понятно: *forse de la nature*.

– Сила природы? – удивленно переспросила Лера.

– Да, – подтвердил Валентин. – Восхитительное женское чувство

жизни. А Ника тогда в упор не видела того, что жизнь сама ей преподносила и советовала.

– А я, по-твоему, вижу? – спросила Лера: ей приятен был этот необычный комплимент.

– Конечно! Я еще на Переделкинском рынке это понял, когда ты смотрела на того наркомана. У тебя она в глазах стояла, эта сила природы, и ты оценивала ситуацию в доли секунды.

– Чего бы стоила моя оценка, – улыбнулась Лера, – если бы ты не вмешался!

– А это уже задача мужчины, – согласился Валентин. – Каждому свое. Но зато, – добавил он, – сейчас в Нике с избытком появилось то, чем ты совершенно не обладаешь.

– Ну-ка, ну-ка, – еще больше заинтересовалась Лера. – У нас с тобой сегодня прямо вечер вопросов и ответов! Ты что имеешь в виду?

– А то, что Ника адекватно себя оценивает. Это дорогого стоит и тоже привлекает внимание мужчин. Она сделала себя, ей это нелегко далось – и она не делает вид, будто кто-то для нее важнее, чем она сама.

Эти слова поразили Леру. Ведь и она сразу заметила, как странно был обращен к себе взгляд Ники Стрельбицкой – даже когда она смотрела на явно приятного ей человека. И Лера сразу оценила, что именно это и делает ее неотразимой. И конечно, в ней, Лере, этого не было ни капли...

– Что, я прав? – догадался Валентин, глядя на нее. – Видишь, ты и сама это понимаешь. И это тебе очень вредит, можешь мне поверить. Да ведь у тебя, Лерочка, на лице написано: у меня есть муж, у меня есть такие и сякие заботы, я занята тем и сем... А нет и следа простой и естественной уверенности: я потрясающая женщина, ни один мужик меня не достоин, и я буду делать с ними со всеми что хочу!

Услышав это, Лера рассмеялась.

– С чего ты взял, Валечка, будто я что-то хочу делать с мужиками?

– Вот именно... – сказал он.

Но в это время снова появился официант в маске и прервал их увлекательную беседу о женском шарме. На круглом золотом подносе стояли большие тарелки с итальянской пастой – но какой-то необычной: макаронны были причудливой формы и разных цветов – зеленые, оранжевые, желтые; соус тоже был разноцветным, и от этого казалось, что им принесли не обыкновенные тарелки, а какие-то мозаичные панно. Маленькие вазочки с разнообразными салатами дополняли это впечатление.

Еда в ресторане Ники Стрельбицкой и в самом деле была по-

домашнему вкусной. И вместе с тем не по-домашнему изысканной: чувствовалось, например, что в салаты добавлены какие-то необычные приправы, придающие содержимому каждой вазочки особый вкус.

Лера немного обрадовалась, что их разговор так удачно прервался как раз в тот момент, когда коснулся довольно скользкой темы. И, чтобы больше не возвращаться к этому, она спросила:

– Кстати, как твой репортаж, Валя? Ну, тот, о челноках?

– Написал, – ответил Валентин. – Уже в газете прошел, ты разве не читала?

Лере стало неловко. Она ведь, помнится, сама обещала Валентину следить за его творчеством и даже не призналась тогда, что вообще не выписывает его газету.

– Пропустила, наверное, – сказала она. – У нас почту часто воруют, вот и... Но ты мне расскажи, о чем ты писал, о ком?

– О тебе не писал, – улыбнулся Валентин. – Хотя ты показалась мне одной из самых колоритных фигур: вроде только ради денег, а на самом деле – в погоне за собой...

– Брось ты, Валя, – поморщилась Лера. – Что-то уж больно красиво, прямо как про колхозного бригадира – «по зову сердца и души»... Не будем это обсуждать. И все-таки – о ком?

– Ну, например, о той дамочке, что торговала бабочками. Помнишь?

– Конечно! Но что ты мог о ней написать? – удивилась Лера.

Она отлично помнила женщину, о которой говорил Валентин. Ее звали Лида, и торговала она турецкими бабочками на магнитах. Однажды Лера спросила ее:

– Лид, а зачем ты их продаешь?

Действительно, странно смотрелись эти расплывчатые бабочки на фоне белья, колготок и свитеров. Правда, покупали их почему-то неплохо.

– Так ведь красиво! – даже удивилась этому вопросу Лида. – И смотри, людям нравится – берут! Их к холодильнику можно прицепить...

Лера только улыбнулась, глядя на эту маленькую пожилую женщину, продававшую бабочек не пойми какого цвета, которых зачем-то надо было цеплять к холодильнику.

– Да ведь это просто символ нашего народа, – объяснил Валентин. – У нее дома дети полуголодные, по рынку тетки ходят, выискивают трусы на пару рублей дешевле, чем в магазине... А она продает этот китч, и они покупают!

– Странно как-то, Валя, – медленно сказала Лера, глядя на него с недоумением.

– Что? – не понял он. – Бабочки?

– Нет – странно, как же ты можешь писать для такой массовой газеты, если ты их презираешь?

– А ты, выходит, народолюбительница? – прищурился Валентин. – Или тебе бабочки эти нравятся?

– И не любительница, и не нравятся. Но как же можно над этим смеяться?

Лера не могла объяснить то, что чувствовала, – просто не могла подобрать нужных слов. И, как всегда в таких случаях, ей стало скучно. Она даже сама себе удивилась. Ведь только что казалось интересным все, что говорил Валентин, и ей нравилась точность его оценок, и она вспоминала, какой он был, когда выбил нож из руки наркомана. И вдруг... Из-за чего, из-за каких-то бабочек?

– О чем мы говорим, Валя! – сказала она, улыбнувшись.

– Да ведь ты сама спросила, – заметил он.

Лера выпила еще вина: она знала, что такого рода мимолетные неловкости быстро уходят, когда в голове немножко зазвенит от спиртного. Но вино было слишком уж легкое, и хмеля ожидать не приходилось.

Чтобы как-то сгладить неловкость, она спросила:

– А ты часто здесь бываешь, Валя?

– Да часто вообще-то, – ответил он. – Если не в командировках. Я ведь живу в этом доме.

– Да? – удивилась Лера. – Почему же ты мне об этом не сказал?

– А я и хотел сказать, – невозмутимо заметил он. – И даже хотел предложить подняться после ужина ко мне.

Вот это было заявленьице! Валентин говорил так спокойно, как будто речь шла всего лишь о продолжении ужина.

«Или, может быть, я просто его не так поняла?» – подумала Лера.

Но достаточно было одного взгляда на него, чтобы у нее не осталось сомнений: она все поняла совершенно правильно.

– Очень мило, Валя, – сказала Лера, стараясь не выбиваться из его тона. – А что, разве ты... – Она хотела спросить: «Разве ты любишь меня?»

– но вовремя поняла, что подобные слова совершенно неуместны, и спросила вместо этого: – А что, разве ты питаешь ко мне какие-то чувства?

– А разве нет? – сказал Валентин. – Конечно, ты мне нравишься, разве ты этого не замечаешь? И я тебе тоже нравлюсь.

Последнюю фразу он произнес даже без вопросительной интонации. Но вообще-то так оно ведь и было: еще несколько часов назад Лера волновалась как девчонка, собираясь на встречу с ним...

– Вот видишь, – сказал Валентин, бросив на нее быстрый взгляд. – В чем же проблема, можешь ты мне объяснить?

– Объяснить – не могу, – усмехнулась Лера. – А почему тебе нужны объяснения?

– Нет, ты, конечно, не обязана, дело не в том. – Валентин пожал плечами. – Но знаешь, Лера, все это довольно странно.

– Что?

– Да твое отношение к... Ну, скажем по деликатнее, к контактам с мужчинами. Было бы тебе шестнадцать лет – я бы понял, почему ты испытываешь какие-то волнения по этому поводу. Или хотя бы – была бы ты не замужем: тоже понятно, всякие девические страхи. Но ты-то... Неужели ты к этому не привыкла, почему нужно делать из совершенно нормального и очень приятного для нас обоих дела какую-то романтическую проблему? Ты что, ждешь, что я на колени упаду, признаюсь тебе в вечной любви?

Услышав от него про вечную любовь, Лера рассмеялась.

– Валечка, да ничего я от тебя не жду! Мы с тобой провели приятный вечер, но, может мне не хотеться завершить его в постели, а?

– Может, – согласился Валентин. – Хотя, по-моему, совершенно напрасно. Вот это тебе, между прочим, и мешает быть по-настоящему неотразимой женщиной – твоя эта дешевая романтика.

– Ладно, Валечка, – остановила его Лера. – Что тебе до моей романтики? Ты мне дважды помог, спасибо. Вот и остановим наши отношения на стадии взаимопомощи, хорошо? А другие свои потребности ты будешь удовлетворять с кем-нибудь другим.

Валентин посмотрел на Леру удивленно. Кажется, он не ожидал от нее подобных слов и интонаций, как-то не вписывающихся в образ романтической героини. Откуда ему было знать и про Лерино детство, и про неожиданность сочетаний, которую знал в ней Митя?..

Лера взглянула на часы.

– Мне пора, Валечка. Очень жаль, правда! Я с удовольствием поболтала бы с тобой еще, но... Закажи, пожалуйста, кофе.

– Какая ты... – через минуту произнес Валентин, медленно прихлебывая кофе из золоченой чашечки. – Чего ты ждешь от жизни, ты хоть сама-то знаешь?

– Почему ты решил, что я чего-то жду? Ты же сам говорил про подсказки жизни. Вот я и жду, что жизнь мне подскажет на сегодняшний вечер. В крайнем случае, на завтрашний.

Они подошли проститься с хозяйкой. Правда, для этого пришлось

подождать минут пять, потому что несколько пар уже стояли рядом с Никой, улыбаясь и ожидая своей очереди проститься. Судя по всему, так было заведено в этом ресторане, и это понравилось Лере.

Она больше не думала о Валентине. Она даже не замечала его, хотя он стоял рядом. И, освободившись от размышлений о нем, от будоражащего волнения, которое охватывало ее в его присутствии, Лера присматривалась к Веронике Стрельбицкой все с большим вниманием.

Нет, никогда ей не достичь того, чем сполна наделена эта женщина! Даже не верится, что она сидела на какой-то общаговской койке и рассуждала об отвлеченных вещах... Так улыбаться, кивать, прищуриваться и подавать руку для поцелуя может только женщина, которая видит мир вполне конкретно и знает, что он создан для нее...

– Уже уходите, Валентинчик? – удивилась Ника. Впрочем, она тут же понимающе улыбнулась. – Буду рада снова видеть вас у себя, – сказала она Лере, улыбаясь так приветливо, что ее невозможно было заподозрить в неискренности.

– С удовольствием приду, – ответила Лера.

– Я тебя провожу, – предложил Валентин, когда они оказались на улице.

– Зачем, Валя? Мне ехать две остановки, да и пешком – пятнадцать минут. Звони!

– Да, как-нибудь, – кивнул он. – Мы рубрику по туризму собираемся делать. Может, пригодятся твои консультации.

– С удовольствием!

Лера говорила с ним так, словно не было между ними недавнего разговора, – и Валентин смотрел на нее с возрастающим недоумением.

Она легко помахала ему рукой, держа в другой его астры, и, не оглядываясь, пошла в сторону Садового кольца.

«Дураков надо учить, – думала Лера, переходя дорогу на углу Цветного бульвара. – А дур – особенно».

Она думала, что Костя уже спит, но он открыл глаза, когда она бесшумно вошла в комнату.

– Лерочка, отчего так долго? – спросил он. – И не позвонила...

– Посиделки были на работе, – шепотом объяснила она. – Зачем звонить, я же предупредила, что задержусь.

Скользнув под одеяло, Лера придвинулась поближе к теплему Костиному плечу и закрыла глаза.

Дешевый романтизм... Да что он в этом понимает – этот плейбой с ироничными глазами!

Ей снова было легко и спокойно, и она порадовалась, что познакомилась с блистательной Никой Стрельбицкой. Пожалуй, это было главное впечатление сегодняшнего дня, все остальное было вообще-то и неважно.

Глава 17

Лера говорила правду: она действительно делала то, что подсказывала ей жизнь на сегодняшний день, не дальше. А вся ее жизнь связана была теперь с очень практическими и конкретными делами, и поэтому подсказки были просты, понимать их можно было легко, без мучительных размышлений.

– Лера, я очень доволен твоей работой, – сказал как-то Андрей Майборода.

Он сказал об этом в машине – серебристо-серой «Ауди», купленной недавно для фирмы. Они ехали с туристической выставки. Андрей сидел за рулем, а Лера рядом. Он наконец-то перестал называть ее полным именем и на «вы». И, что гораздо важнее, стал советоваться с нею по многим делам «Московского гостя».

– Да? Спасибо, Андрей, – улыбнулась Лера. – Стараемся по мере сил.

Она действительно старалась. Путевки, распространением которых она занималась, уходили просто влет. Она выискивала какие-то частные подмосковные заводы, на которых люди уже зарабатывали неплохо, – и ездила туда, уговаривая директоров покупать туры, чтобы поощрять рабочих.

Ее знали, кажется, уже во всех московских банках, где она тоже успела побывать.

– Мадам, я и раньше догадывался, что на Кипре неплохо, – сказал ей коммерческий директор фирмы по продаже бытовой техники. – Но вы изобразили мне мой будущий отпуск так, словно я попаду прямо в рай. А если бы вы согласились меня сопровождать, я остался бы в раю навсегда!

Комплимент был не из изысканных, но путевку коммерческий директор купил. А что еще от него требовалось?

Валентин Старогородский быстро объяснил Лере, что такое скрытая реклама – например, в виде интервью какой-нибудь новой молодежной радиостанции. И она беззастенчиво пользовалась этими возможностями, потому что ее звенящий голос хорошо звучал по радио и потому что она отлично держалась в телестудии и не тушевалась перед камерой.

И ее приглашали то на телевидение, то на презентации, и ей это нравилось – конечно, не только потому, что это приносило успех фирме. Лере просто нравилось вертеться в этом ярком круговороте, чувствовать себя прелестной и легкой, встречать восхищенные и откровенные взгляды

мужчин – и знать, что она уже может сама решать, на кого из них просто взглянуть с ответной благосклонностью.

И наряды выбирать ей нравилось, и косметику. Она почти полностью обновила свой гардероб, и одежда ее была теперь, как сказал однажды Валя Старогородский, «на уровне».

Она могла все это делать с легким сердцем, потому что «Московским гостем» руководил Андрей Майборода.

Он обеспечивал то, о чем Лера иногда думала со страхом. И он не любил говорить об этом – только проговаривался иногда.

Страх вызывала у Леры, конечно, не «крыша» – это-то было просто. И в общем, те кругло-квадратные молодые люди, которым они исправно платили «за охрану», мало чем отличались от таких же липовых охранников на Переделкинском рынке; разве что расценки были другие.

Ей становилось страшновато, когда она думала о сложной, разветвленной системе связей и отношений, нити которой были сосредоточены в руках Андрея. Казалось, он справлялся с этим умело – но что, если это только казалось? Что, если все на самом-то деле непрочное и может рухнуть в любой момент?

Лере трудно было поверить, что существует что-то прочное в стремительно меняющейся жизни, которая превратилась в бесконечную борьбу – за власть, за выживание, за сферы влияния...

– Мне не трудно работать, – сказала она Андрею, глядя, как он лавирует между машинами на Сухаревской площади. – Обеспечивать внешний блеск гораздо проще, чем ты думаешь.

– А я бы не смог, – признался он. – Да ничего такого раньше и не надо было. Ты вовремя появилась.

– Зато ты другое можешь, – не согласилась Лера. – А оно-то потрудней будет...

Андрей в точности соответствовал той простой и внятной жизни, которая стала теперь и ее жизнью. Иногда Лере вообще казалось: а больше ничего и не надо. И поэтому ей было легко со своим шефом...

Майборода усмехнулся ее словам и неожиданно сказал:

– Не так уж и могу... Ладно, замнем!.. – Голос у него стал невеселым, но он тут же перевел разговор на другую тему: – Кто тебе показался на выставке?

– Алексиадис, – тут же ответила Лера.

– Почему именно он? – удивился Андрей. – Хотя он, конечно, мужчина видный...

– Брось ты, Андрюша, – поморщилась Лера. – Мужчина как мужчина,

ничего особенного.

– Слушай, а что для тебя – особенное? – вдруг спросил Майборода.

– Это долго объяснять, – отмахнулась Лера. – Да и все равно не объяснить: или есть оно, или нет. Ну ладно, это не про Алексиадиса. Дело в том, что он начинает, ты понимаешь? И мне показалось, начинает всерьез. А что это значит при тамошней-то конкуренции? Значит – заинтересован в новых партнерах как в воздухе! Все остальные – ты заметил? – как-то присматривались, не говорили ни «да», ни «нет». А этот сразу – «да»!

– Не кинул бы... – с сомнением произнес Андрей.

– Не похоже, – покачала головой Лера. – Какой ему в этом смысл?

– Вот что, Лера, – сказал Майборода, – надо поехать и лично убедиться. Недорогая Греция, которую он обещает, это перспективно. И поедешь ты.

Его слова оказались для Леры полной неожиданностью. Хотя – что в них было удивительного? Она работала в самом деле отлично и сама понимала, что с ее появлением в деятельности «Московского гостя» появился тот самый блеск, о котором только что говорил Майборода. И все-таки...

– Андрюша, ты не думай, я ведь не к тому это говорила... – начала было Лера.

– А я и не думаю. Я вообще ничего плохого о тебе не думаю, Лера, разве ты не замечаешь? И потом, это же не поощрительный тур, а командировка. Хотя, согласен, приятная.

«Что ж, – подумала Лера. – Греция – это чудесно!»

– Правда, Котя? – спросила она. – Ведь это чудесно – Греция!

– Правда, – согласился Костя, но Лере вдруг показалось, что голос у него какой-то вялый.

– Что-то случилось, Котенька? – испугалась она.

– Нет, ничего...

– Ты не рад, что я поеду в Грецию? – удивилась Лера.

Иногда она чувствовала легкие уколы совести оттого, что гораздо меньше внимания стала уделять мужу. Но положила руку на сердце, разве он так уж много уделяет ей внимания? Да, она теперь не каждый день встречает его с работы – но ведь это потому, что она и не сидит целый день дома, как прежде. А если она больше не спрашивает его про улиток – так ведь она уже знает о них все, что в состоянии понять...

Сначала Леру немного расстраивало, что Костя почти не спрашивает ее о том, чем занимается она на работе: ему вполне достаточно было знать, что она продает путевки. Но вскоре это перестало ее беспокоить. Ну о чем

еще он должен расспрашивать? О ее пока довольно смутных соображениях, как можно было бы лучше, ярче все организовать? Или о том, чем скрытая реклама отличается от открытой? Конечно, его все это не слишком интересует...

А о том, что ей так легко теперь прислушиваться к простым подсказкам жизни... Да об этом Костя и вовсе никогда не думал и, наверное, даже не понял бы, если бы она попыталась поговорить с ним о чем-нибудь подобном!..

И, вздохнув, Лера принялась укладывать маленькую дорожную сумку.

– Присматривайся ко всему, – напутствовал ее Майборода. – Ты впервые должна изучить все на месте. Будь внимательна! Учти, все будет очень красиво, Алексиадис расстарается вовсю, я уверен. Не думаю, чтобы он показал тебе какие-нибудь потемкинские деревни, но твое дело – выяснить реальные цены, это главное! Только имей в виду, туда поедут не самые бедные люди. Номера, в которых стоит стол и стул, им ни к чему. А выиграем мы на другом...

– А на чем мы вообще выигрываем, Андрей? – тут же спросила Лера. – Если ты можешь сказать, конечно...

Ей давно уже было это интересно. Кое-что она понимала: например, что они сильно выигрывают на авиабилетах, из-за этого их туры и получаются такими дешевыми. Но как Андрею это удастся – ведь самолеты летают те же самые, что и для всех?

– А у нас дополнительные льготы на чартере, – сказал Андрей. – И на регулярных рейсах тоже. У нас вообще особые льготы во всем, что касается Аэрофлота. Но это, как ты понимаешь, не для посторонних.

Андрей впервые говорил ей о том, что не предназначалось для посторонних, и Лера оценила его доверие.

– А сам ты не хочешь поехать? – еще раз спросила она для очистки совести. – Все-таки Алексиадис обещал показательный прием. По-моему, должно быть интересно...

– Да мне уже, честно говоря, вообще все это неинтересно, – вдруг сказал Андрей. – Ну, Греция – отель, Олимп, амфитеатр. Оливковое масло и анисовая водка.

– Странно, Андрюша! – удивилась Лера. – Что же тебе тогда интересно?

– По-моему, ничего. Только нормальный дом в нормальной стране, где можно нормально жить и работать, а не вертеться на полууголовном уровне.

Лера впервые видела таким своего начальника. Глаза у него вдруг стали пустыми, а голос – до того усталым, как будто он тащил какой-то

неподъемный воз.

– Ты о чем? – осторожно спросила она.

– Неважно. – Андрей тряхнул головой, словно отгоняя какие-то навязчивые видения, и улыбнулся. – Приятного путешествия, Валерия Викторовна. Смотри, не влюбись там в душку Алексиадиса!

– А тебе-то что, Андрюшенька? – улыбнулась в ответ Лера. – Или ты в меня влюблен?

– Я бы рад, – вздохнул Андрей. – Но что-то сомневаюсь, чтобы я мог влюбиться, да еще в такую женщину, как ты...

Душка Алексиадис встречал Леру в вестибюле своего отеля «Коринф», располагавшегося в курортном местечке Лаутраки на самом берегу Коринфского залива.

– Я счастлив, госпожа Вологодина, что приехали именно вы! – воскликнул Алексиадис. – К тому же это избавляет нас от расходов на переводчика. Ведь вы, кажется, хорошо говорите по-английски, – добавил он.

Александр Алексиадису было, наверное, не больше сорока. И при этом он еще выглядел моложе своих лет – маленький, подвижный, с блестящими черными глазами и густыми вьющимися волосами такого же угольно-черного цвета.

Здесь, в Греции, он понравился Лере больше, чем в Москве. Наверное, потому что вся его яркая внешность прекрасно сочеталась с такой же яркой южной природой.

– Вы можете называть меня по имени, – тут же заявил он. – И умоляю вас, забудьте, что вы в командировке! Вы – моя гостья, госпожа Вологодина, и я счастлив видеть вас!

– В таком случае вы тоже можете называть меня по имени, Александр, – тут же согласилась Лера. – Меня зовут Валерия, вы знаете?

– Да! У вас римское имя, и это прекрасно!

Что было прекрасного в том, чтобы в Греции иметь римское имя, – это было Лере совершенно непонятно. Но, кажется, Алексиадису все казалось прекрасным.

Впрочем, программа, которую он предложил Лере, вдохновила и ее.

– Здесь, в Лаутраки, мы смотрим все быстро-быстро, – заявил он. – У нас курортный город, наше море прекрасно, вы убедитесь в этом сами. А потом я беру автомобиль и мы едем дальше, в самые прекрасные места Греции – хотя у нас все места самые прекрасные. Если вам понравится мой маршрут, мы можем предлагать его вашим туристам. Потом я отвожу вас в

Афины, показываю вам все, что вы захотите осмотреть, и провожаю вас в аэропорт.

Судя по тому, как темпераментно излагал все это Алексиадис, Лере предстояли не дни, а фейерверк. Впрочем, ее это устраивало.

Алексиадис сделался владельцем отеля сравнительно недавно: он достался ему в наследство от дяди.

– Я долго размышлял, не следует ли продать это заведение, – объяснил он. – Но потом все-таки решил рискнуть самостоятельно – не скрою, в расчете на то, что сумею найти надежных партнеров в Восточной Европе и в России.

Отель показался Лере вполне пригодным для жилья – даже для тех, кому мало, чтобы в номере был стул и стол. Номера были разные, и мебель в них была разная: от обычных деревянных кроватей, напоминающих до боли знакомый советский дом отдыха, до роскошных сооружений под балдахинами.

Алексиадис показывал ей свой отель с гордостью и той дотошностью, которую трудно было от него ожидать – при его-то взрывном нетерпении. Но – дело есть дело, он понимал это не хуже, чем Лера, и подробно рассказывал, почему совершенно одинаковые номера стоят по-разному из-за вида с балкона. Или – какой завтрак войдет в стоимость путевки, а за какой надо будет платить отдельно. И еще что-то, и еще подробности...

Лера запоминала все это быстро, ей даже записывать почти не приходилось – тем более что, едва она доставала блокнот, Алексиадис тут же вручал ей соответствующий рекламный проспект или прайс-лист, в котором, оказывается, все уже было написано.

В какой-то момент он взглянул на Леру повнимательнее – и засмеялся.

– Я вижу, Валерия, – объяснил он, встретив ее удивленный взгляд, – что вам тоже не терпится закончить наконец осмотр номеров и холлов, пойти к морю и вообще – проехаться по Греции! Ведь так?

– Так, – с улыбкой согласилась Лера. – Но это ничего не значит: я буду смотреть ровно столько, сколько необходимо.

Она вдруг вспомнила, как бегала с Зоськой по Стамбулу, считая часы до автобуса. После этого трудно было находить тяжелой работой осмотр отеля «Коринф»...

– Все! – объявил наконец Алексиадис. – Вы имеете полное представление о том, что я могу вам предложить в этом доме. И мы можем наконец отправиться дальше – в Элладу!

Он сделал такой широкий жест рукой, словно Эллада начиналась прямо за порогом.

«Да ведь так оно и есть!» – улыбнувшись, подумала Лера.

Если бы кто-нибудь – даже темпераментный Алексиадис – взялся просто описать Лере Элладу, она представила бы себе только глянцевою открытку. Сказать об этом было невозможно. Но почувствовать прелесть этого места было возможно – и Лера почувствовала сразу. Потому что сразу ее охватила такая волшебная беззаботность, какой она не испытывала, пожалуй, ни разу в жизни.

Она не зря почувствовала единомышленника в Алексиадисе. Он любил свою Элладу гораздо более самозабвенно, чем свой отель, и это видно было по его блестящим, как маслины, глазам.

«А ведь он такой же, как Андрей Майборода, – вдруг догадалась Лера. – Хотя и эмоциональнее раз в сто, но это неважно. Просто Андрей на греческий лад. С нормальным домом в нормальной стране...»

Она не могла объяснить, почему это стало для нее очевидным – но это было так, и она сразу поняла, что ей легко будет работать с Алексиадисом.

Машина у него была пижонская – ярко-красный «Порше»; Лера видела такую впервые. Но ехать на ней по блестящей под солнцем дороге было очень даже приятно. И Лера не отрываясь следила, как светится морская вода вдоль шоссе, когда они ехали к мысу Эрио.

– Это надо видеть обязательно, – заявил Алексиадис. – Не потому, что так написано в путеводителе – так велит нам душа!

Сначала им открылся водопад – прозрачная, чуть подсвеченная и шумящая стена, от которой Лера, наверное, вообще бы не ушла, если бы ее спутник не поторопил:

– Нам надо достичь мыса до того, как солнце опустится в море – это обязательно!

Солнце садилось в море, и от этого бирюзовая вода приобретала розовый оттенок. Лера смотрела на далекий маяк, на развалины древнего города у подножия горы, на бесконечные цепи гор в вечерней дымке и причудливые камни, выступающие из прозрачной воды. Что это было, какие струны звенели в этом воздухе и отзывались в душе, она не знала, но это было то, что было только в детстве – как музыка...

– Вам нравится, милая Валерия? – Голос Алексиадиса вывел Леру из странного, похожего на забытье состояния.

– Что? – Она вздрогнула. – Да...

Лера не знала, что сказать ему; к тому же ей вдруг стало тяжело говорить по-английски, она не могла подобрать слов на чужом языке.

Кажется, Алексиадис почувствовал, что Лера не просто любит красивым видом: его голос стал тише и словно бы осторожнее.

– Мы можем ехать? – то ли предложил, то ли спросил он. – Мы можем вернуться в Лаутраки и поужинать вместе в какой-нибудь маленькой таверне у моря?

– Конечно! – Лере стало неловко, словно он увидел то, что не предназначалось для посторонних глаз. – С удовольствием, Александр, спасибо.

Таверна, в которую привел ее Алексиадис, была полна людей. Веселый гул множества голосов смешивался с громкой музыкой – и Лере сразу стало легко в этом приветливом и беззаботном шуме. Певичка в ярко-алом платье пела греческую песню, а люди, вплотную сидящие за длинным столом, с удовольствием подпевали.

То неувловимое и немного пугающее чувство, которое охватило Леру на мысе Эриу, когда она смотрела на горы в вечерней дымке, сразу исчезло, растворилось в жарком воздухе таверны. И Лера вздохнула с облегчением. Так невыносимо было будоражить сейчас в душе то, что все равно не могло воплотиться...

После певички вышла хрупкая акробатка в блестящем трико. Сначала она показалась Лере юной девушкой, и только потом, когда та начала жонглировать саблями, Лера заметила, что акробатке, пожалуй, за сорок. Рядом стоял красивый черноглазый мальчик, как две капли воды похожий на нее, – наверняка ее сын.

Лера почувствовала, как все это незамысловатое веселье зажигает и ее, как ей становится легко, словно после хорошего вина.

Вино, кстати, действительно было хорошим и называлось «Санта-Елена». А чтобы выбрать гаридес – омара, – Алексиадис потащил Леру к огромному аквариуму. Они оба выбирали так серьезно, как будто это был самый значительный выбор в их жизни, и это тоже нравилось Лере.

Они болтали с Алексиадисом, подбирая английские слова, подсказывая их друг другу и смеясь без причины. Языки у них уже заплетались и головы кружились.

Лера чувствовала себя легкой, как воздушный шарик. Она видела, что нравится Алексиадису, и видела при этом, что он не предложит ей пойти вместе в номер, как предложил подняться к нему домой Валентин Старогородский.

Но она чувствовала, что Алексиадис и не станет говорить о таких сложных вещах, как вечная любовь. В его взгляде просто читалось бескорыстное восхищение женщиной – и это было для Леры так ново, так необычно и приятно...

– В моей жизни никогда не было такого вечера, Александр! – сказала она на прощание, уже в вестибюле отеля.

– И я даже знаю, почему, – сказал он загадочным тоном.

– Почему же? – заинтересовалась Лера.

– О, завтра, завтра! – поднял руку Алексиадис. – А сегодня – спать, дорогая Валерия, и отдохнуть. Завтра мы едем в Афины.

Все это действительно было фейерверком – даже узкие и таинственные афинские улочки, даже крепчайший кофе со стаканом холодной воды: Лера пила сладкий гликос, а Александр – скетос без сахара. И Акрополь, и стены Парфенона в вечернем сиянии... И белые колонны храма Посейдона на темной скале, и маленькая рыбацкая деревушка у ее подножия...

Днем Алексиадис затащил Леру в роскошный магазин, где продавались шубы.

– Но зачем, Александр? – отговаривалась Лера. – Я не собираюсь покупать шубу, что мне там делать? И вы же сами сказали, что для шоп-туров надо будет рекомендовать моим туристам меховую фабрику в Салониках.

– Женщине необходимо примерить шубу в настоящем афинском магазине, – авторитетно заметил Алексиадис. – Вы знаете, зачем женщина приезжает в Грецию?

– За шубой? – улыбнулась Лера.

– Нет! – торжественно заявил он. – Женщина приезжает в Грецию для того, чтобы почувствовать себя неотразимой и полюбить себя!

С этими словами он накинул Лере на плечи длинную поблескивающую шубу из «табачной» норки, и она невольно взглянула в зеркало. Можно было почувствовать себя неотразимой, увидев собственное отражение: порозовевшие нежные щеки, и янтарные глаза, и мягкий мех, щекочущий шею...

Алексиадис лихо водил свой шикарный «Порше». Глядя на стремительно летящую под колеса дорогу, Лера не чувствовала усталости, хотя эти дни могли у кого угодно вызвать ощущение пресыщенности. Но ей хотелось ездить еще и еще, она упивалась каждой минутой – и это не было обычное накопление впечатлений, это было что-то другое...

Лера даже сказала об этом Алексиадису, потому что всего за два дня он стал вызывать у нее доверие.

– О, я знаю ваше чувство, Валерия, – сказал он. – Конечно, оно делает женщину неутомимой.

– Это то, что вы сказали мне в магазине? – догадалась Лера. –

Поллюбить себя?

– Да. А разве вы сами этого не чувствуете? – кивнул он. – Мне хотелось вам в этом помочь...

– Вам это отлично удалось, Александр. – Лера посмотрела на него благодарно.

– Знаете, я иногда думаю о таких отвлеченных вещах, не имеющих отношения к экскурсиям и вообще к туристическому бизнесу, – продолжал он. – Мне кажется, в каждой поездке должно быть что-то, ради чего она предпринята – не только осмотр достопримечательностей. Поэтому я и сказал вам, для чего женщина приезжает в Грецию...

«Вот это да! – поразилась Лера. – А ведь казался совсем простым, жизнерадостным – и не более того!»

На следующий день Александр повез Леру в Дельфы, и она долго стояла перед Кастальским источником, а потом посидела на «пупе земли», а потом смотрела на гору Парнас...

– Уф! – сказал наконец Алексиадис. – Вы не поверите, но я устал, дорогая Валерия! Вы хотите осмотреть еще что-нибудь?

Несмотря на то что в его тоне сквозила надежда, что Лера ничего больше осматривать не захочет, – она все-таки попросила:

– Знаете, Александр... Я хотела бы увидеть Фермопилы – то ущелье...

– Но зачем? – поразился он. – Там нет ничего особенного, что я мог бы предложить вам и вашим туристам.

– Гробницу царя Леонида, – сказала Лера. – Но вам не обязательно туда ехать – может быть, я одна...

– Одна вы ее не найдете, – возразил Алексиадис. – Там нет даже указателя, и потом, вы ведь не водите машину.

Он и сам еле нашел барельеф, изображающий битву спартанцев. Да и ущелья никакого не было – просто широкая равнина, на которой действительно нечего было смотреть.

– Во-он она, могила, – сказал наконец Алексиадис, указывая куда-то через шоссе. – Уверяю вас, достаточно было купить в Афинах открытку с ее изображением!

Лера и сама не знала, зачем ей надо было увидеть эту плиту, и зачем надо было прочитать выбитые на ней слова; она и так знала их наизусть. Да и все равно ведь невозможно было прочитать их по-гречески. Но это опять было то странное и необъяснимое, что невозможно назвать и что невозможно забыть в себе...

«Путник, когда прибудешь в Спарту, скажи, что видел нас лежащими

здесь, как было завещано законом», – произнесла она, беззвучно шевеля губами.

В эту минуту она вдруг вспомнила, как Митя сказал ей: «Ты сентиментальна, Лерка!» – когда пел про Кейптаунский порт. А ведь ей казалось, что все это было бесконечно давно и ушло из ее жизни навсегда...

– Я так благодарна вам, Александр, – сказала она, когда они снова сели в машину. – Вы потеряли из-за моего каприза уйму времени. И конечно, сюда не обязательно возить большинство туристских групп.

– Каприз женщины – одно из самых прекрасных явлений, – улыбнулся Алексиадис. – Даже такой странный, как желание увидеть могилу спартанца. К тому же капризом моей жены, например, была бы, конечно, шуба! – добавил он, и они оба расхохотались.

Александр сам отвез Леру в аэропорт, и она поцеловала его на прощание так крепко, точно знала всю жизнь, а не три дня.

– Вы чудо, Валерия! – растрогался Алексиадис. – Я и предположить не мог, что обычная рекламная поездка окажется такой приятной. Надеюсь, мы будем работать вместе, – добавил он.

– В этом вы можете не сомневаться, – заверила Лера. – А кроме того, когда вы приедете в Россию, я тоже придумаю для вас что-нибудь такое... Не просто осмотр достопримечательностей!

И они переглянулись и засмеялись, как могут смеяться люди, отлично понимающие друг друга.

Глава 18

Ноябрьская Москва встретила дождем, привычной грязью и каким-то непривычным домашним унынием.

Уныние чувствовалось даже в том, как Костя слушал Лерин рассказ о Греции, как рассматривал привезенные ему в подарок греческие сандалии и щелкал фисташки.

Лера прилетела вечером, водитель быстро доставил ее домой на серебристой «Ауди», и у нее немного кружилась голова: слишком стремителен был переход от одной действительности к другой.

Поэтому она не сразу заметила, что с Костей что-то происходит. А заметив, испугалась. В нем чувствовалась подавленность, никогда он не был таким прежде...

– Костенька, скажи мне, что случилось? – спросила Лера.

Была уже ночь, они лежали рядом, и она видела, как поблескивают в полумраке Костины широко открытые светлые глаза. Что было в них – Лера не знала...

– Да ничего особенного, Лерочка, – нехотя ответил он. – Не слишком хорошо идут дела в Институте. Денег не дают, препараты покупать не на что, журналы почти не выписываются. Хуже, чем за «железным занавесом». И вообще...

– Что – вообще? – встревоженно спросила Лера.

– Да как-то перевернулась жизнь... У меня такое ощущение, что все утрачено, ты понимаешь?

– Но что же, Костя? – Лера заглянула ему в лицо. – Разве ты изменился, разве тебе стало неинтересно то, что ты делаешь?

– Нет, мне-то интересно... Но это стало как-то... Непрестижно, что ли. У меня исчезло ощущение того, что я занят важным делом.

– Котя, ты с ума сошел! – Лера даже села на кровати. – Из-за чего, подумай сам? Из-за того, что продавец на рынке получает больше, чем кандидат наук? Господи, но у нас всегда было что-то подобное, чему удивляться? Ты – это ты, и твое дело – это твое дело! Почему ты позволяешь себе поддаваться общему психозу? Давай я сама куплю эти препараты и журналы, если дело в них!

– Нет, они слишком дорогие, – улыбнулся Костя. – И к тому же все равно ведь это нереально, чтобы ты покупала их постоянно. Лера, – вдруг спросил он, – а ты не считаешь, что нам уже можно иметь ребенка?

Его слова, сказанные без перехода, обычным, всегдашним тоном, так поразили Леру, что она замолчала, не зная, что ответить.

– Ребенка? – произнесла она наконец. – Вот сейчас?

– А что тебя удивляет? Мы женаты уже пять лет. Не пора ли?

– Нет, ничего... Но ведь ты сам не хотел раньше...

– Раньше не хотел, а теперь хочу, – сказал Костя. – И спрашиваю тебя, как ты к этому относишься.

– Хорошо, – ответила Лера. – Я отношусь к этому хорошо.

Она ответила уверенно, хотя на самом деле его слова повергли ее в смятение.

Она очень хотела ребенка – в тот, первый, год, когда они только узнали друг друга, еще до женитьбы. Лера любила Костю так самозабвенно, что родить от него ребенка казалось ей необходимым и естественным делом, которое и обсуждать-то нечего.

Она и сказала ему об этом однажды – когда они, обнявшись, лежали рядом на диване в квартире однокурсницы Иришки, выдавшей Лере ключи ровно на три часа.

Вернее, сначала Костя спросил ее:

– Лерочка, а ты не боишься?

– Чего? – удивилась она.

– Ну, ведь мы как-то... Мы как-то совсем не думаем о последствиях, по моему... Или ты что-то делаешь?

– А! – догадалась Лера. – Да нет, ничего не делаю. И вообще... Костенька, я бы счастлива была – от тебя... А ты боишься этого?

– Нет-нет, ты меня не так поняла! – заторопился он. – Конечно, я тоже буду рад... Но если бы это произошло не сейчас... Ведь мы с тобой решили: надо немного подождать, правда? Даже с женитьбой, а уж тем более с этим...

– Решили, – вздохнула Лера. – Конечно, надо.

Она тогда соглашалась с ним во всем – согласилась и в этом. Конечно, и ей надо было закончить университет, и она уже заинтересовалась тогда ратмановскими лекциями и хотела пойти к нему в семинар, чтобы работать посерьезнее.

Но если бы появился ребенок, Лера ничуть не испугалась бы. Она уверена была, что ребенок не мог бы ей помешать ни в чем. Лера знала себя и знала, что ей ничто не может помешать.

Как бы там ни было, а она поставила спираль у одной хорошей врачихи, которую посоветовала ей та же Иришка. А потом – еще раз, через несколько лет, уже не задумываясь о том, надо ли это делать. И, к счастью,

очень удачно: за все годы замужества у нее не было «залетных» проблем, из-за которых перестрадали все однокурсницы.

А сейчас, после неожиданного Костиного вопроса, Лера вдруг растерялась. Ей даже обидно стало на минуту: ведь он сам только что говорил о своих трудностях, так о чем же он думает? Не хотел – захотел! Как же они будут жить, если она сейчас засядет дома с ребенком?

Но Лера тут же устыдилась этих мыслей. Господи, что за проблема! Мама дома, всегда поможет, да и получает она сейчас достаточно, чтобы пригласить няню.

– Костенька, я так рада, что ты хочешь, – шепнула она. – Я прямо завтра к врачу пойду...

Но назавтра времени у нее не было совершенно, и послезавтра не было, и даже потом, через неделю, время нашлось с трудом.

– Вы думаете, все будет нормально? – спросила она докторшу Веру Кирилловну.

Лера лежала на клеенчатой кушетке, голова у нее немного кружилась после не слишком приятной процедуры, и настроение почему-то было отвратительное, даже плакать хотелось.

– Надеюсь, – кивнула Вера Кирилловна. – По-моему, все у тебя в порядке, Лерочка. Конечно, не завтра ты забеременеешь, все-таки времени сколько прошло. Но не волнуйся, с твоим здоровьем – все у тебя будет.

«Вот и хорошо, что не завтра», – с облегчением подумала Лера.

Конечно, она испытывала облегчение не оттого, что не хотела ребенка от Кости. Но дела на работе так закрутили ее, что представить себе сейчас долгую паузу, остановку было просто невозможно.

Дела «Московского гостя» приводили Леру в некоторую растерянность. Та вялость, какая-то заторможенность, которую она заметила в шефе еще накануне отъезда, теперь просто поражали ее.

– Что с тобой, Андрей? – не выдержала она наконец. – Я говорю, а ты не слышишь совершенно!

– Почему, я слушаю, – возразил он. – Но не готов с тобой согласиться.

– Тогда объясни мне, почему, – не отставала Лера. – Тебе не нравится то, что я предлагаю?

Предлагала она заняться зимним отдыхом. Это пришло ей в голову почти случайно. Вспомнила как-то, что мальчишки в их дворе всегда мечтали съездить на Домбай, покататься на горных лыжах. Тогда это было не просто модно – это было знаком определенного отношения к жизни. Так проводили свой отпуск люди необыкновенные и мужественные, которым

скучно было греть пузо на пошлом южном море.

Вспомнив об этом, Лера принялась изучать все рекламные проспекты, которые удалось достать, и с удивлением узнала, как разнообразен может быть этот самый зимний отдых. Она тут же представила крошечные домики в Альпах, заодно почему-то вспомнила «Волшебную гору» Томаса Манна, и все это сложилось у нее в голове в новый захватывающий проект.

Она и сама не знала, почему все это так увлекает ее. Пожалуй, она даже не ожидала от себя, что ей так понравится заниматься простыми и практическими делами. Наверное, это началось после ее чудесного вояжа с Александром Алексиадисом. Именно тогда Лера поняла, насколько могут быть связаны простые и практические дела с тем неясным и едва уловимым, что происходит в душе...

Она с увлечением излагала свою идею Андрею Майбороде, когда наткнулась на его равнодушный взгляд.

– А зачем нам все это, Лера? – неожиданно спросил он.

– Как зачем? – даже растерялась она. – Чтобы было больше туров.

– А зачем? – не унимался он.

– Андрей! – разозлилась наконец Лера. – Странные ты задаешь вопросы! Ты что – хочешь знать, какой вселенский смысл это имеет? Вселенского – никакого. Ну, если тебе хочется дойти до самой сути, – от этого бывает много денег.

– Ты думаешь, Лерочка, много денег бывает от этого? – усмехнулся Андрей. – Хотя, конечно, что считать деньгами... Ладно! – Он встал, показывая, что разговор окончен. – Я не против, если ты этим займешься. Ищи партнеров, думай сама. А мне, извини, не до этого.

«Чем это он занят, интересно?» – думала Лера, выходя из его небольшого кабинета.

И, вспомнив взгляд Майбороды, почувствовала легкое дуновение тревоги.

Но размышлять подолгу о настроениях Андрея было просто некогда. Он дал Лере карт-бланш с зимним отдыхом – и она решила этим воспользоваться.

«Конечно, этой зимой уже никого не успеем отправить, – рассуждала она. – Но ведь будет следующая зима».

О том, что в следующую зиму сама она будет заниматься чем-то другим, Лера просто не думала. Работа в «Московском госте» казалась ей такой стабильной и надежной, что она думала о ней как о том, что будет завтра, через месяц, через три года...

Это самой ей казалось странным, когда она выходила из маленького

офиса на Петровские линии и погружалась в непредсказуемую суету московского дня, – но это было так.

Ей нравилось осваивать пространство – в этом было все дело.

У Леры было такое ощущение, словно разомкнулись пределы ее души – и теперь можно было осваивать огромный мир, вливать в него собственную наполненность жизнью. Она почувствовала это в Греции и немного боялась, что по возвращении в Москву это чувство исчезнет, забьется повседневными заботами. Но оно не исчезало, и Лера радовалась в глубине души, хотя никому, наверное, не стала бы объяснять, что с ней происходит.

Для других это был просто туризм. И она говорила тем, кто спрашивал ее о новой работе – Валентину, например: «Мне нравится, работа интересная, разнообразная, и мне хорошо платят».

Ей все чаще приходилось заниматься неожиданными делами. Андрей надолго исчезал посреди дня или бывал занят и просил Леру принять вместо него каких-нибудь иностранных партнеров и даже договориться с ними о чем-нибудь, что прежде никогда не выпускал из-под своего контроля.

Он только коротко инструктировал ее перед такими встречами. Да и то: инструкции сводились к тому, что он очерчивал границы реального и просил Леру не брать на себя излишних обязательств. Все остальное он предоставлял ей. Но если раньше это могло бы ее обрадовать и заставить гордиться собой, то теперь Леру только пугало его доверие. Она физически чувствовала исходившую от Андрея тревогу, смешанную с равнодушием ко всему, что еще недавно его занимало, – и могла только гадать о причине всего этого.

Но были в ее жизни вещи, занимавшие Леру куда больше, чем настроения шефа.

Докторша Вера Кирилловна сказала: «Не завтра», – и Лера тогда успокоилась. Не завтра – значит, например, через год или еще позже... Хорошо, но отдаленно, и Лера перестала думать о том, что так уверенно пообещала Косте в ночь своего возвращения из Греции.

И вдруг – всего через четыре месяца! – она поняла, что это неясное «не завтра» уже наступило. Сначала она не обратила внимания, потом засомневалась, потом уверилась, потом – испугалась...

«Что же, – говорила она себе, – ведь я этого ждала, я этого хотела, и Костя будет рад...»

Но на самом деле она не испытывала ничего, кроме страха. Никогда такого с нею не было, Лера даже представить себе не могла, что может так

бояться будущего. Она говорила себе, что все как-нибудь устроится, что у нее есть где жить, что мама будет ей помогать, что ей уже двадцать шесть лет и что у многих ее подруг уже по двое детей...

Все у нее было нормально, и Лера сама не понимала, почему ей приходится уговаривать себя. Вернее, она понимала, но боялась себе признаться в том, что не хочет ребенка... И еще больше боялась прямо сказать себе, почему.

Она чувствовала, что забеременела словно по инерции – по инерции своей любви к мужу. Нет, она по-прежнему любила Костю, по-прежнему была готова сделать для него все и еще больше. Но то, что было прежде, – ушло, и Лера сама не заметила, когда это случилось.

Иногда, возвращаясь вечером домой, она вдруг ловила себя на мысли, что ни разу за целый день не вспомнила о нем.

«Но, наверное, это нормально? – думала она. – Мы давно женаты, мы привыкли друг к другу. Что в этом плохого?»

Это было нормально для всех ее знакомых, так жили все ее девчонки-однокурсницы, с которыми она изредка перезванивалась. И скажи Лера кому-нибудь, что печалит ее в отношениях с добрым, умным, непьющим мужем, – любая из тех же однокурсниц посчитала бы ее сумасшедшей.

Но она и не собиралась никому ничего говорить или объяснить. Это было то, что Валя Старогородский назвал «дешевым романтизмом» и что не предназначалось для посторонних. Пожалуй, Лера уже и приучила себя не думать об этих смутных вещах – благо работа отнимала много времени.

И только теперь, поняв, что должна будет родить ребенка, Лера содрогнулась. Рождение ребенка было связано для нее с самыми живыми, самыми яркими всплесками ее души. А по отношению к Косте их не было, и их невозможно было заменить ни уважением, ни сочувствием, ни привычкой.

Но что можно было сделать теперь? Оставалось отдаться той самой инерции любви, которая должна была оказаться для Леры спасительной.

«Инерция любви... Надо же, прямо название для фильма!» – думала Лера, открывая дверь в офис «Московского гостя» и привычно, словно здороваясь, поднимая глаза на отраженную Венецию.

Она подняла глаза – и замерла, не в силах сделать ни шагу. Венеции, отраженного города, acqua alta, поднявшейся воды, не было на стене. Фотография исчезла, и только едва заметное пятно на обоях напоминало о ее недавнем существовании...

– Лер, ты знаешь?! – Голос Сусанны Азарян, одной из новых девочек-

турагенток, отвлек Леру от созерцания пятна на стене.

– Что – знаешь? – спросила она. – Венеция исчезла?

– Господи, да черт с ней, с Венецией! Шеф-то наш – слинял!

– Как слинял? – не поняла Лера. – Куда слинял?

– Это и я бы хотел знать! – Кирилл Стариков тоже вышел из своей комнаты. – И не только я. Думаю, правоохранительные органы тоже заинтересуются.

Они стояли теперь втроем в небольшом вестибюле. Лера машинально расстегивала и снова застегивала пуговицу на дубленке.

– Мы пришли как всегда, – взволнованно говорила Сусанна, – а его нет. Ну, подумаешь, мало ли где он! А потом Кирюша зашел к тебе в комнату за чем-то, а у тебя письмо на столе. Специально так, стоймя, и красным фломастером подписано – «Сотрудникам фирмы». А там...

– Вот что, – сказала наконец Лера, – пойдём в комнату, что мы орем в коридоре?

Она медленно читала письмо Андрея Майбороды – читала и перечитывала, хотя все стало ей ясно уже с первых строк. Письмо было написано от руки.

«А ведь Андрей недавно смеялся, что уже в состоянии вручную только подписываться, а так – все на компьютере», – почему-то вспомнила Лера, глядя в его неровный почерк.

В своем послании шеф «Московского гостя» сообщал сотрудникам, что личные обстоятельства вынуждают его покинуть Москву – как он предполагает, навсегда. Он просит его извинить и надеется, что работа в его фирме была для них приятной. А теперь каждый из них может подыскать для себя другую работу в соответствии с приобретенной квалификацией.

«Нормальный дом в нормальной стране...» – вспомнила Лера.

– И фотографию с собой прихватил, – сказала она. – Надо же, как трогательно!

– Хорошо, если это будет единственное, что он с собой прихватил, – мрачно заметил Кирилл.

Но Лера уже и сама догадывалась, какие подробности исчезновения шефа выяснятся в самое ближайшее время.

Подробности оказались еще более ошеломляющими, чем она могла предполагать.

Следователь в штатском, рыдающая бухгалтерша, печати на сейфе – все это было еще не самое страшное. Самое страшное заключалось в том, что Андрей Майборода исчез вместе со всеми деньгами «Московского гостя»,

которые, как выяснилось через несколько дней, сумел частью перевести на счет какой-то неведомой и явно подставной фирмы в Швейцарии, а частью – просто обналичить.

– Знала я, как он крутить умеет, – всхлипывала бухгалтерша Альбина. – Но чтобы так... Где совесть у людей, вы мне скажите? Хорошо хоть зарплату позавчера получили...

Семеро сотрудников «Московского гостя» сидели в Лериной комнате. Лера уже около месяца работала здесь, отдельно, и все за глаза называли ее вице-президентшей. На столе стояли две бутылки, в одной из них водка уже едва плескалась на доньшке.

– Семеро козлят, – усмехнулся Кирилл Стариков. – Волк нас не скушал – побрезговал, пускай сами дохнут.

– Лично я дохнуть не собираюсь! – заявила Сусанна. – Подумаешь, напугал!

– Тебе чего бояться? – заметила бухгалтерша Альбина. – Ты тут без году неделя, позвони-принеси, получала все равно по минимуму. А мы – где теперь такое найдем?..

Лера молчала. Незадолго до того как начались траурные посиделки, Альбина рассказала ей под большим секретом, что Андрей давно вел двойную игру.

– По-моему, ему эта фирма вообще была вроде «крыши», чтоб настоящие деньги отмывать, – говорила она шепотом, прикрыв дверь.

– А ты знала? – спросила Лера, понимая, что всей правды Альбина все равно не скажет.

– Боже меня упаси, откуда мне знать? – Та даже руками замахала. – Так, догадывалась кое о чем, но что там мои догадки? Видела, конечно, что он через нас деньги прокручивает, которые непонятно откуда берутся. Но что я, мое дело маленькое, разве он мне объяснял?

«Не такое уж и маленькое», – подумала Лера.

Но что теперь? Какой смысл Альбине говорить больше, чем она сказала следователю? Леру занимала сейчас не Альбина: та уж точно не пропадет. Собственная судьба – вот что встало перед нею пугающей реальностью. Собственная судьба – завтра, через месяц, через год...

Вдруг ясно вспомнилось то, что казалось ушедшим навсегда: Стамбул, Переделкинский рынок, черные глянцевые мешки... Лера содрогнулась, поняв, что крепкий кокон «Московского гостя» распался и вся жестокая действительность хлынула на нее, готовая сбить с ног и унести как щепку.

Что она будет делать? Снова чувствовать себя ничтожеством, предлагать свои жалкие услуги в поисках случайных денег? Снова

просыпаться в ужасе, думая о том, что через неделю не сможет купить лекарство?

И это был еще только первый ряд мыслей – это было то, что пугало и ошеломляло. Но были мысли и похуже. Лера понимала, что придется отказаться не просто от стабильного заработка, но и от того ощущения, которое пришло к ней совсем недавно... словно дверца хлопнулась перед нею, отрезав от нее огромный мир, сделав ненужными все ее усилия по его освоению. Ее душа зависла в пустоте, ни к чему не приложимая.

Лера вспомнила Александра Алексиадиса и данные ему обещания – это заставило ее покрыться холодным потом стыда и отчаяния.

О ребенке, о своем будущем ребенке она старалась вообще не думать.

– Что ж, мальчики-девочки, – усмехнулся Кирилл, – последние наши посиделки – мало водки взяли! Завтра манатки собираем, послезавтра – тютю!

– Почему это тютю? – спросила Лера с неожиданной злостью.

– А что же? – Кирилл посмотрел на нее удивленно. – Чего здесь ловить? Или ты за аренду помещения из своего кармана собираешься платить? Ради добрых воспоминаний и дружеских посиделок?

Он был прав, но у Леры в глазах темнело от злости, когда она соглашалась с его правотой.

«Я не могу так этого оставить! – вдруг поняла она. – Я не могу вот так, за здорово живешь, отказаться от всего, что так нелегко мне далось! Я уже дорого заплатила за все, и я готова была платить дальше. Что же теперь – все, значит?»

Часто заменяя Андрея, взяв на себя многие его обязанности, Лера лучше других знала, как хорошо шли дела «Московского гостя». Уже сейчас, в феврале, за их турами в Грецию записывались в очередь. Она была уверена, что Алексиадис не допустит ни одного срыва, а это значило, что они будут первыми: Лера хорошо знала цены на греческие туры в других фирмах и знала, сколько бывает непредвиденных сбоев.

Да разве только Греция! А уже освоенный Кипр, а любимая Италия, а морские круизы и шумные порты, а зимний отдых в Альпах и Татрах, которым она так увлеченно занималась! А множество стран, дорожки к которым начинались прямо на ее ладони и которые – она была уверена – можно было приблизить, сделать доступными!

Лера чувствовала, как много неповторимого таится в этом мире. Он был способен вместить в себя всех людей с их невообразимыми вкусами и привычками, с их капризами, мечтами, любовью и жаром странствий. И все это она должна была потерять, и вместо всего этого – унылое убожество

существования с единственной мыслью: о скудном хлебе насущном!..

– Заплатим, – вдруг сказала она, словно отвечая Кириллу. – Что, свет на нем клином сошелся, на этом любителе нормальной жизни? Придумаем что-нибудь.

– Разве что ты придумаешь, – пожал плечами Кирилл. – Лично я, если бы умел думать в этом направлении, давно бы уже свою фирму открыл, а не сидел тут на зарплате.

«Надо же, – подумала Лера. – Наконец-то Кирюша честно себя оценил!»

Впрочем, ей было совсем не до Кирюши с его самооценкой.

Хорошо было говорить: заплатим! Это в детстве можно было мечтать о том, чтобы найти десять рублей возле автомата с газировкой и на них купить все, что душа пожелает.

А теперь Лера отчетливо понимала, что деньги с неба не свалятся. Она даже не представляла, какие нужны деньги и что вообще нужно, чтобы существовала фирма «Московский гость» – один из многих тысяч обворованных, разорившихся и забытых фантомов свободы.

Лера возвращалась домой поздно; в голове слегка шумело от водки, и мысли были невеселые. Она с завистью посмотрела на небольшую толпу рядом с «Узбекистаном». Счастливые люди! Ей казалось, что уже много лет, с самого ее детства, эти парни перед рестораном – одни и те же. И заботы у них те же, и страхи, и радости...

Она теперь почти всегда возвращалась домой поздно и никого не видела из знакомых, даже Зоську.

Зоське больше не звонили по Лериному номеру. После очередной поездки та дала кому-то взятку и установила на своем чердаке телефон. Лера даже удивилась тогда:

– Зось, ты же все равно кооператив покупать собиралась?

– Да не знаю... – ответила Зоська. – Когда еще он будет, кооператив. И вообще, как представляю, что уехать отсюда придется, прямо плакать хочется. Я, знаешь, Лер, лучше денег еще поднакоплю и сама ремонт тут сделаю приличный. И душ сделаю, и все. Не так это трудно сейчас. Я вот нагреватель купила израильский – и пожалуйста, вода горячая!

Свой телефон – это хорошо, но Лера так привыкла к Зоськиным частым набегам, что ей просто не хватало ее. И бюстик Пушкина зря стоял на тумбочке.

Их поездки в Стамбул немного отошли в прошлое, и Лера вспоминала теперь Зоську как самое светлое, что было в то время. Ее носик птички-

синички, ее подбадривающий голосок и готовность до потери пульса носиться по городу в поисках «чего-нибудь сногшибательного» или стоять на рынке в Лужниках, потирая побелевшие от мороза щеки...

И то, как она покраснела и побледнела, увидев Митю в вестибюле гостиницы «Гянджлик», и ее трогательную печаль потом – когда она смотрела в темное окно автобуса и вспоминала своего «крестного», неизвестно откуда и зачем появившегося в суетливом восточном городе.

– Мам, Кости нет еще? – спросила Лера с порога.

– Он звонил, Лерочка. Сказал, задерживается в лаборатории. Опыты у них какие-то срочные.

– Вот странно! То говорит, препаратов не дают, то до ночи опыты не закончат, – удивилась Лера. – Я пока к Зосе поднимусь – сто лет ее не видела.

Зоськины шаги прошелестели по длинному коридору, дверь открылась. Лера обрадовалась, увидев ее перед собой – такую же, как всегда.

– Есть прелесть в твоей неизменности, Жозефина моя дорогая, – пропела она, останавливаясь на пороге.

– Ой, Лер! – обрадовалась и Зоська. – Проходи, что же ты на лестнице стоишь!

Мама Люба тоже была дома – сидела в первой комнате перед телевизором, приветливо улыбнулась Лере. Она по-прежнему казалась хрупкой и незащищенной, эта маленькая постаревшая женщина. Наверное, незащищенность была частью ее натуры, независимо от жизненных обстоятельств.

– Как твои дела, Зося? – спросила Лера, усаживаясь в потертое кресло-качалку.

– Да как? – пожалала плечами Зоська. – Как обычно, ты же знаешь. Езжу все туда же, торгую все там же и все тем же.

– Не надоело?

– А кому до этого дело? Хоть и надоело. Я же не для удовольствия езжу. Покупают, что привожу – от добра добра не ищут. Ты лучше скажи, у тебя-то как? Я по тебе прямо соскучилась, Лерка, – улыбнулась Зося. – Хорошо, конечно, что ты из этой круговерти вырвалась, а все равно я скучаю...

– Я тоже, – кивнула Лера. – Не знаю я, Зось, как у меня. Еще вчера хоть что-то знала, а сегодня не знаю.

И она рассказала Зоське о сегодняшних траурных посиделках в «Московском госте» и даже зачем-то – об исчезнувшей Венеции.

– Господи, что за люди! – ахнула Зоська. – Нет, я, конечно, на всякое насмотрелась, но все равно же хочется надеяться, правда? Что где-то по-

другому, что кто-то не на себя одеяло зубами тащит...

– Выходит, лучше не надеяться, – пожалала плечами Лера. – Меня такое зло берет, ты себе не представляешь! А что делать? Я уже думала, все в голове прокрутила. Надо инвестора найти, но где? У тебя есть знакомые инвесторы? – усмехнулась она.

– Мои знакомые только в товар инвестируют. – Зоська ответила такой же усмешкой. – Недели на две. Купят товар – продадут. Чем не инвестиция?

– Вот именно. Выходит, надо смириться, забыть обо всем и сидеть с ребенком. Вот только чем его кормить?

– С каким ребенком? – встрепелась Зоська. – Лер, ты что, ребенка решила родить?

– А что тебя так удивляет? Я не похожа на женщину, способную родить ребенка?

– Нет, что ты, наоборот! – воскликнула Зоська. – Я же радуюсь, ты что! Но ты героиня! Ей-богу, сейчас кто и одного родит – уже мать-героиню надо давать. Я бы ни за что не решилась.

– Решилась бы, – улыбнулась Лера. – Вот выйдешь замуж – и решишься.

– Замуж... – протянула Зоська. – За кого – замуж? Что-то я их не вижу – для замужа. Я вообще, Лер, знаешь, нагледелась на них, на мужиков. Смотреть противно. На что они нужны – хомут, да и все. Ну, ребенка сделать. Так это тоже: еще сто раз подумаешь – захочешь ли, чтобы твое родное дитя на всякое ничтожество было похоже.

– Да ну, Зось, это ты тоже зря, – не согласилась Лера. – Что они, все такие, как тот Марлон Брандо с блузочками или Гриша-крыша?

– Не все, – ответила Зоська. – Не все...

По тому, как она покраснела, Лера сразу поняла, о ком она думает, – и не удержалась от улыбки. Впрочем, Зоська на ее улыбки не обижалась.

– Ну и что? – сказала она. – Что ты, Лер, смеешься? Я понимаю, что ему не пара, ну и что? Я, может, до сих пор помню, как он тогда сказал: «Можешь им сказать, что я их убью», – тогда, когда имя мне придумал...

– Он тебе привет передавал, – сказала Лера. – Звонил мне как-то – и передавал.

– Правда? – обрадовалась Зоська. – А что он делает в Лионе?

– Моцарта ставит, «Дон Жуана». Хотя я подумала, что ему эта опера не очень подходит.

– Ему все подходит, – убежденно сказала Зоська. – Ты же сама знаешь... Лере жаль было Зоську, и она перевела разговор на другое.

– Видишь ты кого-нибудь? – спросила она. – Из наших, из дворовых? Я

что-то вообще никого не вижу, кроме дяди Лехи Буданаева. А ровесники, други игрищ и забав – видно, все делом заняты.

– Почему, я Женьку Стрепета часто вижу. Когда он из «мерса» выходит, – усмехнулась Зоська. – Кто бы мог подумать, такой подлый был пацан – это же он меня больше всех из-за имени травил! – а стал банкир, что ли?

– Ничего удивительного. Такие и становятся. Хотя про Женьку ты зря. Ну, дразнил, так когда это было? А он мне всегда алгебру давал списывать, очень приличный молодой человек, – улыбнулась Лера. – И в шахматы однажды поддался на общешкольном турнире: поухаживать хотел таким образом.

Она рада была, что увидела Зоську. Даже голова меньше стала болеть. Но, взглянув на часы, Лера вспомнила, что вот-вот должен вернуться Костя. Она и так допоздна пропадала на работе все эти последние сумасшедшие дни.

– Я пойду, Жозефиночка, – сказала Лера. – Жалко, что ты телефон провела, ей-богу!

– Вот нашла о чем жалеть, – улыбнулась Зоська. – Ты лучше Мите дай мой номер. Вдруг он мне позвонит?

Лера не стала говорить, что уже дала Мите Зоськин телефон. Зачем говорить, раз он не звонил?

Уже у самой двери, шагнув одной ногой за порог, она вдруг спросила:

– Зось, а в каком банке Женька работает?

– Черт его знает, – ответила Зоська. – В большом каком-то. У них радио свое, даже, кажется, телевидение. С ним три охранника из машины выходят – смех!

Лера и сама не знала, почему вдруг спросила Зоську о Женьке Стрепете. И только потом, уже спускаясь на свой этаж, уже открывая дверь своей квартиры, она поняла: да ведь это может оказаться тем самым выходом, который она так безуспешно пытается найти!

Эта мысль так захватила ее, что она даже не сразу заметила, что Костя уже дома. И только услышав, как шумит душ в ванной, вспомнила: «Да ведь это он пришел, что же это я?»

Лера заглянула в ванную, увидела Костин силуэт за клеенчатой занавеской.

– Давно ты пришел, Коть?

– Нет, минут пятнадцать.

– А я у Зоськи была. Знаешь, так давно ее не видела...

– Да? Очень хорошо.

Лера удивилась его спокойному тону. Конечно, Косте как будто бы не с чего особенно интересоваться тем, о чем она разговаривала с Зоськой, и нечего волноваться по этому поводу. Но в голосе мужа Лере вдруг послышалась такая полная, такая безоглядная отрешенность от нее, что она испугалась.

Но что можно было ему сказать, как объяснить свой неясный страх? Костя никогда не понимал всяких смутных тонкостей, весь он был ясный, как взгляд его широко открытых глаз. За это Лера и влюбилась в него когда-то...

Та, прежняя Лера еще какие-нибудь полгода назад сказала бы Косте тут же, на пороге ванной:

– Котенька, я беременная, осенью родится ребенок.

Но сейчас Лера смотрела на силуэт мужа за мокрой занавеской, слушала шум воды – и молчала.

– Ты ужинал? – спросила она наконец.

– Да, мы поели на работе. Девочки принесли еду.

– Тогда – спать?

– Конечно. Я ужасно устал. Опыты сегодня прошли удачно, можно спокойно отдыхать.

«Вот и хорошо, – подумала Лера, расстилая постель. – Я тоже устала, мне тоже ни до чего».

В первом подъезде на лестничной площадке лежал строительный мусор, известка въелась в ступеньки.

– Лерочка! – обрадованно ахнула Женькина мама, открывшая ей дверь. – А у нас здесь перманентный евроремонт, просто ужасно, конца не видно!

Лера улыбнулась словам простодушной, всю жизнь просидевшей дома Зинаиды Фоминичны. Перманентный евроремонт!

– Женя дома, тетя Зина?

– Что ты, Лерочка! Он так рано не появляется, хорошо если к девяти придет. Женечка теперь так много работает, я так волнуюсь за него. Это ведь сказывается на здоровье! Правда, он стал следить за собой: спортом занимается – у них прямо в банке есть бассейн, тренажерный зал. Но, конечно, ему надо жениться...

Зинаида Фоминична говорила без точек и запятых. Видно было, что она готова говорить о ненаглядном сыночке сутками и с первым встречным. Она всегда такая была, и всегда тряслась над Женечкой, вызывая насмешки

его дворовых приятелей. У них не принято было, чтобы родители вмешивались в жизнь своих детей – или, по крайней мере, этого нельзя было всем показывать.

– Ты, может быть, подождешь его, Лерочка? – спросила Зинаида Фоминична, явно радуясь неожиданной собеседнице. – А что ты хотела?

– Нет, я лучше пойду, тетя Зина, – отказалась Лера: ее совсем не прельщало сидение за чаем с Женькиной разговорчивой мамой. – Я хотела с ним поговорить, притом срочно. Вы его попросите, когда придет, мне позвонить. Или под окном крикнуть. Можно поздно, я долго не ложусь.

– Я скажу, деточка, – кивнула Зинаида. – Но вряд ли он будет под окном кричать. Ему как-то несолидно теперь... И он без охраны почти не выходит. Сейчас, ты же знаешь, так опасно стало в Москве... Но он позвонит, непременно позвонит. Ах, Лерочка, я всегда так жалела, что ты вышла замуж! – добавила она без перехода.

– Ну что вы, тетя Зина! По-моему, Женька об этом ничуть не жалел, – удивилась Лера.

– Что Женька! Ты же знаешь, он всегда был так погружен в свои дела – то в шахматы, то еще во что-нибудь. Что он вообще понимает в жизни!

«Почему же, – подумала Лера. – Выходит, кое-что понимает».

Но она не стала разубеждать Зинаиду Фоминичну.

Женька позвонил около двенадцати – действительно, под окном кричать не стал. Лера давно не разговаривала с ним по телефону, но тут же заметила, что голос у него изменился: стал жестче, даже легкая шепелявость почти не слышна.

Они встретились на лавочке посреди Неглинки – на той самой, где Митя играл на гитаре, а Лера слушала; это была ее любимая лавочка.

– Случилось что-нибудь, Лера? – спросил Женька, увидев ее в ярком свете фонаря.

Он спросил об этом так спокойно, как будто они виделись сегодня в школе. И сам он мало изменился – такой же невысокий, пухленький, с аккуратной прической. На нем было длинное кашемировое пальто, ботинки поблескивали в свете фонарей.

– Почему сразу – случилось? – улыбнулась Лера. – А вдруг я просто хотела тебя видеть?

– Ночью, на бульваре? – хмыкнул он. – Нет, Лерка, я из этой романтики вырос уже. Да и ты, я думаю, тоже. Потому и спрашиваю.

– Случилось, Женя, – кивнула Лера. – Мне нужен твой совет – по меньшей мере...

Женька сел на лавочку, аккуратно смахнув сор с облезлых досок, и Лера

вкратце рассказала ему обо всем, что произошло в «Московском госте». Она заметила, как меняется его лицо по мере того как он вслушивается в ее рассказ: первоначальный интерес сменяется каким-то цепким вниманием.

– Ну, а от меня чего ты хочешь? – спросил Женька, когда Лера замолчала.

– Я хочу, чтобы ты – вернее, твой банк – взял себе эту фирму, – тут же ответила она.

– Наш банк – турфирму? – недоуменно поднял брови Женька. – Но зачем?

– А почему бы и нет? Это отличная фирма, с крепкими связями, приносящая прибыль, – почему вам не иметь такую? Думаешь, это хуже собственной радиостанции?

– Но для чего радиостанция, я понимаю, – задумчиво сказал он. – Масс-медиа – это серьезно. А турфирма... Если мне захочется куда-нибудь съездить, я как-нибудь и без собственной турфирмы это осуществляю.

– А если, например, тебе надо будет кого-нибудь принять? И вообще, почему вам не осуществлять через нас все свои зарубежные связи, в обе стороны?

– Вот что, Лера, – вдруг оборвал ее Женька, – этот разговор – не для лавочки. Я понял, чего ты хочешь, и я тебя прошу: напиши все это – внятно, в виде бизнес-плана. Как ты понимаешь, я не могу так темпераментно убеждать совет директоров. Им нужна бумага, по которой можно просчитать прибыль. Кроме того, нужно проверить, действительно ли дела этого твоего «Гостя» обстоят так, как ты говоришь. Ты пойми меня правильно, – оговорился он. – Это не потому, что я тебе не доверяю. Но ты многого можешь не знать. Тем более, директор смылся... Я в «Горизонт-банке» вице-президент, от меня, конечно, кое-что зависит. Но дело есть дело, тут уж детская дружба – не самый решающий фактор. Хотя я тебя знаю и обещаю содействие. Устраивает это тебя?

– Устраивает, – ответила Лера. – Я позвоню тебе завтра вечером. Все будет готово.

Над бизнес-планом Лера просидела весь следующий день. В офисе на Петровских линиях было тихо; странно еще, что ее до сих пор сюда пускали. Но оборудование еще не было вывезено, да и непонятно было, кому оно теперь принадлежит; все висело в воздухе.

Не было только серебристо-коричневой Венеции, и поэтому Лере казалось, что жизнь ушла отсюда.

«Ничего, – вдруг подумала она. – Ушла – а я верну!..»

Голова у нее кружилась, тошнота подступала к горлу. Она вообще почувствовала себя отвратительно, еле вставала по утрам.

Лера достала из пустой кофейной баночки несколько клюковок и положила в рот: это было единственное, что спасало от тошноты.

Она сразу поняла, что больше всего привлекло Женьку Стрепета в ее «темпераментном» рассказе: возможность осуществлять через «Московского гостя» свои международные связи. То есть то, от чего так отмахивался Андрей Майборода: прием людей в Москве. Теперь-то Лера и сама понимала, как это трудно. Но что оставалось делать? Привлекать «Горизонт-банк» поездками на Кипр?

И, вздохнув и подавив снова подступающий спазм, она включила компьютер.

Глава 19

Лерина жизнь неслась в последнее время в таком бешеном темпе, что она едва выдерживала мгновенную смену событий. Да еще невыносимый этот токсикоз, постоянная тошнота и головокружение...

Из-за этого Лере казалось, что она – это не она; все в ней словно переменялось. Она однажды читала, что подобное состояние бывает у людей, которым делают переливание крови – пока организм не примет это вливание чего-то постороннего, что должно стать своим.

Так было с нею во время беременности, и ей тяжело было переносить эту переменную, перетряску всего организма. Особенно когда одновременно надо было делать множество неотложных дел и встречаться со множеством людей.

А уйти от этого было невозможно. В ожидании решения «Горизонт-банка» надо было поддерживать дела «Московского гостя», выполнять оставшиеся обязательства. Хорошо еще, что «семеро козлят» работали по-прежнему: отчасти потому, что еще не нашли ничего получше, а отчасти – в надежде на то, что Лерина энергия совершит чудо.

Она давно уже отдала свой бизнес-план Женьке Стрепету и ожидала теперь его звонка.

Он позвонил, как обычно, вечером. Кости еще не было, но Лера уже легла и даже пыталась уснуть. Бессонница мучила ее, несмотря на усталость, но она давно уже не могла сидеть за книжкой до полуночи, как это бывало прежде, – просто не хватало сил.

Женька сообщил, что «разборка с твоим туризмом» назначена на завтра.

– Но тебе приходится пока не надо, – сказал он. – Наши будут докладывать – коммерческий директор, служба безопасности. У нас на это дело интересные виды! – добавил он загадочно.

У Леры заплетался язык, спазмы подкатывались к горлу, несмотря на клюковки, – и она только и смогла, что вяло поблагодарить Женьку.

«Слава богу – спать! – вздохнула Лера, положив трубку. Но тут же услышала, как ключ поворачивается в замке: пришел Костя. – Надо встать, – подумала она. – Но не могу...»

Костя сам вошел в комнату и остановился на пороге. Лера увидела, что он даже не снял пальто, но у нее не было сил удивиться.

– Что это с тобой? – все-таки произнесла она. – Что с тобой, Костенька, ты как будто в воду собираешься прыгать?

– Ты заметила? – удивился он. – Да, похоже... Лера! Я должен с тобой поговорить.

– Может, не сейчас? – попыталась его остановить Лера. – Я что-то так плохо себя чувствую... И знаешь, Котя, я давно собиралась тебе сказать...

– Нет, сейчас, – возразил Костя со странной для него решительностью. – Я должен был сделать это раньше, но именно что не мог решиться... Дело в том, что я полюбил другую женщину и хочу к ней уйти.

Он смотрел на Леру ясными своими глазами, и она не видела в его глазах ничего, кроме гордости за то, что он наконец решился на этот разговор. Что было сейчас в ее глазах – она не знала... И не знала, что ответить ему.

К счастью, Костя как будто и не ждал ее ответа. Он сам начал говорить – торопливо, но отчетливо:

– Лерочка, пойми, я не могу больше так жить! Это длится уже давно, месяца три, и ты же понимаешь: такая двусмысленность не для меня. Мне необходима ясность. Ее зовут Люся, она наша лаборантка, новая... Лерочка, мне трудно говорить об этой женщине, я никогда не испытывал ничего подобного тому, что испытываю с ней... Это такое...

– Перестань, Костя, – попросила Лера. – Я не хочу знать, что ты испытываешь с Люсей.

– Да, действительно, – спохватился он. – Но я должен объяснить тебе... Ведь ты... Понимаешь, Лерочка, ты так переменилась... Я не узнаю тебя! И скажу тебе честно: мне не нравятся эти перемены. Конечно, ты всегда была самостоятельная, но теперь в тебе появилась какая-то резкость. Извини меня за это определение. – Он действительно посмотрел на нее извиняющимся взглядом. – Я не чувствую себя мужчиной с тобой, ты понимаешь, Лерочка?

Лера молчала, хотя Костя то и дело обращался к ней с какими-то вопросами. Сначала ее просто ошеломило известие о какой-то Люсе, ошеломило так, что дыхание у нее занялось. Но потом... Потом она вслушалась в Костины объяснения – и злость, раздражение подкатили к горлу вместе с привычными спазмами.

Она чувствовала свою вину перед ним, она все время ругала себя за то, что стала уделять ему мало внимания, и за то, что привыкла к нему... Если бы он сказал об этом, может быть, она заплакала бы, просила у него прощения, надеялась на то, что их жизнь переменится...

Но он говорил совсем о другом. Ему не нравилось, что она стала «резкой», он ее обвинял в том, что перестал чувствовать себя мужчиной!

– А чего же ты ожидал, Костя? – медленно произнесла Лера. – Что я

буду тащить этот воз – и останусь милой девочкой с восторженными глазами? Не многого ли ты требуешь от меня?

– Может быть, я требую много, – тут же согласился Костя. – И конечно, я виноват перед тобой. Наверное, мне следовало бы вести себя иначе... Но ты же знаешь, я не мог себя пересилить! И ты ведь сама говорила, что мне не надо заниматься тем, чем приходится заниматься тебе? Да, в сущности, Лерочка, зачем мне все это? Мне ведь так мало надо, я вообще не замечаю всех этих бытовых неурядиц, и ты же знаешь: я могу обходиться самым минимумом...

«Он прав, – подумала Лера. – Ему действительно надо не много...»

– Я начал чувствовать свою никчемность, – продолжал Костя.

– Но разве я тебе хоть раз дала это почувствовать? – перебила его Лера.

– Нет, – кивнул он. – Ты этого не говорила. Но ведь это чувствовалось само собою, просто по сравнению. А Люся... С ней все по-другому!

– Я не хочу слушать про Люсю, – еще раз повторила Лера. – Ты уйдешь сейчас?

– Нет, мне придется переночевать. Сейчас, пожалуй, уже поздно... Я поставлю раскладушку на кухне.

«Господи, – подумала Лера, – раскладушка на кухне, сейчас уже поздно! Разве так уходят от женщины, с которой прожиты годы?»

Впрочем, она не знала, как уходят от женщины. И ее тошнило, синие круги плыли перед глазами, руки дрожали; она даже заплакать не могла, даже ужаснуться тому, что произошло.

– Не надо раскладушку, – сказала она. – Я у Зоськи переночую. Зачем маму пугать на ночь глядя?

Утром Костя ушел очень рано. Он ведь всегда вставал рано, это Лера любила поспать.

Когда она вошла в комнату, его вещей уже не было. Оказалось, их так немного было, его вещей... Лера открыла шкаф, посмотрела на пустые вешалки, на которых висели его рубашки, – и неудержимые слезы хлынули у нее из глаз. Она села на диван, пытаюсь успокоиться, прижимая к лицу подушку, чтобы заглушить рыдания.

Но она ничего не могла с собою поделать! Слезы лились, всхлипы вырывались из горла – отчаяние одолело ее, сломило, отчаяние захлестывало ее мутной волной.

Все было забыто в эти мгновения – и то, что она привыкла к нему, и его спокойный тон, когда он говорил ей о своем решении да еще пытался рассказывать о какой-то Люсе... Другие воспоминания подступили

вплотную, разрывая ее мучительной болью неповторимости: его открытые ясные глаза в минуты страсти, его поцелуи на берегу осенней реки в Студенове, его смущенные, неловкие движения здесь, на этом диване, когда они впервые остались наедине в ее доме...

Как же получилось, что все это ушло в пустоту, в небытие, что все это не удержало ни его, ни ее? Кто был виноват в этом, можно ли было этого избежать? Лера запутывалась в попытках понять свою вину, обвинить в чем-то Костю. Ей не хотелось никого винить, ей хотелось только, чтобы все вернулось, чтобы не было этого ужасного вчерашнего вечера, и его слов, и ее спокойного ответа, и этой Люси!..

«А ребенок? – вдруг подумала она с последним, леденящим ужасом. – Что же будет с ребенком, он-то в чем виноват?»

– Лерочка, что случилось? – Мама стояла на пороге комнаты и испуганно смотрела на заплаканную Леру. – Ты поссорилась с Котей?

– Нет... Да... Я не знаю, мама! – воскликнула она, и слезы снова потекли по щекам. – Я не знаю, поссорились ли мы. Он ушел, у него другая женщина. А у меня – его ребенок, мой ребенок, и я не знаю, что делать!..

Надежда Сергеевна ахнула, прижав руку к губам.

– Но... Как же это, Лерочка? Боже мой, почему же я ничего не знала? Ни о ребенке, ни о... Когда же это случилось?

– Что? Беременность – два месяца, а ушел он вчера. Вернее, сегодня утром: вчера поздно было...

– И что же теперь будет? – Видно было, что Надежда Сергеевна все еще не может поверить в случившееся. – Что он сказал – о ребенке что сказал?

– О ребенке он вообще не знает, мама, – ответила Лера, немного успокаиваясь. – Я собиралась ему сказать, да не успела.

– Лерочка, но это же невозможно! – ужаснулась Надежда Сергеевна. – Надо же немедленно это сделать, ведь это может все изменить! Я сегодня же позвоню ему на работу и...

– Ни за что, – решительно сказала Лера. – Что это может изменить, мама? Он узнает о ребенке и вернется ко мне как побитая собака – из чувства долга? Если еще вернется... Думаешь, я этого хочу?

Надежда Сергеевна замолчала. Услышав Лерины слова, она тут же как-то сникла, словно съежилась, и стала такой печальной, какой Лера не видела ее никогда в жизни.

– Ты окончательно решила, Лерочка? – тихо спросила она. – Расстаться с Костей и... оставить ребенка?

– Я ничего не решала. Но я чувствую, что иначе невозможно.

Надежда Сергеевна помолчала еще немного, потом произнесла наконец:

– Я так надеялась, что тебя это минует... Ты так похожа на своего отца, Лерочка, ты знаешь? Я не хотела тебе говорить, меня это всегда пугало. И потом, ты ведь на меня тоже похожа, и я надеялась... В нем было такое... Я не знаю, как это назвать! Такая бесповоротность – не упрямство, нет, именно бесповоротность. И такая мимолетность – как в твоей походке... Помнишь, ты о походке спрашивала, а я не хотела отвечать? Он тоже всегда чувствовал, когда иначе невозможно... Я помню, как он уходил. Я стояла у окна – вот здесь, возле этого подоконника. А он шел через двор: чемоданчик в руке, сам высокий такой, походка легкая, так и манит. И ни разу не обернулся, ни разу! Я тогда подумала: господи, как же это можно? Ну хорошо, мы не могли с ним жить, мы разные были совсем – но как же это можно? Ведь он дочь оставлял, ведь мы с ним три года прожили... Его никогда нельзя было понять до конца, никогда! Или это я не могла?

Лера молчала. Как ни странно, слова матери успокоили ее. Значит, не случайно все это – ее ощущение того, что иначе невозможно, которое не подвело ее ни разу в жизни? И может быть, сейчас тоже?..

Но тяжесть не уходила из сердца. Хотелось лечь, отвернуться к стене и не поворачиваться никогда.

В таком состоянии – подавленности и тоски – шла она через три дня по Малой Бронной к зданию «Горизонт-банка».

В роскошном своем кабинете с бронзовой табличкой на дверях Женька Стрепет был неузнаваем. Впрочем, Леру трудно было подавить роскошью обстановки – всех этих массивных кресел, причудливой формы столов и сияющего паркета. Тем более сейчас: ей вообще было не до этого.

– Лера, – серьезно сказал Женька, когда она села в кресло возле небольшого столика, похожего на прозрачное лекало, а сам он устроился в кресле напротив. – Мы рассмотрели твой план – и мы согласны.

– Спасибо, Женя, – ответила Лера. – Я очень рада.

– Что-то голос у тебя нерадостный, – заметил он.

– Не обращай внимания, просто не выспалась сегодня.

– Ну, хорошо. Итак, нас устраивает твой план, нам нужна такая структура, какую ты предлагаешь. И мы хотим осуществлять некоторые наши связи через фирму «Московский гость», если она будет существовать в том виде, который ты задумала.

Он встал, солидно прошелся по кабинету. Лере вдруг показалось, что перед ней прежний Женька – тот самый, который любил пофорсить перед ребятами во дворе каким-нибудь индейским поясом, привезенным папой-дипломатом. Она улыбнулась, а он, быстро взглянув на нее, смутился, как

будто Лера разгадала какую-то его маленькую тайну.

– Да, так вот. – Женька тряхнул головой, словно отгоняя непрошенные воспоминания. – Во всем этом есть одно «но»...

– Какое? – заинтересовалась Лера.

Пока Женька говорил, она почувствовала, как интерес пробуждается в ней, несмотря ни на что. Ведь это было то, чего она так хотела, о чем не могла и мечтать в тот день, когда увидела пятно от фотографии на стене!..

– Этот твой господин Майборода – парень был не промах. Тебе все правильно сказала твоя бухгалтерша – кстати, бухгалтера мы порекомендуем тебе другого. Через фирму отмывались деньги. Туризм в этом смысле довольно удобен, хотя и не совсем безопасен. Но надо отдать должное и его деловым качествам...

– Это я заметила, – кивнула Лера.

– Отмывка отмывкой, а дело он наладил. Ему бы работать в нормальных условиях...

– А он этого и хотел, – улыбнулась Лера. – Даже сам мне говорил однажды.

– Все мы этого хотели бы. Но приходится мириться с тем, что есть. Так вот: ты отдаешь себе отчет в том, что теперь у тебя не будет тех шальных денег, которые шли раньше и на которые твой бывший шеф всегда мог рассчитывать?

– Отдаю, – кивнула Лера. – Значит, мне придется извлекать деньги из другого – я ведь написала.

– Ты правильно понимаешь. И поэтому мы предлагаем тебе уже опробованный нами вариант – как с той радиостанцией, о которой ты слышала. Ты получаешь у нас кредит под более чем льготные проценты. Ты получаешь нашу всестороннюю поддержку: обеспечение безопасности фирмы, возможность новых инвестиций и так далее. Но ты становишься не просто сотрудником, который в случае чего поищет другую работу. Ты становишься главой этой фирмы и ее владельцем – после того, конечно, как отдашь кредит; но это, я думаю, произойдет довольно скоро.

Глаза у Женьки стали острыми, как гвоздики, он буравил Леру взглядом.

– Мы согласны работать только на этих условиях, – повторил он. – Нам не нужен на таком месте простой исполнитель.

– Что ж, – медленно произнесла Лера, – это то, чего мне хотелось... Но мне и в голову не приходило, что я могу на это рассчитывать.

– А на что же ты рассчитывала? – усмехнулся Женька. – Что удастся опять спрятаться за чьей-то спиной? Так не бывает, Лера.

– Я знаю. Да мне и не часто это удавалось, Женя, зря ты думаешь.

– Тогда – карт-бланш? – Он хлопнул ладонью по прозрачной поверхности столика. – Раз мы договорились в принципе – подробности потом! А пока отметим соглашение.

С этими словами Женька достал из бара бутылку французского шампанского. При виде бутылки Лере стало дурно: теперь ее тошнило от одного только воспоминания о спиртном. Но отказаться было невозможно, и она выпила бокал шампанского – за свой будущий успех.

Глава 20

Наверное, ребенок был маленький: Лерина беременность совсем не была заметна до самого лета. Да, пожалуй, сотрудникам «Московского гостя» было не до того, чтобы замечать такие подробности во внешности своей новой шефини.

И разве только сотрудникам! Лера и сама так погрузилась в работу, что не каждый день вспоминала о ребенке – во всяком случае, до тех пор, пока он не начал шевелиться.

Все свалилось теперь на нее – все, чем занимался Майборода, и еще сверх того, потому что надо было искать новые источники дохода. Исчезли, например, основанные на личных связях Андрея аэрофлотовские льготы – значит, надо было удешевлять путевки за счет чего-то другого. А за счет чего?

И Лера приходила на работу раньше всех, и целый день моталась по городу, и уходила вечером последней – забыв обо всем, не оставляя себе ни минуты свободной.

И радовалась только двум вещам: что прекратился наконец токсикоз и что не было теперь времени и сил на то, чтобы думать обо всем происшедшем между нею и Костей.

Сначала Лера ездила с шофером, но потом решила, что должна сама научиться водить машину, – и научилась. Так бывало всегда, как только она понимала, что должна чему-нибудь научиться. Например, вязать льняные снопы на поле в Студенове...

Только музыке научиться было невозможно – тому, что дышало и пело под Митиными пальцами.

Кажется, зарубежные партнеры даже не заметили, что в «Московском госте» что-то произошло. Смена руководителя не отразилась на работе, а госпожа Вологодина была весьма обаятельна, и с ней можно было говорить по телефону на трех языках.

Женька Стрепет был скрупулезен в выполнении своих обязательств. Лера быстро ощутила, что значит работать в составе серьезной структуры, и не могла нарадоваться новым возможностям.

Но она торопилась. Она торопилась потому, что неизвестно было, насколько ей придется прекратить работу, когда появится ребенок.

Докторша Вера Кирилловна сказала уже в июле:

– Знаешь, Лерочка, не хочу тебя пугать, но... Мне кажется, ребенок

лежит неправильно – поперек.

– Что же будет? – испугалась Лера. – Я не смогу родить?

– Ну, он ведь может еще и перевернуться, – успокоила ее Вера Кирилловна – впрочем, без особенной уверенности. – А если и нет – ничего страшного. Сделают кесарево, не волнуйся.

– А кто у меня? – спросила Лера.

– На ультразвуке скажут, – ответила та. – Но мне кажется, девочка: сердечко бьется так нежно...

С Костей она увиделась, когда беременность еще совсем не была заметна. Он сам позвонил ей на работу – в апреле, впервые после того вечера, когда сказал, что уходит к другой.

– Лера? – Его голос звучал в трубке как обычно.

У Леры дыхание занялось. Ей вдруг показалось, что он задерживается в лаборатории и звонит, чтобы предупредить ее...

– Да, Костя, – ответила она наконец. – Да, я слушаю.

– Лерочка, нам надо было бы встретиться... – неуверенно произнес он.

– Зачем? – спросила она. – Если что-то срочное, скажи по телефону.

– По телефону я не могу. И потом, я хотел попросить тебя, чтобы ты привезла мои тетради. Я забыл там, в столе...

– Хорошо, – сказала Лера. – Тетради – это важно.

Они встретились назавтра в кафе «Блинчики» на Пушкинской, куда, бывало, заходили прежде: блинчики здесь готовили отличные, совсем домашние. Когда Лера вошла в шумный, полный народу зал, Костя уже сидел за мраморным столиком в углу и вскочил, чтобы взять у нее стопку тетрадей, перевязанную шпагатом.

– Ты хорошо выглядишь, Лерочка, – сказал он, глядя на нее своими ясными, широко открытыми глазами. – Ты, кажется, даже одета как-то по-новому?

«Никогда он не замечал таких подробностей», – удивилась Лера.

Сердце у нее то бешено билось, то проваливалось в пустоту. Она и предположить не могла, что ее так взволнует эта встреча.

– Да, Костя, – ответила она. – Я одеваюсь у хорошего модельера.

Она говорила какую-то глупость. Что ему за дело до ее модельера, да и ей что за дело сейчас до этого? Но ей надо было что-то говорить, надо было заполнять пугающую пустоту в груди – чтобы не расплакаться, глядя на него.

Через два месяца после расставания, в этом бестолковом и жарком кафе, Лере вдруг показалось, что ничего не случилось. Это могло свести с ума.

Она смотрела на Костю и думала о том, как они сейчас встанут и пойдут домой. И переставала понимать, почему они сидят здесь, за грязноватым столиком, и пьют теплую кофейную бурду...

– Костя, ты ведь что-то хотел мне сказать? – произнесла она наконец. – Скажи, пожалуйста, скорее. Я сегодня ужасно устала и хочу домой.

Лера произнесла это «хочу домой» немного жалобным тоном, которого, впрочем, сама не заметила. Это было то же: как будто они сейчас встанут и пойдут домой вместе...

– Да-да, – заторопился Костя. – Извини, что задерживаю тебя. Видишь ли, Лерочка, я думаю, нам следует развестись.

– Что так срочно? – пожала она плечами. – То есть это, конечно, правильно...

– Мне неловко тебе об этом напоминать... – Костя смотрел на нее чуть исподлобья, как провинившийся ребенок. – И я бы не стал торопиться, но дело в том... Дело в том, что мы с Люсей ждем ребенка, и ты сама понимаешь, я бы хотел как можно скорее...

– Я понимаю, – остановила его Лера. – Я отлично понимаю. Поздравляю тебя, Костя.

– Правда, Лерочка? – Лицо его просияло. – Ты удивительный человек, я всегда это знал! Ах, Лера, я так счастлив, если бы ты знала!

– Оттого что я удивительный человек? – усмехнулась она.

– Нет, с Люсей... Я так счастлив с Люсей...

– Послушай, Костя, хватит про Люсю! – рассердилась Лера. – Давай решим, когда подадим на развод.

– Я узнавал, – кивнул он. – Можно прямо завтра, с пяти до семи.

– Вот и хорошо. Завтра в пять я буду у загса. Это где – там, где мы расписывались?

– Да...

– Приди, пожалуйста, пораньше, там наверняка будет очередь. Извини, Костя, я пойду. Здесь такая жара, что сознание можно потерять. Не забудь тетради.

Лера подвинула к нему перевязанную шпагатом стопку и вышла из кафе «Блинчики».

Хорошо, что она пришла от Петровских линий пешком: у нее было темно в глазах, невозможно было бы сейчас сесть за руль... Господи, он все тот же: взгляд виноватого ребенка, готовность говорить с нею про Люсю...

«И я с ним все та же, – вдруг подумала Лера. – Я с ним становлюсь той же – и я не смогла бы с ним жить... А без него – могу?»

Иногда Лере казалось, что она вообще не может жить. И она старалась

не останавливаться, она все убыстряла и убыстряла ритм своей жизни, чтобы убежать от этих мыслей.

Она действительно хорошо одевалась теперь, и действительно у хорошего модельера. Узнала Лера о нем от Сусанны Азарян.

Однажды, еще в самом начале ее работы «президентшей», Сусанна вошла в Лерин кабинет за какой-то подписью на письме и, уже выходя, вдруг спросила, окинув Леру скептическим взглядом:

– Слушай, Лер, а тебе не кажется, что глава приличной фирмы должна и одеваться соответственно?

Лере ничего не казалось. Месяца не прошло после Костиного ухода, она билась в работе как в лихорадке, заглушая гнетущую, изматывающую тоску и постоянную тошноту.

– Не знаю, – ответила она. – По правде говоря, мне не до одежды.

– Напрасно, – пожала плечами Сусанна. – Все-таки впитывается что-то с молоком матери! Я вот в Москве родилась, а отношусь к одежде так, как в Ереване женщины относятся.

– Как это так уж особенно женщины в Ереване к одежде относятся? – невольно заинтересовалась Лера.

– Не как-то особенно, а нормально. Там на базар стыдно пойти в таком виде, в каком в Москве в театр ходят. Женщина должна выглядеть по высшему разряду, чего бы это ни стоило ее мужу!

– Моему мужу это ничего не стоит, – усмехнулась Лера. – Но Суса, я просто не знаю, как это – по высшему...

Она действительно не знала. У нее был хороший вкус, она чувствовала, что красиво, а что нет. Но что такое этот «высший разряд», этот необъяснимый лоск изысканности, и как его добиться, – это по-прежнему, как в студенческие беззаботные годы, оставалось для Леры тайной за семью печатями.

– Нужен хороший модельер, – авторитетно заявила Сусанна. – Пока-а это еще ты сама научишься в магазине приличную вещь за версту видеть! А модельер из тебя конфетку сделает, ты и не заметишь.

Сусанна же и познакомила Леру с Натой Ярусовой – как выяснилось, восходящей звездой в сфере «от кутюр». Случись это знакомство хотя бы полгода назад, Лера пропадала бы у Ярусовой сутками – такую россыпь фантазии представляли собою Натины наряды.

Ната сама вышивала бисером роскошные платья, которые напоминали костюмы к дягилевским «Русским сезонам» и в то же время потрясающе смотрелись в качестве вечерних туалетов.

Она выдумывала целые ансамбли – многослойные, как луковицы, в

которых замена блузочки или выворачивание наизнанку пиджака меняло весь облик.

Она чувствовала, что такое деловой стиль и как, придерживаясь его, можно сделать женщину неотразимой.

У Наташи Ярусовой было редкое чутье ко всему, что называется волнующим словом «шарм», это Лера поняла сразу, как только увидела ее модели.

И Ната искала клиенток. Все-таки она считалась начинающим дизайнером, и ей было важно, чтобы ее платья «появлялись» там, где на них непременно обратили бы внимание. Чтобы их носили дикторши на телевидении, киноактрисы и бизнесвумен.

«Если бы полгода назад... – думала Лера, впервые побывав в мастерской у Наты Ярусовой на Лесной улице. – Если бы тогда...»

Тогда был Костя. Ему было все равно, во что она одета, – но он был, и Лера могла бы по крайней мере думать, что выбирает эти чудесные наряды ради него. А теперь и этот сладкий самообман был невозможен.

Лере казалось, что радость всех этих прелестных повседневных мелочей – покупки нового платья, туфельки или сумочки – ушла от нее навсегда. Но ей даже и не жаль было самой этой маленькой радости. Ей жаль было другого – того мощного, всепоглощающего чувства жизни, которое было для нее прежде источником всех радостей.

Да еще эта тошнота, из-за которой и вовсе ничего не хотелось...

Один плюс был во всем этом: то спокойное равнодушие, которое все чаще охватывало Леру. Именно в таком состоянии приехала она в загс на следующий день после встречи с Костей.

Очередь, конечно, была: нетерпеливо переминались с ноги на ногу мрачноватые парочки – прямая противоположность тем, счастливым и сияющим, что приходили сюда с утра подавать заявления.

Лера не слишком верила в то, что Костя придет заранее и очередь займет. Как-то не удавались ему никогда подобные мероприятия; он действительно был вне всего этого.

«Надо же, – подумала она, увидев его в начале коридора, у самой двери в кабинет. – Может, когда хочет».

Но и эта мучительная мысль пришла к ней с каким-то спасительным равнодушием.

Равнодушием веяло и от немолодой женщины в очках, принявшей у них заявление. Оказалось, что развестись можно через два дня, без всякого испытательно-примирительного срока.

Лера уже повернулась было, чтобы идти, когда Костя вдруг спросил

женщину в очках:

– Извините, а нельзя ли сделать как-нибудь так... Ну, например, если я во всем согласен с истицей, если у меня нет никаких имущественных претензий... Нельзя ли в таком случае рассмотреть дело без меня? Чтобы мне просто не приходиться, и все?

Даже в том странном, сомнамбулическом состоянии, в котором находилась Лера, эти слова поразили ее. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, – и промолчала. Что было говорить? Разве ей необходимо, чтобы Костя приходил сюда еще раз, разве необходимо видеть его здесь?

– Если истица согласна, – пожала плечами женщина в очках, – напишите еще одно заявление: мол, в командировку длительную уезжаете. Ведь не в суде, детей нет, можно и без вас.

– Ты извини, – торопливо говорил Костя, когда они вышли на улицу. – Вероятно, я должен был с тобой посоветоваться... Но мне действительно тяжелы все эти формальности, что я могу поделаться с собой? И я слышал, что могу не присутствовать, если ты согласна...

– Люся сказала? – спросила Лера. – Ладно, Костя, мне все равно. Я одного не понимаю, – медленно добавила она. – Как же я жила-то с тобой? Что это было?..

«Любовь освящает все? – думала она, двигаясь в неторопливом потоке машин по Петровскому бульвару. – Или прощает? Или просто позволяет ничего не замечать?»

Ближе к родам, в начале августа, окончательно подтвердилось, что девочка лежит неправильно и придется делать кесарево.

– Не надо волноваться, Лерочка, – успокаивала невозмутимая Вера Кирилловна. – Ведь это еще и легче – кесарево. Уснешь, проснешься – и уже при ребеночке!

Лере хотелось плакать, когда она слышала эти слова, хотя она, конечно, понимала, что Вера Кирилловна произносит их только для нее, а на самом деле так не думает.

Разве ей хотелось – легче! Ей не дано будет пережить того, что должна пережить каждая женщина: почувствовать, как приходит на свет ее ребенок... У нее будет просто плановая операция под наркозом – все равно как аппендицит вырежут.

И Лера едва ли не со слезами прислушивалась к каждому движению девочки у себя внутри. Ей стало почему-то казаться, что та уже сейчас обижена на нее, свою маму – из-за того что она не хочет родить ее по-человечески...

Лето было жаркое, изматывающее. Лера пыталась вспомнить особенное, неуловимое ощущение летнего московского очарования, которое пережила два года назад, когда вернулась одна в августовскую Москву и попала прямо в круговерть у Белого дома.

Но вспомнить было невозможно. Что-то в ней ушло безвозвратно, и очарования больше не было, а было только жаркое лето, пыль, пот и желание бежать отсюда куда глаза глядят.

– Лерочка, ты поехала бы к тете Кире на дачу. – просила мама. – Там все-таки воздух свежий, малина в этом году у нее изумительная...

Мама говорила робко, полувопросительно, и Лере жаль было обижать ее отказом. Но что было делать? Уехать сейчас, в разгар летнего сезона, – это было совершенно невозможно. Каждый день происходило что-нибудь, требовавшее только ее участия.

Их турист на Канарах пьяный сел за руль, разбился, попал в больницу – уже достаточно! А тут еще выяснилось, что Кирилл позволил ему оформить страховку не в «Московском госте», а в какой-то неведомой страховой компании, которая теперь не бралась оплачивать лечение. И надо было звонить, объясняться с консулом, с главным врачом больницы, еще с кем-то, потом ехать куда-то, куда никто, кроме нее, поехать просто не мог...

Куда она могла уехать в такое время?

Сусанна – та вообще поглядывала на нее испуганно.

– Лера, – не выдержала она наконец, – ты что, совсем свихнулась?

– Почему?

Лера сидела у себя в кабинете и ждала очередного звонка. Ей даже и уходить не очень хотелось. Здесь, по крайней мере, работал кондиционер и не чувствовалось изнуряющей жары.

– Ты посмотри на себя! – всплеснула руками Сусанна. – Хочешь родить где-нибудь на лестнице или вообще за рулем?

– Да, правда, – кивнула Лера. – Это я прекращу – за рулем самой, буду с водителем ездить.

– Да разве только это! В твоем положении сидеть в офисе, да еще летом, да еще работать!

– А что же делать в офисе, Сусанночка? – улыбнулась Лера. – В офисе надо работать.

– Не надо тебе работать! – возмущенно ответила та. – Не надо – и все. Надо о своем ребенке думать, а не о каком-то пьяном идиоте на Канарах! Да по мне, пусть бы он хоть сдох в этой больнице, твое какое дело? Думаешь, он тебе спасибо скажет, алкоголик чертов?

– До него – никакого мне дела. Но ведь нам с этими партнерами дальше

работать, нам другие группы отправлять. Как их примут там, ты представляешь, после такого прокола?

– Пусть не ездят, – решительно заявила Сусанна. – Подумаешь, необходимость какая – на Канары кататься! Твоя это забота?

– А чья же, Суса? – Лера обхватила голову руками. – Наверное, я не умею работать, ты права. За все приходится самой браться, за все!..

– Кирюшу лиши двух зарплат – и не придется за все самой браться, – посоветовала Сусанна. – Очень помогает. А вообще, тебе здесь, конечно, такой человек нужен, на которого ты можешь во всем положиться.

– А на тебя, Суса? – тут же спросила Лера.

– Нет-нет! – предупреждая ее вопрос, замахала руками Сусанна. – Лерик, я тебя люблю и очень тебе сочувствую, но я не могу! Мне своей работы и своей зарплаты вполне достаточно. У меня муж, сын, они внимания требуют. А так – я знаю: по выходным приходиться, еще что-нибудь... Ни боже упаси! Тем более, он у меня ревнивый. Надо бы, конечно, мужчину тебе в замы найти ответственного, но это проблема. Ответственные, они уже при своем деле... Или женщину незамужнюю, чтобы домой не торопилась.

Но тут в Сусанниной комнате зазвонил телефон, и она выбежала, прервав наставления.

«Хорошо всем рассуждать, – с тоской подумала Лера. – Кто бы делать взялся?»

Конечно, нельзя было сказать, что никто ничего не делал. «Московский гость» работал неплохо, и не одними Лериными усилиями, она это прекрасно понимала. И все-таки, как только возникали неординарные ситуации, все бежали к ней, и с этим ничего нельзя было поделать.

И тут она поняла, кто тот единственный человек, на которого она могла бы положиться в делах, – и, поняв, едва не вскочила из-за стола, забыв о своем животе.

«Вот чукча тупой: зачем ходить, когда можно позвонить?» – вспомнила Лера старый анекдот, набирая Зоськин номер.

Сусанна словно напророчила. Правда, Лера не родила за рулем, но плохо ей стало прямо в офисе; она едва успела проститься со своим телефонным собеседником.

Зоська вбежала в кабинет на испуганные крики секретарши Галочки.

– Боже мой! – ахнула она, увидев Лерино побелевшее, перекосившееся от боли лицо. – Так я и знала, что ты до этого добегаешься! Галка, что ты стоишь как столб – вызывай «Скорую»!

И ничего она не видела: ни улицы в золоте сентябрьских листьев, ни зеленых стен приемного покоя, ни белых – операционной, ни слепящего света ламп над столом, – ничего... Она даже понять не успела, что это и есть то самое, каждый раз неповторимое и каждый раз загадочное – рождение ребенка...

Глава 21

В конце сентября, когда Леру выписали из больницы, маму, наоборот, положили. Это произошло в один и тот же день, и Надежда Сергеевна плакала, садясь в «Скорую».

– Ну что ты, мама? – пыталась ее успокоить Лера. – Ничего ведь страшного, приступ небольшой – видишь, укол уже действует. Полежишь немного и выпишешься!

– Разве я из-за себя? – убивалась та. – Но надо же, чтобы именно сейчас, именно сейчас! Как ты будешь – одна с ребенком, после операции?

– Тетя Кира придет с дядей Штефаном, мам, ничего страшного. Ну что я, в лесу одна буду?

Лера старалась говорить бодрым голосом, но на самом деле бодрости в ней не осталось ни капли. Она чувствовала, что переоценила собственные силы. Даже физические силы, не говоря уже о других, которые больше всего были нужны ей сейчас.

Она забыть не могла, как принесли ей первый раз девочку – забыть не могла потому, что это было самым сильным потрясением, с которым ничто не могло сравниться и на которое как раз и ушли последние силы.

Девочка была такая крошечная, невообразимо маленькая – Лера представить себе не могла, что живой человек может быть таким маленьким! А личико у нее было не красное и не желтое, как у других детей в палате, – совсем другое.

Девочка спала, и от ее круглых щечек, из-под ее смеженных светлых ресниц исходило такое ясное сияние, которое просто невозможно было в обыкновенном человеке.

Лера смотрела на нее, забыв обо всем: и о боли, которая все никак не проходила после операции; и о женщинах в палате – одна из них была невыносима своей сварливостью и слезливостью; и обо всем мучительном и прекрасном мире, который остался за стенами больницы.

Она смотрела только на свою девочку и видела только ясное сияние, исходившее от нее, и больше ничего не хотела и не могла видеть. Она не могла даже вздохнуть глубоко: для вдоха надо было оторваться от созерцания этого личика, и вздох мог разбудить ребенка.

Каким смешным, каким странным казалось все, чем она была занята всего несколько дней назад – путевки, туристы, презентации и переговоры. Где было все это, на каком облаке уплывала Лера из той жизни, в которой

она уже и забыла, что у нее есть душа, а помнила только, что надо сделать срочный звонок, встретиться, договориться, подписать?..

Маленькая девочка с сияющим личиком перевернула все и все сделала неважным.

Это уже потом, немного придя в себя, Лера смогла заняться теми же необходимыми и единственно важными вещами, которыми были заняты все женщины в палате: кормить, сцеживаться, пить чай с молоком, есть желтые, а не красные яблоки, не есть помидоров...

Потом она смогла чуть спокойнее посмотреть на своего ребенка – рассмотреть, какого цвета глазки, какой носик, какие волосики выбиваются из-под роддомовской косынки.

Девочка была как две капли воды похожа на Костю. Те же ясно-голубые глаза, тот же ровненький носик и аккуратные бровки, и даже ресницы были длинные, слегка загнутые. Пожалуй, только рот был как у Леры – немного великоват, но красивой формы, и уголки губ чуть опущены вниз.

– Слушай, – спросила как-то сварливая соседка, – а чего это муж к тебе не приходит? Ты незамужняя, что ли?

– Разошлась, – ответила Лера.

Конечно, она могла бы соврать, что муж в командировке – как, отводя глаза, соврала совсем юная девочка Зоя, лежащая на кровати у окна. Но зачем – чтобы пристойно выглядеть перед дурой-соседкой?

– А чего ж родила тогда? – удивилась та. – На аборт опоздала?

– Так надо было.

Лера не собиралась вдаваться в подробности. Да если вдуматься, это «так надо» и было единственным объяснением, которое она могла дать кому угодно, даже самой себе.

Она так полюбила ее, эту свою девочку, что оторваться от нее не могла, и думать больше не могла ни о чем и ни о ком. Она смотрела на нее как на совершенно неземное создание, она даже по имени не могла ее называть, хотя с именем все было понятно. И могла смотреть часами – особенно когда малышка спала и волшебное сияние, исходившее от нее, было еще заметнее.

Но сил у Леры не осталось совершенно.

Когда она думала не о девочке, а обо всей остальной жизни, ей становилось страшно. Ей не верилось, что жизнь за стенами больницы идет так же, как раньше, и она не могла представить в ней себя.

И надо же было, чтобы даже мамы не оказалось рядом в первый же день!.. В те полчаса, что прошли до приезда тети Киры, срочно вызванной по телефону, Лера сидела на диване в маминой комнате и смотрела в стенку

безучастными глазами; к счастью, девочка спала.

Никто не говорил ей о послеродовой депрессии, но она сама чувствовала, как все переворачивается в ней, меняется. И невозможно было сказать, какие перемены более разительны: те, что чувствовала она в себе во время беременности, или эти, новые – когда ребенок отделился от нее и начал свою особую жизнь.

Все это не кончилось и потом, когда уже выписалась из больницы мама. И через неделю не кончилось, и через две. Лере все время хотелось плакать, она приходила в отчаяние от малейшей мелочи. Ей казалось, что не хватает молока, что девочка не наедается, что она плачет именно из-за этого, или что она заболела какой-то жуткой болезнью, которую и распознать-то нельзя.

Надежда Сергеевна впервые видела свою Лерочку в таком состоянии – и сама терялась. И они метались вдвоем по квартире, не зная, что делать – из-за какой-нибудь ерунды, с которой Лера прежде справилась бы играючи.

Лера чувствовала, как тревога носится в воздухе; она сама не могла бы объяснить, почему. Даже в осенних бульварах не было того спокойствия, которым они дышали в это время каждый год.

А теперь Лера шла по Петровскому бульвару к Чистым прудам, толкая перед собой коляску, или сидела на лавочке, а тревога шла впереди нее, обступала ее со всех сторон, не давая ни порадоваться, ни успокоиться.

Она даже не удивилась, когда начался октябрьский путч. Смотрела телевизор, пробегала глазами газеты, но ей трудно было включиться в это, трудно было понять состояние людей, готовых на все ради власти. И ее не покидало ощущение пародийности происходящего: как будто в кривом зеркале отразилось все, что было в том незабываемом августе...

– Лера, я надеюсь, ты никуда не пойдешь? – спросила Надежда Сергеевна, стараясь говорить поостроже.

– Я? – Лера обернулась от окна и невольно улыбнулась маминому тону. – Ну что ты, мама, куда я пойду?

Надежда Сергеевна облегченно вздохнула. Она не знала, чего ожидать сейчас от Лерочки – та стала такая нервная, дерганая! А вдруг ей придет в голову пойти куда-нибудь – в Останкино или, упаси бог, к Белому дому? А туда, говорят, поехали танки... И стрельба, весь вечер выстрелы слышны... Подумать только, в центре Москвы всю ночь стрельба!..

Лера стояла у любимого своего широкого подоконника и смотрела в пустой провал двора. Было совсем поздно; она только что покормила ребенка на ночь. Да уже и была ночь – первый час, наверное.

Двор был тих, пуст, и во всем их доме, окружавшем двор своими неколебимыми стенами, во всем городе было тихо, пусто и темно. Только выстрелы разрывали сырой ночной воздух, будоражили осеннюю тьму.

«Как в войну, – подумала Лера. – Даже окна еле светятся – почти светомаскировка».

И вдруг она увидела, как загорелся свет в окне напротив, через двор. Этого почти невозможно было заметить, но Лера так привыкла смотреть на свет в этом окне – все свое детство, всю юность! – что сразу увидела, как осветились изнутри неплотные зеленоватые шторы.

Сердце у нее занялось, и слезы тут же брызнули из глаз; она едва не вскрикнула.

– Мама! – обернулась она к Надежде Сергеевне. – Мама, я выйду на полчаса, хорошо?

– Куда это? – перепугалась та. – Господи, Лерочка, ты же сказала, что не пойдешь!

– Нет-нет, мама, не туда. Митя приехал, ты видишь?

– Митя? – обрадовалась Надежда Сергеевна, подходя к окну. – В самом деле – вроде окна светятся у них... Конечно, пойдешь, деточка. Только осторожно, никуда со двора, я тебя умоляю!

Лера сбежала вниз, на ходу попадая руками в рукава пальто, – и остановилась у подъезда: она увидела, что свет в окне погас, и не могла сдвинуться с места. А вдруг он только почудился ей, этот свет, сквозь тоску и тьму октябрьской ночи?

Она машинально прошла немного вперед – и тут же увидела, как Митя идет ей навстречу через двор. Он ее не видел, а она узнала его по огоньку сигареты в темноте. Это не мог быть никто другой – и это был он.

Лера побежала ему навстречу, а он все еще не видел ее – и они едва не столкнулись посреди двора.

– Митя... – сказала Лера, чувствуя, что сейчас расплачется. – Митя, куда ты идешь?

– Это ты куда идешь, подружка моя дорогая? – услышала она его голос; сигаретный огонек полетел, отброшенный, в сторону. – Кого-нибудь защищать?

Она знала, какое у него сейчас лицо и какой взгляд: усмешка и ожидание одновременно. И она больше не могла сдержать слезы – они хлынули из ее глаз потоком, и Лера уткнулась лбом в Митино плечо, вздрагивая и всхлипывая.

Он молчал, держал ее за плечи, но в его молчании, в его дыхании было больше, чем в любых словах: было то, что не могло уйти никогда, – лучшее,

что было и в ней.

– Что же с тобой, скажи мне? – тихо произнес Митя, когда ее рыдания немного утихли и она подняла на него глаза. – Может, к тебе пойдем?

– Нет, давай к тебе лучше, – шмыгнула носом Лера. – Ты когда приехал?

– Сейчас. Пойдем ко мне. Только там, по-моему, угостить тебя нечем, а пить – вода в кране.

Он говорил отрывисто и как-то хрипло немножко, но тут же кашлянул – и голос у него стал как всегда. Лера по-прежнему не видела его лица в темноте.

Они поднялись по лестнице, Митя открыл дверь. Тишина была в квартире, темнота и тишина – но это был все тот же дом, Лера почувствовала его сразу, с порога. И картина с рекой Летой висела где-то в библиотеке, и фортепиано стояло в гостиной.

Лера вздрогнула: на мгновение ей показалось, что сейчас раздастся шорох колес по паркету и Елена Васильевна покажется в конце коридора...

Вспыхнул свет, и она обернулась. Митя смотрел на нее, стоя у двери. Она всмотрелась в его глаза, в их таинственные темные уголки, скрытые прямыми ресницами, – и слезы снова подступили у нее к горлу.

– Да что же это с тобой? – спросил Митя. – Ты за всю свою жизнь столько не плакала, сколько сейчас за пять минут! Или это я на тебя нагнал такую тоску?

– Нет, Мить, ты что! – Лера сама удивилась тому, как изменился ее голос – словно восстановился за эти самые пять минут. – Как хорошо, что ты приехал! Надолго?

– Пока не знаю. Лер, может, ты мне скажешь все-таки, отчего ты так переменялась?

Она заметила тревогу в его взгляде, но эта тревога успокаивала ее – как странно! И как было рассказать, что переменялось в ней? Но вообще-то: это кому другому – как рассказать, а Мите... Лера и сказала просто – как есть.

– У меня дочка родилась.

Он так побледнел, что она испугалась. Не шелохнулся, но стал такой белый, как будто вся кровь отхлынула от лица.

– Поздравляю, – сказал он наконец. – Давно?

– Месяц.

– Так что же ты бегаешь в такую ночь по улице? – возмутился он; голос у него стал прежний, и лицо приняло прежний вид. – Куда твой муж тебя отпускает?

– Муж меня никуда не отпускает, – усмехнулась Лера. – Мы с Костей

разошлись, и, по-моему, он о ребенке даже не знает. Во всяком случае, я ему не сообщила.

Митя звонил ей довольно часто – то из Лондона, то из Берлина, то еще откуда-нибудь: после окончания лионского контракта он ездил по Европе с концертами. Но последний раз она говорила с ним месяца два назад, и о девочке он не знал. И о Косте, конечно, тоже.

Лера не сказала Мите ничего особенного, просто сообщила в двух фразах свои новости. Но в эти две фразы вместились все, что было в ее жизни в этот удивительный и невыносимый год, эти две фразы можно было сказать только Мите – и ей стало так легко, как не могло быть ни с кем другим, кроме лучшего друга ее детства.

Он молчал, смотрел на нее, потом сказал наконец:

– Да... На это только ты способна.

– Почему я? – немного обиделась Лера. – Думаешь, это я решила с ним разойтись? Он полюбил другую, ушел к ней, у них ребенок... Что я должна была делать?

– Конечно, ты решила родить, – улыбнулся Митя. – Решение, что и говорить, своевременное. Но ты умница, подружка моя, и я за тебя рад. Как ты ее назвала?

– Елена.

Лера увидела, что он вздрогнул.

– Как же я ее могла назвать, Митя? – укоризненно спросила она.

– Да. Спасибо тебе.

Они по-прежнему стояли в коридоре, глядя друг на друга, и теперь Лера не могла понять, что было в Митином взгляде... Он опустил глаза.

– Пойдем в комнату? – спросила она.

– Да, Лер, ты извини меня, – спохватился Митя, поднимая на нее взгляд. – Пойдем, конечно. И я тебе, кажется, соврал, что выпить нечего. Я же вино купил в Шенефельде, забыл совсем. Отметим событие!

– Да мне нельзя, наверное, – с сомнением произнесла Лера. – Я же кормлю...

– Оно легкое совсем, не волнуйся. Мозельвейн.

Они сидели в гостиной: Лера в любимом своем кресле, в котором всегда сидела, часами разговаривая с Еленой Васильевной, а Митя – напротив нее, на венском стуле, отодвинутом от старинного круглого стола.

Сначала, когда она только увидела его во вспыхнувшем свете, ей показалось, что он совсем не изменился. И только теперь, вглядываясь в его лицо, Лера замечала перемены. Стал старше, взрослее? Нет, это не подходило к нему, хотя и морщинки появились у губ, и печаль возраста – в

скрытых уголках глаз. Но он всегда был старше и взрослее, даже когда она впервые увидела его в этом доме. А тогда ему было четырнадцать лет.

Скорее, усилилось то ощущение внутренней силы, которое исходило от него, которое так отчетливо было в его отце и так незаметно в Елене Васильевне. Наверное, то, что было в нем, то, чем он владел в этом мире, – стало мощнее и глубже.

Но Лера не могла в эти минуты понять все это так ясно. Она только видела, что он переменялся, и все.

Бутылку мозельвейна Митя поставил на стол у себя за спиной, и вино казалось зелено-золотым в неярком свете бра, висевшего над головой у Леры.

Она смотрела на Митю, на переливы винного света в глубокой поверхности стола – и чувствовала, как мир нисходит в ее душу. Именно мир нисходит, это были единственные, самые точные слова – несмотря на то что одиночные выстрелы за окном сменялись автоматными очередями.

– Как ты жил этот год, Митя? – спросила Лера. – Ничего невозможно сказать по телефону, правда?

– Правда, – кивнул он. – Ты мне даже не сказала, что родить собираешься.

– Ну и что было бы, если бы сказала? – пожала плечами Лера. – Даже лучше сейчас – все уже позади.

– Я бы приехал, например. Тебе ведь, наверное, не все было в радость, что с тобой произошло?

Лера почувствовала, что все переворачивается в ее душе. Она понять не могла, как он делал это – одними словами, одним взглядом, голосом, усмешкой – всем собой.

– Мне было... – сказала она, помолчав. – Я сама не знаю, как мне было... Мне трудно объяснить, Митя. Иногда мне кажется, что все происходило не со мной, и я даже не знаю, когда это началось. Знаю только, когда кончилось: когда Аленку увидела.

– Ты жалеешь о чем-то, Лер? – спросил он, и Лера увидела, каким внимательным сделался его взгляд.

– Ни о чем, – сказала она. – О чем мне жалеть? Что выбрала для себя такую жизнь – может быть, слишком стремительную? Или что родила? Я даже не жалею, что с Костей так... Хотя это такая была мука – не могу я об этом говорить, Митя!

Лера почувствовала, как при одном воспоминании о Косте ее начинает бить мелкая дрожь. Чувства, связанные с ним, сталкивались в ее душе, и их столкновение было мучительным.

Чтобы унять эту дрожь и эти удары изнутри, она попросила:

– Ты о себе лучше расскажи, Мить. Что я? Ты-то что делал все это время?

– Ездил много, смотрел и думал, – сказал он. – Дирижировал, ставил оперы, еще дирижировал – разными оркестрами. На скрипке играл. Что еще?

Он смотрел на нее, как будто ожидал, чтобы она спрашивала дальше. И она спросила:

– Но с тобой-то что было? Думал ты – о чем, хотел – чего? Ты можешь это сказать?

– Всего – не могу, – вдруг ответил он. – Мало ли чего я хотел и о чем думал. Только кое-что... Дирижировал – и хотел, чтобы оркестр вслед за моей рукой передавал интонации так же ясно, как скрипка в моих руках. Играл на скрипке и думал, что ни один инструмент не может так расцвечивать мелодическую линию, так переводить душу в мелодию. А об остальном так просто не скажешь... Интересно это тебе?

– Мне все интересно, – кивнула Лера. – Думаешь, я такое уж поверхностное существо?

– Не думаю, – улыбнулся Митя. – Нисколько не думаю, ну что ты!..

А ее вдруг поразило то, что он сказал – о скрипке, об оркестре. Даже не смысл его слов, а именно вот это: она спросила о том, что он делал, а он сказал о том, что происходило в его душе, в его уме.

И это было жизнью, жизненной дорогой – такой же отчетливой, как простые и повседневные события ее жизни, жизни любого человека, который утром просыпается, и идет на работу, и смотрит вечером телевизор, ходит в гости по выходным... Такой же – но гораздо более значительной.

Это промелькнуло в ее голове мгновенно, даже не успев оформиться в ясную и отчетливую мысль. Лера только успела вспомнить, что эта мысль уже приходила ей однажды – только когда и почему?

Голова у нее уже немного кружилась от вина, и волшебная легкость охватывала ее изнутри всю, до последней клеточки.

– Поиграешь мне, Митя? – спросила она. – Или ты устал с дороги?

– Поиграю тебе, – ответил он. – Не устал.

Его чемоданы еще стояли, нераспакованные, в коридоре, а скрипка лежала здесь, в гостиной, посередине стола. Митя достал ее из футляра, и Лере показалось, что она зазвучала в его руках раньше, чем он поднес смычок к струнам.

Она не могла узнать ни одной из мелодий, которые он играл. Она

вообще узнавала только самое простое, что у всех на слуху, – Сороковую симфонию Моцарта, например. А Митя играл что-то другое, и Лера чувствовала только, что волны то вздымаются у нее внутри, то опадают, и что мелодии, сменяя друг друга, манят ее за собою все дальше, завораживают и зачаровывают, и заставляют забыть обо всем, о чем она хотела забыть, и вспомнить о том, что забылось напрасно...

Она даже не заметила, когда Митя остановился. Ей казалось, что музыка все звучит, хотя он давно уже опустил скрипку, положил смычок и стоял неподвижно, глядя на нее.

– Ох, Митя! – сказала она наконец, с трудом заставляя себя вынырнуть из этого омута неумолкающих звуков. – Как же ты так можешь... Что это ты играл?

– Разное, – улыбнулся он. – Баха играл – «Чакону» из партиты ре-минор, Крейсlera – «Речитатив и скерцо». «Мелодию» играл Чайковского. Моцарта сыграл бы тебе, но плохо без фортепиано.

Она не знала этих названий, да это было и неважно. Она даже и лица его почти не видела, когда он играл: звуки, подхватившие ее, были сильнее всего.

– Как странно... – сказала наконец Лера, глядя на скрипку, лежащую на венском стуле, на вино и блеск глубокого дерева столешницы в полумраке. – Ты видишь, какого все цвета? Стол – как скрипка, и книжные шкафы такие же, и картины, и даже вино, кажется...

– Глаза у тебя такие же, – сказал Митя так тихо, что она едва расслышала. – Это свет так падает, – тут же добавил он, уже громче.

Потом он посмотрел на Леру и рассмеялся. Но она не обиделась, и его смех не вызвал у нее недоумения. Она поняла, почему он смеется.

– Что, подружка, стесняешься сказать? – спросил Митя. – Хочешь песенки свои послушать?

– Да, Мить, – смущенно кивнула Лера. – Ну что поделаешь с моим низменным вкусом?

– Ничего не поделаешь, – согласился он. – Но и не надо.

Она действительно любила гитару и любила, когда Митя пел про Кейптаунский порт и пароход, объятый серебром прожекторов, – и какое-то невыразимое, счастливое обещание звенело в его голосе.

Он и пел, сидя напротив нее на венском стуле, и глаза его смеялись. Про французских моряков, небо широкое, про всему предел...

– Митя, – вдруг вспомнила Лера, – а почему ты про снежиночку не хотел петь на моей свадьбе?

Он не удивился ее вопросу, не стал говорить, что не помнит.

– Потому что не хотел скреплять расставание, – сказал он.

И тут она почувствовала, как что-то переменялось. В ней ли, в окружающем – она не знала.

Лера так радовалась тому, что приехал Митя, и готова была сколько угодно сидеть здесь, в его доме, слушать его скрипку и его голос под гитару, и впитывать то спокойствие, которое само вливалось в нее при этом. И вдруг – словно перевернулись стеклышки в калейдоскопе. Такое бывало с нею – она начала видеть все немного иначе, совсем чуть-чуть иначе.

Лера вдруг поняла, что совсем не знает его жизни – уже давно, все годы после смерти Елены Васильевны. И хотя их детство оставалось неизменным, но все в Мите показалось ей вдруг незнакомым... Он не слишком изменился внешне – но он был новый, ей неведомый.

Конечно, в нем всегда было что-то загадочное, что-то ей, Лере, непонятное. Но ей всегда хватало той счастливой легкости, которую она испытывала с Митей, и только с ним, которая была связана с их общим детством, – и она не задумывалась, в чем состоит его непонятность. В конце концов, ведь он музыкант, необычный человек, почему же ей все должно быть ясно?

Лера всегда думала, что Митина загадка связана с какими-то сторонами его души, не имеющими к ней отношения. И вдруг, в этот предрассветный час, в одно мгновение, – все переменялось. Она не знала в нем чего-то, относящегося к ней самой – и это ее встревожило...

И она замолчала, не зная, как разговаривать с ним дальше. Это не было неловкостью или стесненностью – просто перед нею сидел мужчина, в котором была для нее загадка, и Лера почувствовала легкую растерянность.

Она поняла, например, что не смогла бы сейчас прибежать к нему и спросить: «Какая бывает любовь?» – как прибежала к нему однажды, сто лет назад. А почему не смогла бы – она и сама не знала.

От Мити исходило спокойствие, Лера всегда это чувствовала, а сегодняшней ночью особенно; сегодняшней ночью он просто спас ее от тоски и тревоги. И вдруг она поняла, что спокойствие – не единственное, что есть в нем сейчас.

Это понимание пришло всего лишь на мгновение. Да и какое понимание, разве она поняла что-то отчетливое, выразимое словами, разве она могла назвать то чувство, которое мелькнуло в Митиных глазах, в голосе – и встревожило ее?

Но за это краткое мгновение и повернулись стеклышки калейдоскопа.

– Мить, мне ведь домой пора, – сказала Лера, точно стряхивая промелькнувшую неловкость. – Скоро уже Аленку кормить, и ты ведь

устал, а из-за меня целый концерт пришлось давать.

– Ничего, это не самое трудное, что мне приходилось делать. Пойдем, я тебя провожу. – Митя поднялся со стула. – А то сегодня, по-моему, оружие выдавали всем желающим – кто удосужился побить себя кулаком в грудь.

Они молча спустились вниз, прошли через двор и остановились у Лериного подъезда. Митя достал сигареты из кармана плаща.

Октябрь только начался, но в свете тусклой лампочки над подъездом кружились невесомые снежинки. Или просто изморозь веялась в воздухе, серебряной пылью оседая на Митиных волосах?

Автоматные очереди у Белого дома не прекращались ни на минуту. То и дело слышны были еще какие-то одиночные выстрелы – где-то неподалеку от их двора, кажется, на пустынном Петровском бульваре.

Митя прикоснулся к Лериному рукаву, как всегда он это делал, прощаясь.

– А мне можно будет дочку твою увидеть? – спросил он.

– Ну конечно! – воскликнула Лера. – Хоть завтра, то есть сегодня уже. Я же не мусульманка, сорок дней ее прятать не стану.

– Хорошо, – улыбнулся он. – Тогда – до сегодня, боевая подруга? Слава богу, хоть этой ночью ты не побежала воевать!

– Этой ночью – нет, – покачала головой Лера. – Как-то не так все там этой ночью. Ты чувствуешь? Мне не хочется туда идти, я чувствую, что это не нужно. Или ошибаюсь? – Она подняла на него глаза. – Знаешь, Митя, мне так часто казалось за этот год, что я утратила всякое чутье, что все во мне застыло...

– Ерунда, – сказал он. – Этого ты можешь не бояться. Ты все та же, и я все тот же. Спокойной ночи!

И он пошел к своему подъезду, не оглядываясь, закуривая на ходу.

Часть вторая

Глава 1

Поездка на Сахалин оказалась самой дальней Лериной поездкой за первый Аленкин год.

Правда, ездить ей все-таки приходилось, и довольно часто, но не на край географии. Оттого, что каждый раз приходилось оставлять ребенка, еще больше отрываться от дома, – Лера не рада была уже ни Парижу, ни Германии, ни Греции у всегда гостеприимного Алексиадиса.

Но не поехать на Сахалин было совершенно невозможно. Зося, работавшая теперь вице-президентшей в «бабской фирме», как Лера называла своего «Московского гостя», – только плечами пожала:

– Что за гвоздь у тебя кое-куда вставлен? Неужели хоть поначалу по телефону нельзя решить?

– Нельзя по телефону, Зосенька! – жарко возразила Лера. – Я знаю, что мне по телефону скажут: не сомневайтесь, мадам, все сделаем в лучшем виде. А потом японцы приедут – и окажется, что отопление не работает, воды нет, да и вообще – коттеджи построили в другом месте, поближе к цементному заводу.

– Ну хочешь, я поеду? – предложила Зоська.

– Нет, не получится. – Лера покачала головой. – Не обижайся, но тебе все-таки легче мозги запудрить. А я с ними церемониться не буду в случае чего, ты же знаешь. Надо и им узнать – с самого начала.

Лера не преувеличивала свои способности, когда отвергала Зоськину помощь в таком важном вопросе, как строительство коттеджей на тихом берегу сахалинской речки.

Она многому научилась за недолгое время, прошедшее после исчезновения Андрея Майбороды. Нет, она не стала ни подозрительной, ни излишне жесткой – хотя штучки вроде неправильно оформленной страховки уже не прошли бы у Кирюши Старикова. Даже наоборот: после родов в ней появилось какое-то новое изящество, прелестная мягкость черт и линий, неотразимая в сочетании со стремительной походкой и янтарными глазами.

Но появилось и что-то другое, позволяющее не сгибаться перед обстоятельствами, не идти на поводу у партнеров. Лера сама не знала, как назвать это свое новое качество.

Зато Валик Стар назвал однажды – в самую точку.

Он приехал, чтобы взять у Леры интервью для нового стильного

журнала, с которым сотрудничал по совместительству, и сидел в углу кабинета, просматривая рекламные проспекты и делая вид, будто его совершенно не интересует Лерин разговор с импозантным мужчиной лет сорока – судя по всему, деловым партнером.

И только когда разговор был окончен и слегка вспотевший собеседник вышел из кабинета, Валентин хлопнул себя по колену и расхохотался.

– Лихо ты с ним, Валерия Викторовна! – воскликнул он. – Я и не предполагал, что у тебя такие способности откроются!

– Почему же, Валечка? – улыбнулась Лера. – Почему же ты не предполагал? Не ты ли комплимент мне сделал однажды – по поводу моего отважного противостояния наркоману на Переделкинском рынке?

– То было другое, – возразил Валентин. – Чутье к жизни, ведь так я сказал? Но ведь тогда и не было ничего, кроме чутья. Лихости этой не было точно! А сейчас – научилась ты владеть ситуацией, тебя танком не стронешь со своего.

– Психолог ты, Валик. – Лера одарила его еще одной улыбкой. – Тебе бы не репортажи, а романы писать!

– Улыбочки эти неотразимые... Блистательная ты стала! – заметил Валентин. – Может, я тогда ошибся, а, Лерочка? Когда так легко от тебя отступился? Тем более, теперь и муж не мешает. Ведь ты, признайся, хранила ему какую-то неестественную верность?

– Валечка, ты интервью пришел брать? – оборвала его Лера. – Вот и давай побеседуем, в нашем распоряжении полчаса.

Конечно, она не могла доверить Зосе переговоры с сахалинской строительной фирмой, от которых так много зависело сейчас.

Это был первый самостоятельный проект такого масштаба, на предложение отдыха среди девственной природы сразу же клюнули японцы. А уже начались времена, когда иностранцев калачом трудно было заманить в непредсказуемую Россию, и фирмы одна за другой отказывались от въездного туризма.

– Ведь мы можем оказаться чуть ли не единственными, кто в состоянии будет принимать! – объясняла Лера, расхаживая по комнате перед сидящей в ее кресле Зоськой. – Как можно, чтобы все сорвалось в самом начале из-за какой-нибудь строительной халтуры? Ты вспомни, сколько сил ушло на одних только экологов, сколько нервов нам потрепали везде, где можно. А мы потом знаешь какой парадиз по всей стране организуем? На Байкале, в Карелии, да мало ли еще где!

Лера и сама не знала, почему так привлекал ее хлопотный въездной туризм. Правда, в глубине души она догадывалась, что объяснение совсем

простое: она знала теперь много мест, которые успела полюбить.

Одни места были наполнены историей, отзвучавшими голосами и событиями, другие – покоем и тишиной, в которых ничто не мешало людям оставаться наедине друг с другом. Но все эти места уже были в ней, в ее душе – и она не могла хранить их только для себя.

Это точно было так, иначе Лера просто не смогла бы работать, иначе ей просто было бы неинтересно.

И ей хотелось, чтобы все эти места ожили, и она чувствовала, что в силах это сделать, – как было отказаться?

Первые месяцы после рождения Аленки Лере казалось, что она вообще никогда не переступит порога офиса, ни за что не захочет снова окунуться в эту суету. Ей даже страшно становилось, когда она думала об этом.

Ее и не тревожили с работы, даже по телефону не слишком беспокоили – знали об операции и о том, что Надежда Сергеевна в больнице. Зоська вертелась как могла, оберегая Леру от излишних волнений.

Но могла она пока не много. И, главное, не умела сказать «нет». Ну не получалось у нее это, и все!

Она зашла к Лере вечером, уже в домашних тапочках, с мокрыми после душа волосами.

– Как Аленка? – спросила Зоська, разглядывая спящую девочку. – Газики прошли у нее?

– Сейчас лучше, – ответила Лера. – Сусе спасибо передай за крем, действительно очень помогает.

Чудодейственный крем прислали Сусанины родственники из Германии, от него живот у Аленки перестал болеть. А то Лера уже в отчаяние впадала: молока у нее не хватало просто катастрофически, приходилось докармливать смесями, и сразу начались эти боли, газы и прочие горести. Лера знала, что это обычно для большинства детей, но здесь, в четырех стенах, все приобретало ни с чем не соразмерные масштабы.

Впрочем, несмотря на свои страхи, связанные с Аленкой, Лера сразу догадалась, что Зоська зашла не только для того, чтобы поинтересоваться девочкой.

– Случилось что-нибудь, Зось? – спросила она.

– Не знаю... Нет, ничего вроде не случилось, – покачала головой Зоська. – Но ты знаешь, мне почему-то кажется, что меня обводят вокруг пальца.

– Кто это тебя обводит? – удивилась Лера.

– Вообще, все понемножку. Аэрофлотовцы, гостиничные... Даже

Кирюша!

– Кирюша – это проблема, – улыбнулась Лера. – За ним глаз да глаз, это точно.

Но в душе она понимала, что невозможно разрешить ситуацию шуткой. Надо было что-то решать, и решать немедленно. Или она уходит в нормальный отпуск – на год, на полтора, сколько там положено? – и тогда надо отказаться от всех своих планов, от всего, что она так вдохновенно пообещала Женьке Стрепету и что начала уже осуществлять.

Или надо выйти на работу, снова взять все в свои руки и работать в полную силу. А что это такое, и сколько после этого остается свободного времени, Лера уже успела понять...

В общем-то это было осуществимо. Надежда Сергеевна души не чаяла во внучке, готова была проводить с нею сутки напролет, и можно было взять помощника по хозяйству.

Дело было в другом... Лера не могла забыть того чувства, которое охватило ее, когда она впервые увидела свою дочку и ясное сияние, исходящее от ее круглых щечек. Это было ощущение такого покоя, которого она не знала никогда, в котором растворялось все, что произошло у нее с Костей, все неурядицы, которые то и дело валились на нее отовсюду...

Тогда ей показалось, что ни за какие блага мира не выйдет она из этого покойного кокона, ни за что не окунется больше в неведомое море.

Но время шло, и Лера чувствовала, что ей тесно становится в том тихом пространстве, где не было никого, кроме нее и Аленки. И даже если бы Зоська не появилась у нее этим вечером, – наверное, Лера сама вскоре заговорила бы с нею о том же.

– Ты подожди еще недельку, Зось, ладно? – вздохнув, сказала она. – Молоко-то на исходе, это ясно, но может, еще хоть немного...

И вот Лера расхаживала теперь по кабинету и излагала свои планы сидящей в ее кресле Зоське. И ходить ей было легко, несмотря на высокие каблукки, каких она никогда не носила прежде. Ничто не мешало легкости, неудержимости ее движений, и Лера даже полюбила экспериментировать с обувью: охотно пробовала экзотические новинки, которые рекомендовала ей Ната Ярусова – например, шикарные сапоги с отстегивающимися голенищами на огромных деревянных кнопках. Лере нравилось то, что поражает воображение, и денег на это она не жалела.

– Поеду, поеду, – сказала она, садясь напротив Зоськи. – Тем более, я там не была никогда, а я так не могу: другим расхваливать то, чего не видела.

Лера сама не могла понять, устала она больше или отдохнула во время поездки на Сахалин, на речку Подкаменку.

Конечно, нигде не было такого воздуха, такой тишины, только усиливающейся от шума быстрой реки, такой холодной и чистой воды и такого неба меж деревьев...

Лера проснулась в первое утро в недостроенном домике на берегу, поежилась от пронизывающего холода – и тут же сбросила одеяло. В домике она была одна: ребята из строительной фирмы «Шельф» расположились в соседнем.

Над рекой поднимался туман. Осень была пасмурной, и пасмурным было утро, но от этого очертания деревьев почему-то становились отчетливее, линии – яснее, и душа – чище.

Лера даже вздохнула, подумав о том, что кто-то другой будет любоваться этими чудесными местами. Ей, после ночи в насквозь промерзающем доме, следовало подумать о более прозаических вещах, чем туманное утро на берегу реки. Предстоял нерадостный разговор с гостеприимными хозяевами. Но этого, впрочем, она ничуть не боялась.

«Хорошо, что Зоська не поехала, – подумала Лера, вспомнив вчерашний роскошный ужин и россыпь комплиментов, которые отпускал ей глава фирмы, вальяжный Роман Петрович Лыткин. – Зоська бы уже от стеснения сгорала. Как же, люди к ней со всей душой, а она им о каких-то батареях!»

Поэтому и непонятно было Лере, когда шофер вез ее домой из Домодедова: устала она или отдохнула?

И хотя казалось, что встряска, устроенная ею в фирме «Шельф», возымела действие, и хотя Роман Петрович клялся и божился, что лично проверит каждый коттедж, лично проведет в каждом ночь, – Лера понимала, что это не выход. Что же, она так и будет сама мотаться по всем объектам, сама проверять каждый гвоздь и подозревать, не выдернули ли этот гвоздь сразу после ее отъезда?

Встреча с Женей Стрепетом была записана в ее рабочем блокноте первой после возвращения.

В тот вечер, когда Лера так романтично беседовала с Женькой на бульваре, и даже когда пили шампанское в его кабинете, она и предположить не могла, что они так отлично сработаются. Она до сих пор не переставала этому удивляться. У Леры давно уже не было никаких иллюзий, касающихся взаимного доверия, порядочности партнеров и исполнителей, а Женька – надо же...

«Горизонт-банк» с недавних пор преобразовался в холдинг, Стрепет

стал его президентом, а Лерин «Московский гость» – одной из фирм, входящих в состав холдинга.

Женька, как всегда, слушал ее внимательно, расхаживая по кабинету и тщательно пережевывая какие-то вонючие пастилки: он последовательно бросал курить.

– Есть такой человек, – прервал он Леру, не дослушав до конца. – Я вообще не понимаю, почему ты сразу со мной не поговорила, зачем тебе дался этот «Шельф»?

– Да мне, Женя, неловко было, – объяснила Лера. – Невозможно же лезть к тебе со всеми проблемами, надо что-то и самой...

– Не тот случай, – отрезал Женька. – Самой – надо, а изобретать велосипед – не надо. Есть человек, вполне надежный, мы давно с ним сотрудничаем. Он, кстати, в Сибири начинал и на Сахалине твоим, кажется, работал. И вообще, по-моему, всюду что-нибудь строил – такой надежный прораб. Запиши телефон, а я ему сегодня же позвоню.

В этот день Лере удалось уехать домой пораньше, а по дороге она еще заехала к Наташе Ярусовой, забрала потрясающей красоты вечернее платье – с поблескивающим черным лифом и белыми вертикальными сборками на бедрах.

– На грани фола, Лера! – восхитилась Ната, разглядывая свою самую верную заказчицу. – Белые сборки на каких угодно бедрах смотрелись бы как гардины, но не на твоих. Туфельки возьмешь только на высокой шпильке, и знаешь какие – черные, лаковые, с прозрачным каблуком! Это восторг: прозрачность – и прозрачность наоборот.

Ната была маленькая, кругленькая, как сырный шарик, ни одну диету выдержать не могла. Но зато она искренне восхищалась Лериной фигурой, плавной линией ее бедер, и всегда говорила, что шить для такой женщины – одно удовольствие.

– Не то что на стандартную модельку – вешалку для коллекций, – поясняла она.

Все это создавало хорошее настроение, несмотря на неожиданно пошедший октябрьский снег и скользкую дорогу.

Лера поставила машину во дворе. Она по-прежнему предпочитала сама водить серебристо-серую «Ауди», которая, кстати, принадлежала теперь ей: фирма давно уже обзавелась более представительной «БМВ».

И она слегка вздрогнула, когда дверца неожиданно распахнулась перед нею.

– Прошу вас, мадам! – Митя заглянул в салон. – Наконец-то удалось

тебя увидеть.

– А я как раз позвонить тебе хотела, Митя, – сказала Лера, выходя из машины. – Да завертелась, времени нет. Я на Сахалине была, знаешь?

– Откуда мне знать? Ну, и что ты там делала?

Лера вкратце рассказала о своей поездке.

– Но ты представить себе не можешь! – воскликнула она, быстро загораясь – как всегда, когда речь заходила о том, что ее увлекало. – Нет, ты представить себе не можешь степень халтурности! Это же частная фирма, это не колхоз, а знаешь, как они установили унитазы в коттеджах?

– И как же? – улыбнулся Митя.

– Без канализации! Просто – поставили унитазы, а под ними ничего! Для проверяющих... Можно до такого додуматься нормальному человеку?

– Додуматься можно до всего, – заметил Митя. – Но, похоже, они-то как раз особенно и не задумывались. Как Аленка?

– Ничего, растет. Разговаривает только мало, по-моему. Мама говорила, я в ее возрасте уже стихи рассказывала. А ты, наверное, Моцарта играл?

– Не помню. Не волнуйся, заговорит еще, не остановишь.

– Зайдешь, Мить? – спросила Лера, закрывая машину.

– Потом как-нибудь, – отказался Митя. – Я уезжаю сегодня.

Он по-прежнему часто ездил с концертами, но, как поняла Лера, больше занят был сейчас каким-то оркестром здесь, в Москве. Она и спросила его об этом:

– Как у тебя с оркестром твоим?

– Он не мой, – неохотно ответил Митя. – В этом все дело... Я привык работать, а не участвовать в разборках: кто главный, кому сколько лет, кто страдал на родине, а кто по заграницам ездил. Не получается! А хотелось в Москву, отовсюду хотелось...

– Ты надолго теперь уедешь? – осторожно спросила Лера.

Она почувствовала, что невольно, мимолетным вопросом, задела какую-то болезненную для него струну.

– Сегодня – ненадолго. А потом, наверное, надолго: меня Аббадо приглашает поработать с Берлинским филармоническим оркестром.

– Но это же здорово, Мить! – обрадовалась Лера. – Аббадо – это даже я знаю!

– Здорово, – согласился он.

Но в голосе его не было особенной радости – конечно, едва ли из-за приглашения Аббадо. Лера вздохнула. Ей и хотелось бы вникнуть во все это, понять, но слишком заполнена была сейчас ее жизнь, слишком трудно было выкроить даже лишний свободный час.

После той ночи, когда Митя играл ей в полутемной гостиной, они почти не виделись. Во всяком случае, не виделись так, чтобы можно было спокойно поговорить, никуда не торопясь. Не только у Леры, но и у Мити день строился чаще всего так жестко, что не оставалось времени на неторопливые разговоры.

Вообще-то у них и раньше так бывало: Митя исчезал – неважно, уезжал он или был в Москве, – они перебрасывались парой слов на ходу или по телефону, и все. А потом он появлялся – как той октябрьской ночью год назад...

– Не пропадай надолго, – сказала Лера.

– У тебя все нормально? – спросил он вместо ответа.

– Кажется, да, – кивнула она.

Митя смотрел на нее, чуть наклонив голову, держа руки в карманах куртки.

– Ты звуки слышишь? – вдруг догадалась Лера.

– Да, – улыбнулся он. – А ты разве не забыла?

– Ну почему же забыла? – слегка обиделась она. – Хорошие звуки?

– Разные, – снова улыбнулся Митя. – Что тебе привезти из Берлина?

– Аленький цветочек.

– Чтобы ты потом уехала к чудищу? Я тебе позвоню, Лер, когда вернусь.

Она медленно поднималась по лестнице в своем подъезде, и чувство какой-то недоговоренности, даже невысказанности, тревожило ее.

Аленкин смех был слышен еще на лестничной площадке. Войдя в квартиру, Лера расслышала, что бабушка читает ей «Кошкин дом» и Аленку почему-то очень смешат слова про курицу с ведром.

Она заглянула в комнату.

– Мамочка пришла! – обрадовалась бабушка. – Смотри, Аленочка, мама пришла!

Аленка обернулась к маме, улыбнулась и снова принялась дергать бабушку за рукав, тыча пальцем в книжку. Это было самое мучительное для Леры – эти возвращения, когда ей вдруг становилось ясно, как мало она значит в жизни своей дочери...

Но что она могла сделать? Сегодня еще ничего – чаще она приходила, когда Аленка уже спала.

Лера все-таки отвлекла девочку от книжки, поиграла с ней немного в кубики, потом снова почитала. Аленка играла охотно и слушала с интересом, но Лера видела: это только потому, что той вообще нравится играть в кубики и слушать книжки, а не потому, что с мамой. И опять она

не знала, что можно сделать, чтобы это изменить.

Теперь, в годик, Аленка была похожа на Костю еще больше, чем в день своего рождения. Она была кудрявенькая – светлые локоны падали на плечи, с нежно-голубыми глазами и такой тонкой кожей, что самый легкий румянец мгновенно расцветивал ее лицо. Лера и сейчас не находила у дочки никакого сходства с собою – ротик не в счет, – но она еще больше нравилась ей из-за этого несходства.

Она привезла для Аленки новую шубку. Ната Ярусова неожиданно увлеклась мехами, и шубка получилась чудесная – из голубой цигейки, в стиле прошлого века, вся в буфах и сборках, как раз для такой очаровательной девочки, как Аленка. Лере едва удалось уговорить ее снять шубку на ночь.

«Кокетка растет, – подумала она, укрывая дочку одеялом. – Просто удивительно, в кого бы? Я до недавних пор вообще об одежде не задумывалась, а уж Костя...»

День завтра предстоял нелегкий. «Московский гость» приобрел хорошую репутацию, и люди шли к ним потоком, несмотря на то что отпускной сезон почти завершился. И это было, конечно, хорошо, но не многие из этих людей были ангелами. В основном, наоборот: капризничали, требовали к себе повышенного внимания и с удовольствием произносили привычную фразу: «Я за свои деньги...»

Они были правы, эти люди, они впервые в жизни имели на что-то право за свои деньги, и Лера требовала от подчиненных такого терпения, которого вообще трудно было ожидать от нормального человека.

Тем более что ее саму коробило и от фразы этой, и, главное, от самодовольного тона ее клиентов...

«Хотя бы от прорабовских этих забот избавиться, – подумала Лера, засыпая. – Не хватит меня на все...»

Глава 2

Года полтора назад, когда Лера впервые оказалась в Хаммеровском центре на Пресне, тогда еще с Андреем Майбородой, ей понравились тамошние интерьеры: золото, и мрамор, и прозрачные лифты, и фонтаны, и особенный запах привычной роскоши – запах кофе, дорогих духов и еще чего-то неопределимого.

Ей нравилось заглядывать в многочисленные бутики, разместившиеся здесь, рассматривать восхитительные вещи в сопровождении улыбчивых продавщиц – несмотря даже на то что тогда приходилось уходить, ничего не купив.

А потом, часто бывая здесь по делам «Горизонт-банка», занимаясь его международными контактами, Лера привыкла ко всему этому, да и убедилась в том, что подобных интерьеров с золотом и мрамором множество в Европе и они неотличимы друг от друга. И одеваться у Наты Ярусовой можно гораздо оригинальнее, чем в обольстительных бутиках.

Теперь, всего через полтора года после того как Лера впервые задумалась о своей внешности, в ней и появился тот самый шарм, который казался когда-то таким недостижимым. Появилось то, что не дается без природного изящества и вкуса, но что природными данными все-таки не исчерпывается.

Лера научилась видеть себя словно со стороны – и со стороны оценивать, как она улыбается, поднимает глаза на собеседника, смеется, прислушивается... И как только в ней появилось это новое свойство, она тут же почувствовала, как легко ей стало овладевать вниманием окружающих, добиваться их расположения, и вообще – добиваться именно того, что было ей необходимо.

Она даже проверяла для интереса, и всегда срабатывало! Достаточно ей было увидеть себя со стороны – и тут же все ей удавалось, в том числе и лихость в деловых переговорах, так восхитившая Валентина Старогородского.

Она научилась владеть собою, скрывать за непроницаемой улыбкой все, что происходило в ее душе. Теперь, пожалуй, ни один циничный и уверенный в себе мужчина вроде Валечки Стара не смог бы разглядеть в ней «дешевый романтизм»...

Даже на одежде это тут же сказалось. Лера не отказывалась от модельерских возможностей Наты, но понимала теперь, что и сама может

выбирать для себя то индивидуальное, неповторимое, что украсит ее и только ее. Она поняла прелесть мелких деталей, которые как последний штрих летящей кисти завершают женский облик, – всех этих сумочек, зонтиков, браслетов, крошечных шарфиков, небрежно торчащих из нагрудного кармана делового пиджака, и обливающих ногу без единой морщинки колготок.

Она догадалась, в чем состоит безупречность одежды – и успех ей был обеспечен.

И всему этому, казалось бы, можно было только радоваться. Но иногда Леру посещала мгновенная, тщательно подавляемая печаль. Она понимала – или, по крайней мере, догадывалась, – почему удается ей этот взгляд со стороны на саму себя: только потому, что никто больше не привлекает ее взгляд по-настоящему...

Но как бы там ни было, а владеть собою было удобно. И, отправляясь в Хаммеровский центр на встречу с «прорабом», рекомендованным Женей Стрепетом, Лера привычно, словно в зеркало, взглянула на себя со стороны – и нашла себя неотразимой.

Она удивилась, когда «прораб» назначил встречу в семь часов в ресторане.

– А не рано ли, господин Потемкин? – спросила Лера по телефону, услышав его предложение о месте и времени предварительных переговоров. – Ведь может оказаться, что наше партнерство вообще не состоится – какой же повод для совместного ужина?

– Ну и что? – прозвучало в трубке. – Я слышу голос очаровательной женщины, и это является для меня достаточным поводом для встречи в ресторане.

«Довольно бесцеремонно, деловым этикетом и не пахнет, – подумала Лера. – Но, во всяком случае, импульсивно, и в голосе, несмотря на напор, не чувствуется хамства».

– Хорошо, – согласилась она. – Как я вас узнаю, по гвоздике в петлице?

– Я люблю розы, а не гвоздики, – был ответ. – И сам постараюсь вас узнать.

«Узнал» ее, впрочем, метрдотель.

– Госпожа Вологодина? – негромко поинтересовался он, едва Лера вошла в ресторан и остановилась у входа. – Вас ждут, прошу.

И Лера увидела Станислава Люциановича Потемкина, встающего ей навстречу из-за стола.

На вид ему было лет сорок, и он был из тех мужчин, которые мгновенно поражают женское воображение, знают об этом и к этому привыкли.

Высокий, широкоплечий, сидящий, с прямым взглядом небольших светлых глаз и высоким лбом, с немного тяжеловатым подбородком, который, впрочем, не портил его лица, и даже наоборот – придавал ему еще больше мужественности.

Потемкин был одет с той элегантностью, которая никогда не получается сама собою, особенно у мужчин. На нем был бежевый пиджак из тонкой шерсти, чуть более светлый, чем брюки, светлая рубашка и галстук с каким-то примитивистским рисунком – не слишком яркий, но с живыми вкраплениями золотистого цвета.

Все это Лера разглядела мгновенно, в те несколько секунд, пока они впервые смотрели друг на друга. И тут же поняла, почему ей так быстро удалось составить впечатление о его одежде: именно потому, что одежда была подобрана с той тщательностью, которая и позволяет держаться в ней свободно.

Самой ей тоже нечего было стесняться в этот вечер.

Винно-красный цвет блузки шел к ее пышным золотисто-каштановым волосам. Кроме того, была в этой блузке, сшитой недавно Натой Ярусовой, изюминка: внизу, на бедре, тонкая ткань была приподнята и приспособлена с одной стороны в нечто вроде узла. Сборки были сделаны и у плеч, и от этого по всей блузке образовывались бесчисленные волны, напоминающие лепестки цветка.

Лера была уверена, что в сочетании с узкой черной юбкой, до половины прикрывающей колени, это смотрится на ней неплохо.

– Разумеется, я не ошибся. – Это было первое, что произнес Станислав Потемкин. – И выиграл ужин с очаровательной женщиной. А вы говорили, не рано ли!

Лера невольно улыбнулась его словам, хотя весь он был ясен ей с первого взгляда, вместе с его мужеством и обаянием. Но тем не менее не подпасть под это обаяние было просто невозможно.

– Мне тоже приятно встретиться с вами, Станислав Люцианович, – сказала она, садясь. – Но, в отличие от вас, мне все-таки хотелось бы, чтобы наши встречи не ограничились сегодняшним ужином.

– Их будет столько, сколько вы пожелаете, – тут же заверил Потемкин.

– Я не это имела в виду, – мило улыбнулась Лера. – Станислав Люцианович, не буду скрывать: я просто горю желанием переложить на ваши плечи часть моих забот.

– Я готов принять их все, – ответил он.

«Когда ему надоест говорить пошлости? – едва не поморщившись, подумала Лера. – Надо было отказаться от этого дурацкого ужина и

встретиться по-человечески, в офисе. Но что теперь делать, не уходить же?»

– Станислав Люцианович, – терпеливо произнесла она, – ведь ваша фирма, как сказал Евгений Михайлович, занимается строительством и эксплуатацией зданий?

– А также дорог и прочих коммуникаций, – подтвердил Потемкин. – Да бросьте вы, Валерия Викторовна, эти церемонии. Во-первых, вы можете называть меня Стас, мне это приятнее. А во-вторых, Женя мне уже рассказал о ваших проблемах, и я совсем не против принять участие в их решении. Завтра я приеду к вам в офис, и мы обсудим подробности. Подходит такой план?

– Подходит, – кивнула Лера. – В таком случае, завтра в офисе нам и надо было встретиться.

– А вот это – нет, – тут же возразил Потемкин. – Мне было интересно встретиться с вами в нормальной обстановке, в которой более естественно встречаться с красивой женщиной. Я ведь даже справочки о вас навел, и все мне в один голос сказали, что вы красавица!

Даже пошлости он говорил с такой неколебимой, но приятной уверенностью в себе, что Лера не могла отказать ему в ответной улыбке.

– Итак, что вы будете пить, Валерия Викторовна? – спросил Потемкин.

– Что ж, если вам приятно, чтобы я называла вас по имени, то придется ведь и мне разрешить вам то же самое, – сказала Лера. – Пить я буду какое-нибудь французское вино, если здесь есть.

– Если нет – для вас найдут, – уверенно сказал Стас Потемкин.

Он тут же заказал вино для нее и водку для себя. Лера сразу поняла, что выбор закусок можно предоставить новоиспеченному партнеру – и не ошиблась. Стас тщательно изучил меню, расспросил официанта, что представляет собою жареный дикий голубь с апельсинами под перечным соусом, и наконец заказал множество каких-то блюд, перечень которых Лера выслушала с рассеянным видом.

Она не чувствовала особенной стесненности, но и говорить со Стасом было как будто не о чем. Во всяком случае, следовало выпить – для того чтобы развязался язык и тема разговора стала безразлична.

Вскоре Лера поняла, что Стас Потемкин – не утомительный собеседник, хотя и без затей. Он болтал о том о сем, неплохо владея этим искусством, а Лера размышляла о том, откуда он такой взялся.

В нем не было того московского лоска пополам с пресыщенностью, который чувствуется сразу. Но и ясных черт провинциальной простоты тоже не наблюдалось, а ведь Женька говорил, он начинал где-то в Сибири?

Наконец Лере надоело гадать, и в промежутке между авокадо и диким голубем она спросила об этом Стаса.

– Ничего загадочного, – усмехнулся он. – Биография у меня вполне советская. Родился в Сибири, работал в строительстве, начинал с прораба, закончил МАДИ, остался в Москве, дошел по служебной лестнице до довольно высоких ступенек. С тоской готовился к тому, что придется вступать в партию, иначе конец карьере, а тут перестройка грянула, и я в предприниматели подался. Ну и так далее, и тому подобное. Вам это, Лерочка, неинтересно.

– Почему же? – пожала плечами Лера.

– Да потому – обычная биография, чего уж там огород городить. А вот фамилия необычная, вы заметили? Я думаю родословную свою заказать, пусть генеалогическое древо мое нарисуют. Все-таки можно быть уверенным, что с такой фамилией предки мои были дворянами!

– Ну, это не обязательно, – усмехнулась Лера. – Когда крепостное право отменили, многим крестьянам давали барские фамилии, целым деревням.

– Да? – едва заметно поморщился Стас – видно было, что ему не слишком приятны Лерины исторические познания. – Что ж, в таком случае придется по польской своей линии пройтись, вдруг шляхтичи обнаружатся? Предки-то мои в Сибири как оказались – после польского восстания.

– А почему вам так дворяне в роду необходимы? – удивилась Лера. – По-моему, крестьяне – тоже неплохо.

– Это как сказать, – не согласился Стас. – Вам, может быть, и безразлично, вы, как я понял, москвичка коренная? А мне, знаете ли, для наследников – немаловажно...

Лера улыбнулась про себя и решила, что лучше отвлечься от этой животрепещущей темы.

Она не могла понять, какое чувство вызывает у нее этот потомок князя Таврического. Все, казалось бы, было ясно в нем, весь он был ей ясен, и Лера знала, что ей никогда не нравились мужчины подобного склада. Но было в облике Стаса Потемкина что-то, будоражащее ее воображение и очень для нее привлекательное. Только вот она и сама не понимала, что именно.

Время с ним пролетело незаметно, да и блюда он выбрал отличные, поэтому у Леры не было оснований жалеть о потерянном вечере. Тем более что она уже почти уверилась в том, что Стас действительно настроен с ней сотрудничать и что на него можно будет положиться.

Официант принес счет, и Лера достала кошелек.

– С ума вы сошли, Лерочка! – Стас твердо остановил ее руку. – Вы

думаете, я приглашаю женщину в ресторан для того, чтобы платить по-братски?

– Но ведь намечалась деловая встреча, – попыталась возразить Лера.

– Вы для меня прежде всего женщина, – галантно заметил Стас – в который раз за сегодняшний вечер. – Поэтому уж позвольте...

Что ж, сопротивляться было бы просто смешно, и Лера позволила ему заплатить всю круглую сумму, указанную в счете.

Машина с водителем и охранником была подана для Стаса прямо ко входу в Хаммеровский центр, и он усадил в нее Леру, не слушая возражений о том, что она прекрасно доберется на такси.

Все это было эффектно, галантно, да и рассчитано на эффект – что не являлось для Леры секретом ни на минуту.

«На грани фола», – вспомнила она любимую фразу Наты Ярусовой, относящуюся к нарядам, балансирующим на грани экстравагантности и безвкусицы, и потому особенно эффективным.

Все поведение Стаса Потемкина было именно на грани фола, и Лера прекрасно это видела. Одного она не могла понять: почему же таким привлекательным кажется ей весь его облик, почему, уже засыпая, она вспоминает его лицо с прямым взглядом и тяжеловатым подбородком?

Глава 3

Потомок князя Гаврического оказался тем самым человеком, которого Лера могла бы разыскивать долго и безуспешно.

Он появился в офисе на Петровских линиях уже на следующее утро – в элегантном темном костюме, благоухающий каким-то изысканным одеколоном, такой же галантный, как и вечером в ресторане, но абсолютно сосредоточенный, мгновенно вникающий в обстоятельства и готовый давать немедленные ответы.

Услышав про фирму «Шельф», Стас только усмехнулся и тут же предложил Лере перезаключить договор на строительство сахалинских коттеджей.

– Милая вы моя, – заявил он, – женщине вовсе не следовало бы этим заниматься. Ну что она понимает в строительстве?

– Она – это кто? – прищурилась Лера.

– В данном случае – вы, – ничуть не смущаясь, ответил Потемкин. – Я вам предлагаю предоставить эти дела мне, ко взаимной выгоде.

– Я согласна, – тут же ответила Лера. – Но совсем не потому, что я женщина, а только потому, что вы – специалист.

– Ладно, ладно, – усмехнулся Потемкин. – Оставим равноправие и будем судить по результату.

От него веяло надежностью, и Лера впервые вздохнула с облегчением: ей показалось, что быт ее туристов наконец-то будет обеспечен. Но одновременно ей казалось – совершенно непонятно, почему, – что от надежности Стаса Потемкина исходит какая-то опасность. И она удивилась своему ощущению...

«Ты просто не привыкла, – сказала себе Лера. – Ты не привыкла к тому, что мужчина готов что-то брать на себя, ты привыкла чувствовать себя бизнесвумен, а не женщиной, вот и шарахаешься от его комплиментов, и даже его мужественность тебя пугает, хотя что может быть естественнее в мужчине?»

Стас появлялся в офисе часто, и это было понятно: надо же ему было вникнуть в подробности Лериных планов о разбросанных по всей России «парадизах», которые предстояло строить именно ему.

Они быстро перешли на «ты», и это тоже было естественно. Лера и не заметила, когда это произошло – кажется, на второй день знакомства.

Фирма «Шельф» настаивала на продолжении сотрудничества. Видимо,

из-за отдаленности расстояний и затруднительности контроля оно было выгодным для Романа Петровича Лыткина.

– А ты объясни, что будешь теперь работать со мной, – сказал Стас Потемкин. – Он заткнется моментально, увидишь. А если не моментально – я сам им займусь.

Лера увидела, как холодное, безжалостное выражение мелькнуло на мгновение в его глазах, как напряглась широкая челюсть, – и тут же он стал прежним, галантным расточителем комплиментов.

Лера давно уже усвоила, какие нравы царят в мире бизнеса – хотя, по счастью, в туризме дела обстояли относительно спокойно: по крайней мере, не слышно было пальбы в подъездах. Ей и самой приходилось играть по установившимся правилам, быть жесткой и неумолимой, чтобы не дать себя потопить. И ей еще повезло, она это понимала: за ней с самого начала стоял «Горизонт-банк» со всеми его возможностями. А каково было тем, кто играл в одиночку и начинал с нуля?

Но в том, как вел себя Стас, ей вдруг почудилась не только деловая хватка, но и склонность характера, – и она испугалась того, что ее догадка справедлива. Казалось бы, что ей до его характера, кто он ей? Просто деловой партнер, хороший и, судя по всему, надежный – чего же больше? И слава богу, что его готовность «заняться» соперником относится не к ней...

Но Лера вдруг представила, что было бы, если бы он повернулся на сто восемьдесят градусов – нет, не в делах, вообще... И оказался бы с ней лицом к лицу как соперник – что тогда? Это была маловероятная ситуация, им совершенно нечего было делить, но она содрогнулась.

Лера сама не заметила, когда это произошло – когда началось легкое потемнение в глазах при одном взгляде на него, когда сердце начало стучать чаще, стоило ему только войти в ее кабинет... И как это вообще могло произойти? Ведь она посмеивалась над ним в душе, она даже поддразнивала его – с его страстью к импозантности, поисками дворянских корней и многодолларовыми чаевыми в ресторанах. И вдруг – почему?..

В офисе это было не так заметно. Они разговаривали о делах, в Лерин кабинет заходили люди, Потемкин болтал с секретаршей Галочкой, ожидая, когда освободится «шефиня»...

Но Стас постоянно приглашал Леру то в ресторан, выбирая каждый раз особенно дорогой, вроде «Балчуг-Кемпински», то на какой-нибудь суперпрестижный, с многодолларовыми билетами, спектакль в Большом театре.

И Лера чувствовала, как с хрустом ломается между ними стена отчуждения, казавшаяся ей абсолютно незыблемой.

Нет, ее невозможно было поразить дорогостоящей роскошью, всей этой пылью в глаза – которую, кстати, она и сама была в состоянии себе обеспечить, если бы ей хотелось чего-нибудь подобного. И которую ей неизменно обеспечивал, например, процветающий Александр Алексиадис, когда Лера бывала у него в Греции – и обеспечивал просто так, от искреннего восхищения и без единой задней мысли.

Дело было совсем в другом. Лера не привыкла себя обманывать, умение оценивать ситуацию никуда от нее не ушло – и она понимала, что происходит.

Ее сводило с ума то, что исходило от Стаса Потемкина и что невозможно было назвать словами. Это было что-то физически осязаемое, как запах его неизменно дорогого парфюма, как скрытая сила его широких рук, когда он прикасался к ее плечам, подавая пальто.

Это было что-то зримое – как вздрагивание его губ, когда он смотрел на Леру, сидящую напротив него за уставленным дорогими блюдами столом; губы у него были изогнутые, чувственные, и это было особенно заметно по контрасту с тяжелым подбородком.

Это чувствовалось всегда – и когда он, изящный и эффектный, поднимался ей навстречу из-за стола, и когда, к концу вечера, пьянел и смотрел на нее тяжелеющим, мрачающим взглядом. Правда, он не позволял себе сильно напиваться в ее присутствии, но Лера и так заметила, что хмель у него тяжелый, мрачный и нерадостный.

Лера была сильной женщиной и знала это, но сейчас она чувствовала себя пылинкой – пусть и железной пылинкой, – которую с неодолимой силой тянет к мощному магниту.

«Неужели любовь? – думала Лера бессонными ночами, глядя в темный квадрат окна перед глазами. – Быть не может, никогда со мной не было так...»

Но как с нею было? Она вспоминала Костю, его ласковые, широко открытые в минуты близости глаза, его мягкие руки – и что еще она могла вспоминать? Валю Стара с его плейбойской самоуверенностью, которую на самом деле так легко было развеять? Смешно...

Лера знала только, что при мыслях о Стасе, которые приходили к ней бессонными этими ночами, все ее тело трепетало, схватывалось огнем, она физически ощущала прикосновения его рук, всего его тяжелого тела, его губы на своих губах. И в эти мгновения она все готова была сделать для того чтобы ощутить это наяву...

Он владел ее телом, ни разу к нему не прикоснувшись, и что было думать о душе – душа сгорала в том биении и пожаре, который Лера

ощущала внутри себя при одной мысли о нем. Она хотела его, как не хотела ни одного мужчину ни разу в своей жизни, и стонала, кусая подушку, вздрагивая от того, что это желание не могло осуществиться немедленно.

Днем Лера еще могла размышлять об этом спокойно. Она была одинока, темпераментна, ей едва исполнилось двадцать семь лет – что удивительного было в том, что ее мучили женские желания? Удивительным было другое: почему именно Стас?

В ясные, дневные минуты она понимала, что не любит его. Она даже готова была отшатнуться от него, он пугал ее своей мощью, смешил тщательно скрываемым нувориществом. Но ночью все это становилось неважным...

И, кажется, Стас почувствовал то, что с нею происходило. Или просто был уверен, что так оно и должно быть? Даже наверняка не почувствовал, а просто знал заранее; он не похож был на человека, способного улавливать нюансы.

Лера чувствовала себя напряженной как пружина, каждый день усиливал лихорадочность ее состояния, – а Стас с каждым днем каменел, наливался сознанием своей власти над нею. И только вздрагивание чувственных губ выдавало, какое страстное желание его снедает.

При этом он никогда не бывал с нею груб. И хотя иногда Лере казалось, что он с трудом сдерживает свою грубость, у нее не было никаких зримых свидетельств этого. Ведь невозможно было считать свидетельством отчетливое ощущение того, что Стас подавляет ее волю.

Он дарил ей цветы – всегда розы, и всегда огромными букетами. Дарил дорогие духи и сообщал, что в их запахе за цветочной увертюрой следует симфония пряностей и бергамота.

И в чем его можно было упрекнуть?

Зима началась рано. Первый снег в октябре не успел растаять, как это обычно бывало, вскоре ударил мороз, и уже к ноябрю снег не сходил с московских улиц.

Лера чувствовала такую тоску, какой не знала прежде, даже в первый месяц после рождения Аленки. И понимала, с чем связана ее тоска. Она решила прекратить то, что происходило между нею и Стасом Потемкиным, – прекратить немедленно, пока между ними реально не произошло ничего.

А это было нелегко: слишком сильно завладели ею мысли о нем. И к тому же Лера не могла не видаться с ним, потому что их уже связывали деловые контакты, от которых невозможно было отказаться ради женского

каприза.

Иногда ее тревожили сомнения: а зачем, собственно? Зачем она должна отказываться от близости с этим человеком, что должно ее останавливать?

Стас не был женат – во всяком случае, к тому времени, когда познакомился с Лерой. То есть у него была где-то бывшая жена, и было даже двое детей, но он сам однажды дал Лере понять, что это его нисколько не сковывает.

– Вы не сошлись характерами? – спросила тогда Лера, узнав эту подробность его биографии.

– Вроде того, – ответил он. – Моя жена должна быть моей женой. – Он сделал упор на слове «моей».

– Неужели она тебе изменяла? – удивилась Лера.

– Этого еще не хватало! – усмехнулся он. – Нет, конечно. Но она стала слишком много себе позволять.

– Вмешиваться в твою жизнь?

– Это так же маловероятно, как изменять мне. – Он жестко прищурился. – Нет, вмешиваться я бы ей не позволил. Я же тебе сказал: моя жена должна быть моей женой, а не отдельной единицей, живущей по своим правилам.

Вот после этого разговора Лера и поняла, что все это надо прекращать немедленно.

Но одно дело понять, а другое – осуществить. Осуществить было тем более нелегко, что это явно не входило в планы самого Стаса.

Стоило Лере два раза подряд по телефону отказаться от встречи с ним – от похода в казино и в ресторан, – как он тут же явился к ней вечером в офис и спросил:

– Как это понимать?

Лера всмотрелась в его каменеющую челюсть, в жесткий прищур его светлых глаз.

– Никак, Стас. Почему ты вообще считаешь, что я должна тебе это объяснять? Ты что, хозяин мой? Допустим, мне опротивели рестораны, допустим, надоели разговоры о новом парфюме с запахом дикости и дубовой коры.

– Ты предпочла бы, чтобы от меня пахло потом?

– Я предпочла бы, чтобы ты меньше об этом говорил.

– Лера, женщина не должна быть так самоуверенна.

– Откуда ты знаешь, какой должна быть женщина, и кто тебе вообще дал право об этом рассуждать?

– Я сам дал себе это право, я вообще сделал себя сам! И я от этого не

откажусь.

– Дело твое, – пожала плечами Лера. – При чем здесь я?

Ей стоило больших усилий разговаривать с ним так резко, и ей приходилось призвать все свое мужество, чтобы не испытывать в эту минуту ничего, кроме желания вырваться из-под его власти. Он был по-прежнему притягателен для нее, даже такой – со сжатыми губами и жестко прищуренными глазами. И может быть, именно такой...

– Ты не боишься, что тебе придется об этом пожалеть? – спросил он.

– О чем, Стас? – Лера постаралась придать своему лицу как можно более недоуменное выражение. – Мы разве ссоримся с тобой?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. И хочу тебе сказать: я тебя не понимаю...

– Давай отложим этот разговор? – вдруг попросила Лера.

В ее голосе невольно проскользнули эти просительные нотки: она вдруг сама испугалась неизбежности разрыва. Зачем, почему? Что за безумный отказ от самого сильного своего желания?

– Хорошо, – согласился Стас. – И я даже не прошу, чтобы ты позвонила мне, когда подумаешь хорошенько. Я сам тебе позвоню. Послезавтра.

«Два дня на размышления! – усмехнулась про себя Лера. – Наверное, он считает себя предельно великодушным».

Но и его можно было понять. Ни один нормальный мужчина не смог бы объяснить самому себе, что удерживает Леру от последнего шага навстречу Стасу Потемкину. Да что там мужчина – разве она сама могла себе это объяснить?

Весь следующий день был просто мучителен для нее. Правда, было много дел: «Горизонт-банк» проводил международный симпозиум.

– VIP-прием нужен, Лера, – сказал Стрепет, не вдаваясь в подробности.

Лера и сама знала, что это значит и каких усилий требует. Но что значили эти усилия по сравнению с тем, какое усилие ей приходилось делать над собою?

Она думала о Стасе каждую минуту, ей казалось, что внутри у нее тикают часы и отсчитывают время – до чего? До расставания или до того как она бросится в сладкий омут, отдастся его неумолимо притягательной силе?

«И что тогда будет? – пыталась охладить себя Лера. – Он же в бараний рог тебя скрутит, он же потребует, чтобы ты была „его“, а не „отдельной единицей“...»

Она содрогалась, представляя себе такую возможность, и даже горячие,

страстные мысли о его сильных руках, о чувственных губах не могли быть сильнее этого страха.

Неизвестно, что ответила бы она Стасу Потемкину ровно через два дня, если бы обычное течение этих дней неожиданно не было нарушено.

И нарушил его Костя Веденеев – ее муж, ее первый и единственный мужчина, бывший и полузабытый, но не забываемый никогда.

Костя позвонил ей в офис, и Лера узнала его голос прежде, чем он назвал себя. Это был его второй звонок с того дня, когда они расстались на пороге загса, подав заявление на развод. Первый раз Костя позвонил, когда Аленке исполнилось два месяца и он случайно узнал о ее существовании – тоже по телефону, от Надежды Сергеевны.

– Лера, я все-таки хочу знать... – звучал тогда его голос в трубке. – Ведь эта девочка может быть и моим ребенком?

Его слова ножом полоснули Леру: «может быть и моим», «эта девочка»!..

– Может, – сказала она. – Более того, так оно и есть. Что дальше?

Костя молчал. Потом наконец выдал:

– Ты сама должна мне сказать... Что я должен делать, чтобы ты...

– Ты мне ничего не должен, – оборвала его Лера. – Если ты имеешь в виду алименты, то я их от тебя не требую. Ребенок записан на мою фамилию, у нее мое отчество. Если ты хочешь переменить ей фамилию и отчество – пожалуйста, это твое право, если хочешь ее видеть – я не возражаю. Что еще?

– Я должен подумать, – сказал тогда Костя.

«И посоветоваться с Люсей», – добавила про себя Лера.

– Я тебе потом еще позвоню, – торопливо простился он.

– Ты долго собирался позвонить, – сказала Лера, услышав на этот раз его голос. – Год прошел, кажется?

Она сама расслышала иронию в своем голосе, и ей тут же стало жалко Костю.

– Мне все-таки хотелось бы встретиться с тобой, – попросил он. – Не хочется по телефону...

– Хорошо, – согласилась Лера. – Только давай сегодня, ладно? Завтра я... Может быть, придется в командировку уехать.

На самом деле завтра должен был звонить Стас, и ей почему-то не хотелось объяснять ему, что она идет на свидание с бывшим мужем.

Они встретились в маленьком подвальном кафе на Сретенке. Лера сама предложила это место: ей нравился полумрак небольшого зала и то, что здесь почему-то бывало не много людей, хотя место было бойким.

Наверное, для студентов-кофеманов было дороговато, а для людей при деньгах – простовато.

Костя опаздывал, и Лера заказала чашечку двойного кофе, затянулась сигаретой. Она снова начала курить недавно, и не слишком много, но кофе с «Данхиллом» – это святое.

«Он совсем не изменился», – подумала Лера, увидев, как Костя стоит на пороге и оглядывает зальчик, пока глаза привыкают к полумраку.

Даже сейчас, при неярком свете, было заметно, что глаза у него все те же – ясные, широко открытые. Как у Аленки...

– Здравствуй, Лерочка, – сказал Костя, остановившись возле ее стола и словно бы не решаясь сесть. – Ты так переменялась...

– А ты так и не научился делать комплименты, Костя, – улыбнулась Лера. – Кто это так неопределенно говорит женщине, что она переменялась? Садись, ну что ты стоишь.

Он сел, не сводя глаз с Леры. Она вдруг вспомнила одно их свидание – первое после расставания, в кафе «Блинчики» на Пушкинской. Тогда она была беременна, все виделось ей каким-то воспаленным, трагическим, и она не могла тогда смотреть на него без боли в сердце. А теперь...

Костя молчал, как будто это не он предложил встретиться, как будто не он хотел поговорить. С кем-нибудь другим Лера легко выдержала бы любую паузу – для этого она в достаточной мере владела собою. Но с Костей ни в чем подобном не было необходимости; ей не надо было смотреть на себя со стороны... Весь он был такой, какой был, не больше и не меньше, и скрывать ей от него было нечего.

Поэтому Лера спросила:

– Коть, ты ведь поговорить хотел? Так говори. В чем дело?

Она была почти уверена, что знает цель его прихода: скорее всего, он хотел посмотреть на свою дочь.

– Да, собственно, дела-то нет никакого, – неожиданно ответил Костя. – Я просто хотел тебя увидеть.

– Меня увидеть? – удивилась Лера. – Это зачем еще?

– Просто так, я же говорю...

Глаза его открылись еще шире, и Лера вдруг вспомнила их совсем вблизи от своего лица – когда по всему Костиному телу пробежали сладостные судороги, а глаза были открыты, и взгляд устремлен на нее. Но это воспоминание было мимолетным и каким-то безразличным – просто вспомнилось что-то из прошлого, и все.

– Так зачем же ты хотел увидеть меня? – повторила Лера.

– Я понял, что соскучился по тебе, – ответил Костя. – Ты знаешь, я

понял, что мне скучно с Люсей.

Он всегда сразу говорил о том, что думал, без обиняков и без подготовки, и в этом он тоже не изменился.

– Костя, – укоризненно сказала Лера, – я же тебя просила: не надо говорить со мной о Люсе, она меня не интересуется. И это глупо, говорить с бывшей женой о нынешней, неужели ты не понимаешь?

– Но с кем я еще могу поговорить? – вдруг воскликнул он. – С кем я могу поговорить об этом, да и вообще – обо всем? Ты знаешь, ведь мне казалось, что Люся – необыкновенная! Она так слушала, так смотрела на меня... Я был для нее кумиром, и я это видел, и мне это нравилось, я чувствовал себя... Чувствовал себя мужчиной, хозяином, ты понимаешь, Лерочка? А это было так важно для меня тогда, если бы ты знала! Я ведь просто умирал тогда от комплексов: Институт разваливается, денег нет, ты живешь сама по себе... Как мне было это выдержать? А тут – девушка, юная, влюбленная, в рот мне смотрит. И я не устоял перед этим соблазном, ты понимаешь?

– Я понимаю, Котя, – сказала Лера, дотрагиваясь до его руки. – Но теперь-то что же? К чему теперь это вспоминать?

– Мне скучно с ней, – упрямо повторил Костя. – Она никакая, ты понимаешь? Всего чуть больше года должно было пройти, чтобы я это понял. И я все время тебя вспоминаю, я все время вспоминаю, как мы сидели с тобой, разговаривали вечерами, как ты про улиток моих расспрашивала, как ты смеялась, какое у тебя лицо было, и вообще – все...

– Я в самом деле виновата перед тобой, Котя, – остановила его Лера. – Ты забыл – ведь последнее время я не расспрашивала тебя ни о чем, мне вообще было не до тебя...

– Ну и что! – воскликнул Костя. – Я должен был это понять, это же было естественно. Ты так уставала, у тебя была такая напряженная жизнь...

– Костенька, давай прекратим этот разговор, – попросила Лера. – Я не вижу в нем смысла. Ты женат, у тебя ребенок, к чему этот вечер воспоминаний? Что я могу сделать для тебя?

– Но ведь и у тебя ребенок, – возразил Костя. – Мой ребенок, ты говорила... И ты одна, правда?

– Ну и что? Ты хочешь вернуться в семью? – усмехнулась Лера.

– Да, – ответил Костя с необычной для него решимостью. – Я хочу снова быть с тобой.

– А твой сын? У тебя ведь сын, кажется?

– Да, Владик. Но что же, ведь все равно один из моих детей должен

будет расти без отца, правда? И в таком случае...

– В таком случае, какая разница, который, – закончила за него Лера. – Ах, Костя, ты все тот же! Я даже назвать не могу, какой... Хороший, ласковый, но какой-то... Мне кажется, тебе все равно – так ли, этак ли. Откуда в тебе такая бесстрастность, не понимаю. Захотелось к прежней жене, с новой скучно стало, старая лучше развлекала – что ж, пойду к старой! И ты думаешь, я смогу теперь с тобой жить?

– Но почему же нет? – даже удивился Костя. – Разве мы плохо жили с тобой?

– Не знаю... – сказала Лера. – Ты не поверишь, но теперь я действительно не понимаю, как мы жили с тобой. Одно точно знаю: больше этого быть не может.

– Ты уверена, что это окончательно? – грустно спросил он.

– Абсолютно, – кивнула Лера. – Но если ты Аленку хочешь видеть – пожалуйста. Она твоя дочь, ты имеешь полное право, и я...

– Да нет, зачем, – как-то вяло махнул рукой Костя, и Лера ужаснулась тому, что этот жест относится к ее ребенку. – Если бы ты позволила мне вернуться, тогда – да, а так... Зачем?

– Незачем, – согласилась Лера. – Кофе будешь?

– Да, выпью, пожалуй. Здесь хорошо варят? – поинтересовался он.

Весь его пыл как-то сразу угас, и Лера не чувствовала к нему теперь ничего, даже жалости, которая охватила ее вначале.

– Нормально, – ответила она. – Сейчас закажу.

Ее ужаснула эта встреча.

«И это мужчина, отец моей дочери, и с ним я жила столько лет? – думала она, захлопывая дверцу машины в своем дворе. – Ничего удивительного, что меня потянуло к Стасу!.. Какая же я дура, от чего я отказываюсь? Даже если я просто хочу его, хочу как кошка, и больше ничего – почему мне отказывать себе в этом, чего ради? Ради какого-нибудь хлюпика вроде моего бывшего супруга? Стас по крайней мере не ждет, что я буду его развлекать с утра до утра, он сам готов сделать все, что я пожелаю, это же видно! И если он за это хочет, чтобы я подчинялась его желаниям, так разве я сама не хочу того же?..»

Стас позвонил, как и обещал, ровно через два дня. Голос у него был такой, словно и не было этих двух дней, – обычный его пленительный бас. Он не стал ни о чем спрашивать – просто пригласил Леру на презентацию самого шумного фильма года в Дом кино, куда ожидался весь бомонд и

весь официоз; и она согласилась.

Глава 4

Митя позвонил неожиданно и довольно рано для воскресенья. У Леры так мало было теперь этих выходных, ей так редко удавалось поспать подольше, что она никогда не подходила в такие утра к телефону. Но тут мама принесла ей телефон к кровати.

– Митя звонит, Лерочка, – сказала она. – Он очень просил, чтобы ты подошла. Может, у него случилось что-нибудь?

Митя – другое дело, на его звонок она ответила бы в любое время суток и в любом состоянии. Но сейчас, даже спросонья, Лера порадовалась, что он звонит, а не разговаривает «наяву». Она почему-то чувствовала стыд перед ним, хотя не делала ничего такого, чего можно было бы стыдиться.

– У тебя случилось что-нибудь, Митя? – сразу спросила она.

– Нет, Лер, ничего. Ты извини, что я тебя разбудил. Просто подумал: вдруг ты исчезнешь потом? У меня концерт сегодня в Консерватории. Последний концерт, Лера. Так и не удалось мне оперу в Москве поставить, что ж теперь... А концерт хороший будет, правда. Это очень хороший оркестр, я-то знаю...

Она никогда не слышала, чтобы у него был такой голос; Митя всегда был более чем сдержанным.

– Конечно, я приду, – сказала она. – Почему ты мне раньше не говорил, Митя?

– Да ведь ты не ходишь, – напомнил он. – Я бы и сейчас не стал тебе это навязывать, но я и правда не знаю, что будет дальше и когда я вообще сюда вернусь, ты понимаешь?

– А ты-то хочешь вернуться? – спросила она. – Ты же знаешь: все получится так, как ты скажешь.

– Ты все еще помнишь это детское наблюдение? – Лера почувствовала, что он улыбнулся на другом конце провода. – Если бы... Ну, неважно. Приходи, Моцарта будет много – и Сороковая твоя, и «Юпитер». Я очень хочу, чтобы ты была.

Она не успела ответить: короткие гудки зазвучали в трубке. Лера набрала Митин номер, но он звонил не из дому; никто не ответил ей.

Ее взволновал Митин звонок. Она почувствовала: что-то решилось у него именно сегодня, вот только что, и он позвонил, чтобы она пришла на его последний концерт в Москве. Может быть, вчера он вообще не знал, что концерт будет именно последним?

Вернувшись в Москву год назад, Митя приглашал Леру на все свои выступления. Но каждый раз получалось, что именно в этот вечер она ну никак не может вырваться – просто рок какой-то!

– Мить, ты прости меня, – звонила ему Лера на следующий день. – Я сама не понимаю, что такое, но ты поверь мне: я очень хотела прийти, и вот...

– Я верю, верю, подружка, – неизменно говорил он. – Значит, не судьба.

– Ну зачем ты так? – чуть не до слез обижалась Лера. – При чем здесь судьба, просто обстоятельства так сложились...

Сегодня она решила пойти во что бы то ни стало.

«Надо встряхнуться наконец, – подумала Лера. – Музыку послушать, Митю увидеть... Сколько можно жить в этом безумии?»

Безумием она называла то, что происходило с нею вот уже неделю – после того как она встретила со Стасом Потемкиным, «подумав» два дня. Она ожидала тогда, что прямо из Дома кино он повезет ее к себе, – и все в ней содрогалось, и одновременно все трепетало в предчувствии этого.

Но он отвез ее домой – Лера никогда не приезжала на свидания с ним на машине – и галантно поцеловал руку у ее подъезда. Лицо у него было непроницаемое, губы сжаты, и он был немного пьянее – а значит, мрачнее – чем обычно.

– Я тебе позвоню, – сказал Стас.

– Когда? – невольно вырвалось у нее.

– Когда получится, – пожал он плечами. – Возможно, завтра.

Назавтра она целый день старалась быть у телефона – сначала на работе, потом дома. Она ненавидела себя и проклинала, но ждала его звонка, как давно уже ничего не ждала в жизни. Даже не звонка его, а того обещания, которое заключалось в каждом его звонке, в каждом появлении, – обещания его тела, его страсти, его сводящих с ума обьятий...

Он не позвонил ни завтра, ни послезавтра. А через три дня позвонил как ни в чем не бывало и предложил поехать в какой-то загородный ресторан с цыганами.

«Да ведь он просто „выдерживает“ меня, – понимала Лера. – Грубо, похамски ставит на место, дает понять, что он, и только он, может быть хозяином положения, что только от него зависят наши отношения».

Она чувствовала унижительность всего этого, чувствовала, как изменился даже его тон – и ничего не могла поделать. То, что исходило от него, то, что она чувствовала в каждую минуту, проведенную с ним, – было сильнее ее воли.

Сегодня встречи со Стасом не ожидалось, и Лера решила

воспользоваться этим, чтобы хоть немного вырваться из-под его неотменимой власти.

«„Юпитер“, – подумала она. – Когда это Митя уже дирижировал „Юпитером“, или мне кажется? На первом его концерте в Консерватории, когда Елена Васильевна пригласила нас с мамой? Нет, тогда Гайдн был, симфония эта красивая, со свечами. Когда же?»

Лера заранее приготовила к вечеру новое свое платье – то самое, черно-белое, «на грани фолы», которое следовало носить с лаковыми туфлями на прозрачных каблуках. И туфли эти приготовила, и выбрала духи.

Она почему-то много ждала от этого вечера, хотя предстояло просто слушать музыку. Но Лера знала, что такое Митина музыка – музыка в его руках... И она так надеялась на нее сейчас – как на единственное свое спасение.

Времени до концерта оставалось достаточно, но Лера хотела выехать пораньше, чтобы успеть в отличный цветочный салон на Малой Бронной, где они всегда заказывали цветы для симпозиумов и коктейлей «Горизонт-банка».

Она вздрогнула от телефонного звонка.

– Мама, меня уже нет! – крикнула она из своей комнаты. – Ты же видишь, я уже оделась, через десять минут выхожу! Или – подожди...

Лера выбежала в коридор и сама взяла трубку.

– Лерочка, я хочу тебя видеть, – услышала она. – Я не звонил тебе заранее, хотел сюрпризом. Я хочу тебя видеть, умираю от желания тебя видеть... Когда мы встретимся?

– Стас, но мы ведь не договаривались сегодня, – начала было она.

Но он остановил ее:

– Ну и что же, что не договаривались? Разве у нас деловые переговоры, что мы должны их планировать? Надо самим устраивать себе праздники, а как же иначе? Я хочу устроить тебе такой красивый праздник, какого никогда не было в твоей жизни... Когда мы встретимся?

Он говорил какую-то ерунду – «красивый праздник, никогда в жизни»... Но разве прежде он говорил что-то более значительное, разве она вообще обращала теперь внимание на то, что именно он говорит?

Лера стояла перед зеркалом в прихожей и видела, как бледнеет, потом краснеет, и чувствовала, как темнеет у нее в глазах.

– Ты мог бы заехать за мной? – спросила она.

– Когда?

– Когда хочешь – я одета.

– Куда мы едем, Стас? – спросила Лера, глядя на шоссе через лобовое стекло его машины.

Этим вечером он сам вел свой белый «Мерседес», хотя дорога была скользкой. Лера удивилась, увидев его за рулем. Она была уверена, что Стас приглашает ее в очередной ресторан или в какое-нибудь казино, которых она терпеть не могла. И как же он собирается потом садиться за руль, неужели спьяну?

Потому она и спросила, куда они едут – увидев, что выезжают из центра. Может быть, в какой-нибудь загородный ресторан?

– Ко мне, – ответил Стас.

– Ты... Ведь ты, кажется, живешь где-то на Патриарших? – выдавила Лера, чтобы не молчать при этих его словах.

– На Патриарших я купил квартиру, а едем мы в загородный дом, – объяснил он, не отрывая взгляда от дороги. – Или ты против?

Лера молчала, и Стас посмотрел на нее.

– Ты – против? – повторил он.

– Нет...

Что-то в ней сопротивлялось – продолжало сопротивляться, несмотря на то что все у нее внутри вздрагивало при взгляде на него, на его изогнутые губы и широкие руки, поросшие светлыми волосками. Она уже поняла, что не в силах противиться ему – или себе? – но что-то в ней продолжало сопротивляться...

Конечно, его загородный дом находился где-то по Рублевскому шоссе: Стас был щепетилен в утверждении своего престижа. Лера узнала бывшие партийные дачи. Их часто арендовал «Московский гость», когда надо было принимать кого-нибудь из партнеров «Горизонта», не желающих жить в «Метрополе» или «Славянской».

– Ты живешь на партийной даче? – Она старалась говорить спокойно, хотя едва сдерживала нервную дрожь.

– А что? Ты считаешь, я не могу себе этого позволить?

– Наверное, можешь, раз позволяешь, – пожала плечами Лера. – Не понимаю только, почему это кажется тебе таким привлекательным.

– Тут надежная охрана, – пояснил он. – И строили на совесть, только небольшой евроремонт понадобился да интерьер оформить. И соседи полезные. За возней с цветочками, знаешь, очень дельные разговоры ведутся. Если с умом.

Весь он был в этом – и ничего нового не было для нее в этом. И это было все равно...

Трехэтажная дача Стаса Потемкина располагалась невдалеке от шоссе;

был даже слышен гул редких машин.

«Наверное, на более экологичное местечко денег не хватило, – про себя усмехнулась Лера. – Или влияния».

Она не стала говорить ему об этом, зная, как болезненно Стас воспринимает любые напоминания о своем нуворишестве, об отсутствии давних столичных связей и о том, что сильные мира сего, в круг которых он так стремится, сохраняют по отношению к нему дистанцию.

Все в его доме было рассчитано на то, чтобы потрясти воображение, это Лера поняла уже на пороге гостиной, куда они прошли из просторного холла.

Все лампочки в огромной хрустальной люстре были зажжены, и в этом ярком свете особенно эффектно выглядела роскошная мебель – старинная, но хорошо отреставрированная, или сделанная под старину; Лера не разобралась. Массивные кресла и диван с гобеленовой обивкой в райских птицах и розовых букетах; большой стол в стиле «буль», весь покрытый резьбой и позолотой, и такой же резной шкаф неизвестного назначения; мраморный камин с позолоченными фигурками на каминной доске...

Вероятно, Стас доверил оформление своих интерьеров опытному дизайнеру. Они были вполне в его вкусе, но выполнены достаточно изящно; стремление к роскоши остановилось в них как раз на грани пошлости. Пожалуй, только картина на стене, на которой было изображено какое-то фруктово-ягодное изобилие, выходила за эту грань.

Может быть, окажись Лера в подобной гостиной года три назад, она с удовольствием разглядывала бы и роскошную мебель, и персидский ковер на полу, и камин. Но сейчас она не испытывала ко всему этому интереса. То ли потому, что привыкла изучать интерьеры европейских отелей, в которые направляла туристов, то ли из-за волнения, которым была охвачена сейчас.

– Что ты будешь пить, Лерочка? – спросил Стас, предлагая ей сесть в кресло у низкого, на резных ножках столика. – Мы сейчас поужинаем вдвоем, стол уже накрыт в соседней комнате. А сначала – аперитив.

– Покрепче что-нибудь, Стас, – попросила Лера. – Водку, наверное.

Он сам вкатил в гостиную стеклянный сервировочный столик на высоких колесах, уставленный хрустальными графинчиками с разноцветными водками.

– Повар у меня – блеск, – похвастался Стас. – И готовит классно, и водки сам настаивает, ему откуда-то с Алтая всякие травы привозят.

– Почему же ты в ресторанах любишь есть? – спросила Лера.

– Из любопытства, – ответил Стас. – И потом, домашний ужин, даже самый вкусный, есть домашний ужин. А ресторан – дело публичное,

выходное.

Лера и сама понимала, в чем дело. Стасу мало было просто вкусно поесть, ему хотелось чувствовать свою значительность, и это было для него невозможно дома, даже в самой роскошной гостиной, при самом умелом поваре.

Она с удовольствием выпила какой-то темно-вишневой водки – действительно, очень хорошей, закурила. Ей хотелось опьянеть, хотелось снять напряжение не только этого дня, но и всех дней, что были перед ним – с того самого момента, как она познакомилась со Стасом.

Он сидел напротив на диване – как всегда эффектный, источающий обаяние, в мягкой домашней куртке из тонкой замши, в рубашке цвета морской волны. Увидев, что Лера закурила, Стас тоже подвинул к себе папиросницу из сандалового дерева.

– Красивая вещь, – отметил он, доставая сигарету. – Из Индии мне привезли, стоит – не поверишь – дороже, чем этот столик. Не для «Беломора», – усмехнулся он.

– А ты любишь «Беломор»? – спросила Лера.

– Не то чтобы люблю, но привык, – ответил он. – На Севере, бывало, больше и не было ничего. Еле отучился потом.

– А зачем отучался?

– А зачем эпатировать публику? Я же не хиппи какой-нибудь, чтобы «Беломором» бравировать, – пояснил Стас. – Еще подумают, косячок забиваю. К чему?

Лера цеплялась за любую ниточку разговора, чтобы не молчать, чтобы немного отдалить то, ради чего она приехала к нему, и что они понимали оба.

Но разговор угасал, они оба то и дело умолкали, и даже Стас, никогда не чувствующий неловкости ни с кем, не знал, что сказать.

– Ты не проголодалась? – спросил он наконец.

Лере совершенно не хотелось есть, но это была очередная ниточка, очередная зацепка, продолжение действия, и она ответила:

– Немного.

– Тогда – прошу ужинать, – пригласил Стас, и они поднялись, чтобы идти в столовую.

Стол был огромный, уставленный фарфором с вензелями и множеством блюд.

– Зачем столько, Стас? – удивилась Лера. – Неужели ты думаешь, я могу съесть хотя бы половину?

– Я же сказал, что будет праздник, – возразил он. – А к празднику нужен

праздничный стол.

Именно огромный стол был уместен в этой столовой. Вся она была большая и смотрелась величественно – со стенами любимого Стасом цвета морской волны, с лепниной под потолком и целым цветущим деревом у окна.

Стас не хвастался, говоря о хорошем поваре: приготовлено все действительно было отменно. Лера похвалила стерлядь под каким-то особенным соусом, но на самом деле ей было безразлично, что есть. Она никогда не была гурманкой, к тому же пробовала блюда разных кухонь, и не в одной стране.

Ей вообще нравилась не сама еда, даже очень вкусная, а обстоятельства, с которыми она была связана. Она вспомнила, как они выбирали омара с Александром Алексиадисом в маленькой греческой таверне, как плясала танцовщица в алом платье и Александр радовался Лерину веселью, хотя сам видел все это не раз.

И тут же – давнее, полузабытое: как шла с Митей по рынку Капалы Чарши и пробовала нежные оливки, и халву, и инжир, и еще что-то необыкновенное – вперемешку.

Сердце у Леры защемило при этом коротком воспоминании о Мите. Она взглянула на его колечко на своей руке – ажурное, серебряное с чернью, оно подходило к ее сегодняшнему платью, и Лера надела его, собираясь на концерт, а потом забыла снять...

– Твое здоровье, Лерочка! – Стас поднял рюмку с зеленой водкой. – Рад видеть тебя в моем доме.

– Да, спасибо, – рассеянно сказала Лера.

Ей вдруг стало страшно, просто страшно. Ей показалось, будто поднимается температура, и она даже коснулась пальцами своего лба, хотя таким образом все равно невозможно было это определить, потому что и ладони у нее горели огнем.

Она понимала, что это странно, смешно: молодая одинокая женщина сходит с ума при мысли о близости с мужчиной, к которому сама же и стремится. И Лера потрянула головой, отгоняя назойливые сомнения.

– Ты хочешь посмотреть дом? – предложил Стас, когда ужин был окончен.

– Да, наверное, – ответила Лера; ей был безразличен этот дом. – Да, хочу, конечно.

Они прошли по освещенной галерее, у стен которой стояли деревца в мраморных кашпо, и пол был искусно выложен черным и белым мрамором.

– Здесь моя гардеробная, – с гордостью сказал Стас. – Вроде

бесполезная какая-то комната, правда? А придает жизни изысканность... Тем более, все равно была небольшая такая комнатенка, непонятно для чего. Ну, мне дизайнер и посоветовал.

Гардеробная вся была выложена темно-зеленым мрамором с вкраплениями позолоты. Кроме зеркала с бесчисленными полочками, здесь стоял только старинный диванчик с деревянной спинкой и ажурными, тоже деревянными, подлокотниками.

– Вот этот – настоящий, – прокомментировал Стас, указывая на диванчик. – Восемнадцатый век. Одного я не понимаю: как они сидели на таких диванах? Спинка жесткая, неудобная. Зачем это, можешь ты мне как историк объяснить?

– Не знаю, – пожала плечами Лера. – Им это казалось естественным – не разваливаться на диване. Для человека было естественно не расслабляться, а держать себя в руках.

Ей не хотелось говорить об этом со Стасом. Она помнила Елену Васильевну, она знала то, что невозможно и ненужно было объяснять ему о тех людях...

– А здесь – спальня, – сказал Стас, распахивая дверь комнаты на втором этаже.

«Вот и цель путешествия», – подумала Лера, останавливаясь на пороге.

Спальня, пожалуй, была оформлена с более очевидным вкусом, чем все в этом доме. Стены ее были обиты кремового цвета шелком с нежными травяными узорами, пол сделан в тон стенам. Висели старинные гравюры, изображающие изящные эротические сценки – настолько изящные, что в них не чувствовалось ни капли пошлости, только очаровательная фривольность. Яркий свет лился от невидимых светильников где-то в углах под потолком, и в то же время горели две бронзовые лампы на старинных ночных столиках, стоящих по бокам огромной кровати.

Кровать, конечно, главенствовала в этой комнате. Она была широка как поле, покрыта нежным кремовым покрывалом, множество подушек разной величины было разбросано по ней. Над кроватью высился позолоченный балдахин с драпировками из золотисто-розовой тафты, которые причудливо нависали над этим роскошным ложем.

Лера молчала, глядя на ожидающий размах этих покрывал и подушек.

Весь пол спальни был уставлен вазами со свежими цветами – только розами, столь любимыми Стасом Потемкиным. Белые, красные, кремовые, желтые, – казалось, они источали сияние. Комната была наполнена их тонким ароматом.

– У меня своя оранжерея, – сказал Стас, видя, что Лерин взгляд упал на

цветы.

Но это было последнее, что он сказал. Тут же погас верхний свет, остались гореть только бронзовые лампы у кровати. Стас стоял чуть позади Леры, и она почувствовала, как его руки охватывают ее сзади, как он поворачивает ее к себе и его губы ищут ее губ...

Она ждала этого момента, она понимала, что все остальное неважно в их отношениях, – и она торопила этот момент, чтобы нырнуть в него поскорее, как в глубокую воду. Но теперь, когда в глазах у нее совершенно потемнело, когда она не видела даже лица Стаса вблизи своего лица, – Лера вдруг поняла: она хочет только, чтобы все это закончилось поскорее.

Почему? Как странно... Ведь это виделось ей сотни раз в ее мучительной бессоннице, ведь она с ума сходила, представляя одно только прикосновение его рук, – и вдруг... Это было тем более странно, что дрожь желания колотила ее по-прежнему и едва ли не сильнее, чем прежде, что она хотела его со всем пылом своего тела, огонь которого ощущала сама.

Стас уже сбросил на пол куртку, рванул рубашку так, что несколько пуговиц брызнуло в стороны. И теперь, полураздетый, он раздевал Леру, одновременно прикасаясь к ее обнажающемуся телу своим мощным торсом, возбуждая и себя, и ее.

Ее платье снялось легко, упало к ногам черно-белой шелестящей волной – и тут же открылось все ее тело, во всей пленительности его совершенных изгибов.

– Ах, Лерочка, оно и в одежде видно, какая ты, а все же... – хрипло произнес Стас, сдвигая ажурные чашечки лифчика и наклоняясь к ее груди.

Лера почувствовала, как его чувственные, изогнутые губы вбирают ее сосок, как язык ласкает его, вызывая еще большую дрожь во всем ее теле.

Она видела, что Стас с трудом сдерживается, с трудом заставляет свои мощные руки двигаться медленно, не сжимать ее со всей силой, на которую он был способен. Его дыхание участилось, почти хрип вырывался из его полуоткрытых губ.

Он подвел Леру к кровати, толкнул на пышные подушки и сам упал на нее, придавив тяжестью своего тела. И тут же, словно решив, что еще не пришло время для неистовости этого движения, – отпрянул, встал и принялся обрывать лепестки роз, бросая их на кровать, на пол у кровати, на ее обнаженное тело.

– Что ты делаешь, Стас? – произнесла она, едва ли не с отвращением глядя на кружащиеся лепестки.

– Я же обещал тебе праздник, – ответил он.

«Лучше бы он этого не говорил и не делал», – подумала Лера.

И тут же, словно откликаясь на ее мысли, Стас отбросил последние лепестки и снова оказался с нею рядом, на ней, снова вдавил ее в кровать всей тяжестью своего тела.

Он мог удовлетворить любую женщину, и он знал это, и был уверен в себе, когда его руки сжимали Лерину грудь, губы впивались в ее губы и все его тело прижималось к ее телу, словно желая впечатать ее в себя.

Лера видела, что он охвачен страстью, она чувствовала его напряженную,двигающуюся плоть внизу своего живота и понимала, как хочет он поскорее скользнуть еще ниже, раздвинуть ее ноги, этим последним движением доказывая свою мужскую мощь.

Это возбуждало ее, горячило еще больше – и одновременно она вдруг ощутила, что туман в глазах развеивается, что голова ее становится такой ясной, словно улетучивается из нее хмель.

Ее тело по-прежнему билось под ним, по-прежнему вжималось в него снизу, изгибалось, отвечая его растущему возбуждению, – но что-то произошло с нею по сравнению с той минутой, когда Стас обнял ее на пороге спальни.

Она была свободна от него! Лера почувствовала это так ясно, как будто кто-то произнес ей на ухо, тихо и твердо: ты свободна! Она едва не засмеялась, услышав эти слова – то ли внутри себя, то ли из незримых губ. Она так отчетливо их услышала, что едва не попыталась отодвинуть от себя Стаса, несмотря на то что желание еще не ушло из нее, что она еще раздвигала ноги навстречу его рвущемуся в нее телу.

Но она была свободна, и этого уже невозможно было у нее отнять, хотя она совершенно не понимала, почему это произошло именно теперь.

Теперь она видела все происходящее словно со стороны. На мгновение ей стало даже противно: неужели это она вбирает в себя тело этого совершенно чужого мужчины, неужели это в ней двигается он сейчас, вбиваясь в нее каждым движением, хрипя и постанывая от удовольствия?

Она не попыталась оттолкнуть его, словно платя ему за то, что все у них дошло до этой черты, словно позволяя ему взять ее полностью, насколько он был способен ее взять.

И он брал ее. Он больше не сдерживал грубости своих движений – зная, что грубость нравится женщинам в такие минуты, что они наслаждаются силой его железных пальцев, ударами его плоти внутри себя, и единственное, чего они желают в эти мгновения: чтобы все это длилось как можно дольше, чтобы еще отчетливее, еще дальше выходил он, мужчина, из своей повседневной, для всех предназначенной оболочки и обрушивал на них всю свою мощь без преград и стеснения.

Его движения, изогнутые удары у нее внутри, стали чаще, едва ли не судорожнее. Лера поняла, что скоро это кончится, скоро он насладится ею окончательно – хотя он действительно был полон сил и долго мог оставаться в ней, то останавливаясь, то снова начиная двигать крепкими бедрами.

И она ждала, чтобы это кончилось, она старалась не прислушиваться к словам, которые начали вырываться из его губ – страстным, бессмысленным и грубым в своей прямоте словам, окликающим ее, каждый изгиб ее тела, призванным возбудить ее еще больше.

Она чувствовала себя легкой, как наполненный воздухом шарик, и ждала только, когда можно будет улететь из этой комнаты, от этих балдахин и роз на полу... И ничто не могло этому помешать: ни тяжесть его тела – он уже начал биться на ней в судорогах наслаждения, – ни то, что его руки сжали ее так, что в глазах у нее снова потемнело, теперь уже от боли.

«Как хорошо, что он не способен понять всего этого», – подумала Лера, ощутив, что Стас наконец затихает, лишь изредка вздрагивая на ней.

Дернувшись последний раз, он перекатился на спину, оставляя ее лежать рядом с собою; с хрустом потянулся, наслаждаясь отдыхом удовлетворенного тела. И тут же посмотрел на Леру.

– Что это с тобой? – удивленно спросил он. – Неужели не понравилось?

Она улыбнулась. Спрашивает, как будто закончен какой-то экзотический аттракцион, после которого следует высказывать впечатления. Ей не хотелось обманывать его, хотя ничего не стоило это сделать: удалось ведь обмануть его в минуты близости. Впрочем, тогда он не в состоянии был ничего замечать, да и не ожидал от нее ничего, кроме удовольствия.

Но сейчас обманывать не хотелось. Лера почувствовала, как вместе с сознанием блаженной свободы растет в ней какое-то другое, совсем не радостное чувство. И она тут же догадалась – это был стыд! Дикий, невыносимый стыд от того, что произошло, что она позволила сделать с собою.

Она не любила его, у нее и раньше не возникало даже сомнений в этом. Но она ждала, что близость с ним принесет удовлетворение ее телу, – и как же жестоко она ошиблась! Как можно было так обманывать себя, разве когда-нибудь в ее жизни это разделялось, разве было у нее какое-то отдельное тело, живущее по особым, с душой не связанным, законам?

Стыд залил краской ее лицо, и одновременно со стыдом в ее душе возник страх.

«Это не может пройти просто так! – Она скорее почувствовала, чем

подумала это. – Так нельзя, этого не должно было случиться, что же я наделала?..»

– Что с тобой? – повторил Стас.

Он повернулся на бок, подпер голову рукой и смотрел теперь на Леру, лежа в позе римского патриция среди вянущих розовых лепестков.

Лера смотрела на него, на эти свернувшиеся, раздавленные лепестки.

– Я не люблю тебя, Стас, – сказала она. – Прости меня, всего этого не должно было быть.

Его ответ прозвучал неожиданно для Леры.

– А я знаю, – сказал он. – Я всегда это видел, с самого начала. Что ж я, по-твоему, совсем уж кретин?

– Тогда зачем же... – начала было она.

– А затем же, – оборвал он. – Затем же, что мне на это плевать, понятно? Я тебя хотел, я тебя и сейчас хочу, хотя только что кончил. И я тот мужчина, который своего добивается, понимаешь? Не любишь – полюбишь, куда ты денешься? В тебе же огонь горит, ты вот даже сейчас – хотела, не хотела, а сама загорелась и меня подожгла. Думаешь, найдешь по себе мужика, кроме меня? А любовь... Эх, Лерочка, да какая она вообще, любовь, есть она разве вообще-то? А главное – да нужна ли она, вот ведь в чем дело! Мы с тобой хотим друг друга, мы друг другу подходим по всему, и по жизни тоже, разве не так? Так какого ж черта тебе от меня шарахаться? – Он сел на постели, взял Леру за плечи и, заставив тоже сесть, с силой повернул к себе. – Любишь ты или не любишь – этого я не знаю, – повторил он. – И знать не хочу. А будешь ты моя, это точно. Я тебя не выпущу, поняла? Ты как раз для меня женщина, мне бледных всяких цыпочек не нужно. Я тебя что сегодня, не удовлетворил разве? Ну, и дальше так будет, не сомневайся.

Он был уверен в своей власти над нею, потому что думал, что овладел ее телом. Он не знал, что это не так, не знал, что это просто невозможно.

– Стас, я не люблю тебя. Не люблю и не хочу, – повторила Лера, поводя плечами, стараясь освободиться от его рук. – И лучше всего нам обоим забыть о том, что произошло. Дай мне одеться, и я уйду.

– Так, значит, ты думаешь? – процедил он, не выпуская ее плеч, а, наоборот, крепче их сжимая. – Думаешь, значит, мною можно вертеть, как тебе в голову взбредет? Хочу трахнись, хочу – на хер пошлю? Не на того напала, милая!

В его голосе теперь слышалась не вальяжная самоуверенность, а клокочущая угроза. Но, расслышав ее, Лера тут же успокоилась окончательно.

– Пусти, Стас, – сказала она. – Что тебе объяснять, все равно ты не

поймешь. Ну, можешь меня изнасиловать – дальше что? Сколько ты меня будешь держать в этой постели? Думаешь, от этого что-нибудь изменится? Я тебя не люблю и твоя не буду, как ни старайся.

Она почувствовала, как ослабевают его железная хватка.

«Синяки на плечах останутся», – мимолетно подумалось ей.

Лера встала с кровати, подняла с пола свое платье, отряхнула его от розовых лепестков и быстро натянула; все туалеты Наты Ярусовой сидели на ней как влитые. Потом надела туфли с прозрачными каблуками, валявшиеся тут же, на ковре.

– Дай машину, – сказала она.

– Да? – усмехнулся Стас. – Еще какие будут распоряжения?

Он полулежал на подушках – голый, весь поросший курчавыми светлыми волосами, с закинутыми за голову руками и темнеющими подмышками.

– Лучше бы оставалась, – сказал он. – Все равно придешь сюда, учти. Ты себя переоцениваешь, Леруся. Или меня недооцениваешь...

– Как хочешь, – пожала плечами Лера. – Отсутствие транспорта меня не остановит.

То мимолетное чувство неловкости перед ним и даже жалости к нему, которое она испытала, осознав свою от него свободу, – прошло совершенно. Его уверенность во власти над ней обозлила ее, и жалость исчезла.

Она даже не оглянулась на него, захлопывая за собою двери спальни.

Лера не запоминала расположение комнат. Идя сюда, она вообще мало обращала внимание на то, как устроен этот дом; ей ни до чего не было дела. Но она просто хорошо ориентировалась везде – и, спустившись по деревянной лестнице вниз, побежала по мраморной галерее к выходу.

Ее беличья шубка висела на резной дубовой вешалке в холле. Лера набросила ее на плечи и открыла входную дверь навстречу пронизывающему декабрьскому ветру.

Она не волновалась, что охрана остановит ее где-нибудь на выходе. Лера хорошо знала, что этот сектор партийных дач охраняется совсем не так строго, как, хвастаясь, говорил Стас. Здесь жили бывшие партийные боссы, уже не имеющие никакой власти. Здесь, совсем поблизости, сдавались коттеджи, и Лера сама, провожая своих официальных гостей, не раз проезжала через тот пост, который пропустил их сюда несколько часов назад.

Конечно, не очень радовала перспектива идти в туфлях по снегу, а потом ловить машину в темноте на Рублевском шоссе. Но и этого она не

боялась. Она была свободна, свободна! И что могло сравниться с этим чувством?

Лера вышла через калитку – охранник, как она и ожидала, безмолвно открыл ее перед нею – и быстро пошла по освещенной фонарями дороге к шоссе, гудевшему совсем рядом. Ноги мгновенно промокли и окоченели в вечерних туфлях, но Лере было не до того, чтобы думать о мокрых ногах.

Белый «Мерседес» нагнал ее почти на Рублевке. Взвизгнули рядом тормоза, Стас выскочил из машины.

– Дура! – крикнул он, хватая Леру за рукав шубы. – Дура, какого черта ты выпендриваешься, можешь ты мне объяснить?! Чего тебе не хватило, чего ты больше хочешь?

– Я тебе уже объяснила, – сказала Лера, оборачиваясь к Стасу. – Что же делать, если ты не понимаешь? И просила меня простить. Я виновата перед тобой, Стас, но я перед собой еще больше виновата.

Она была очень красива в этот момент – стройная, с горящими, несмотря на мороз, щеками и разлетающимися от ветра золотистыми волосами. Янтарная, медовая глубина ее глаз казалась еще глубже в полутьме. Ничего не было удивительного в том, что Стас зубами скрипел от бессилия остановить эту потрясающую женщину, уходящую от него по сверкающему снегу легкой и непреклонной походкой.

– Все равно ты сюда вернешься! – крикнул он. – Я тебя верну, хоть костями лягу, ни перед чем не остановлюсь!

Лера шла вперед, все убыстряя шаг. Стас снова сел в машину и поехал рядом с нею.

– Садись, – сказал он, открывая на ходу дверцу кабины. – Довезу до города, раз ты дура такая. Голосовать хочешь на шоссе? Да тебя за одну шубу укокошат тут!

Но она не хотела ехать с ним. И даже опасность одинокого голосования на шоссе, которую она прекрасно признавала, – не была сильнее чувства, руководившего ею сейчас. Ей было стыдно, невыносимо стыдно за все, что произошло, она испытывала жуткое отвращение к себе. И не хотела, чтобы Стас видел все это, не хотела оставаться с ним в теплом полумраке машины, выдерживать неизбежное выяснение отношений. Ей все было ясно, а он все равно бы не понял – зачем же?..

– Ладно, езжай сама! – воскликнул он, снова останавливаясь и выскакивая из машины. – Вот ключи, езжай! Во дворе у себя оставь потом! Идиотка!

Он бросил что-то на сиденье, подошел к ней, схватил за плечи и изо всех сил встряхнул; у Леры даже зубы цокнули. Она увидела, что Стас еле

сдерживается, чтобы не ударить ее, и понимала, что защищаться бесполезно.

Но он скрипнул зубами и оттолкнул ее к машине.

– Что сейчас с тобой сделаешь?.. – выдохнул он. – Езжай, но не думай, что этим все кончится!

И он пошел назад по дороге, а Лера села за руль и завела мотор.

Дорога показалась ей бесконечной. Стыд заливал ее волнами, заставлял в голос стонать и сжимать зубы. Ей было противно собственное тело, которое она чувствовала под одеждой так, как будто оно было липким.

Часы в машине показывали одиннадцать. Оказывается, совсем не много времени провела она здесь, а ведь казалось, что прошла вечность – по значительности того, что с нею произошло.

И вдруг Лера вспомнила, каким должен был быть этот вечер, и слезы брызнули из ее глаз. Она вспомнила Митин звонок, и какой у него был голос, и как она собиралась на его концерт, думая о том, что его музыка избавит ее от всего этого наваждения...

Она избавилась от этого сама, совершенно неожиданно для себя, – но чувствовала, что все равно совершила что-то подлое, отвратительное и неотменимое.

Улицы были пусты, и машина стремительно неслась по Кутузовскому к центру.

Вся Большая Никитская была перекопана, массивный «Мерседес» не мог проехать по ней, и Лера оставила машину в каком-то дворе, в последнюю минуту догадавшись включить сигнализацию.

Она бежала по улице, она едва не свалилась в какую-то яму, которую не заметила в темноте, – и остановилась как вкопанная рядом с памятником Чайковскому у Консерватории, увидев темноту окон, темноту входа...

Конечно, концерт давно был окончен, конечно, она спешила сюда зря. Невозможно было успеть, потому что невозможно было отменить то, что произошло.

Медленно, не зная, что делать, Лера пошла к служебному входу. Она не надеялась застать Митю, но хотела позвонить ему, хотела убедиться, что он дома, – и не знала, сможет ли зайти к нему, и что будет ему говорить, если зайдет.

К счастью, на служебном входе сидела вахтерша – худоцавая старушка, из тех, какие бывают только в консерваториях, театрах и музеях.

– Вы к кому, сударыня? – спросила она, назвав Леру этим непривычным словом так естественно, как будто произносила его всю жизнь.

– Скажите... – Лера растерянно посмотрела на старушку. – Скажите, Митя... Дмитрий Сергеевич еще здесь?

– Дмитрий Сергеевич уехал, – ответила та. – А вам он, собственно, зачем нужен?

– Понимаете, я... – Лера начала оправдываться, непонятно почему. – Я опоздала на концерт, но я должна непременно его увидеть, вы понимаете? Он домой уехал?

– А вы ему кто будете? – не отставала вахтерша.

– Подружка, – ответила первое, что вырвалось, Лера. – То есть соседка, подруга детства.

– Почему же опаздываете? – недовольно произнесла вахтерша. – Он выходил несколько раз, еще до начала. Вас, наверное, ждал? И это вместо того чтобы самоуглубиться! – добавила она со смешной многозначительностью.

Лера смотрела на вахтершу, не зная, что сказать.

– Думаете, ему больше не о чем подумать перед концертом? – продолжала та. – Да вы бы знали, как он дирижировал сегодня! И сам еще играл, с оркестром вместе. Это же... Я сама ходила послушать, я его всегда слушаю. Зал его полчаса не отпускал, не меньше, а вы говорите – подружка... Думать надо, раз подружка! Тем более, у него такие неприятности...

– Какие? – быстро спросила Лера. – Что у него случилось?

– Да что может случиться, когда из людей зависть так и прет? – недовольно сказала старушка. – Разве люди понимают, что это значит – такой оркестр создать, собрать таких музыкантов, сколько на это нужно сил? По ним – так надо полжизни посвятить интригам, тогда будешь право иметь на все. А Дмитрий Сергеевич... Он же необыкновенный человек, вы знаете? И он умрет лучше, чем до дележки унижится! Ну, и уехал. Разве ему уехать некуда, такому выдающемуся музыканту?

Простонародные интонации причудливо сочетались в речи старушки с вычурными оборотами, но Лера даже не обратила внимания на эту смешную особенность.

– Куда он уехал? – спросила она. – И когда – сейчас?

– Сейчас, – подтвердила старушка. – Прямо после концерта и уехал. Еще днем курьера посылал за билетом. А куда – это нам не докладывают, это его дело, он большой человек. Выходил, попрощался, и цветы все с концерта мне вот оставил. Спасибо, говорит, Клавдия Петровна. А за что мне-то спасибо? Выдающийся человек, что и говорить...

Лера не помнила, как простилась со словоохотливой вахтершей, как

дошла до машины. Она не знала, почему бросилась сюда после всего, что произошло, какое чувство гнало ее через погружающийся в ночь город.

Она хотела видеть Митю, она даже не знала, что хочет сказать ему – но хотела видеть его, посмотреть в его глаза с таинственными, скрытыми под ресницами уголками, – и опоздала... И понимала, что не могла успеть.

Глава 5

Конечно, дома все уже спали. Лера сняла шубу, сбросила мокрые туфли, осторожно, не зажигая свет, прошла к Аленкиной кровати. Девочка спала в любимой своей, смешной позе: на животе, поджав под себя ножки. Она улыбнулась во сне, и Лера едва не заплакала, глядя на нее.

– Лерочка, что так долго? – прошептала Надежда Сергеевна, останавливаясь на пороге. – Неужели концерт так поздно кончился?

– Я не была на концерте, мама, – прошептала в ответ Лера, не в силах скрыть слезы. – Не спрашивай меня ни о чем, прошу тебя...

Она снова не могла уснуть этой ночью – как подолгу не могла уснуть много ночей подряд. Но сейчас причина была совсем другая – гораздо более мучительная, чем нетерпенье горячего тела.

Лера старалась больше не думать о том, что случилось. Только она понимала, что на самом деле случилось, и никому не могла бы она объяснить, почему вызывали такой стыд воспоминания о недавних часах в постели Стаса Потемкина.

В общем-то она уже объяснила ему, и ей этого объяснения было достаточно, хотя Стас ничего и не понял.

«Я его не люблю, – думала Лера. – И то, что я сделала, – настоящее преступление, кто бы и что бы об этом ни думал. И незачем мне больше об этом думать».

Она старалась не думать сейчас ни о чем, потому что все мысли, приходящие к ней в эти минуты, были только мучительны. Какие-то обрывки слов мелькали в ее воспаленном сознании, какие-то бессвязные воспоминания... Она сама не знала, откуда они приходят, зачем и почему.

«„Юпитер“! – вдруг снова вспомнила Лера, хотя о Мите она тоже старалась сейчас не думать. – Сорок первая симфония Моцарта, вот что это! Кажется, она трудной считается, но почему? И главное – почему я-то об этом думаю?»

Лера совсем не разбиралась в музыке, на этот счет она не обольщалась. Ее детские музыкальные уроки были всего лишь коротким эпизодом. Они не дали ей никакого музыкального образования, хотя ничто не значило в ее жизни так много, как знакомство с семьей Гладышевых.

И то, что она подумала сейчас о симфонии «Юпитер», действительно было странным... Да нет, она точно ее не слышала ни разу – отчего же?

И тут Лера вспомнила! Ну конечно, она не слышала самой симфонии, но название ее слышала... Сколько лет ей было тогда – одиннадцать, кажется?

Лера пришла к Гладышевым в неурочный день – пришла за книгами. Она слишком быстро прочитала первую часть «Отверженных» – не рассчитала до следующего музыкального урока. Но ей так не терпелось узнать, что будет дальше с Фантиной, что ждать еще два дня было просто невозможно!

Дверь открыла безмолвная Катя, и ей Лера торопливо изложила свою просьбу.

– Заняты сейчас Елена Васильевна, – отрезала Катя. – С Сергей Палычем разговаривают.

– Да я только книжку возьму, и все! – убеждала ее Лера. – Ну хочешь, сама со мной пойдешь. Что я, украду что-нибудь?

– Украсть не украдешь, – смягчилась Катя. – Ладно, пойдешь возьми. Знаешь, где взять-то?

– Да я же первый том вот принесла, – показала Лера. – Этот поставлю, а другой возьму.

И она пробежала в библиотеку, а Катя пошла на кухню, сказав напоследок:

– Уходить будешь, дверь прихлопни.

Лера уже ориентировалась в море гладышевской библиотеки и уверенно направилась к самому дальнему шкафу, где стоял Гюго. Шкафы не запирались, она открыла высокую стеклянную дверцу и, встав на цыпочки, достала сверху тяжелый том, а прежний поставила на место.

Потом закрыла шкаф и собралась уже уйти, как вдруг решила быстренько глянуть, чем же начинается книга. А вдруг не историей Фантины? И, может, в таком случае лучше взять сразу два следующих тома, чтобы читать вразнобой, потакая собственному нетерпению?

Лера присела на пол за шкафом, поближе к окну, и открыла книгу. Но едва она вчиталась в первую страницу, как послышался шорох колес по паркету и голос Елены Васильевны. Лера уже хотела выйти из своего угла и извиниться за приход без приглашения, когда услышала еще один голос.

Она впервые слышала Сергея Павловича, Митиного отца, – и вдруг поняла, что лучше не мешать сейчас, лучше остаться в своем углу. Лера и сама не могла бы объяснить, почему она так решила. Наверное, ее поразило напряжение, сразу чувствовавшееся в голосах обоих Гладышевых.

– Сергей, ты представить себе не можешь, как меня это тревожит, –

сказала Елена Васильевна. – Я боюсь за его будущее, он слишком с собою неосторожен...

– Как ты себе представляешь осторожность, Лена? – ответил Гладышев, и Лере показалось, что в его голосе промелькнуло недовольство. – Ты хотела бы, чтобы он относился к себе как к хрустальной вазе?

– Не надо переиначивать мои слова, – возразила Елена Васильевна. – Я думаю, ты все-таки понимаешь, о чем я говорю. То, чем обладает Митя, требует бережности, а он этого не чувствует или не хочет почувствовать.

– И слава богу, – заметил Сергей Павлович.

– Как ты можешь быть так равнодушен, Сергей! – воскликнула Елена Васильевна. – Мне казалось, то, что с тобой произошло, не распространяется на Митю...

– Это не равнодушие, Лена, ты не можешь упрекнуть меня в равнодушии к нему. Но и я не могу тебе позволить выращивать его в парнике. Не хотел бы позволить, – поправился он.

– Значит, ты считаешь нормальным, что он, в его годы, подпадает под влияние каких-то жутких людей с сомнительным прошлым? Да что там – просто полууголовных людей! Так может считать только человек, абсолютно равнодушный к собственному сыну!

– Я не равнодушен к нему, – повторил Сергей Павлович. – Но, в отличие от тебя, понимаю, что Митя не может находиться ни под чьим влиянием. Мне странно, что ты этого не видишь. Ты, считающая себя образцовой матерью!

Голос у Сергея Павловича Гладышева был глуховатый, но очень похожий на Митин. Лера вспомнила, как, увидев старшего Гладышева после Митинога концерта в Консерватории, сразу уловила его сходство с сыном, хотя в их чертах было мало общего.

Это было какое-то единое настроение – ощущение твердости и воли, исходившее от обоих. И от Мити не в меньшей мере, чем от его отца с капитанским взглядом серых глаз и плотно сжатыми губами.

И сейчас, слыша голос Сергея Павловича, Лера только уверилась в своем первом впечатлении. Но что значил этот странный разговор?

– Почему ты берешь на себя смелость решать, что ему необходимо для его будущего – да что там будущего, настоящего! – а что нет? – спросил Сергей Павлович с неожиданно взволнованными интонациями.

– Потому что я его мать, потому что я люблю его! – ответила Елена Васильевна. – Он мой сын, и я понимаю...

– Выходит, не понимаешь, – остановил ее Гладышев. – Он не только твой сын, он настоящий художник, он музыкант, каких мало. Не мне

говорить тебе об этом, Лена! Ты слышала, как он дирижировал «Юпитером», ты знаешь этот финал... Неужели ты не поняла, что нужно чувствовать в себе, чтобы это сыграть? Ведь ему шестнадцать лет, по годам он ребенок еще – и он сделал то, что не дается ни техникой, ни даже опытом! Я предположить не мог, что в нем это есть. Трудно было ожидать, чтобы в его возрасте вся экспрессия жестов уходила так глубоко внутрь... Ты знаешь, что надо иметь в душе, чтобы это сделать? И ты берешь на себя смелость определять, где черпать то, что ему для этого необходимо!

– Черпать, конечно, следует в подворотне – так тебя надо понимать? – В голосе Елены Васильевны прозвучала незнакомая Лере холодноватая ирония.

– Он сам разберется, – ответил Сергей Павлович. – Дух веет, где хочет.

– Не надо этих патетических цитат, Сергей! – возмутилась Елена Васильевна. – Ты предлагаешь мне спокойно наблюдать, как мой сын лезет в какую-то грязь! Катя говорила об этой женщине, с которой его, как говорят, связывают не вполне невинные отношения...

– Ну и что?

– Ты, возможно, находишь подобные отношения нормальными. Скажи еще, что это полезно для здоровья! Ты так переменялся, Сергей... Но я не считаю, что для шестнадцатилетнего юноши полезен физический контакт с проституткой. Есть не только здоровье тела...

– А я и не думаю, что Митя может в отношениях с женщиной ограничиться физическим, как ты говоришь, контактом, – заметил Гладышев. – Даже если она проститутка. В нем довольно благородства, чтобы не опускаться на уровень животного. Но жизнь есть жизнь, в ней разное бывает. Если его потянуло к этой Зине, что ж, не нам решать, почему.

– Ты даже знаешь, как ее зовут, – заметила Елена Васильевна.

– Знаю. Почему бы и нет? Если я редко бываю здесь, это не значит, что я вижу с Митей реже, чем прежде.

– Хорошо, оставим Зину. А эта дикая история накануне финала конкурса Чайковского?

– Ничего дикого я в ней не вижу. Клементина смеялась как безумная, когда его увидела. Сказала, что только русский мужчина способен на подобное накануне такого концерта!

– Вот именно... Сомнительный комплимент!

– Не нам судить, – повторил Сергей Павлович.

– Ты можешь думать, как хочешь. А я со своей стороны постараюсь употребить все свое влияние, чтобы как-то остановить все это. Да ты хотя

бы представляешь себе, какие нравы здесь царят? Ты хочешь, чтобы его ножом пырнули?

– Я прошу тебя, Лена, – сказал Сергей Павлович. – Прошу тебя воздержаться от того, чтобы употреблять влияние! Митя многое может сделать для тебя, ты это знаешь. И неужели ты хочешь этим злоупотребить?

– Но для его же пользы, Сережа, – ответила Елена Васильевна своим обычным, словно в чем-то сомневающимся голосом. – Неужели нельзя – даже для его пользы?..

– Мы не можем этого знать, – отрезал Гладышев. – Мы можем только наблюдать, смею думать, что иногда – помогать. А вмешиваться – не в нашей власти. Слишком значительно то, что в нем происходит... И не бойся ты этих влияний пресловутых! Он очень аристократичен, Лена, неужели ты не замечаешь?

– Аристократичен? – удивленно спросила Елена Васильевна.

– Ну конечно! Я не имею в виду происхождение, дело не в этом, ты же понимаешь. Он – такой как есть – абсолютно равен всем, с кем сводит его судьба, и люди это чувствуют, вот и тянутся к нему. А ты говоришь – влияния! Да он сам на кого хочешь повлияет.

– Не знаю, Сергей, – задумчиво произнесла Елена Васильевна. – Может быть, ты и прав. Но мне так тяжело, если бы ты знал! Эта неподвижность, эта ограниченная возможность участвовать в его жизни... Да, он чудесный сын, его не в чем упрекнуть. Но у него своя жизнь, а иногда мне кажется, у него всегда была своя жизнь, даже когда он был младенцем. И я так боюсь за него, так боюсь именно этого – его неосторожности! Ты говоришь, он сдержан, ты только в «Юпитере» понял... А я и всегда знала, что в его душе происходит. Как это уберечь?

– Никак. Нам – никак не уберечь, Лена, и ничего с этим не поделаешь. Остается только надеяться, что он сам окажется достаточно силен. И я уверен, что так оно и будет.

– Мне так не хватает тебя, Сережа... – вдруг сказала Елена Васильевна.

Лера услышала, как голос Митиного отца еще больше напрягся, словно окаменел.

– Что же я могу сделать? – сказал он, помолчав. – Лена, я пытался, я долго пытался, ты знаешь. Но я не могу приказать своему сердцу... Я делаю для тебя все, что могу, но не требуй от меня большего!

– Я не требую. Ты действительно делаешь для нас все, что можешь... Хорошо, Сергей, ты хотел Тацита взять?

– Да, если можно.

– Бери, а я тебя жду в кабинете.

Колеса зашелестели по паркету. Лера боялась дышать, чтобы ее присутствие не обнаружилось в наступившей тишине. Она чувствовала, что, став свидетельницей этого тяжелого разговора, невольно приподняла покров нелегких семейных отношений, – и ей не хотелось, чтобы об этом кто-нибудь узнал.

Она даже не поняла толком, о чем говорили Гладышевы. Поняла только, что это был разговор о Мите, что они чувствовали в своем сыне что-то такое, о чем трудно было догадаться постороннему человеку, что таилось в нем глубоко, как загадка в уголках его глаз под ресницами.

И удивительная, не до конца понятная мысль мелькнула в Лериной голове: ведь они говорили о каких-то музыкальных делах, а казалось – о целой жизни, о событиях жизни. Значит, в музыке, в человеческой душе отражается целая жизнь?..

Сергей Павлович взял с полки книгу и вышел из библиотеки вслед за Еленой Васильевной.

Лера на цыпочках пробежала по коридору, осторожно прикрыла за собою входную дверь, стараясь, чтобы не слишком громко щелкнул замок.

Единственное, что она поняла из этого разговора, была история с конкурсом Чайковского. А поняла она это потому, что сама была свидетельницей и даже участницей происшедшего.

Это было несколько месяцев назад, но Лера помнила все так ясно, точно это случилось вчера.

Как раз в то время они с Зоськой были увлечены «секретами». Это игра такая была, вполне девчонская, но Лера и не была в детстве этаким мальчишкой-сорви-головой, и девчонские увлечения вовсе не были ей чужды.

«Секреты» делались просто: выкапывалась неглубокая ямка где-нибудь на газоне – сплошь заасфальтированный центр Москвы не слишком баловал возможностями, – дно устилалось фольгой, а уж поверх фольги выкладывались всевозможные композиции – из цветов, разноцветных бусинок и прочих сокровищ. Все это накрывалось стеклом, снова присыпалось землей – и потом можно было протирать в земле окошечко и украдкой показывать подружкам эту изящную картинку.

Как можно было заниматься подобными глупостями, читая Гюго, Муратова и прочие взрослые книжки, было совершенно непонятно. Но Лере нравилась таинственность, которой сопровождалось все это действие. За «секретами» охотились мальчишки, их следовало беречь и закапывать в укромных местах.

И они с Зоськой увлеченно выискивали такие места, собирали бусинки и цветы, с риском обрывая их на клумбах сада «Эрмитаж».

Одно из укромных мест было в подвале. Но не в общем подвале, куда то и дело спускался кто-нибудь из жильцов, чтобы отнести в свою подвальную конурку лыжи, или, наоборот – взять какой-нибудь бесполезный брезентовый чехол. В «их» подвале хранился дворницкий инструмент, песок, соль и прочие немаловажные вещи. Дверь в него располагалась рядом со вторым подъездом, и на двери, конечно, висел огромный замок.

Но Лера отлично знала, что в подвал можно проникнуть не только через дверь, но и через узкое зарешеченное окошко, выходившее на уровне земли прямо в арку на входе во двор. Решетка не являлась помехой: достаточно было повернуть несколько загнутых гвоздиков, как она приподнималась, и худенькие девчонки вполне могли пролезть под нее. Надо было только дожидаться, чтобы никто не шел через арку, и мгновенно шмыгнуть в это окошко.

Так они и сделали однажды, пасмурным и теплым октябрьским днем. Уже смеркалось, и Лера с Зоськой торопились, чтобы до темноты успеть закопать в дворницкий песок два новых «секрета».

Они справились с этим довольно быстро, потому что все – и бусинки, и головки цветов, и большие осколки стекла – было приготовлено заранее. Лера отряхнула руки от песка и уже подошла к окошку – как вдруг остановилась, замерла, прислушиваясь.

В арку кто-то входил – притом входили с двух сторон, и со двора, и с улицы. Арка была длинная, гулкая, и шаги обоих идущих эхом отдавались под ее сводами. Лера осторожно приподняла решетку, выглянула наружу. Зоська сопела у нее за спиной.

Те, что вошли в арку, стояли ближе к улице; подвальное окошко оставалось у них позади. Кроме того, оба они так пристально всматривались друг в друга, что едва ли обратили бы внимание на такую ерунду, как приподнявшаяся решетка.

Лера увидела Митю – это он шел с улицы, держа в руке скрипку. Из двора выходил Витька Стахеев, по прозвищу Жох.

Витька был коренным жителем их двора, но Лера его не помнила. Когда его впервые посадили, ей было года четыре; его короткие возвращения ей тоже не запомнились. Можно считать, она впервые увидела его только теперь, когда он вернулся после очередной отсидки – кажется, за пьяную драку.

Говорили, будто Витьке нельзя жить в Москве, где жили его родители.

Он числился работающим где-то в совхозе за сто первым километром и появлялся во дворе только с наступлением темноты. Впрочем, может быть, это были всего лишь домыслы. Слишком уж открыто мелькал Витька вечерами возле «Узбекистана» среди других, не менее мрачных, типов.

В Витьке Жохе была настоящая злоба, она чувствовалась сразу, при первом же взгляде на этого невысокого коренастого парня с не по возрасту морщинистым лицом и какими-то белесыми, навывкате глазами.

Лера никого не боялась во дворе, даже тех парней, которые почти не таясь носили финки и были явно блатными, – а Витьку боялась. Было в нем что-то чужое, безжалостное и незаконное. Тогда никто еще не знал слова «беспредел», но, по сути, Витька Жох был именно беспредельщиком, как это ни называй.

На Леру он, конечно, даже и внимания не обращал, и ей в общем-то нечего было бояться. Но его боялись и другие, и она хорошо понимала, почему.

Она не знала, случайно ли он столкнулся с Митей в этой полутемной арке, но холодок нехорошего предчувствия тут же пробежал по ее спине.

– А, музыкант! – сказал Витька, останавливаясь перед Митей.

Он говорил негромко, но каждый звук гудел в арке. Митя молчал, не делая ни шагу. Не дождавшись ответа на свое бессмысленное восклицание, Витька спросил:

– Что-то ты со мной не здороваешься, а? Сильно гордый стал?

– Ты, по-моему, тоже не поздоровался, – ответил Митя.

– А это я еще посмотреть должен! Хочу – поздороваться, хочу – на хер пошлю. Твое дело не моих приветов ждать, а ко мне вежливость проявить!

Тон у Витьки был издевательский, он явно нарывался на ссору. Лера только не могла понять, зачем нужна ему ссора с Митей Гладышевым. Очень уж разными они были, эти жители одного двора – как будто с разных планет.

Митя по-прежнему молчал, и это, кажется, начало бесить Жоха.

– Брезгуешь со мной поговорить? – произнес он свистящим шепотом. – А говорят: интеллигенция, искусство! С простым человеком поговорить брезгуют. Небось Зиночку трахать не брезгуешь, а? А она тоже, между прочим, не принцесса.

– Заткнись, – сказал Митя.

Он произнес это совершенно спокойно, обычным своим голосом, в котором Лера даже не расслышала угрозы. Но зато расслышала решимость – впрочем, в Митином голосе тоже звучащую обычно.

Зато следующие слова Жоха прозвучали даже как-то радостно.

– Чего-о? – протянул он. – Это ты кому заткнуться советуешь, а, музыкантик?

– Тебе, – сказал Митя.

Лера тут же расслышала глухой звук удара, и, высунувшись из окошка подальше, увидела, что Митя стоит теперь, прислонившись к стене, откинув голову назад, и скрипку держит на отлете.

– Зоська, – обернулась Лера к притихшей подружке, – ну-ка вылазь тихо и беги быстро к дяде Лехе Буданаеву! Он к себе в столярку пошел, я увидела. Позови его, скажи, чтоб шел сюда скорее.

– А ты? – испуганно спросила Зоська.

– Да беги же! – не отвечая, сердито прошипела Лера. – Не видишь разве?..

Зоська выскользнула в узкое окошко и бесшумно, как мышка, побежала во двор, в столярку Буданаева.

– Ты смотри мне, музыкантик, – зловеще произнес Жох, встряхивая рукой. – Это я так только, для начала – поучить тебя, как разговаривать надо. Я невежливых прощать не привык... А теперь ты мне вот что – играть ты мне теперь будешь на своей скрипочке.

Митя, по-прежнему не произнося ни слова, как-то тяжело оторвался от стены и стоял теперь прямо перед Жохом.

– Не буду, – сказал он.

– Это почему еще? – процедил Жох. – Не понял учебы? Так я повторю, мало не покажется! Лучше сам играй. Я, может, тоже музыку люблю... Ну!

– Потому что не хочу, – сказал Митя.

– Да мало ли, гнида, чего ты там не хочешь! – воскликнул Жох. – Я тебя что, спросил, хочешь ты или не хочешь? Делай, что говорят, пока дерьмо не заставили жрать! Зиночку будешь хотеть...

Митя ничего не успел ответить, но Лера и так поняла, что он ни за что не будет играть этому гаду Жоху – даже если тот его убьет.

Дождавшись, пока Зоська скроется за углом, Лера приподняла решетку и тут же оказалась за спинами Мити и Жоха.

– Эй! – крикнула она, не зная, как привлечь их внимание. – Эй, вы что?

Голос у нее был звонкий, и Жох мгновенно обернулся на этот усиленный эхом звук.

– А! – сказал он, увидев маленькую девчонку. – Пшла вон отсюда.

Не обращая внимания на его слова, Лера подошла ближе – и тут же увидела, что из носа у Мити течет кровь.

– Митя! – воскликнула она, едва не плача. – Как же...

Но плакать ей тут же расхотелось. Сузив глаза от злости, она

повернулась к Жоху. Лера что угодно готова была сделать с ним сейчас! Хотя что она вообще-то могла с ним сделать? Укусить, поцарапать?

– Лера, – спокойно сказал Митя – правда, голос его звучал глуше, чем обычно, – ты что здесь делаешь? Возьми-ка скрипку и иди домой. К себе домой, – уточнил он. – Я потом зайду.

Не отвечая, Лера подошла вплотную к Мите и взяла у него скрипку. Но домой она идти не собиралась.

– Ну? – сказал Жох. – Домой вали, не поняла? А скрипку оставь... Дай-ка мне!

– Сейчас! – по-прежнему звонко сказала Лера, отпрыгивая в сторону. – Так и отдала!

– Ах ты, малолетка! – процедил Жох. – Я тебе!..

Он резко качнулся к Лере, но она была проворнее и отскочила еще дальше.

– Лера! – воскликнул Митя. – Иди отсюда немедленно, я кому сказал!

Неизвестно, чем все это могло кончиться. Трое стояли в гулкой арке, и непонятно было, что связывает их друг с другом и что не дает спокойно разойтись.

– А ну-ка, детки, – услышала вдруг Лера, – что это вы тут собрались?

Дядя Леха Буданаев быстро входил в арку со стороны двора, издали окликая их.

Лера не случайно вспомнила именно его, как только поняла, что ситуация принимает угрожающий оборот. Дядю Леху она помнила с того самого момента, как помнила себя. И даже больше: когда она думала о своем дворе, почему-то сразу представляла именно его, мрачноватого жэковского столяра.

Буданаев жил в небольшой служебной квартире на первом этаже. Он был единственный из жэковских рабочих, кто занимал отдельную квартиру, а не комнату в коммуналке, несмотря на то что даже не был женат. Впрочем, дядя Леха работал с таких незапамятных времен, что, наверное, имел на это право.

Но то уважение, которое испытывали к Буданаеву все в их дворе, не было связано ни с его трудовым стажем, ни даже с безупречной репутацией непьющего столяра-краснодеревщика. В нем чувствовалось такое неколебимое спокойствие, такая надежность, которую ценила и Лерина мама, и молчаливая гладышевская Катя, и даже папа-дипломат Женьки Стрепета.

Если надо было успокоить буянившего пьяницу-мужа, а милицию звать не хотелось, женщины звали Леху Буданаева – и он успокаивал. И ссоры

скандалисток из коммуналок он тоже разбирал мгновенно – вернее, не особенно вдавался в суть спора, а просто прекращал его, и все. А вот как он это делал – останавливал ссоры и драки, – это и было его особенной способностью, которую невозможно было определить.

И сейчас он стоял в арке, в двух шагах от них, и молча смотрел, засунув руки в карманы широких потертых брюк.

– О чем, спрашиваю, спор? – повторил он.

– Не твое дело! – схамил Витька Жох. – Иди-ка ты, дядя Леха, куда шел, не мешай молодежи беседовать.

– Ты, сопля зеленая, – вдруг сказал Буданаев; Лера даже опешила, услышав от него такие слова. – С кем на «ты» разговариваешь, а? Не научили тебя на зоне, так я научу.

Дядя Леха произнес это негромко и даже без угрозы в голосе – как будто действительно просто обещал Жоху какую-то необходимую науку. Но одновременно с этими словами, еще прежде, чем Жох успел открыть рот, Буданаев взял его за плечи и резко ударил о стену – так, что раздался хруст.

Уже было довольно темно, и Лера не успела понять, что именно сделал дядя Леха. Но она тут же услышала, как Жох взвыл от боли!

И все-таки, наверное, дело было даже не в боли. Во всем, что так мгновенно сделал Буданаев, чувствовалась неотменимая уверенность в том, что поступить надо было именно так, а не иначе, – и Жох почувствовал это.

– Вы чего?! – завопил он, и в его голосе не было больше ни капли угрозы. – Я ж ему только поиграть сказал, а он, гнида, не хочет!

– Не хочет – значит, не будет, – спокойно объяснил дядя Леха, для верности еще раз стукнув Жоху спиной о стенку – так, что тот снова вскрикнул и обмяк. – Не твое дело его учить, шестерка. Тоже мне, авторитет! Да у тебя на морде написано...

С этими словами он выпустил Жоху и повернулся к Мите. Самое удивительное, что Жох не проронил в ответ ни звука. Наоборот, когда Буданаев назвал его шестеркой, он вздрогнул и словно бы съежился.

– Что, Митя, – сказал Буданаев, – успел он тебя разукрасить? – Он взгляделся в Митино лицо. – Ах, ты!.. И глаз еще...

– Спасибо, Алексей Константинович, – сказал Митя. – Да, не повезло. У меня концерт завтра.

Дядя Леха снова повернулся к Витьке Жоху, присевшему на корточки у стены.

– Если ты, паскуда, – зловеще сказал он, – еще раз к нему подойдешь, я тебя пришью тут же и разбираться долго не буду, понял? Из-под земли достану, недоделок, не сомневайся!

Лера замерла на месте, открыв рот. Она и представить себе не могла, что спокойный, положительный дядя Леха может вести себя таким образом! Но именно таким образом надо было себя вести с Жохом – и дядя Леха сделал то, что было надо.

– Ты иди, Митя, иди, – сказал он. – Холодное приложи к глазу – может, и не сильно еще вспухнет. Зайди потом, хорошо? Иди-иди, не обращай внимания. Мне тут еще с ним поговорить надо... – закончил он зловещим тоном.

– Зайду, – кивнул Митя. – Лера, пойдём.

Они медленно пошли во двор. Лера по-прежнему прижимала к животу Митину скрипку, и только посреди двора Митя взял ее у нее.

– Мить, – спросила Лера, – тебе больно?

Сейчас, при свете, падающем из окон, было видно, что нос у него распухает, а глаз заплывает синевой. Лера снова чуть не заплакала, глядя на него.

– Да нет, – морщась, ответил Митя. – Не слишком больно, но очень уж не ко времени. У меня завтра финал конкурса Чайковского. Клементина Ферелли аккомпанирует... Говорит тебе что-нибудь это имя?

– Нет, – призналась Лера.

– А мне – да, – грустно сказал он. – Ну ладно, что ж теперь...

– Надо было тебе убежать, – убежденно сказала Лера. – Что же делать, если он такой гад, а у тебя конкурс?

– К сожалению, это было невозможно, – ответил Митя.

– Почему? Арка широкая, и если бы ты...

– Не поэтому. Это просто было невозможно. – Митя улыбнулся и тут же спросил: – А ты откуда вдруг появилась, можешь ты мне сказать?

– Неважно, – покачала головой Лера. – Почему бы мне не появиться, я же твоя подружка, правда?

Митя рассмеялся так громко, что кошка испуганно шмыгнула в подъезд. Когда он смеялся, нос у него морщился как у маленького – даже сейчас, когда нос распухал и синел.

– Подружка? – переспросил он. – Ну конечно, Лер! Боевая подруга, я бы сказал!

– Мить, ты любишь Зинку? – вдруг спросила Лера. – Про что это Жох говорил?

– А зачем тебе? – Он тут же перестал смеяться.

– Ну, просто... Я просто так спросила. Любишь? – повторила она.

– Наверное, нет, – ответил Митя. – Но в данном случае это было неважно.

И Лера не стала больше спрашивать. Митя сказал это тем же тоном, каким произнес: «Потому что не хочу», – перед Витькой Жохом. Она поняла, что ничего больше он объяснять не станет.

- Ладно, Мить, – вздохнула она. – Ты домой пойдешь?
- Придется. Думаю, мама не очень обрадуется моему виду.
- Как же не обрадуется? – возразила Лера. – Ты же все-таки живой!
- Разве что, – снова улыбнулся он. – Пока, подружка моя дорогая!

Было что-то странное во всей этой истории. Странностью повеяло вдруг и от дяди Лехи Буданаева, и от того, как говорил Митя о Зинке... Хотя в ней-то ничего странного не было. Обыкновенная девица с Цветного, таких на каждом углу полно.

«Только что красивая», – сердито подумала Лера.

Зинка Юрченко действительно была хороша, это понимали даже не слишком взрослые девчонки. Высокая, длинноногая, с такой походкой, что все мужики оборачивались на плавно-призывное покачивание ее бедер. И, главное, огненно-рыжая! Лере даже не верилось, что бывают такие волосы. Но не крашенные же они у нее – таких и красок-то нет. И губы у нее всегда были подведены как-то по-особенному: выглядели так же вызывающе, как и волосы, пышной гривой распущенные по плечам.

Она жила где-то на Цветном, в их дворе ее стали видеть недавно. Правда, Зинку откуда-то знал дядя Леха Буданаев. Но он, по своему обыкновению, хранил молчание в ответ на расспросы любопытных подъездных бабулек о том, что собою представляет эта девица.

– Обыкновенная, – коротко говорил он. – Первый раз таких видите, что ли?

Зинка появлялась во дворе только с Митей – что, конечно, тут же привлекло внимание. Бабульки сразу принялись обсуждать, почему это единственный сын самой Елены Васильевны якшается с проституткой. Да еще ведет себя с ней так, как будто она ему пара, – провожает домой, например, хотя понятно же, что Зинка просто идет продолжать трудовой вечер.

Лера слышала эти разговоры и даже сама размышляла над этим – просто потому, что чтение взрослых книг рано приучило ее задумываться над странностями человеческих отношений. Тем более что она своими ушами слышала, как рыжая Зинка говорила однажды дяде Лехе:

- Эх, Алексей, было б мне время сейчас родить, я б ей-богу родила! Представляешь, какой ребеночек от него бы получился?
- Отчего ж не время? – спросил дядя Леха.

– Ну, куда мне сейчас! Я девушка еще молодая, погулять хочу...

– Ну и дура, – спокойно заметил дядя Леха. – Родишь от алкаша подзаборного, так тебе и надо.

– Грубый ты человек, Алексей, – обиделась Зинка. – Я, может, и сама все понимаю. Ну и что? Думаешь, так просто жизнь свою переменить ради чистенького мальчика? Да и больно нужна я ему...

Все эти странности просто распирали Леру. Дядя Леха, Зинка, да еще разговор Елены Васильевны с Митиным отцом... Почему Митя сказал, что, наверное, не любит Зинку? И почему же он тогда встречается с ней?

Что-то таилось в глубине обыкновенных человеческих отношений, и это казалось Лере такой загадкой, перед которой меркли тайны самого запутанного детектива. И ни в одной книге нельзя было найти ответ.

А ответ ей надо было знать немедленно! И, прибежав домой от Гладышевых, забыв даже про долгожданное продолжение «Отверженных», Лера спросила маму:

– Мам, а почему Митин папа так редко бывает дома?

Надежда Сергеевна посмотрела на нее удивленно.

– Но откуда же мне знать, Лерочка? – спросила она. – Разве я слежу, когда он домой приходит? И он ведь музыкант, у него гастроли...

Это было примерно то же, что однажды сказал ей Митя. Но Лера почему-то была уверена, что мама знает больше.

– Нет, ты мне скажи, – настаивала она. – Если он музыкант, должен же он дома заниматься, не только же гастроли? Митя вон целыми днями занимается, когда дома. А у них, я же вижу, на пианино только Елена Васильевна играет.

– Лерочка, – сказала мама, – но это же нехорошо – интересоваться чужой жизнью! Зачем тебе об этом знать, из любопытства? Прямо как старушка у подъезда, даже стыдно.

– И совсем нет, – обиделась Лера. – Просто я же их люблю, и я же вижу... Ни о чем тебя больше не буду спрашивать!

Мама дорожила ее доверием и слегка испугалась.

– Ну что ты сразу, в самом деле... Да никакой тут тайны нет, просто я не думала, что тебя это может интересовать. Сергей Павлович давно с ними не живет, Мите лет десять было, когда он ушел.

– Но почему? – настаивала Лера. – Елена Васильевна же такая хорошая... Как можно от нее уйти?

– Этого никто предвидеть не может, – сказала Надежда Сергеевна, и в ее голосе промелькнула грусть; Лере показалось, что мама подумала не о Гладышевых. – Если бы это знать – почему... Он полюбил другую

женщину, намного его моложе, и тоже пианистку. А тут с Еленой Васильевной такое несчастье после родов, и Митя – талантливый мальчик, это сразу было видно. Сергей Павлович очень порядочный человек, очень благородный. Но сколько можно жить с женщиной из одной порядочности? Я так думаю, Елена Васильевна и сама не хотела... Ну, он и ушел все-таки. Да ведь это давно было, Лерочка, неужели ты не знала?

– Не знала... – протянула Лера. – Митя ничего не говорил.

– Конечно, он говорить об этом не будет, он отца очень любит. Но и маму любит так трогательно, ты же сама видишь. Как ему обо всем этом говорить, да еще с тобой, когда ты совсем ребенок?

– Никакой не ребенок, – обиделась Лера. – Мог бы и сказать... Как будто я дурочка!

– Не обо всем станешь говорить, – повторила Надежда Сергеевна. – Это же нелегко. Я вон помню, как Сергей Павлович рояль перевозил отсюда. Это же его квартира, его отца, а он только рояль и взял, потому что ему ведь надо... У них «Стейнвей» был, необыкновенный. Как все равно покойника выносили, ужасное было впечатление. Весь двор видел. Я думаю, Митя на всю жизнь это запомнил. Хотя что тут можно было поделывать?

Лера замолчала и не стала больше ни о чем спрашивать. Ей вдруг стала понятна печальная простота маминых слов. Действительно, ничего нельзя поделывать... Была любовь – и ушла, и никто не объяснит, почему.

– А дядя Леха Буданаев? – спросила она.

– Что – дядя Леха? – не поняла мама. – Он тут вообще ни при чем.

– Да нет, я не про то, – объяснила Лера. – Почему он странный какой-то, ты не знаешь?

– Какой же он странный? – возразила Надежда Сергеевна. – Обыкновенный мужчина, приличный, серьезный. Молчаливый, так что же в этом странного?

– А почему у него жены нету? – не унималась Лера.

– Лерочка! – наконец рассердилась мама. – Почему тебе вдруг все понадобилось про всех знать? Да еще что – почему ушел, почему жены нет! Безобразия просто, в твоём возрасте! – Но, увидев расстроенное Лерино лицо, Надежда Сергеевна смягчилась. – Ну, он любил когда-то одну женщину, – объяснила она. – В ранней юности. Жил в деревне, и она тоже, в Орловской области. Она была его невестой, а потом вдруг вышла за другого человека. Алексей все бросил и уехал в Москву. Он мне как-то говорил, давно: дом ему всей деревней строили, и когда он после этого уехал – это как плевков, невозможно было после такого даже показываться

туда.

– А что же он должен был делать? – удивилась Лера. – Если она за другого вышла?

– Вообще-то, по тем правилам, тоже должен был другую найти, да и жить себе в новом доме. Люди ведь по-своему оценивают, что важнее в жизни, а в деревне особенно. И от всех того же требуют. А он по своему разумению поступил, такое не прощают. И в Москве он сразу не прижился – молодой, с несчастной любовью... Это же естественно! Начал пить, гулять – и, конечно, ввязался в какую-то драку, посадили. Обыкновенная в общем-то судьба, у многих так складывается. Но Алексей ведь не для такой судьбы родился, и от этого у него было ощущение, что вся жизнь потеряна. – Словно спохватившись, Надежда Сергеевна взглянула на Леру, которая слушала открыв рот. – Ты понимаешь хоть что-нибудь? – спросила она.

– Мама! – обиделась Лера. – Если ты считаешь меня дурой малолетней...

– Ужас, Лерочка, что у тебя за слова! Ты и при Елене Васильевне так выражаешься? – укоризненно сказала мама. – Ну вот, ему больших усилий стоило вернуться к нормальной жизни. И все равно, я думаю, осталось ощущение, что жизнь не удалась.

– Да, – вспомнила Лера, – он и с Митей про что-то похожее говорил. Он вообще так к нему относится... Ты заметила?

– Наверное, Лерочка, – кивнула Надежда Сергеевна. – К Мите, я думаю, все так относятся, кто его знает. Ты ведь тоже, правда? Он незаурядный, это сразу чувствуется.

«И Зинка... – подумала Лера. – Интересно, она-то как относится?»

Ей вдруг стала понятна особенная, замкнутая ивершенная, аура их двора – хотя едва ли она знала в то время это слово. Но она чувствовала: какая-то своя жизнь идет между этими домами, в какую-то особенную жизнь ведет гулкая арка с Неглинной. И всем есть в этой жизни место, все в ней что-то значат. Впервые Леру наполнила радость от того, что и она принадлежит этому пространству – вместе с Митей.

Даже сейчас, через много лет, Лера улыбнулась в темноте, вспомнив ту свою давнюю радость. Ей как-то незаметно стало легче от воспоминаний о том вечере накануне конкурса Чайковского...

Все вдруг показалось не таким уж мрачным. В самом деле, о чем она грустит? Конечно, то, что произошло между нею и Стасом, отвратительно. Но что же теперь? Всю жизнь об этом размышлять? Ведь она свободна

теперь, а значит – что ни делается, все к лучшему!

Горло у нее начинало болеть, ее немного знобило. Ничего удивительного – после беготни в туфлях по снегу. Но это казалось Лере ерундой по сравнению с неожиданно пришедшим освобождением.

Она так рада была, что именно сейчас догнали ее эти воспоминания, – потому что все, связанное с гладышевским домом, было спасительным. Даже самое горькое воспоминание...

Елена Васильевна умерла, когда Леры не было в Москве.

Это было летом, и вся их группа отправилась в Крым, на виноградники. Сманил их туда однокурсник Алик Рябчук, родители которого жили в поселке Насыпное под Феодосией.

– Знаете, сколько народу туда летом приезжает! – говорил он еще весной. – Ну сами подумайте, чем плохо? До обеда отработали на катаровке – корешки подрезать виноградные, это ж говорить даже смешно! А потом зато – море рядом, пляж! И жилье бесплатное, и питание, учтите. Заработки, конечно, никакие, но зато отдых – лучше не придумаешь. И билеты еще купят обратные через совхозную контору, тоже большое дело.

Алик не обманул: Лера действительно наслаждалась каждой минутой этого лета. Никогда в ее жизни не было такой всеобъемлющей, чудесной лени под ласкающим солнцем, в прозрачном море, на тихом берегу, где почти не было отдыхающих.

«Дольче фар ниенте, – думала она. – Вот, значит, что такое блаженная праздность...»

И по горам они еще лазили, и в Новосветские пещеры спускались со спелеологами, и Алик даже пытался ухаживать за Лерой, хотя она уже была замужем за Костей...

Она вернулась в Москву в конце августа, такая загорелая, что ее карие глаза едва отличались по цвету от лица. Надежда Сергеевна обрадовалась, увидев свою Лерочку такой посвежевшей. Куда там отдыху на тети Кириной даче!

Костя был еще у родителей, они сидели с мамой вдвоем на кухне, Лера мыла огромные грозди золотого винограда и расспрашивала Надежду Сергеевну о летних новостях. Та рассказывала, как дяде Штефану удаляли аппендикс, как за Любой Михальцовой начал ухаживать какой-то солидный, прилично одетый человек, приезжающий во двор на «Жигулях»...

Лера слушала рассеянно. Что ж, обычные новости, ничего особенного. И вдруг она поняла, что мамины интонации кажутся ей какими-то

торопливыми, словно извиняющимися.

– Мама, случилось что-нибудь? – тут же спросила она. – Ты почему мне не говоришь? Тебе, может, в больницу приходилось ложиться, а ты мне не сообщила?

Это было вполне вероятно. Мама, скорее всего, не захотела бы прерывать Лерочкин отдых, если бы пришлось ложиться в больницу.

– Нет... – сказала Надежда Сергеевна. – У меня здоровье было в порядке...

– У тебя? – тут же переспросила Лера. – У тебя – в порядке, а у кого – не в порядке?

– Лерочка, – сказала мама, отводя глаза, – я тебе не хотела говорить... Елена Васильевна умерла.

Лера ожидала чего угодно – каких-нибудь маминых нехитрых секретов, или что та потеряла пенсию, или что заболели Костины улитки, а Надежда Сергеевна не решается ему сообщить. Но это...

– Но как же это? – беспомощно прошептала она. Тяжелая виноградная кисть выпала у нее из рук и шлепнулась на пол. – Почему же это?

– Никто не ожидал, Лерочка, – сказала мама. – Конечно, у нее все время голова болела – от позвоночника, наверное, – но ведь все уже как-то и привыкли... Бершадская, такая вредная старуха, вообще говорила: это, мол, все дамские уловки – мигрень, больше ничего. А кого ей было уловлять? Митенька для нее один был свет в окошке, а он и так от нее не отходил.

«Митя!» – подумала Лера, и мысль о нем потрясла ее едва ли не больше, чем известие о смерти Елены Васильевны.

Наверное, она вслух произнесла его имя, потому что Надежда Сергеевна торопливо сказала:

– Митеньки не было как раз, такое горе, такое горе!.. Он на гастроли уехал, во Франции какие-то гастроли, и конечно, она, бедняжка, не хотела его перед отъездом пугать. А он ехать не хотел, я знаю.

– Почему? – спросила Лера.

– Он заходил перед отъездом, тебя спрашивал. Говорил: «Придется, наверное, уехать, невозможно подвести целый оркестр. Жаль, Леры нет...» А я ему говорю: «Митенька, о чем ты волнуешься, я сама буду забегать не хуже Лерочки, и Катя такой надежный человек!»

– Мама! – Лера почувствовала, что задыхается. – Как ты могла мне не сообщить, как ты могла! При чем тут Катя, при чем тут кто?.. Он же чувствовал, он всегда чувствует!

– Лерочка, я и сама не понимаю. – Мама смотрела на нее умоляюще. – Ты в кои-то веки выбралась на море, такая возможность отдохнуть... Где

бы мы взяли денег, если бы не эти виноградники? И это ведь в самом начале было, ты только уехала. Я и подумала: сейчас сорвешься, приедешь, лето в городе просидишь. И зачем? Правда ведь, у нее все было. Катя, бывало, в лепешку расшибется, и Сергей Павлович каждый день приходил. Кто же мог думать, что так все?..

– Когда она умерла? – спросила Лера.

Она не могла больше слушать мамин оправдывающийся голос. Море, отдых... Господи, а Елена Васильевна умирала здесь одна, а Митя... Что было с ним, когда он приехал?.. Что было с ним, если даже для нее, Леры, невыносима мысль о том, что Елена Васильевна умирала в одиночестве?

– Катя вечером прибежала. «Умирает», – говорит. Я – к ним, а у нее ведь инсульт случился, она уже и не разговаривала, когда я пришла. Мы с Сергей Павловичем в подъезде столкнулись, его Катя по телефону вызвала. Он сидит перед ней, руку ее гладит: «Лена, Лена...» А что уж было звать, она уже, наверное, и не слышала...

Лера видела все это так ясно, как будто сама стояла перед кроватью Елены Васильевны, сама держала ее за руку и сама с ужасом понимала, что та уже даже не слышит...

Слезы подступили к самому горлу, и Лера наконец смогла заплакать.

– Все-таки это хорошая смерть, Лерочка, – сказала мама. – Вот так, сразу, и не мучить никого... Она ведь так все время о Митеньке беспокоилась – что затрудняет его, и вообще. Он-то все смеялся только: «Глупости, мама, это ли заботы, когда я тебя люблю!»

– Как же он?.. – спросила Лера сквозь слезы. – И где он сейчас?

– Ох, детка, ты же его знаешь – все внутри держит. На следующее утро прилетел, отец ему позвонил. Я его на похоронах только увидела. Лицо белое, как у самой покойницы, круги под глазами. И молчит, хоть бы поплакал, все легче. День побыл – и обратно, что же, такая жизнь... Да и что ему теперь здесь?

Вечером Лера пошла к Гладышевым. Но дверь была закрыта, никто не вышел на ее звонки: наверное, Митя еще не вернулся. Она места себе не находила, думая о нем и о собственной невольной вине. Она представляла, что он чувствовал, возвращаясь в Москву по отцовскому звонку, и когда улетал снова, куда-то во Францию, а Елены Васильевны уже не было, чужие руки закрыли за ним дверь... И ничего нельзя было сделать, ничего! Впервые в жизни Лера испытала такое отчетливое чувство собственного бессилия – перед могуществом смерти...

Она не видела Елену Васильевну мертвой, и, может быть, поэтому смерть не имела власти над ее удивительным, ясным обликом. Иногда Лера

вообще забывала, что та умерла, и ей казалось: вот придет Митя, и они снова будут сидеть втроем в гостиной, и пить чай, и Елена Васильевна станет спрашивать о Крыме, вспомнит, как была в детстве с отцом в Ялте и они заходили в гости к Марии Павловне Чеховой...

Митя вернулся через месяц и сразу зашел к Лере. Надежда Сергеевна была права: если бы Лера не знала о случившемся, она никогда не догадалась бы ни о чем, глядя на него.

Он сидел за столом, мама то входила в комнату, то выходила, чтобы принести еще какие-нибудь пирожки или подогреть чайник, а Лера смотрела на Митю, вглядывалась в его лицо, не отрываясь.

– Митя, – сказала она наконец, – ты прости меня...

– Не надо так говорить, – попросил он. – Не надо, подружка моя, ты что? Еще бы не хватало, чтобы ты себя мучила этим.

– А ты? Ты же мучаешь себя, Мить... А ведь ты совсем не виноват, совсем!

Он не ответил, глядя перед собою. Тогда Лера и увидела впервые этот взгляд: как будто он вглядывался туда, где исчезла Елена Васильевна, куда ушла ее душа и куда никто не мог взглянуть, кроме него.

– Я!.. – сказал он наконец с такой горечью, какой Лера никогда не слышала в его голосе. – Это теперь неважно.

Тяжесть лежала у них обоих на сердце, Лера физически ощущала ее, ей дышать было трудно под этой каменной тяжестью. Но когда она смотрела на Митю, неотрывно всматривалась в его глаза, пыталась заглянуть в их вечно загадочные уголки под ресницами, – она чувствовала и другое.

Именно сейчас, в состоянии растерянности и подавленности, он оставался собою – с той же своей силой, ясно ощутимой в каждом жесте и взгляде, которую Лера знала в нем всегда и которую словно видела сейчас впервые. Он был совсем не похож в этом на мать – и он был похож на нее, как никогда прежде.

Лере никогда не приходилось видеть такого сочетания силы с душевной трепетностью, которое было в Мите всегда, но которое она так ясно почувствовала в нем только сейчас.

Это было печальное воспоминание, но Лера почему-то обращалась к нему именно теперь, когда старательно гнала от себя все, что могло бы нарушить вдруг пришедшее к ней чувство освобождения. Она даже стремилась к этому воспоминанию – как стремилась сегодня по вечерним зимним улицам к Мите.

Аленка завертелась в кроватке, захныкала. Лера посадила ее, сонную,

на горшок, снова уложила. И тут же провалилась в простудный, но спокойный сон.

Глава 6

Простуду она все-таки подхватила изрядную. Температура держалась целую неделю, горло обложило так, что пропал голос. И в конце концов выяснилось, что у нее настоящая ангина.

Но Лера даже наслаждалась этим неожиданным бездельем. Так давно не было у нее возможности просто валяться в постели, пить горячий бульон и ни о чем не думать! Голова ее проветривалась, точно комната при открытой форточке, и Лера радовалась будущей свежести, которая должна была наступить совсем скоро.

Одно было жаль: из-за ангины не удавалось побыть с Аленкой. Дочка только заглядывала к ней изредка, кричала:

– Мама дома, мама заболела!

А потом снова убегала к бабушке, к своим игрушкам и растрепанным книжкам.

Лера только вздыхала. Она вспоминала, каким чувством была охвачена, впервые увидев в роддоме Аленку, и понимала, что совсем по-другому должны были у нее складываться отношения с единственной дочкой. Но не получалось, никак не получалось, и она ничего не могла поделать.

Даже в те выходные, которые удавалось проводить с Аленкой, Лера чувствовала, что та рада не ей, а прогулкам в парке, аттракционам, мороженому. Совсем отдельно проходила жизнь ее дочки, и не в Лериных силах было нарушить незримую границу, отделяющую от нее этот мир.

На работу она смогла выйти только через две недели – действительно посвежевшая, как будто не болела, а отдыхала на курорте. Даже Зоська сразу это заметила, увидев Леру в первый день в офисе – изящную, в светло-бежевом английском костюме, подчеркивающим очертания стройной фигуры.

– Ох ты, какая ты, Лерка! – воскликнула она. – Что за женщина ты такая – от всего цветешь, даже от болезни!

– Ума не приложу, бесценная Жозефина, – улыбнулась в ответ Лера. – Отчего цвету, ума не приложу. А главное – для кого...

– Ну, это ты брось! – возмутилась Зоська. – А хоть бы и для себя, что такого? Странно ты рассуждаешь, ей-богу. Как будто женщине красота дана ради какого-нибудь болвана!

– Ладно-ладно, милая феминистка, – остановила ее Лера. – Расскажи лучше, как работалось.

У нее были все основания называть Зосю Михальцову бесценной: она отлично справлялась с обязанностями «президентши» в Лерино отсутствие. И положиться на нее можно было железно, не ожидая никаких отговорок вроде детских болезней или мужниных капризов.

– Потемкин звонил, – сообщила Зоська в числе других новостей.

– Что хотел? – нахмурилась Лера.

– Да ничего особенного. – Зоська удивленно посмотрела на нее. – Как обычно. О домах в Панозере поговорили, сказал, скоро можно будет финнов приглашать. Тебе скорейшего выздоровления пожелал. И все.

– Зося, – спросила Лера, – скажи, трудно тебе с ним работать?

– Да ты что, Лер? – Зоськины светлые брови поднялись еще выше. – С ним – трудно? Да он же сам все делает, над ним надзиратель же не нужен! И все нормально вроде... Или случилось что-нибудь?

– Ничего не случилось, – ответила Лера. – Я потому спрашиваю, что хочу все дела с ним тебе перепоручить. У меня, наверное, проект один будет интересный, сейчас как раз обсуждаем со Стрепетом... Сможешь ты с Потемкиным одна работать, без меня?

– Смогу, конечно, – пожалала плечами Зоська. – Не самый трудный участок.

– Вот и отлично, – заключила Лера. – Будет звонить – так ему и скажи. И чтобы он больше ко мне ни по каким вопросам не обращался, хорошо?

Зоська, конечно, догадалась, что что-то произошло у Леры с Потемкиным. Слишком уж резким был тон, слишком очевидным желание не видеть Стаса, который две недели назад и приезжал-то в офис только ради «президентши». Но расспрашивать Зоська не стала. Зачем? Не тот у Леры характер, чтобы давать объяснения.

Лера вся внутренне напряглась, ожидая Стасова звонка и готовясь дать ему отпор. Но он не позвонил ни разу. Вернее, звонил, но беседовал исключительно с Зосей и только о делах.

И Лера постепенно успокоилась.

«Может быть, он все-таки что-то понял? – думала она. – В самом деле, разве так трудно мужчине понять, что женщина его не любит, какая для этого особенная тонкость нужна?»

Да ей и некогда было слишком уж задумываться о подобных вещах. Работы не убывало, «Московский гость» рос как на дрожжах. Репутация у фирмы была безупречная, и все чаще Лера слышала по телефону:

– Госпожа Вологодина, нам очень рекомендовали именно вас! Вы же понимаете, сейчас в России все так неопределенно, а наши люди, несмотря на любопытство, хотели бы быть спокойны...

И ей удавалось поддерживать эту уверенность, организовывая для иностранцев симпозиумы в Москве, и путешествия на байдарках, и теплоходные экскурсии по Волге, и даже что-нибудь необычное, вроде пеших походов по литературным усадьбам Подмосковья – для одержимых славистов...

И, конечно, по-прежнему ездили по всему миру туристы от «Московского гостя», и надо было заниматься рекламой, ездить в посольства на коктейли, добиваться чего-то от непрошибаемых чиновников, и еще, и еще...

На все это не хватало светового дня, когда уж тут было думать о Стасе Потемкине!

У Леры минуты не находилось за день, чтобы просто присесть, расслабиться и подумать хоть о чем-то, не связанном с работой. Но если прежде она иногда жалела о том, что жизнь несется в таком бешеном, невыносимом для души темпе, то теперь и на сожаления не оставалось ни времени, ни сил.

В пятницу она уезжала из офиса последней. По привычке обернулась, глядя на то место, где висела когда-то фотография отраженной Венеции. Это у Леры уже вроде талисмана стало: представить ее – невидимую, исчезнувшую – на прежнем месте и загадать, чтобы все было хорошо.

Обернувшись к двери, Лера увидела, что в вестибюль входит Стас Потемкин.

Она невольно отшатнулась, глядя на него испуганным взглядом. Но тут же овладела собой, посмотрела вопросительно.

– В чем дело, Стас? – спросила она так, словно они расстались вчера. – Зоси уже нет, и никого нет.

– Вот и хорошо, – невозмутимо заявил он. – Мне никто и не нужен, кроме тебя.

Кажется, он стал выглядеть еще эффектнее, чем прежде, – похудел, что ли? И одет был в коричневое верблюжье пальто, и пахло от него новым парфюмом.

«Гвоздь сезона», – подумала Лера – то ли о парфюме, то ли о Стасе.

– Думаешь, я о делах пришел поговорить? – сказал Стас. – Я к тебе пришел...

– Не надо было, Стас, – сказала Лера. – Я действительно все сказала тебе тогда, зачем же снова?..

– Зачем! – воскликнул он с неожиданной страстной силой; вся его невозмутимость испарилась в одно мгновение. – Ты еще спрашиваешь! Да

сказал же я тебе: хочу тебя, всегда хочу – и пришел за тобой!..

– Интересное дело, Стас, – медленно произнесла Лера. – Являешься как снег на голову, кричишь «хочу, хочу». Прямо вынь да положи, и прямо здесь!

– Можно и здесь, – сказал он, и Лера увидела, как краешки его губ хищно выгнулись. – Я-то не постесняюсь... Но лучше ко мне поедем.

– Но, Стас... – начала было Лера.

– Поедем лучше, – повторил он, и в его голосе послышалась то ли просьба, то ли угроза. – Чертова ты баба, что ты со мной сделала! Уснуть не могу без водки, вот до чего довела! Так и стоишь перед глазами – тогда, голая... Ты что, хочешь, чтоб я руки на себя наложил? Уже я и так унизился дальше некуда – приехал за тобой...

– Перестань, – поморщилась Лера. – Руки наложил, унизился... Что за спектакль? Ты же взрослый человек, не мальчишка гиперсексуальный.

– Да ты знать не знаешь, что это такое! – воскликнул Стас. – Когда в глазах темно, и все бы отдал, чтоб только ты пришла... Гиперсексуальный! Да я бабу приведу, оттрахаю так, что, кажется, наизнанку выворачиваюсь – и хоть бы что! Лежу, кручусь и думаю: вот пусть только сейчас придет, на полчаса только придет – жизни не пожалею...

Лера растерялась, услышав эти слова. Она понимала, что Стас говорит искренне, и ей даже жаль было его. Но она чувствовала в его словах не любовь, а что-то совсем другое – угрожающее и гнетущее, хотя по силе не уступающее самой страстной любви. Она и представить себе не могла, как сильно может сжигать неосуществимое желание; с нею такого никогда не происходило.

И вот Стас стоял перед ней, действительно готовый на все, – и Лере стало страшно.

– Не доводи до греха, – сказал он все с теми же интонациями – то ли просьбы, то ли угрозы. – Поедем лучше...

– Стас... – Лера попыталась говорить как можно мягче. – Прости ты меня, но не могу я с тобой! Ну что тебе за радость, если даже я и приду на эти самые полчаса, что от этого изменится? Я понимаю, я сама перед тобой виновата, сама к тебе липла. Но что же теперь-то делать?

– Ты приди только, – сказал Стас – кажется, это было единственное, что он расслышал. – Я уж иногда думаю: мне б и этого хватило...

Лера не знала, что ему сказать. Да и можно ли было найти слова, способные его остановить?

К счастью, дверь неожиданно открылась и на пороге показалась Зоська.

– Ой! – воскликнула она. – А я расчетную книжку забыла в столе, а

завтра же последний день за квартиру платить... Вы извините, я сейчас пойду!

– Ничего-ничего, Зосечка, – сказала Лера с такой радостью, словно на нее свалилось нежданное счастье. – Ты совсем не помешала! Я тоже уже ухожу, заодно тебя подвезу. Станислав Люцианович, извините, я очень спешу, – обратилась она к Стасу. – Рабочий день окончен, мне надо офис сдать на охрану.

Он смотрел на нее сузившимися глазами, и Лере показалось, что даже его глаза побледнели от напряжения. И зубы сжались так, словно вцепились во что-то мертвой хваткой.

– Ладно... – протянул он. – Как знаете, Валерия Викторовна!
И, распахнув дверь ногой, исчез в темноте зимнего вечера.

Глава 7

Времени на остановки не было, это так. Но иногда Лера чувствовала, что потребность остановиться, подумать о себе и о своей жизни становится такой же необходимой, как дыхание.

Она была одна. Конечно, ей было всего двадцать восемь лет, она была красива, умна и независима, и уж ей-то, кажется, можно было уверенной быть в том, что долго она в одиночестве не останется.

И все-таки, несмотря на все доводы логики, Лера Вологодина, преуспевающая, красивая и умная бизнесвумен, чувствовала себя в неизбывном одиночестве и выхода из него не видела.

Она каждый день сталкивалась со множеством людей, у нее не было недостатка в новых знакомствах и еще меньше недостатка было в восхищении сильного пола. Мужчины, с которыми знакомила ее работа, расточали комплименты, приглашали в рестораны и недвусмысленно намекали на возможность более близких отношений.

И какие это были мужчины! Всего за несколько лет Лера достигла такого уровня, на котором жизнь сводила ее с наиболее яркими и интересными людьми – как равную среди равных.

«Есть из кого выбрать», – думала она иногда с усмешкой, но усмешка эта была невеселой.

Все дело было в том, что ей не хотелось выбирать. Она не винила в этом мужчин – их-то за что? Ей казалось, что какая-то червоточинка появилась в ней самой – невозможность любви, так она это про себя называла.

А почему это произошло, Лера не знала. Может быть, это было следствием дешевого и неосуществимого романтизма, о котором когда-то говорил ей Валик Стар; может быть, началось, когда она бегала по Стамбулу, покупая лифчики; или когда ушел Костя; или с того мгновения, когда она почувствовала себя свободной, лежа в постели Стаса Потемкина. Но Леру действительно не тянуло ни к кому, и она ничего не могла с собой поделать.

Именно в таком состоянии – неизбывной и тягостной свободы – встречала она день своего рождения прохладным и ясным мартовским вечером.

Ей не хотелось устраивать праздник – очень уж настроение было неподходящим, – и они посидели дома втроем с мамой и Аленкой, чокнулись бокалами с любимым Лериным «Киндзмараули». Лера сама

уложила Аленку в постель, хотя та хныкала:

– Пусть бабушка! Пусть бабушка сказку почитает и побаюкает!

– Я тебе сама сказку почитаю, – увещевала ее Лера. – И побаюкаю сама, малышечка моя, не волнуйся!

– Ты не умеешь! – не успокаивалась Аленка. – Бабушка умеет, а ты не умеешь!

Все это тоже не добавляло радости.

– Я пройду немного, мама, – сказала Лера, когда Аленка наконец уснула.

– Да ведь поздно уже, Лерочка! – испугалась Надежда Сергеевна. – Куда же ты пойдешь?

– Пройдусь, – повторила Лера. – Не волнуйся, я скоро вернусь. Вечер хороший, подышу воздухом немного.

Она вышла во двор, когда вечерняя синева неба стала бархатной, почти черной. Прошла через гулкую арку, вышла на бульвар и медленно пошла к Садовому кольцу – просто так, без видимой цели. Весенняя легкость и весенняя тоска вели ее по вечернему городу.

Казалось, пол-Москвы высыпало в этот вечер на улицы. Женщинам не терпелось продемонстрировать наконец новые наряды, с таким тщанием приготовленные зимой. Мужчины выглядели словно бы увереннее в сопровождении своих очаровательных спутниц.

Лера перешла Садовое кольцо и остановилась в недоумении: а куда, собственно, она направляется? И едва не заплакала от ясного ощущения собственной никчемности. Ей вдруг показалось, что даже городу своему, родному и любимому, она совсем не нужна...

Вдруг она вспомнила, как стояла здесь однажды – да, вот здесь, на этом самом перекрестке, на этой троллейбусной остановке у Оружейного переулка, – и ждала Валика Стара, полная каких-то веселых и будоражащих иллюзий. А потом они пошли в «Три апельсина», а потом он спокойно предложил переспать с ним для приятного окончания вечера...

Но об этом думать не хотелось. А вот «Три апельсина» – это была мысль! Лера вспомнила особенную, утонченную атмосферу ресторанчика Вероники Стрельбицкой, и саму ее – очаровательную, уверенную в себе – тоже вспомнила. И почему бы не пойти туда сейчас?

К счастью, за это время ресторан не закрылся. Золотистая вывеска по-прежнему светилась над входом, и красные ступеньки были прежние, даже свежавыкрашенные.

Лера спустилась вниз и остановилась на пороге зала, оглядывая публику и выискивая глазами хозяйку. Валентин ведь сказал тогда, что она

часто встречает гостей сама.

И действительно, Вероника Стрельбицкая, очаровательная богиня Ника, вышла ей навстречу откуда-то из золотистого полумрака в глубине ресторана.

Она почти не изменилась с тех пор как Лера увидела ее впервые. Не изменилась прическа – причудливая волна, обрамляющая тонкое лицо. И платье из лилового переливчатого шелка по-прежнему придавало ее облику изысканность и оригинальность.

Но, главное, не изменилось выражение лица, это Лера отметила сразу. Взгляд Вероникиных удлинённых глаз был тот же: веселый, обращенный к себе и потому совершенно довольный жизнью.

– Рада видеть вас у себя, – улыбнулась она Лере – конечно, не узнавая ее. – Но, к сожалению, мы сегодня закрываемся пораньше. Обстоятельства, мне искренне жаль. Видите, гости уже почти разошлись.

С этими словами Вероника плавно указала на зал, действительно полупустой. А Лера и не заметила этого сразу и радовалась еще, что не много народу!

– Мне тоже очень жаль, – произнесла она с настоящей печалью. – Но я тогда просто посижу немного? У вас очень хорошо, Вероника, мне еще в первый раз понравилось. Вы, конечно, не помните – я приходила как-то с Валентином Старом.

– С Валиком? – улыбнулась Вероника. – Да, конечно, помню.

Но по ее вежливой улыбке и короткой лукавинке, мелькнувшей в глазах, Лера поняла, что Ника не может упомнить всех, с кем приходит в ее ресторан Валик Стар.

– Что ж, – улыбнулась она, – у вас еще есть время, и я провожу вас за столик.

Впрочем, времени у нее оказалось не слишком много. Лера села за столик под золотыми ветвями дерева, выпила немного вина – тягучего, сладкого, непонятно почему выбранного ею в карте вин; покурила, глядя, как расходятся посетители.

Самой ей уходить не хотелось. Хотелось сидеть просто так, не чувствуя на себе посторонних взглядов, никого не оценивая и никуда не торопясь.

Ника подошла к Лере, когда посетителей совсем не осталось.

– Видите ли, – сказала она с некоторым смущением, – мне очень жаль, что я вынуждена вас беспокоить... Но я уже пообещала своим друзьям вечер в узком кругу в день своего рождения, поэтому и закрываю сегодня пораньше.

– У вас день рождения? – поразилась Лера. – Надо же, какое

совпадение, и у меня тоже, именно сегодня!

– Тогда сам бог велел! – вдруг рассмеялась Ника. Легкое напряжение в ее голосе тут же развеялось. – В таком случае, я вас приглашаю.

– Меня зовут Лера Вологодина, – улыбнувшись, сказала Лера. – Думаю, вы не запомнили мое имя тогда, а мне было бы неловко оставаться здесь сегодня безымянной. Спасибо вам, Ника.

– Я очень рада, – кивнула та, продолжая улыбаться.

Улыбка у нее была необыкновенно приветливая, и Лера снова подумала, как и два года назад, что так улыбаться может только женщина, постоянно уверенная в своей неотразимости.

Зал постепенно наполнялся новыми гостями. Уже повисал в воздухе негромкий гул, звенел женский смех, слышались приветственные возгласы. Вероника снова возникла рядом с Лерой, быстро пересадила ее за другой столик – поближе к середине зала, – незаметно познакомила с десятком своих гостей, улыбнулась, засмеялась, отвернулась, отошла, вернулась снова...

Лера и сама не заметила, как начала болтать о чем-то с симпатичным пареньком, оказавшимся актером какого-то экспериментального театра. Потом переключилась на разговор с другой Вероникиной гостьей – художницей из Петербурга. Потом потанцевала немного с банкиром, с которым познакомилась на одном из мероприятий «Горизонт-банка» и с которым они так мило расцеловались сейчас, словно были давними друзьями.

В общем, это была обычная светская тусовка – без эпатажа, без показной роскоши, без грубой пьянки. Лера бывала на таких не раз. Но сейчас она замечала совсем другое. Она вглядывалась в Веронику – смеющуюся, протягивающую руку для поцелуя – и думала: «А ведь она наверняка одна, эта блестящая женщина, и почему же ни тени печали нет при этом на ее лице?»

Лера сама не заметила, как выпила еще вина – но другого, не того, с которого начала вечер. А потом с удивлением увидела, что в ее бокале плещется коньяк, и поняла, что в голове у нее уже стоит звон, и всю ее охватывает чувство бесшабашности. Звон отдавался даже в кончиках ее пальцев, вся она была пронизана этим звоном.

«Пьяна я, что ли?» – с удивлением подумала Лера, и ей показалось, что даже во время этих мыслей язык у нее заплетается.

Ей все время хотелось подойти к Веронике и поговорить с ней. О чем? – она не знала. Это не был какой-то определенный разговор. Лере просто хотелось понять: как удается ей быть такой счастливой и спокойной, какой

ценой достигается такое согласие с собою?

И она глотнула еще коньяка, чтобы почувствовать себя смелее.

Вероника как раз оказалась рядом – она то и дело переходила от одного гостя к другому.

– Скажите, Ника, – спросила вдруг Лера, словно со стороны слыша свой замедленный и звенящий голос. – Скажите, ведь вы одна, я правильно догадалась?

Это был совершенно бесцеремонный вопрос, но та самая бесшабашность, которую Лера чувствовала в себе, позволяла его задать.

– Одна? – удивилась Вероника. – Ну что вы, Лерочка! Вы же видите, как много у меня друзей!

– Нет-нет, я не о том, – настаивала Лера. – Вы понимаете, о чем я...

– А! – догадалась Вероника. – Вы имеете в виду спутника жизни? Ну почему же, бывают и спутники, ведь я вполне нормальная женщина и не так уж дурна собою.

Она смотрела на Леру веселым и немного снисходительным взглядом. Вероника тоже выпила немного, но даже голос у нее от этого не изменился, только щеки слегка порозовели – и то ровно настолько, чтобы она не выглядела слишком взволнованной.

Как будто не было тех двух лет, во время которых Лера научилась владеть собой! Она по-прежнему чувствовала себя девчонкой по сравнению с этой необыкновенной женщиной.

– Я только хотела понять... – произнесла она. – Я хотела понять, что же нужно, чтобы быть такой счастливой? Чтобы не жалеть ни о чем, не желать любви, если ее нет, – что для этого нужно?

– Ах, боже мой! – засмеялась Вероника. – Но это же так просто! Я уверена, что не скажу вам ничего нового, вы и сами это знаете. Другое дело, что знать – мало, надо этим проникнуться... Надо просто любить себя ради самой себя – и все! Уверяю вас, это единственное условие счастья в том мире, в котором мы живем. Все остальное – одни страдания и вечное недовольство собою. Вы понимаете?

– Да, – кивнула Лера, чувствуя, как при кивке голова ее мотается, словно у куклы. – Я понимаю, мне это даже уже говорили однажды. Один грек говорил, и точно такими же словами. Но мне это не удается...

Словно сквозь слой ваты слышала она слова Вероники:

– А это и не может удасться сразу! Этому надо подчинить всю жизнь, к этому надо стремиться. Ведь счастье приходит только в награду за труд, вы согласны?

– Я не знаю...

– Именно так, уверяю вас. Думаете, только для любви к мужчине нужен труд? Для любви к себе – ого, еще больший... – Вероника взгляделась в Леру повнимательнее. – Но мне кажется, вы чувствуете себя сейчас не совсем хорошо?

– Да, кажется, – пробормотала Лера. – Извините меня, Ника...

– За что же извиняться? – мило улыбнулась Вероника. – Сегодня у нас обеих праздник, отчего бы и не расслабиться? А вот Янек, кажется, домой собирается. – Она повернулась к молодому режиссеру, с которым недавно болтала Лера. – Хотите, он вас проводит?

– Да, если можно, – кивнула Лера.

Она уже и представить себе не могла, как доберется домой одна. Хмель накатил так неожиданно, никогда с нею не случалось подобного. И надо же, чтобы именно сегодня, здесь!..

Лера почти не помнила, как вышла из ресторана под руку с режиссером Янеком, села в какую-то машину рядом с водителем, назвала свой адрес заплетающимся языком. Наверное, Янек помог ей подняться до квартиры, открыть дверь. Следующий проблеск сознания Лера ощутила уже в своей комнате, присев на край дивана...

– Лерочка, как долго! – услышала она мамин голос. – Я уже волноваться начала... Тебе Митя звонил, поздравлял с днем рождения. Ты ему позвони, он в Вене и оставил телефон.

– Митя, да, Митя... – пробормотала Лера. – Нет, потом, потом позвоню...

Она не могла думать сейчас о Мите – и не потому, что голова была тяжелой, не потому, что по-прежнему звенело все тело, словно пронзенное током. Она ни о ком не могла сейчас думать – ей хотелось думать только о себе...

Глава 8

Как ни странно, слова Вероники не забылись, когда прошел и хмель, и головная боль, и неловкость за неожиданное опьянение. Слова эти были просты, но они потрясли Леру как откровение, столь необходимое в том состоянии растерянности, в котором она находилась.

Любить себя ради самой себя! Еще недавно это показалось бы Лере циничным, эгоистичным, но сейчас жизнь сама убеждала ее в том, что Вероника права.

Если бы удалось этого добиться, разве она мучилась бы от одиночества и от невозможности любить, которую ощущала в себе как некую ущербность, неполноценность? Разве оказалась бы в постели Стаса Потемкина и разве выслушивала бы потом его угрожающие просьбы?

«Значит, я должна этого добиться! – говорила себе Лера. – Я добилась многого, я знаю, что такое труд – постоянный, ежедневный, без снисхождения к себе. Неужели я не смогу сделать себя счастливой?»

И, решив это, она успокоилась, повеселела. Теперь надо было подчинить этому решению свою жизнь, гнать от себя пустые сожаления, охладить свою душу – для собственной же пользы.

Но повседневная Лерина жизнь мало была связана с теориями. Ритм ее не изменился, каждый день возникали какие-то проблемы, которые надо было разрешать немедленно, – тем более что вот-вот должен был начаться сезон отпусков, дел было невпроворот.

И вдруг заболела Надежда Сергеевна! К счастью, это был не сильный приступ, которых Лера так боялась. Но поднялось давление, начались головные боли – и, конечно, следовало опасаться обмороков или еще чего-нибудь похуже.

Лера отлично это понимала; участковая врачиха, вызванная к маме, не сказала ничего нового.

– Но как же сейчас в больницу? – расстроилась Надежда Сергеевна. – Ты столько работаешь, Лерочка, кто же будет с Аленкой? Ах, до чего не вовремя!

– Это никогда не бывает вовремя, – успокоила Лера. – И работаю я всегда много, ничего не поделаешь. А с Аленкой Зоя посидит до выходных, ты не волнуйся, мам. А потом я, может быть, отпуск возьму на недельку и сама с ней побуду.

«Отпуск – это едва ли», – подумала про себя Лера.

Но Надежду Сергеевну ее слова немного успокоили.

– Она что-то кашляла вчера, – сказала мама с сомнением.

– Поставлю горчичники. Ничего страшного, вот увидишь. А ты в больнице хотя бы отдохнешь, а то совсем я все на тебя свалила!

Зоя, невысокая, шустрая женщина лет пятидесяти, давно уже помогала по хозяйству – с тех самых пор, как Лера поняла, что у нее не остается времени даже на то, чтобы вовремя пробежаться по магазинам. Зоя даже гуляла иногда с Аленкой, когда Надежда Сергеевна не слишком хорошо себя чувствовала, чтобы выходить самой.

Правда, Лера не слишком доверяла Зоиной способности вовремя накормить, уложить спать, посадить на горшок, и поэтому предпочитала не оставлять с ней дочку. Но если на пару дней... А потом, может быть, к тете Кире отвезти?

Лера думала об этом несколько рассеянно. По правде говоря, ей не слишком хотелось размышлять сейчас о доме. Что-то важное происходило в ней – вернее, должно было произойти; вся она должна была перемениться. И она вслушивалась в себя, торопила перемены, которые должны были сделать ее счастливой...

Отвезя маму в больницу и переговорив с заведованием, Лера торопливо объясняла Зое, чем надо будет покормить Аленку. Зоя вроде бы слушала внимательно, но выражение ее лица заставляло Леру сомневаться в том, что она запоминает хотя бы половину из сказанного.

У Зои были свои представления о том, что важно и что неважно. Она, например, считала, что Надежда Сергеевна слишком много внимания уделяет мелочам – вроде того чтобы вовремя снять пену с бульона. А зачем? Что с того, если он и не будет прозрачный? И Лерины наставления она слушала примерно с таким же скучающим видом, как объяснения ее мамы о том, что для Аленки следует покупать не молоко, а кефир. Как будто не все равно!

Леру бесила Зоина самоуверенность. Но что можно было сделать?

– Я сегодня пораньше приеду, – сказала она. – Зоя, гулять с ней не ходи пока, слышишь? Она кашляет.

– Не очень-то и кашляет, – проворчала Зоя. – Каково ребенку целый день дома просидеть, весной-то!

Конечно, дело было только в том, что Зое самой неохота было сидеть целый день дома с ребенком. А на Петровском бульваре собирались женщины с колясками и детьми, с ними можно было болтать, пока ребенок сам по себе возится в песочнице...

Лера только вздохнула, выходя из дому.

И пожалуйста – она все-таки вывела девочку на улицу!

– Так тепло ж было! – оправдывалась Зоя, когда Лера, вернувшись вечером домой, обнаружила, что у Аленки поднялась температура. – Чуть-чуть только ветерок, приятно даже.

– Приятно! – возмутилась Лера. – Апрельский ветер – ты что, не знаешь, какой он коварный? Да я уверена, ты без шарфа ее выводила или завязала плохо!

– Ну и сиди с ней сама, – надулась Зоя. – Я в няньки вообще не нанималась, мое дело в магазин сходить да пол помыть!

– Да уж придется теперь самой, – сузив глаза, сказала Лера. – Завтра же и придется, раз ребенок болен. А желающих ходить в магазин и мыть пол я найду и кроме тебя.

Давно уже прошли времена, когда Лера стеснялась поставить на место самоуверенного Кирюшу Старикова. Еще не хватало, чтобы ей хамила какая-то наглая тетка!

Почуяв, что дело пахнет керосином, та сразу переменила тон.

– Да я ж ничего, – примирительно сказала она. – Конечно, посижу. Я ж понимаю, раз мать в больнице...

– Посмотрим, – холодно сказала Лера. – Завтра приди, пожалуйста, к девяти.

На завтрашнее утро было назначено совещание в «Горизонте» у Стрепета, и Лера, кровь из носу, должна была присутствовать.

«А потом, конечно, придется дома засесть», – подумала она.

Аленка плохо спала ночью, дышала тяжело, пугая Леру глухим кашлем. Но к утру температура почти спала, и девочка заснула – как показалось Лере, спокойным сном.

Впрочем, врача она все-таки вызвала.

– Во второй половине дня, – сказали ей в регистратуре. – Потому что с утра у нее прием, мамаша, и нечего возмущаться! Или неотложку вызывайте.

Неотложку Лера вызывать не стала и сказала Зое, от испуга действительно пришедшей вовремя:

– Врач после обеда будет, я уже вернусь. Проснется Аленка – бульон ей дай и больше ничего. Шоколад – ни в коем случае, только леденцы от горла.

Совещание затянулось часа на три, потом пришлось еще заехать к себе в офис, – в общем, домой Лера почти бежала, боясь опоздать к приходу врача.

– А уже была! – встретила ее на пороге Зоя. – В больницу забрала,

представляешь?

– Как в больницу? – Ноги у Леры едва не подкосились. – Как это участковый врач мог забрать ребенка в больницу? Ты в своем уме?

– Да я чего – я ж ничего, – испуганно сказала Зоя. – Пришла врачиха, послушала, горло посмотрела. У нее, говорит, может быть круп. Точно, так и сказала – круп! Задохнуться, мол, ребенок может, в больницу надо. Ну, и забрала. Я пальтишко ей надела, белье собрала, ты не волнуйся.

– Какое белье! – закричала Лера. – Не могут ребенка в больницу забрать, когда матери дома нет! Да еще с чем – с кашлем! Ты что, позвонить мне не могла?

– Да я звонила, – сказала Зоя. – Ты на заседании каком-то была, секретарша сказала...

– Идиотка! – Лера кричала теперь так, что было, наверное, слышно на лестнице. – Надо было сказать, в чем дело, меня бы нашли!

Она села на стул в прихожей, постаралась успокоиться; руки у нее дрожали.

– Когда это было? – спросила она наконец. – И в какую больницу, сказала она тебе?

– Да часов в одиннадцать и было, – ответила Зоя. – Сказала, как не сказать! В Русаковскую, говорит, в Сокольники. И чего тут такого, чего ты кипятишься? Ну, полежит в больнице, выздоровеет скорее.

– Заткнись ты, а? – попросила Лера. – Видала дур, но чтоб таких...

Она быстро нашла в справочнике телефон Русаковской больницы и уже протянула руку к трубке, как вдруг телефон зазвонил, почему-то заставив Леру вздрогнуть.

– Послушай, – раздался негромкий мужской голос, – не надо звонить, людей беспокоить. Дочка твоя здоровая, мы о ней позаботимся.

– Кто это? – прошептала Лера, чувствуя, как холодеют руки. – Что с ребенком?

– Да ничего, говорю же, ничего с твоим ребенком не делается. Если ты умная будешь. Мы за ней три дня присмотрим, не бойся. Но за присмотр, сама понимаешь, платить надо.

– Кто это – мы? – Лера едва могла говорить, потому что зубы у нее начали стучать, как от озноба.

– Тебе какая разница, да? – оборвал ее невидимый собеседник. – Твое дело – деньги собирать.

– Сколько? – машинально спросила Лера.

– Вот это другой разговор! Сразу видно, деловая женщина. Сто тысяч в самый раз будет. Дня через три. Но, – в голосе зазвучала угроза, – сама

понимаешь, мы за тобой понаблюдаем и телефон тоже послушаем. Чтоб не болтала кому не надо и не ходила. В милицию там... Банкиру своему, из «Горизонта», тоже не говори, не надо. Зачем его охранников беспокоить? Те же менты, не ихнее это дело. Принесешь деньги – все будет тихо-мирно, поняла?

– Как тебя найти? – почти закричала Лера, с побелевшим лицом выслушав все это.

– Я тебя сам найду, – усмехнулся голос в трубке. – Через три дня.

Лера сидела на стуле, не в силах даже положить трубку на рычаг. Все это свалилось на нее так неожиданно, что она хватала ртом воздух, точно рыба на песке.

«Да быть этого не может! – лихорадочно вертелось в голове. – Но почему же не может? – тут же отвечала она сама себе. – Это происходит сплошь и рядом, ты сто раз об этом слышала и читала... Почему не может произойти с тобой?»

Но ведь не было ни угроз, ни звонков, ни каких-то опасных конкурентов! «Московский гость» работал совершенно спокойно, огражденный от любых эксцессов службой безопасности «Горизонта». Да и не было никаких эксцессов, туристический бизнес вообще был спокойным, если и возникали какие-нибудь конфликты, то они решались вполне мирно. А у нее и конфликтов ни с кем не возникало...

Лера закрыла лицо руками, уронив трубку на пол. Господи, что сейчас перебирать какие-то варианты, о чем можно думать, когда Аленка у каких-то людей, способных на все! Даже если им просто покажется, что Лера куда-то не туда пошла или позвонила...

Жуткие истории вспомнились ей, и она изо всех сил сжала виски руками, чтобы хотя бы физической болью отогнать от себя эти мысли.

– Ты чего, а? – испуганно тормозила ее Зоя. – Чего в больницу не звонишь, с кем говорила-то?

«Деньги! – вспомнила Лера. – Он сказал – сто тысяч. Где их взять в три дня, вот о чем надо теперь думать!»

Как всегда, когда надо было направить волю и силы на что-то конкретное, Лере стало не то чтобы легче или спокойнее, но она по крайней мере смогла немного собрать разбегающиеся мысли.

Она вспомнила голос в трубке – ей показалось, говорил кавказец, хотя акцент почти не чувствовался. Но чувствовался какой-то легкий отзвук акцента. Так не говорят ни азербайджанцы, ни грузины – но кто же?

И тут Лера похолодела, вспомнив, почему таким знакомым показался ей этот едва уловимый акцент. Ну конечно, она слышала его теперь каждый

день по телевизору, во время репортажей о чеченской войне! Именно так говорили полевые командиры-чеченцы, почти неотличимые от своих русских противников ни внешне, ни по выговору!

Прожив всю жизнь в интернациональном дворе на Неглинке, Лера привыкла не различать людей по национальности. Она даже не задумывалась об этом никогда. Но, работая в бизнесе, она достаточно была наслышана о том, на что способны чеченцы для достижения своих целей – на все способны...

Для нее вообще было непредствимо сознание людей, способных похитить ребенка. И ее пот прошибал при одной только мысли о том, что они могут сделать с Аленкой, если она, например, замешкается с деньгами...

Не думая больше ни о чем, Лера начала лихорадочно перебирать в уме все варианты добывания проклятых ста тысяч.

Этим был заполнен весь следующий день. У нее было ровно сорок тысяч – лежали в московском филиале австрийского банка. Дома было тысяч десять, на текущие расходы. И что еще? Драгоценностей у Леры почти не было: ей вообще больше нравилась эффектная бижутерия, чем бриллианты. Тряпки? Но за сколько можно продать даже самые роскошные тряпки? Разве что шубу...

Серебристая «Ауди» вовсе не была роскошной, Лера давно уже собиралась ее менять, чтобы не возиться с ремонтом. Так что на большие деньги за машину тоже нечего было рассчитывать. Да и разве продашь ее за один день?

Она вообще не понимала, что могло привлечь к ней этих похитителей – настолько далек от бьющей в глаза роскоши был ее образ жизни.

Но сейчас ей некогда было задумываться над этой странностью. Лера лихорадочно соображала, у кого можно занять денег. Если бы было хотя бы больше времени! Она нашла бы деньги, например, у Александра Алексиадиса: он знал ее доходы и поверил бы, что она скоро вернет долг.

Но вот так, сразу... Кто возьмет да и выложит на стол пятьдесят тысяч?

Как назло, даже Ната Ярусова, на которую отчасти можно было рассчитывать, была на конкурсе в Париже...

Была суббота, и Лера металась по квартире, так и не решив, что ей делать.

Зазвонил телефон, она схватила трубку так стремительно, словно могла узнать что-то об Аленке. Но звонила из больницы мама.

– Лерочка, – услышала она, – как у вас там дела? Ты почему не

приходишь? Я же волнуюсь!

– Приду, мама. – Лера еле заставила себя говорить как можно более спокойно. – Просто занята была очень, а завтра приду.

– А Аленочка с кем же остается? – встревожилась мама. – С Зоей? Кашляет?

– Нет, уже ничего, – ответила Лера. – Она спит сейчас.

– Ты ей весь распорядок дня поломаешь, – расстроилась Надежда Сергеевна. – Почему это она у тебя в шесть вечера спит? А ночью что будет делать?

– Сейчас разбужу. Правда, я и забыла...

Хорошо, что к больничному телефону была очередь; Лера услышала в трубке возмущенные голоса. У нее просто не было больше сил на то, чтобы обманывать маму...

«Неужели телефон действительно прослушивается? – вертелось у нее в голове. – А что особенного? „Жучки“ продаются даже на Митинском рынке, что стоит посадить где-нибудь в подъезде?»

В любом другом случае она прекрасно знала бы, что делать. Служба безопасности «Горизонта» могла проверить подъезд и офис, могла проследить за любыми подозрительными личностями. Но ведь сказал этот человек по телефону, чтобы она не ходила в «Горизонт»...

Пойти она все-таки собиралась, но не в «Горизонт», а просто к Женьке Стрепету. Хоть и не хотелось его обманывать, но больше ей не с кем было говорить о деньгах. Правда, Женьке невозможно было сказать правду, иначе он обязательно подключил бы «безопаску» – хотя бы для того, чтобы проверить, откуда вдруг взялись эти похитители, и оградить свой холдинг от подобных наездов.

Но Лера не могла этого допустить. Жуткий, спокойный голос с едва ощутимым акцентом так и звучал у нее в ушах, и что ей было до безопасности концерна!..

Надо было только придумать для Женьки что-нибудь правдоподобное. Например, что она хочет купить дачу. Да, это лучше всего: ребенок, свежий воздух... Он, может быть, и расспрашивать особенно не станет, ничего неладного не заподозрит. И пятьдесят тысяч – не слишком подозрительная сумма для дачи, а для Женьки это и вовсе немного...

Стрепет по-прежнему жил с родителями во втором подъезде их дома. Он, правда, как-то однажды женился и даже купил квартиру где-то на Пречистенке. Но семейная жизнь длилась месяцев семь, и вскоре Женька опять перебрался в родительский дом. Он, разумеется, не распространялся о причине развода, но Лера подозревала, что Женька просто не

приспособлен к жизни с любой женщиной, кроме любящей мамы.

Впрочем, это было неважно. Главное, Лера знала, где его искать по выходным. Женька терпеть не мог тусовок и всегда старался их избегать, Леру же и отправляя «в люди» при малейшей возможности.

Лера набросила куртку и уже открыла входную дверь, когда телефон зазвонил снова.

«Если опять мама, я с ума сойду», – подумала она.

Но в трубке звучал совсем незнакомый женский голос, и от слов, произнесенных этой женщиной, Лера едва не лишилась сознания.

– Слушай, почему это дочка твоя молока не пьет? – спросила та. – Она же маленькая, как же без молока?

Лера сглотнула подступивший к горлу ком, постаралась унять дрожь в голосе.

– Ей нельзя молоко, – сказала она как можно более спокойно. – У нее дисбактериоз был, ей теперь только кисломолочное можно. Потому и не пьет.

– А! – поняла женщина. – Ладно, дам кефир.

Она говорила так буднично, как будто Лера попросила ее посидеть с Аленкой пару деньков и следовало только уточнить подробности питания.

– А... Ты-то кто? – спросила Лера.

– А тебе какое дело? – В голосе женщины послышалась усмешка. – Может, тебе паспорт предъявить? Не бойся, получше тебя за ребенком присмотрю, у меня образование соответствует и времени побольше, чем у тебя.

– С ней... все в порядке? – спросила Лера.

– Конечно! Тоже мне, нашлась мамаша заботливая. – В голосе послышалась издевка. – Раньше надо было заботиться, когда черт знает с какой душой ее оставляла.

В трубке послышались гудки.

Больше всего Лера хотела бы сейчас упасть на пол, зарыдать и забиться в тишине пустой квартиры. Но слез не было, и ей нечего было рассчитывать на такое простое облегчение участи.

К счастью, Женька Стрепет был дома. Он валялся на тахте в спальне и ужасно удивился, увидев Леру на пороге своей комнаты, куда ее по-домашнему провела наивная Зинаида Фоминична.

Будь Лера в нормальном состоянии, она ни за что не пошла бы к Женьке домой по делу и, уж конечно, не вломилась бы в спальню. Теперь-то она имела достаточное представление о субординации и понимала, что детское

приятельство не играет никакой роли в делах. Они с Женькой не были друзьями, не проводили вместе свободное время – и с чего бы вдруг ей заставить его валяющимся в халате на тахте?

– Лера? – Женька с недовольным видом сел, опустив на пол ноги в высоких вязаных носках. – Извини, у меня вид немного... Что-нибудь случилось?

– Нет, Женя, ничего. Это ты меня извини, что я врываюсь... Да понимаешь, мне только что позвонили, предлагают дачу купить, и сравнительно дешево. Но заплатить надо наличкой сразу, и срочно, иначе уйдет. Ну, я и не хотела по телефону: о деньгах все-таки.

Вообще-то Женька был довольно проникновен, но Леру-то ему не в чем было подозревать. В самом деле, что тут особенного: срочно нужны деньги, почему бы не попросить у него? Женька был бережлив, но не жаден, а в Лериной надежности сомневаться не приходилось.

– Сколько тебе надо? – спросил он. – И когда?

– Срочно, Женя. Лучше всего сегодня. Пятьдесят тысяч, под любые проценты. Очень уж дача хорошая...

– Если ненадолго, так брось ты с процентами, – махнул он рукой. – Но сегодня... Я, как ты догадываешься, деньги дома в носке не храню. – По Женькиному лицу видно было, как неохота ему вдруг, ни с того ни с сего, слезать с тахты, одеваться, идти куда-то в выходной. – Да я дам, дам, – успокаивающе сказал он. – Но, может, подождешь до понедельника? Неужели ты прямо в воскресенье поехать собираешься?

– До понедельника подожду, – сказала Лера, стараясь не выдать своей радости. – Спасибо, Женечка, век не забуду!

– Да перестань ты! Когда вернешь-то?

Они договорились о сроках возврата и о том, что утром в понедельник Лера подъедет в «Горизонт» за деньгами.

«Даже лучше, – подумала она. – Все равно тот сказал – три дня. Чем дома деньги держать...»

Но она и предположить не могла, что именно эта удача с деньгами окажется для нее такой мучительной. До сих пор она собирала все силы для того, чтобы найти выход. А теперь...

Лера сидела в полутемной квартире, и картины, одна страшнее другой, мелькали в ее воображении. Что сейчас происходит с Аленькой – там, откуда звонила эта женщина? Как она чувствует себя – одна среди незнакомых людей? Господи, да ведь представить страшно, что может быть с ребенком от такого потрясения, она ведь совсем еще крошка!..

Лера ненавидела медленное течение времени, ненавидела

долгожданный воскресный день и готова была, как в детстве перед Новым годом, подкрутить стрелки на часах...

А тут еще позвонила мама, и голос у нее был бодрый.

– Лерочка, такая удача! – торопливо проговорила она. – Меня могут завтра выписать, ты представляешь? Анализы в общем-то неплохие, и палатный врач вчера сказал, что достаточно будет, как обычно, проколоть церебролизин амбулаторно.

– Может быть, все-таки лучше полежать? – спросила Лера, чувствуя, как вяло шевелится у нее язык в каком-то странном оцепенении.

– Да что ты! – воскликнула Надежда Сергеевна. – Я здесь куда больше нервничаю, чем дома, и ты там одна с ребенком... Нет-нет, завтра же! Ты во сколько сможешь за мной приехать?

– После обеда, мама, хорошо? – сказала Лера. – Много будет работы с утра.

«Должен же он завтра позвонить, сказал же – три дня! – лихорадочно думала она. – С утра возьму деньги, потом отвезу ему, заберу Аленку...»

Она боялась думать, что все это произойдет так просто, но ей страшно было представить, что может что-нибудь сорваться. И что делать тогда?

Не было в ее жизни страшнее ночи, чем эта, с воскресенья на понедельник. Лера не могла понять, спит она или бодрствует. Конечно, невозможно было считать сном то состояние, в котором она находилась – с круговоротом каких-то картин и образов, с короткими вспышками воспоминаний.

Но и явью не была ее лихорадка, ее видения, ясно встававшие в темноте, в провале ночного окна над кроватью.

Она все время думала об Аленке; никогда за всю ее маленькую жизнь Лера не думала о ней так много.

«И буду думать! – вертелось у нее в голове. – Господи, буду думать о ней всегда, только пусть ее отдадут!»

Она вспоминала, как впервые увидела свою дочку, как не могла отвести глаз от ее серьезного личика со смеженными светлыми ресницами, как прислушивалась к ее тихому дыханию и волновалась, почему это она не просыпается, не кричит, как другие дети...

Неужели все это могло быть отнято у нее по чьей-то злой воле, да кто же имел на это право! Лера не знала, кого винить во всем этом, хотя тяжелая, мучительная догадка о собственной вине уже преследовала ее.

Стрепет отдал ей деньги с утра, и Лера, бросив всю работу, поехала домой. А вдруг этот тип побоится звонить в офис? Она бросалась на

каждый телефонный звонок, но это был не он. Звонила Зоська, Сусанна, даже Кирилл – все о работе, о делах. Лере стало казаться, что весь мир превратился в какой-то огромный офис и вся жизнь свелась к бесконечному рабочему дню.

Наконец, часа в два, раздался звонок, которого она ждала. Но то, что сказал звонивший, заставило Леру без сил опуститься на пол.

– Нашла деньги? – спросил он.

– Да, – ответила Лера, стараясь говорить спокойно. – Когда привезете ребенка?

– Ишь ты, быстрая какая! Я, может, условия звоню уточнить. Заботы все-таки, сама понимаешь. Мы тут подумали и решили: мало мы с тебя попросили за труды...

– Что ж ты издеваешься надо мной? – медленно произнесла Лера. – Чего же ты хочешь от меня, что же у тебя за душонка подлая?!

– А ты меня не оскорбляй, не оскорбляй! – притворно возмутился собеседник. – Слова какие говоришь – душонка! При чем тут душонка, я тебе про деньги говорю. Мало, говорю, запросили. Короче, давай так договоримся: приноси двести тысяч, это будет по справедливости.

– Но где же я возьму столько? – прошептала Лера.

– А это твое дело! Эти же нашла, за три дня всего... Ну, и те найдешь, если сильно захочешь. Мы тебя торопить не будем. Не завтра, еще три дня дадим. Но больше – извини. Мы тоже рискуем, нам время тянуть незачем. А захотеть тебе надо, – добавил он злоеще. – Все-таки единственная дочь, мы понимаем, каково тебе будет ее лишиться. Я позвоню!

Он бросил трубку, а Лера почувствовала, что в глазах у нее темнеет и сознание медленно покидает ее...

Она не помнила, как пришла в себя, по-прежнему сидя на полу у телефона, как позвонила Зоське и отправила ее в больницу за Надеждой Сергеевной. Она чувствовала себя сомнамбулой, когда пыталась объяснить приехавшей маме, что произошло, стараясь хоть как-то смягчить для нее ужас случившегося.

– Но... Но как же так, Лерочка? – прошептала было та. – Как же такое может быть – с Аленочкой?.. И почему же вдруг?..

Но она тут же осеклась, увидев, каким мрачным блеском светятся глаза ее дочери. Надежда Сергеевна вовсе не была бестолковой клушкой и мгновенно поняла, в каком состоянии находится сама Лера и насколько не время сейчас для истерик.

Они сидели вдвоем в полном молчании, ни у одной из них не хватало сил даже на то, чтобы просто зажечь свет.

– Я найду, найду деньги, – вдруг произнесла Лера, глядя перед собой остановившимися глазами. – Не может быть, чтобы я их не нашла...

– Но Лерочка, – робко сказала мама, – ведь ты уже нашла один раз – и что? Они попросили больше... Думаешь, это не повторится?

– А что делать? Что же делать, мама?!

– Может быть, пойти в милицию? – предположила та.

– Но я боюсь, боюсь, как ты не понимаешь! Я только из дому выхожу, а мне уже кажется, они за мной следят! Неужели они не увидят, куда я пошла? Нет, не пойду, не могу! Не может быть, чтобы не отдали за двести тысяч, должна же в них хотя бы алчность проснуться...

Но легко было говорить в отчаянии – «найду»! А где на самом деле взять такие деньги? Женька Стрепет был единственным, кто вообще мог дать без расспросов, и к нему пойти было уже невозможно...

Вдруг в Лериной голове мелькнула стремительная догадка.

– Подожди, мама, – сказала она. – Я завтра еще кое-что попробую... Или нет – сегодня!

И правда, зачем было ждать, пока Валик Старогородский появится завтра на работе? Лера знала, где он живет, и как можно было провести еще целую ночь в неведении?

Ее «Ауди» неслась по вечернему Садовому кольцу так стремительно, словно спешила на пожар. Да то, что полыхало в Лериной груди, и было пожаром, который она судорожно пыталась погасить.

«Только бы дома был, только бы не у бабы и не в командировке! – заклинала она. – Ну что ему стоит быть дома?!»

Валентин сам открыл ей дверь.

– Лерик! – восхищенно воскликнул он. – Вот кого не ожидал увидеть! Ты как это вдруг обо мне вспомнила в такой поздний час, а, потрясающая женщина?

Но, увидев потемневшее Лерино лицо, Валентин тут же посерьезнел.

– У тебя случилось что-нибудь? – спросил он.

Голос у него стал по-настоящему встревоженным, и Лера на минуту почувствовала даже раскаяние в том, что всегда считала его таким циничным плейбоем. А разве не он был единственным мужчиной, защитившим ее когда-то от наркомана на Переделкинском рынке?

Они прошли на кухню. Дверь в комнату Валентин быстро прикрыл, на ходу извинившись перед Лерой:

– Я, видишь ли, не совсем один... Но ты ее не знаешь.

Ей было не до того, чтобы размышлять, с кем проводит время Валик

Стар. Присев на край табуретки, Лера быстро начала говорить...

Чем дольше слушал ее Валентин, тем более мрачным становилось его лицо.

– Ну, – сказал он наконец, – а от меня-то чего ты хочешь? Думаешь, я могу достать из кармана сто тысяч баксов?

– Да нет, Валя, нет же! – воскликнула Лера. – Но я думаю, ты мог бы что-то сделать... Ты же в такой газете работаешь, я же понимаю ваши возможности. Мне показалось, тот мужчина – чеченец, по акценту показалось. Неужели нельзя из этого хоть что-нибудь выяснить? Тем более, Зоя сказала: женщина, которая Аленку увезла, на татарку похожа. Зойка терпеть их не может, татарок, у нее одна мужа увела – говорит, за версту теперь узнает... Такая характерная парочка, Валик! – воскликнула Лера, едва сдерживая слезы. – Неужели невозможно их вычислить, неужели никто их не знает?!

– Может, кто и знает, – задумчиво сказал он. – Но почему ты думаешь, что я связан с людьми, которые могут их знать?

– Пусть ты не связан, но я же читаю вашу газету! – продолжала Лера с прежней страстью. – Вы во все дырки лезете, у вас везде информаторы! Попроси кого-нибудь, Валик, пусть их найдут, пусть их остановят!

Она все что угодно готова была сейчас отдать за то, чтобы Валентин согласился. Но он молчал, глядя куда-то в сторону, в окно.

– Видишь ли, Лерик, – произнес он наконец, – все это не так легко, как ты думаешь... Это ведь не просто сбор информации. Тут уже есть риск влезть в неприятную историю – даже если только поинтересоваться, в чем дело. За такие расспросы знаешь что может быть?

– Но я думала... – прошептала Лера. – Я ведь так давно тебя знаю, Валя... Неужели ты боишься даже спросить?!

Она смотрела на него с ужасом. В чем угодно можно было заподозрить Валентина Стара, только не в трусости. И не в том, что он, самолюбивый и склонный к рисовке, так легко в этой трусости признается.

– А что тут такого? – воскликнул Валентин. – Да, боюсь, а почему бы мне не бояться? Чеченец, ты говоришь? Лера, ты не девочка и не с Луны свалилась! Ты что, не понимаешь, в какое осиное гнездо можно влезть, если начать интересоваться чеченскими разборками?! Да я, если хочешь знать, такими делами вообще не занимаюсь! Я репортер, и все на этом! Интервью с бомжем! Женщина-столик в сауне у «новых русских»! Собака миллионера воеет на портрет Карла Маркса! Что там еще? Но не чеченцы, не киднепинг – это не по моей части, это уж извини!..

Он встал, закурил, взволнованно заходил по кухне. Лера сидела

неподвижно, словно окаменев, глядя перед собой остановившимися глазами. Бросив на нее быстрый взгляд, Валентин сказал, стараясь придать своему голосу как можно больше сочувствия:

– Лерик, я все прекрасно понимаю. Конечно, ребенок... Я бы тоже на твоём месте черт знает к кому бросился! Но пойми, я действительно ничего не могу для тебя сделать. Ты же такая решительная, у тебя столько знакомых, неужели не сможешь деньги собрать? Честное слово, это было бы самое разумное...

– Да, разумное, – машинально повторила Лера. – Ты прав, Валя.

– Ну вспомни, – продолжал он, не расслышав прозвучавшего в её голосе отращения. – Вспомни, кто из твоих близких знакомых может быстро найти деньги? Да я бы на твоём месте все для такого сделал, ей-богу! Ты уж меня извини, Лерик, но благосклонность такой женщины, как ты, тоже кое-чего стоит. Может, не сто штук, но все же... Что ты, маленькая, не понимаешь?... Ну, пораскинь мозгами, неужто не вспомнишь мужика какого-нибудь?

Лера вздрогнула, услышав его слова. С присущим ему цинизмом Валентин высказал то, что она и сама отлично понимала. Ей и вспоминать не надо было...

Не говоря ни слова, она встала, пошла к двери.

– А на меня ты зря обиделась! – крикнул ей вслед Валентин. – Надо трезво смотреть на вещи и реально оценивать возможности каждого!

Обратно Лера ехала медленно, почти не нажимая на газ: спешить было некуда...

– Лерочка, ты ушла, а тут эта звонила! – встретила её бледная, держащаяся за сердце мама. – Так спокойно говорит, как будто и правда детский врач какой-нибудь! Купила, мол, клубнику, так можно ли давать, нет ли диатеза? Я ей говорю: «Как же вам не стыдно, что же вы с нами делаете?» А она так вежливо мне: «Не волнуйтесь, девочке у меня хорошо, а деньги ваша дочка найдет, она знает где». Что это значит, Лерочка, скажи мне, не скрывай! Ты правда знаешь?

Мама смотрела на неё с таким отчаянием и одновременно с такой надеждой в глазах, что Лера отвела взгляд. Мама всегда надеялась на неё, свою необыкновенную дочку, с самого детства...

– Я должна ещё подумать, мама, – выдавила она наконец. – Ещё есть время...

На самом деле времени не было: первый день закончился в тот вечер, когда она ездил к Валентину. Ровно через сутки деньги должны быть у неё, и ничего изменить невозможно.

На работу Лера не ходила, сказавшись больной. Сидела у телефона, хотя и не звонила никому. Вдруг снова позвонит эта женщина, вдруг ее подельник потребует еще чего-нибудь?

Сама-то Лера понимала, кому должна позвонить, но все еще пыталась оттянуть время, словно надеясь на чудо. Все равно она знала, что получит деньги сразу, как только решится набрать знакомый номер...

Она чувствовала, как медленно, словно выдуваемая сквознячком, выходит из нее душа. И на ее месте остается пустая черная дыра, которую уже ничем не заполнить.

Телефон зазвонил наконец, и Лера тут же схватила трубку.

– Да! – закричала она. – Да, я слушаю!

– Лера, ты? – услышала она. – Сто лет я тебя не слышал, подружка, голос твой уже не узнал!

– Митя... – прошептала она, чувствуя, как слезы подступают к горлу. – Митя, это ты?..

– Ну конечно! А почему так печально?

Детством повеяло на нее, счастливым временем, когда не было в ее жизни всего этого кошмара, и сама она была совсем другая, и самым опасным человеком был Витька Жох... Но чем могло ей сейчас помочь ее детство?

– Лера, что с тобой случилось? – повторил Митя. – Ты почему молчишь? Может, мне приехать?

Он предложил это сразу, как будто они разговаривали не несколько месяцев назад, перед тем концертом, на который она не успела, а только вчера, и он прекрасно знал все, что с ней происходит.

Но жуткая, черная пустота уже зияла у нее внутри, и ни о чем не могла она думать, кроме того звонка, который был неизбежен.

– Нет, Мить, не надо приезжать, – с трудом произнесла Лера. – Ничего страшного, все разрешимо...

– Думаешь, не надо? – переспросил он. – А по-моему, надо. Что это у тебя за слова, могилой какой-то веет! Ты сказала бы мне все-таки, что случилось. Все равно я узнаю, от Вены до Москвы не так долго лететь.

Но она не могла сейчас говорить с Митей. Ей казалось, он находится на каком-то острове, от которого сама она отплывает – навеки.

Лера положила трубку, даже не простившись. И тут же, словно боясь, что потом ей не хватит решимости, сняла ее снова.

– Стас, – сказала она, – мне нужно поговорить с тобой. Нет, не присылай машину, я сама сейчас приеду.

Глава 9

Стас вышел из дому, услышав звук ее машины у ворот, и быстро пошел ей навстречу, открыл дверцу.

– Приехала... – сказал он. – Я уже не верил, ни во что не верил...

– Приехала, – сказала Лера, останавливаясь рядом с машиной. – Но я не потому... Я в жуткой ситуации, Стас, мне нужна твоя помощь!

– Пойдем в дом, – предложил он. – Что мы будем на ветру разговаривать?

Лера присела на край дивана в гостиной, достала сигарету из сандаловой папиросницы, закурила – и тут же затушила сигарету. Ее была нервная дрожь, она не знала, с чего начать. И к тому же ей вдруг показалось, что он поможет ей просто так...

– У меня похитили дочь, – сказала она. – Я нашла сто тысяч, но они теперь требуют двести, завтра. Больше мне денег до завтра не найти, только у тебя. Ты можешь мне их дать – одолжить, Стас, под любые проценты?

– Проценты... – медленно произнес он. – Да я тебе все готов дать, что только пожелаешь, неужели ты не понимаешь?

– Не надо об этом сейчас, прошу тебя! – воскликнула Лера. – Не надо это связывать! Мне нужны деньги, я прошу их у тебя, зачем же ты...

– Просишь! – усмехнулся он. – Ты даже сейчас приказываешь! Но и это неважно – главное, что ты здесь...

Не отвечая на ее вопрос, он откинулся на мягкую спинку дивана, выпустил облако сизого дыма. Потом вдруг резко бросил сигарету в большую хрустальную пепельницу, пружинисто поднялся и подошел к Лере. Глаза его горели, губы дрожали. Не говоря ни слова, он взял Леру за плечи и, подняв с дивана, привлек к себе.

Она понимала, чем может обернуться сейчас каждое ее движение – она знала неумный огонь его желания и его гнева. И все-таки ей хотелось убедиться окончательно...

– Мне нужны деньги, Стас, – медленно повторила она, упираясь руками в его грудь, ходуном ходящую под тонкой светло-зеленой рубашкой. – Неужели ты хочешь, чтобы это было... вот так?..

– Я тебя хочу, – то ли прошептал, то ли простонал он. – О чем ты говоришь, о каких деньгах? Я не могу больше ждать...

– А если я не соглашусь? – тихо спросила она, понимая, какого зверя

дразнит в нем. – Ты дашь мне деньги, если... если ничего не будет?

– Будет! – он встряхнул ее за плечи. – Ты все получишь, ты со мной все что хочешь можешь делать! Но – будет, будет! Я не для того столько мучился, я не для того... Чтобы ты сейчас мне говорила – не будет!

– Ты меня, значит, хочешь? – сузив глаза, произнесла она. – И ты уверен, что не хочешь больше ничего?

Он молчал.

– Ты получишь то, что хочешь, – сказала Лера. – Но деньги положи на стол. Я хочу быть уверена, что тоже получу то, за чем приехала.

– Зачем ты так, Лера? Почему ты считаешь меня животным? – произнес было он, но тут же почему-то осекся.

С трудом оторвав от нее руки и не отрывая взгляда, Стас попятился назад, нащупал витой ключик в дверце секретера. Дверца открылась с мелодичным звоном, Стас достал нераспечатанные пачки долларов и положил на стол.

– Сто, – сказал он. – Можешь не пересчитывать.

Голос его звучал хрипло, руки дрожали. Но это было Лере уже безразлично. Ее последняя надежда на то, что удастся избежать неизбежного, оказалась напрасной. И ничто уже не могло заполнить зияющую пустоту в том месте, где была душа.

Так о чем же еще было беспокоиться?

– В спальню пойдём? – спросила она. – Там, я думаю, будет удобнее.

Лера быстро спустилась по лестнице со второго этажа, на ходу застегивая длинный пиджак. Ее бил озноб, и она торопилась.

Деньги лежали на столе рядом с пепельницей, она взяла их и положила в сумочку. Она уже ни о чем не думала, ей все было безразлично, кроме этих денег, которые надо было отвезти тому человеку с едва уловимым акцентом.

Стас сбежал вслед за нею по лестнице.

– Лера, подожди! – крикнул он. – Ну подожди, прошу тебя, Лера! Я же не хотел, я не хотел так...

– Не хотел? – усмехнулась она. – Ты же сам сказал, что именно хотел. Я плохо удовлетворила твоё желание?

Лицо его исказилось, он заговорил быстро, как в бреду:

– Я сам не знаю, Лера, что это такое, я сам не понимаю... Я многого в своей жизни хотел, я умел хотеть и умел добиваться. Но ничего так, как тебя! Ни деньги, ни славу, ни одну женщину!.. Прости ты меня, забудь ты все! Я тебя на руках буду носить, пылинки буду с тебя сдувать, Лера!

Только останься, прошу тебя...

– Ты же мне сказал, что не хочешь больше ничего? – медленно, едва ли не по слогам, спросила она. – Ты и не получишь больше ничего, ты все уже получил, что способен был взять. Или ты хочешь отнять у меня деньги – посчитал, что заплатил слишком дорого за свое удовольствие?

– При чем тут деньги! – воскликнул он. – Да пропади они пропадом, разве мне до них?

– А мне – до них, – сказала Лера. – Я пришла к тебе из-за денег, ты согласился, получил и расплатился. Чего тебе еще надо от меня?

Не глядя на него больше, она вышла во двор, открыла машину.

«Лучше бы не садиться за руль, – мелькнуло у нее в голове. – Или нет, все равно, я же сейчас спокойнее, чем сюда пришла».

Она знала, что не забудет этого никогда. Искаженное лицо Стаса, его голое огромное тело, подминающее ее под себя, его страстные стоны и какие-то ненужные слова, которых она все равно не слышала...

Понимая, что эти минуты – последние, что она ни за что не останется с ним по собственной воле, он торопился взять от каждого мгновения как можно больше. Он судорожно наслаждался ею, выбирая все новые и новые позы, не зная устали. Нависал над нею, заставляя ее приподниматься к нему, резко ударял вниз с коротким выдохом и замирал, прежде чем приподняться снова, для новых движений.

– Повернись... – вдруг хрипло просил он, когда Лере казалось, что вот-вот он насытится ею и все наконец прекратится. – Теперь хочу, чтобы ты сверху... Еще хочу тебя, еще...

И он переворачивался на спину, закидывал голову, сжимая руками ее грудь. Его широкий кадык судорожно дергался в такт Лериным движениям. Стас словно доказывал, что может доставить удовольствие и ей, словно пытался удержать ее своей мужской неутомимостью.

Но она видела только, как двигаются его мускулистые бедра – то над нею, то под нею – как при каждом ударе внутрь, в нее, напрягается железный пресс, поросший светлыми курчавыми волосами. И, подчиняясь каждой его прихоти, ждала, когда же все это прекратится.

Оторвавшись от нее наконец, весь в поту, он попытался ее поцеловать, но Лера отстранилась, прикрыв губы рукой.

– Все, – сказала она. – Сеанс окончен. Я могу быть свободна?

Он хотел что-то сказать, но промолчал, точно захлебнулся собственными словами. И тогда она оделась, набросила свой длинный оливковый пиджак и вышла из спальни, застегиваясь на ходу.

Кажется, ночью она спала. Во всяком случае, она провалилась в такую черную пустоту, которая не могла быть явью. Но ведь и в ней была та же пустота, чему же было удивляться?..

Внешняя пустота исчезла утром, когда она открыла глаза и увидела синее рассветное окно. А внутренняя осталась.

Случайно глянув в зеркало в ванной, Лера не узнала себя. Глаза ее не казались больше янтарными – они потухли, обведенные синими кругами. Уголки губ были опущены вниз не с обманчивой и пленительной печалью, а с видом полной безнадежности.

Но и это было ей безразлично. Она ждала звонка, все остальное не существовало.

Он позвонил, как и в прошлый раз, часа в два.

– Деньги у меня, – сказала Лера, узнав его голос. – Куда я могу приехать за ребенком?

– Ты вот что, – сказал ее незримый и ненавистный собеседник. – Я вот что хотел тебе сказать... Деньги нашла, молодец, но ты подожди пока, да?

Ей показалось, что в его голосе промелькнули едва ли не извиняющиеся интонации.

– Почему я должна ждать? – спросила она, холодея. – Ты же сам меня торопил...

– Ну торопил, торопил! А теперь самому поторопиться придется. Знал же, так и знал, не надо с бабой связываться, Аллах не знает, что у нее на уме! Но не самому же мне было ребенку сопلي вытирать... Исчезла она, понимаешь? Взяла девчонку и исчезла. То-то она ревела над ней вчера весь вечер, как же я не догадался! Но ты не думай, – торопливо добавил он. – Ты деньги припрячь получше, я ее, суку, из-под земли достану! Я такой человек – если обещал, сделаю. Привезу тебе твою дочку, не сомневайся. Придется подождать, но теперь ничего не поделаешь. Позвоню!

С этими словами он снова бросил трубку.

«Значит, и это напрасно, – поняла Лера. – Все напрасно, и остается только исчезнуть навсегда – после всего, что случилось...»

Хорошо, что мама не слышала этого звонка. Пока Лера говорила, она как раз открывала кому-то дверь, с кем-то разговаривала шепотом в коридоре. Потом вошла в комнату, стараясь не поднимать на Леру опухшие глаза.

– Митенька приехал, – сказала она. – Может, с ним поговоришь, он что-нибудь посоветует?

Но Митя сам уже входил в комнату.

Он остановился на пороге, как будто споткнулся, глядя на Леру. Она

подняла на него равнодушные глаза.

– Зачем ты приехал, Митя? – спросила она с полным безразличием в голосе, не ожидая ответа. – Ее нет, теперь ее не найти. Я только что разговаривала с этим... Его женщина увезла ее, он сам не знает, куда. А я нашла деньги, – усмехнулась она. – Это оказалось не так уж трудно. Нашелся мужчина, готовый заплатить мне сто тысяч за небольшую половую услугу, представляешь? Я и не думала, что котируюсь так высоко.

Надежда Сергеевна ахнула у Мити за спиной.

Не обращая внимания на Лерины слова, Митя присел перед ней на корточки – он всегда так делал в детстве, но и это было теперь неважно.

– Скажи, ты обращалась хоть к кому-нибудь? – спросил он, взяв Леру за руку. – Ты хоть кому-нибудь пыталась сообщить об этом или так и делала все сама?

– Кому? – снова усмехнулась Лера. – Милиции?

– Хотя бы и милиции. Ты газеты читаешь? Это ведь редчайшее дело, чтобы в таком случае ребенка не нашли! Тем более, ты столько знаешь об этих людях. Да ведь эта женщина, может быть, с домашнего телефона сюда звонила... Как же так можно, Лера?

Кажется, Надежда Сергеевна все успела ему рассказать. Лера подумала, что прежде, наверное, заплакала бы, услышав Митин голос, увидев его рядом. Но сейчас она уже не могла плакать.

– Вот что, – сказал он, – сейчас же пойдем, нечего больше ждать.

– Куда? – спросила Лера, послушно вставая.

Митя не ответил, подавая ей плащ.

– Ключи возьми от машины, – только и сказал он.

Лера заметила, что его чемодан стоит у них в прихожей – значит, он и домой даже не зашел. Она машинально взяла сумочку с ключами и документами, вышла вслед за Митей из квартиры. Он сам сел за руль, и Лера, словно со стороны, подумала: а ведь она ни разу не видела, чтобы он водил машину.

– Ты водишь? – спросила она, не глядя на Митю, не отводя глаз от лобового стекла, но не видя мелькающих светофоров, машин и пешеходов. – Когда же ты научился?

– А как, по-твоему, я перемещаюсь по белу свету? Везде езжу, не пешком же ходить.

– Куда мы едем? – спросила Лера.

– В милицию едем, – ответил он. – Это сразу надо было сделать, они же тебя просто запугали как дурочку последнюю. Почему ты ничего не говорила мне, Лера?

От него исходила та уверенность, которую Лера всегда чувствовала в нем, с самого детства, причины которой никогда не понимала. И она чуть-чуть успокоилась, съежилась на сиденье. Но черная пустота не уходила, это уже не зависело от спокойствия или непокоя...

– Я не могла говорить об этом, Митя... – ответила она. – Я знала, что это должно было случиться, я сама во всем виновата. Если бы я жила иначе, ничего не произошло бы с Аленкой, я все равно как сама это сделала. Но я не могу объяснить, это непонятно, этого все равно никому не объяснить...

Она смутно помнила, как входила вслед за Митей в какую-то неприметную дверь под милицейской вывеской, как ждала, пока выйдет к ним коренастый молодой человек в штатском, представившийся старшим лейтенантом Трофименко, как писала заявление и отвечала на его вопросы, диктовала Зоин телефон.

– Странная вы, Валерия Викторовна, – укоризненно сказал Трофименко. – Выглядите разумной женщиной, а поддались какому-то психозу.

– Это же моя дочь, – тихо произнесла она.

– Да нет, я не о том. Понятно, что вы волновались. Я говорю, нельзя же так! Так бабка малограмотная талдычит: вся милиция, мол, под ними, и все тут. Конечно, нет дыма без огня, – оговорился он. – Но все же... Не до такой же степени, чтоб ребенка искать не стали! Это же все-таки не «Жигули» в угоне.

– Что мне делать? – спросила Лера.

– Ничего, – сказал Трофименко. – Немедленно ставить лично меня в известность обо всем, что связано с этим делом, и ничего не предпринимать самостоятельно. Ждать, пока мы найдем вашу дочку.

– Когда найдете?

– Если бы я знал! Постараемся, конечно, побыстрее. Вот вы странная какая тоже – то вообще носа не кажете, то требуете, чтобы вам ее через полчаса доставили!

Этот вопрос – было последнее, что произнесла Лера. Она все силы собрала для того, чтобы поговорить с коренастым старлеем, и больше сил не было. Митя тоже молчал. Они сели в машину, он положил руки на руль, но не трогался с места.

– Если бы я знал... – сказал он наконец. – Почему ты мне хотя бы не сказала, что тебе деньги нужны? Хоть от этого я мог бы тебя избавить...

Он посмотрел на нее, и Лера увидела в его глазах такую боль, какой не видела даже после смерти Елены Васильевны. Она молчала. Ей было уже

все равно; даже жалости к себе она не чувствовала.

Следующие два дня она не вставала вообще. Лежала, отвернувшись к стене, ничего не ела, ужасая маму.

– Лерочка, нельзя же так, – просила она. – Митя, хоть ты ей скажи! Лерочка, детка, неужели лучше будет, если и с тобой что-нибудь случится?

В ответ на эти просьбы Лере удавалось проглотить немного бульона. Именно удавалось, она видеть не могла еду.

Иногда она видела Митю рядом со своей кроватью, но не могла понять, приходил он, или уходил, или сидел рядом непрерывно...

Позвонили ей ровно на третий день.

– Валерия Викторовна, – произнес в трубке чуть картавящий мужской голос, – капитан Медведев беспокоит, из уголовного розыска. Ваша девочка у нас, вы можете приехать за ней.

– Куда? – спросила Лера.

Она не верила, что слышит этот голос наяву, а не в бреду. Она чувствовала, что еле шевелит губами и боялась, что собеседник просто не расслышит ее.

– На Петровку, – ответил он. – Пропуск я вам выпишу.

– Она... живая?

– Ну конечно! Живая-здоровая, плачет только. Поскорее приезжайте, пожалуйста.

Мама вбежала в комнату, остановилась рядом с Митей.

– Нашли? – спросил он. – Что же ты молчишь, Лера?!

– Нашли, – ответила она. – Она плачет...

– Еще бы ей не плакать! Так поехали скорее. Сказали тебе, куда?

До Петровки можно было добежать пешком, но они зачем-то сели в машину. После полного отчаяния и неподвижности Леру снова колотила лихорадка, и Митя не стал с ней спорить.

Едва взглянув на Леру, капитан Медведев тут же усадил ее в кресло, налил теплой минералки.

– Постарайтесь успокоиться, – попросил он. – Вы же мать, ребенок взволнован, зачем же еще больше ее будоражить? Успокойтесь, Валерия Викторовна, все уже кончено и ничего больше не будет, можете мне поверить!..

– Где она? – спросила Лера.

– Да здесь же, в конце коридора. С ней наша сотрудница пока сидит, а вообще-то мы их вот только что привезли. Обоих...

– Эта женщина тоже здесь? – прошептала Лера.

– Я веду это дело и буду с ней работать, – объяснил Медведев. – А вообще-то можете считать, что вам повезло с этим ее самостоятельным похищением. Тот, Асланбек – серьезный товарищ, с ним подольше пришлось бы повозиться, да и брать нелегко, когда ребенок у него в руках. А Розу эту найти было нетрудно. Успокоились, Валерия Викторовна? – спросил он, вставая. – Пойдемте, заберете ребенка.

У входа в комнату в конце коридора Митя придержал Леру за плечо и первым открыл дверь. Лера вошла вслед за ним и тут же увидела Аленку. Девочка сидела в кресле у стола и рисовала шариковой ручкой на большом листе бумаги.

Лера не видела ее всего чуть больше недели, но Аленка вдруг показалась ей совсем другой. На ней было какое-то новое платьице с голубыми кружевами, волосы не падали, как обычно, на плечи свободными светлыми локонами, а были завязаны в два аккуратных хвостика с голубыми бантами. Лицо у нее было заплаканное, но вовсе не несчастное, даже не бледное. Она рисовала старательно, высунув язык и шмыгая носом. Услышав, что кто-то вошел, Аленка подняла глаза.

– Аленочка... – прошептала Лера. – Боже мой...

Но вместо того чтобы броситься к маме, девочка вдруг заплакала так горько, как будто у нее отняли любимую игрушку.

– Не хочу-у! – кричала она. – Уходи-и, не пойду-у с тобой! Я к Розе хочу-у!..

Потом она шмыгнула под стол и продолжала плакать уже там; молоденькая девушка в форме тщетно пыталась ее оттуда извлечь.

Лера стояла на пороге, чувствуя, что леденеет, каменеет и не может сделать ни шагу. Выдержать еще и это она уже просто не могла.

Митя быстро взял ее за плечи и почти вытолкнул в коридор.

– Пусть она у вас пока посидит, – попросил он Медведева. – Я сейчас девочку отвезу домой и вернусь за ней.

Пока не закрылась дверь, Лера видела, как Митя заглядывает под стол и вытаскивает оттуда рыдающую Аленку.

– Не стоит обращать внимания, – уговаривал ее Медведев, пока они шли по коридору, и потом, уже в его кабинете. – Это же естественно, ребенок маленький, вдруг оказался вне дома. Конечно, она хватается за того, кто о ней заботится, но это совершенно ни о чем не говорит! У взрослых людей тоже бывает подобное. Стокгольмский синдром, слышали о таком? Приедете домой, девочка успокоится, и все будет в порядке.

– Я должна поговорить с этой женщиной, – вдруг сказала Лера.

– Вы уверены, что вам это необходимо? – Медведев внимательно

посмотрел на нее.

– Да, я должна с ней поговорить, – повторила Лера.

Наверное, его обмануло Лерино спокойствие. Ведь он не знал о черной пустоте у нее внутри, в которую постепенно проваливались все чувства – и волнение тоже...

– Что ж, – сказал он, – я не против. Тем более, это следствию может помочь.

Лера не замечала череду одинаковых комнат, мимо которых вел ее Медведев. Она и ту комнату, в которую они вошли наконец, совсем не разглядела – только женщину, сидящую на стуле. Ее она видела так ясно, как ничего и никого не видела за все эти дни – словно в последней вспышке сознания.

– А, мамаша! – сказала Роза. – Надо же, поинтересовалась дочкой!

– Прекратите, Юсупова, – сказал Медведев. – Вам стыдно должно быть, хотя бы перед матерью, а вы еще претензии к ней предъявляете!

– Извините, – повернулась Лера к Медведеву. – Извините, как вас зовут – Вадим Николаевич? Вадим Николаевич, мы можем поговорить с ней... вдвоем?

– Можете, можете, – кивнул Медведев. – Но я о вас же забочусь. Дамочка эта... Откуда в людях столько злости?

С этими словами он вышел из комнаты.

– Побеспокоилась наконец о дочке? – повторила Роза, когда дверь за ним закрылась. – Мне еще стыдно должно быть перед ней!

Лера смотрела на нее в упор, точно стараясь запомнить черты ее лица, ее голос и взгляд. Глаза у Розы горели, впалые щеки покраснелись, она то и дело поправляла прядь рыжеватых волнистых волос, выбивающуюся из узла на затылке.

– Зачем тебе это было нужно? – спросила Лера, не отрывая глаз от Розы.

Услышав Лерин голос, та вдруг не то чтобы успокоилась, но стала говорить чуть тише, без прежнего надрыва, и даже присмотрелась к Лере.

– Зачем, зачем! – сказала она, сцепив руки и перебирая худыми пальцами. – Сначала низачем. Аслан сказал за ней присмотреть, пока он деньги получит, я и взялась. Он же мне вроде как муж был, хоть и не расписаны. А потом... Она такая у тебя – я таких не видела детей! Нежненькая вся такая, беленькая, как цветок... Сначала все плакала, к бабушке просилась, а через два дня привыкла ко мне – стишки мне рассказывает, песенки поет, такая умница... – Роза всхлипнула, приложила ладонь ко рту. – Господи, мне бы такую дочку! А тебе она зачем? – вдруг воскликнула она. – Зачем тебе вообще ребенок, ты мне скажи? Я же

следила, мы с Асланом следили, чтобы ее взять... Ты домой приходишь поздно, не видишь ее, знать ее не знаешь! Тебе деньги нужны, или что там – карьера, мужчины, кабаки? Зачем она тебе?

Роза смотрела на Леру почти умоляюще, губы у нее дрожали.

– Что ты говоришь? – с трудом проговорила Лера. – Как это она мне не нужна?

– Да так! Ты себе, если потом захочешь, другую родишь. Хоть от этого своего, который деньги тебе дал... А мне не родить, у меня матка вырезанная. Первый муж в семнадцать лет ногой ударил, потом опухоль, пришлось удалять... Отдай ее мне, а? – лихорадочно произнесла Роза. – Я медсестра, я бы хорошо за ней ухаживала...

– Перестань! Неужели ты в самом деле думаешь, что я без нее обойдусь? – Лера смотрела на нее расширенными, остановившимися глазами.

– А то нет! Да одно только, что ты с мужчиной спишь, который Аслана надоумил... Разве настоящая мать променяет ребенка на мужчину?

– Что ты говоришь? – с ужасом спросила Лера. – Какой еще мужчина?

– Да этот же твой, богатый, к которому ты за деньгами должна была приехать! Он так и сказал Аслану: опасности никакой нету, она ко мне сразу приедет, я ей денег дам – и все! Вы свое получите за работу... Мы так и думали. А потом он звонит: нет, не едет, просите больше. А Аслан мне говорит: а на кой нам вообще долю какую-то получать? Она нам деньги все привезет, а там видно будет. Ну, я и испугалась: вдруг он что-нибудь сделает с ребенком, чтоб следы скрыть? Он на все способный, ему человека убить – что чихнуть, тем более у них война, он русских вообще ненавидит, хоть детей, хоть кого... Я хотела к матери с ней уехать, в деревню, никто бы не нашел, да не успела...

Ясно, как в замедленном кино, Лера вспомнила, как Стас достал из шкафа пачки долларов и сказал: «Сто, можешь не пересчитывать». Приготовил, значит... Потому и не сопротивлялся, когда она чуть не в лицо ему плевала, потому и не пытался удержать...

– Твой откупится, – убежденно сказала Роза, словно угадав ее мысли. – Аслан в Чечню собирался уйти, не вернется в Москву. На него теперь все валить можно как на мертвого.

– Я не знаю, что для тебя сделать... – медленно, как во сне, сказала Лера.

– Да что ты для меня сделаешь – мне все равно, – тусклым голосом ответила Роза. – Зачем мне такая жизнь? Мне что воля, что тюрьма...

– Валерия Викторовна! – Медведев заглянул в комнату. – Пора

заканчивать. И родственник ваш за вами пришел...

– Она сразу успокоилась дома, – сказал Митя, когда они вышли за ворота МУРа и пошли по Петровке в сторону бульвара. – Не надо обращать на это внимание. Ты представь только, что она пережила...

– Я понимаю, – машинально кивнула головой Лера. – Не обращаю.

Она действительно ни на что не могла обращать внимание. Кажется, это началось с той самой минуты, когда она поднялась в спальню Стаса Потемкина.

И теперь она даже не различала цвета: ей казалось, мир прокручивается перед нею, как черно-белое кино. Они шли с Митей по Петровскому бульвару, потом по Неглинке. Здесь прошло их детство, ни одно место на земле Лера не любила так, как это. А теперь ей было все равно, она смотрела на знакомые аллеи и скамейки с полным безразличием. Ей хотелось только, чтобы все это кончилось поскорее, и не было бы ни скамеек этих, ни весенней зелени, которую она все равно не видит, – ничего.

Дома Митя снял с нее плащ, провел в комнату. Лера села на кровать, посмотрела ему в лицо. Его лица она тоже почти не различала, и голос его доносился до нее словно издалека.

Зато она слышала, как Аленка хнычет в маминой комнате:

– Когда Роза придет, бабушка-а? Хочу к Ро-озе!..

Она зажала уши, чтобы этого не слышать. И не могла даже ужаснуться тому, что не хочет слышать голос собственного ребенка.

– Ложись, Лера, – попросил Митя. – Ложись и усни, заставь себя уснуть, а? Все ведь правда кончилось, ты понимаешь?

Надежда Сергеевна заглянула в комнату.

– Митенька, – прошептала она, – может быть, ты отвезешь пока Аленку к тете Кире? Это недалеко, на Пятницкой. Пусть Лерочка отдохнет...

Лера понимала: мама не хочет, чтобы она все время слышала, как Аленка зовет Розу.

«Да-да, он уйдет, – подумала она. – Очень хорошо, его не будет, и я как раз успею...»

Она слышала, как Митя надевает плащ в прихожей, как мама одевает ноющую Аленку, звонит Кире, дает Мите какие-то наставления. Наконец хлопнула дверь и тишина воцарилась в квартире.

Надежда Сергеевна наклонилась над Лерой.

– Ты спишь, Лерочка? – спросила она. – Поспи, поспи, зачем ты встаешь?

– Я только ванну приму, – ответила Лера. – В горячей воде полежу, потом усну крепче.

– Конечно! – Мама обрадовалась, услышав, что Лере хоть чего-нибудь хочется. – Полежи в ванне, сразу лучше себя почувствуешь!

Ванна наполнялась быстро. Лера безучастно смотрела, как поднимается все выше зеленая кромка воды. Потом она осторожно защелкнула замок на двери, открыла зеркальный шкафчик над умывальником и достала серебрястое безопасное лезвие.

Села на низкую скамеечку возле ванны, опустила руки в воду. Ей было совершенно не страшно, все чувства настолько притупились за это время, что она даже не задумывалась о том, что ей может быть страшно или больно.

Она смотрела, как краснеет вода, и чувствовала, как по всему телу разливается какой-то неумолчный звон – такой же, какой бывает, если слишком много выпить.

«Так просто, – медленно думала Лера. – Зачем люди в окна бросаются, если это так просто?..»

Звон нарастал, все тело немело, все больше темнело в глазах, и ей казалось, что это разрастается та черная пустота, которая была у нее внутри.

«Мама, Аленка... – все так же медленно всплыло в угасающем сознании. – С ними что же будет?»

Но тут же, словно последний выдох, прошелестело внутри: «Я не могу больше думать ни о чем, не могу...»

– Лерочка, ты зачем закрылась? – Мама изо всех сил стучала в дверь. – Открой, прошу тебя, открой же! Что с тобой, ты не слышишь, Лера?!

Когда Митя вошел в квартиру и увидел рыдающую Надежду Сергеевну, он не стал стучать и звать – тут же выбил дверь плечом и табуреткой.

Глава 10

Лера спустилась в вестибюль впервые – и остановилась у двери, ведущей с лестницы, словно не решаясь войти в это незнакомое пространство, заполненное людьми и какой-то неизвестной жизнью.

Она даже оглянулась испуганно, как будто кто-то стоял на лестнице и мог вернуть ее обратно, в уже обжитую палату, в привычный и замкнутый мир.

– Испугалась? – услышала она.

И тут же увидела Митю. Он шел к ней через весь просторный больничный вестибюль, и она рванулась ему навстречу так, будто хотела спрятаться и от этих людей, и даже от себя самой.

Она не могла поднять на Митю глаза и, уткнувшись ему в плечо, слышала только его голос у себя над головой.

– Что же ты? – спросил он, осторожно касаясь губами ее виска. – Не надо... Бояться не надо.

И тоже замолчал, замер. Лера вдруг вспомнила, что они уже стояли вот так однажды – октябрьской ночью, в своем дворе посреди стреляющего города. И Митя так же молчал, держа руки на ее плечах, и она успокаивалась просто от того, что он появился.

– Ты за мной пришел? – спросила она наконец, поднимая на него глаза.

– Несомненно, – он улыбнулся ее вопросу и незаметно опустил руки. – А ты думала, я жду здесь королеву Елизавету?

Они вышли на крыльцо, и июльское солнце ослепило Леру. За эти три месяца она ни разу не выходила из больницы, несмотря на чудесную погоду и уговоры соседок по палате. Ей было немного страшно, а немного безразлично – знать, как выглядит мир за крашеными зелеными стенами.

Все казалось ей странным сейчас, даже ее серебристая машина у входа. Неужели она открывала эту дверцу, держала в руках эти ключи, которые Митя достал сейчас из кармана?

Голова у нее кружилась от странности этих бесчисленных мелочей. И только Митя не был странен в сверкающем июльском круговороте.

– Мы... домой едем? – спросила Лера, когда машина выехала за ворота больницы.

– Конечно. Мы просто едем домой, и этого тебе меньше всего стоит бояться.

Как ни спокоен был Митин голос, Лера именно боялась, и ничего не

могла с собой поделаться.

Она старалась не вспоминать о том, что произошло три месяца назад. Но одно дело – не вспоминать, когда находишься далеко от дома и кругом внимательные врачи, которые профессионально не напоминают тебе ни о чем, что могло бы тебя взволновать. И совсем другое – когда надо войти в родной дом и быть готовой к тому, что Аленка заплачет, увидев тебя...

У Мити был ключ, и они вошли в квартиру без звонка. Митя быстро прошел по коридору, а Лера прижалась к стене у вешалки, не в силах идти дальше.

– Митя пришел! – услышала она Аленкин голос – звонкий, как у маленькой отличницы. – Ура!

Аленка не выговаривала «р», и ее восторг прозвучал смешно и трогательно.

– Митя пришел, – подтвердил Митя. – Настоящую корону принцессе привез, как обещал. И еще – знаешь, кого привез?

– Кого? – с любопытством спросила Аленка.

– Кого я тебе обещал привезти?

Лера видела их обоих в конце коридора, возле кухни. Митя присел на корточки перед девочкой, а она нетерпеливо топала ножкой, стараясь отгадать его загадку.

– Маму? – вдруг спросила она. – Маму привез, правда?

– Ну конечно! – веселым голосом подтвердил Митя. – Мама уже тапочки надевает и идет к тебе.

Лера качнулась вперед и быстро пошла по коридору навстречу своему ребенку...

– Мама! – закричала Аленка и побежала к ней, оставив за спиной и Митю, и вышедшую из кухни Надежду Сергеевну. – Ты почему так долго болела? А я теперь принцесса, ты знаешь?

Голова у Леры так кружилась, что она почти не помнила, как прошел этот бесконечный день. Они обедали в комнате, за празднично накрытым столом, Аленка то вертелась вокруг Мити, то карабкалась Лере на колени – и Лера не могла поверить, что это происходит наяву.

Когда прошла первая ослепительная радость, Лера заметила, что Аленка смотрит на нее немного настороженно. Совсем иначе, чем на Митю, который вызывал у нее только восторг и желание бесконечно что-то рассказывать.

Но она не чувствовала сейчас в дочке того отталкивания, едва ли не ужаса, которые так потрясли ее три месяца назад, – и уже этого ей было

достаточно.

Лера так устала к вечеру, что боялась не уснуть от потока стремительных впечатлений. Очень уж отличалось все это от той размеренной жизни, к которой она привыкла в больнице.

– Может, мы выйдем на пять минут перед сном? – спросила она Митю. – Покурим на лавочке и вернемся?

Он кивнул, и они спустились вниз, вышли на бульвар посреди Неглинной. Лавочка была все та же, на которой Митя когда-то пел любимые Лерины песни под гитару, время от времени отхлебывая вино из стоявшей на асфальте бутылки.

Может быть, конечно, лавочку меняли за эти годы – но она была все та же.

– Ты устала? – спросил Митя, затягиваясь сигаретой и глядя куда-то перед собой.

– Да, – кивнула Лера. – Я не думала, что все будет так... Если бы ты знал, как я боялась!

– Я же тебе говорил: не надо бояться, – сказал он.

Лера улыбнулась. Действительно, ведь всегда получалось так, как он говорил...

– Но все-таки тебе лучше бы сейчас с ней уехать. – Митя повернулся к Лере, но она не видела его лица в темноте. – Далекое куда-нибудь, вдвоем. Ты же все понимаешь...

– Я так виновата перед ней, Митя... – Голос у Леры дрогнул.

– Нет, – твердо сказал он. – То есть, может быть, и виновата, но совсем не так, как ты себя уверила. И это гораздо легче исправить, чем ты думаешь. Она же маленькая еще, поезжай с ней куда-нибудь недельки на две, вот и все. А то у нее, знаешь, такой идеальный образ мамы создан за это время, что ты в больнице была, – улыбнулся Митя. – Прямо дедушка Ленин, не мешало бы немножко очеловечить.

– Куда же уехать? – спросила Лера.

– Да куда угодно. В нелюдное какое-нибудь место, неужели не найдешь? Ты же сама, помнится, сортиры какие-то возводила на Сахалине – вот туда и поезжай. Тебе и самой не помешает.

– А ты, Митя? – помолчав, спросила Лера.

Он тоже молчал.

– Что – я? – спросил он наконец.

Он смотрел на нее, и теперь, когда привыкли к темноте глаза, Лера видела, как свет от фонаря тонет в уголках его глаз под ресницами.

– Нет, ничего... Я думала только... Ты в Москве будешь?

Лицо его скрылось за облаком дыма.

– Я сейчас Моцарта буду записывать в Вене. Я же на сутки только приехал, теперь опять уеду. Распорядок странствий становится все жестче, – усмехнулся он.

– Моцарт, в Вене... Это же хорошо, Мить?

– Конечно, – кивнул он. – Это больше, чем хорошо.

Лера смотрела на Митю, пытаясь лучше разглядеть его в тусклом неживом свете фонаря. Но она не видела его лица по-настоящему, как ни вглядывалась. Белела его рубашка в темноте, поблескивали туфли, дым от сигареты вился над головой – и все, больше ничего не могла она рассмотреть.

– Митя, – сказала Лера, – если бы ты знал, как я тебе благодарна...

– Перестань! – ответил он неожиданно резко. – Я не хочу, чтобы ты говорила о благодарности.

– Но почему? – удивленно посмотрела на него Лера. – Если это правда так?

– Если так... Тогда хотя бы не будем об этом говорить, – произнес он, уже по-прежнему спокойно.

– Ты представить себе не можешь, как я запуталась в жизни, – сказала Лера, закуривая новую сигарету. – Ведь я же совершенно нормальная, мне и в голову никогда не приходило ничего такого... Того, что я сделала с собой... Но я не видела выхода, ты понимаешь? Я смысла не видела ни в чем. Я любила работу – не из-за денег, правда. Мне просто нравилось, когда все кипело вокруг, мне нравилось, что я тоже что-то могу, что жизнь от меня немножко зависит.

– Но разве ты разуверилась в этом?

– В этом, может быть, и нет... Но я почувствовала, что мне этого мало. Я так хотела быть счастливой, Митя!

– Что тебе надо, чтобы быть счастливой? – спросил он, помолчав.

– Теперь я уже не знаю. Меня ведь тогда наваждение какое-то охватило, я бросалась то в одно, то в другое. Вдруг решила, что счастливой можно быть, если никого не любить, только себя. Я, конечно, к Аленке это не относил, но как раз тогда и случилось с ней... И эта женщина, Роза, говорила так страшно... Обо мне.

Лера почувствовала, как снова задрожали руки – от одного только воспоминания... Наверное, Митя тоже это почувствовал: он положил ее руку к себе на колено и накрыл ладонью.

– Это кончилось, – сказал он. – Это кончилось навсегда, забудь об этом и думай теперь о другом.

– Но о чем? – спросила она. – Я не знаю, о чем мне думать, чего ждать и ради чего все...

– Я не могу тебе подсказать. – Она увидела, как Митя улыбнулся. – Смысла нет в таких подсказках. И потом, я просто не умею словами это называть, мне никогда не надо было называть, упрощать словами. В музыке все звучит само. – Он отбросил недокуренную сигарету, встал. – Пойдем, Лера. У меня завтра рано самолет.

«Как это мне самой не приходят в голову такие простые вещи? – думала Лера, сидя ранним утром на большом валуне на берегу холодной стремительной речки. – Надо было только приехать сюда – и все у нас пошло по-другому».

Одноэтажный зеленый домик, в котором еще спала Аленка, стоял у самой реки, в отдалении от других разноцветных коттеджей, и Лере казалось, что они оказались с дочкой одни на этом тихом берегу.

И это было единственное, что им обеим было необходимо.

Все эти дни – уже целую неделю – у Леры было то же ощущение, что и когда-то в роддоме – когда она впервые увидела свою дочь и дыхание у нее перехватило от того сияния, которое исходило от ребенка.

Нет, сейчас Аленка была совсем другая. Лера с удивлением обнаружила, что ее дочка, выглядевшая этаким белокурым ангелочком, на самом деле непоседливая, живая как ртуть девочка. Но и ее непоседливость, ее резвость не нарушали того ощущения покоя и тишины, которое охватило Леру.

Сначала она старалась не думать о том, что произошло три месяца назад, что происходило перед этим. И ей это даже удавалось. Возня с Аленкой, чудо ее ясного мира настолько захватили Леру, что ей легко было не думать больше ни о чем.

С самого Аленкиного рождения она была уверена, что дочка похожа на Костю. И ее это даже не угнетало. В конце концов, Лера не испытывала ненависти к бывшему мужу – презрительное сочувствие, и только.

И вдруг она поняла, что у дочки совершенно ее, Лерин, характер! Дело было даже не в одной непоседливости, которая сразу бросалась в глаза. Лера видела, как совпадают их реакции, и могла заранее сказать, как поведет себя Аленка – если большая рыба, например, вдруг сорвется с крючка и уйдет в холодную речную глубину. Девочка топала ножкой, сердилась – и тут же начинала спрашивать, зачем уплыла рыбка, есть ли у нее дети там, в речке, и можно ли поймать ее еще раз...

И тут же начинала придумывать рыбкину жизнь – и Лера вспоминала

вдруг, как много лет назад населяла в своем воображении чердаки их дома феями и тенями исчезнувших дворян...

– С мамой хорошо рыбку ловить, – задумчиво сказала однажды Аленка. – С мамой весело...

Впервые Лера чувствовала, что дочка не просто соглашается на ее общество ради мороженого или качелей, а радуется именно ей – тому стремительному чувству жизни, которое совпадало в них.

Теперь она уже не боялась даже, что в Москве все переменится, если опять начнется работа, если жизнь снова потребует самоотдачи. То неназываемое доверчивое чувство, которое как-то само собою установилось между ними, не могло разрушиться ни от чего внешнего.

– Ты скучала обо мне, когда я болела? – однажды спросила Лера.

– Да, – кивнула Аленка. – Я сперва не скучала, а потом Митя сказал, что он скучает, и я тоже стала скучать.

– А теперь? – спросила Лера и тут же подумала, что это, пожалуй, непонятно: что – теперь?

Но Аленка тут же догадалась, о чем она спрашивает. Она обняла ее и шепнула прямо в ухо:

– Я тебя теперь люблю!

Лера сама не заметила, когда мысли о недавнем прошлом перестали быть мучительными. Она наконец-то смогла спокойно все обдумать. Как ни отвратительно было воспоминание о том, что произошло между нею и Стасом Потемкиным, – это как раз было самое простое.

Она понимала, что двигало им, она сама знала горячий, всепоглощающий огонь желания... И она ненавидела его – именно за то, что не оказалось в нем того, что сильнее любого огня.

Это была холодная, ничего от человека не требующая ненависть. Лере не хотелось отомстить Стасу; хотелось только не видеть его больше никогда, даже не слышать о нем. И ей было безразлично, что с ним произойдет: вывернется ли он из этой ситуации, будет ли наказан – лишь бы он исчез из ее жизни навсегда.

Гораздо сложнее было то, что произошло с нею самой.

Лера пыталась вспомнить, чего же в самом деле хотелось ей, когда сидела она в ресторанчике Ники Стрельбицкой и с пьяной настойчивостью расспрашивала хозяйку, как той удастся быть счастливой. Но как могла она думать, что возможно получить ответ на подобный вопрос? Как могла искать общий, для всех подходящий рецепт?

Ведь этого не было в ней никогда – желания подчинить жизнь рецепту, какой-то абстрактной идее!.. Что же оказалось утрачено?

Она вспомнила, как Митя спросил: «Что тебе надо, чтобы быть счастливой?» И тут же, вспомнив его вопрос, поняла, что думает о Мите постоянно.

Это были странные мысли, Лера не могла ни собрать их, ни объяснить. Она знала Митю так давно, что он был словно бы частью ее самой, ни с одним человеком на свете не было ей так легко и спокойно. Она знала все чувства, которые были связаны с ним, – во всяком случае, так ей казалось всегда.

И вдруг эта уверенность пошатнулась, а почему – Лера не могла объяснить даже себе, даже без слов.

Она была благодарна ему. И что странного было в этом? Кому же еще могла она быть настолько благодарна? Но именно это слово мучило ее, зудело в ее мыслях, сбивая их и путая.

И сейчас, ранним и ясным августовским утром, сидя на берегу холодной речки Подкаменки, Лера пыталась понять, почему это происходит. Благодарность, благодарность... Что в этом плохого?

– Мама! – услышала она. – А я уже проснулась!

Девочка выглянула из домика и побежала к ней с таким восторгом, словно это пробуждение было первым в ее жизни.

– Босиком, Аленка! – закричала Лера. – Ах ты бандитка, земля ведь холодная!

Глава 11

Хороший все-таки человек Женька Стрепет!

Это было первое, что подумала Лера в день своего появления в офисе. Со всеми его капризами, благоговейным отношением к собственному здоровью и благополучию, со всей скукотой, которой иногда так и веяло от него!

За четыре месяца, что она отсутствовала, дела «Московского гостя» не пошатнулись. Конечно, все ее «семеро козлят» работали на «отлично». Конечно, Зоська была скрупулезна и надежна. И конечно, Лера сумела так наладить работу, что сбить ее было не так-то просто.

И все же мало ли кто мог воспользоваться отсутствием «президентши» с ее стремительными и неотменимыми решениями! А Женька никому воспользоваться не дал: тут же взял все под контроль, подключил к работе коммерческого директора «Горизонта», у которого раньше никогда голова не болела о делах «Московского гостя», – и словно законсервировал все до появления Леры.

– Спасибо, Женя, – сказала она, когда в первый же день, немного разобравшись в делах, заехала в «Горизонт». – Дела идут отлично, хоть сейчас проект какой-нибудь новенький раскручивай. Все работает как часы!

– Да брось ты! – ответил Женька, и Лера улыбнулась, увидев, как знакомо он махнул при этом рукой и тут же аккуратно поправил запонку. – Как твое здоровье?

– В порядке, Женечка, – успокоила его Лера. – Я прекрасно отдохнула.

– Ну и слава богу. Тогда приступай. А то все ведь действительно так себе работает, по заведенному. Во-первых, надо, чтобы ты срочно нашла подрядчика для своего строительства. С прежним, сама понимаешь, я тут расстался, пока ты болела... – сказал Женька, бросая на нее быстрый взгляд.

– И где... прежний подрядчик? – спросила Лера.

– В Сибирь отправился, – усмехнулся Стрепет. – На неопределенный период, чтобы не навлекать на себя лишние неприятности.

– Жень, я тебе деньги должна отдать, – сказала Лера. – Ты прости меня, ради бога...

– При чем здесь «прости»? – ответил Женька.

– Нет, я хочу с процентами отдать... – начала было Лера.

– Дело не в процентах, – остановил ее он. – Дело в том, что ты повела себя как последняя дура, извини за точное слово.

– Я испугалась, Женя, – тихо сказала она. – Я так испугалась, что совсем соображать перестала. Никогда со мной такого не было. Ведь я, не поверишь, из дому выходила – и то мне казалось, что за мной следят: куда я пойду...

– Но ты же все равно ко мне заходила! Зачем надо было выдумывать какие-то глупости про дачу? Неужели ты думаешь, мы не нашли бы способа прояснить это в два счета! Для чего мы держим службу безопасности, чтобы наши сотрудники сами брались за такие дела?

– Все, Женя, – решительно сказала она. – Больше не буду дурой, можешь мне поверить. А подрядчика нового я найду быстро. Из-под земли достану, вот увидишь.

«Благодарность, благодарность... – думала Лера, выходя из стрепетовского респектабельного кабинета. – Такое спокойное, такое завершённое чувство – как к Женьке...»

И вдруг она поняла, почему вертится у нее в голове это слово! Благодарность и любовь – ведь она давно знала, что это несовместимо!

Лера даже вспомнила, как поразила ее эта мысль, когда она, пятнадцатилетняя девчонка, прочитала об этом у Тургенева: о том, что из любого чувства может возникнуть любовь, даже из ненависти – только не из благодарности...

Она, кажется, даже говорила тогда об этом с Еленой Васильевной, и та объясняла ей что-то, и рассказывала о Тургеневе и Виардо. Но что именно – Лера теперь не помнила...

Работалось ей спокойно. Ей и жилось спокойно, и Лера радовалась этому. Любимый ребенок, любимая работа – ведь это очень много, это не у каждого есть. Чего же еще желать?

Даже Зоська, из врожденной деликатности старавшаяся не заговаривать с Лерой ни о чем, что могло быть для нее болезненно, – даже Зоська сказала однажды:

– Ты так переменялась, Лер... Не узнать тебя!

– Да? – переспросила Лера. – А в чем, Зося, можешь ты сказать?

Это действительно было ей интересно. Лера чувствовала, что даже ее отношение к одежде переменялось. Ей теперь было не то чтобы все равно, что надевать, но она больше не вкладывала в выбор одежды того таинственного и волнующего смысла, который вкладывала прежде. Она просто выбирала теперь платье – элегантное, изящное, соответствующее ее

вкусу, – надевала это платье и не думала о том облике, который при этом возникал.

И сейчас, вопросительно глядя на Зоську и ожидая от нее ответа, Лера выглядела именно так – элегантно, изящно. На ней был костюм из тонкой шерсти, драпирующейся мягкими волнами, шелковая блузка с небрежно завязанным легким шарфиком, все это переливалось всеми оттенками от бежевого до кремового. В сочетании с золотящимися волосами Лерин наряд выглядел эффектно, и она это знала. И знала, что нужно ей все это ровно настолько, чтобы соответствовать своему статусу, своему имиджу преуспевающей и интересной женщины.

Именно такой женщиной она была прежде, такой оставалась теперь – что же изменилось?

– Не знаю... – медленно произнесла Зоська. – Словами и не скажешь... Спокойная какая-то стала.

– Это плохо? – удивилась Лера.

– Наверное, хорошо. Но для тебя – странно. Как будто тебе ничего уже не интересно.

– Ну что ты, Жозефиночка! – убежденно сказала Лера. – Мне многое интересно – Аленка, работа, и вообще... А мы с тобой вот сто лет уже не говорили, я ведь даже не знаю, как у тебя-то дела? – спросила она, чтобы переменить не слишком приятную тему.

– Как всегда, – пожала плечами Зоська. – Какие у меня могут быть дела?

– Замуж не собираешься?

В устах другого человека этот вопрос, обращенный к невзрачной и не пользующейся успехом у мужчин Зоське, мог бы показаться бестактным. Но они с Лерой так давно знали друг друга, что могли говорить прямо.

– Да ну их! – махнула рукой Зоська. – С какой радости?

– Ты все та же, – улыбнулась Лера. – Или... Жозефиночка, это... все потому же?

– Из-за Мити? – спокойно спросила Зоська. – Не знаю я, Лер. Наверное, все-таки нет. Конечно, если бы раньше... Если бы я раньше хоть на минутку заметила, что ему интересна, может, я бы теперь переживала. А так – я привыкла... Да мне кажется, я уже и с ним бы не смогла.

– Ну что ты, в самом деле! – возмутилась Лера. – Ты же совсем молодая, жизнь у тебя налажена. С чего вдруг такой пессимизм?

– А что, стремиться замуж – это оптимизм? – усмехнулась Зоська. – Я и правда не вижу в этом смысла. Я ведь ко всем людям хорошо отношусь, ты знаешь. Но то, что мужики из себя строят... Ведь нет ничего, что женщина

хуже них бы делала! Даже если сил физических не хватает – так она придумает что-нибудь такое, что мужчине и в голову не придет. Каково при этом наблюдать, как они себя высшими существами считают? Твой вот бывший, Котик твой... – Зося быстро взглянула на Леру, словно проверяя, можно ли говорить о ее бывшем муже. – Классический пример!

– Ну почему? – возразила Лера. – Он ведь вообще-то хороший человек, и талантливый. Просто время так повернулось, он растерялся, не мог сориентироваться... Это с каждым может быть.

– Да брось ты, – поморщилась Зоська. – Талантливый, время!.. Может, он и сто раз талантливый со своими улитками, а все равно он – бледная немочь, и все. И половина из них такие, а другие сорок восемь процентов – алкоголики. А все равно каждый чего-то о себе мнит, каждый считает себя... Ну, разве не права я, ты мне скажи?

– Не знаю, Зосенька, – улыбнулась Лера. – Может быть, и права... Феминисточка ты моя!

– А почему ты смеешься? – неожиданно обиделась Зоська. – Ты ведь понятия не имеешь о феминизме! А это, между прочим, во всем мире сейчас чуть ли не самое влиятельное движение. Что же, все такие уж дуры? Да к феминисткам как раз такие, как ты, и приходят – умные, красивые, независимые!

– Нет, я же ничего... – начала оправдываться Лера. – Феминистки так феминистки. А что, Зосенька, – спросила она с любопытством, – ты, значит, в самом деле входишь в это движение?

– Да, – кивнула Зоська. – И знаешь, это единственное, что как-то увлекает. Смысл жизни появляется.

– Неужели? – удивилась Лера. – Вот так, из-за движения – смысл жизни?

– Ты бы лучше в клуб к нам когда-нибудь пришла, – снова обиделась Зоська. – Тогда бы не иронизировала. Феминистки, между прочим, не то же самое, что лесбиянки, стесняться нечего.

Как ни странно, при всем своем неумном интересе к жизни, Лера Вологодина никогда не входила ни в одно движение, не принадлежала ни к одной партии. Ни к особой партии комсомольских активистов, весьма влиятельной на истфаке в годы ее учебы, ни к объединению защитников Белого дома – хотя провела у этого самого дома две ночи. Жизнь привлекала ее сама по себе, без поисков смысла. И уж тем более не было у нее потребности искать этот смысл в рядах какого бы то ни было движения.

И вдруг, в неполные тридцать лет, она впервые задумалась именно о

смысле жизни.

«Сколько можно жить как растение? – уговаривала себя Лера. – Ведь это мне только вредило всегда – жить эмоциями, настроениями... Нравилось искусство изучать – училась в аспирантуре. Бизнесом занялась – если отбросить меркантильные частности, то и сказать ведь смешно, почему! Понравилось, что какие-то ниточки начинаются у меня на ладони... Это может быть стимулом к бизнесу? Но должна же жизнь подчиняться хоть какой-нибудь выразимой логике!»

Конечно, Лера немного преувеличивала. Она вовсе не выглядела безалаберно-импульсивным существом, и ее повседневные поступки были вполне логичны и четки. А как иначе, когда от тебя зависит множество людей, которым дела нет до твоих эмоций?

Но она думала о том, что происходило в глубине ее души, и не находила там ни стройности, ни ясности...

– Зось, – сказала она однажды, когда разговор их был уже почти забыт, – ты отвела бы меня и правда к феминисткам твоим, а? Интересно же...

Они договорились встретиться прямо у клуба на Остоженке.

– Вывеска там есть какая-нибудь? – спросила Лера. – Называется он как – ну, «Амазонка», «Далила», еще как-нибудь?

– Вот познакомишься – перестанешь издеваться, – пробурчала Зоська. – В тебе-то откуда такая косность, не понимаю!

Лера немного опоздала из-за непробиваемой пробки на Тверском бульваре, и они с Зоськой вошли в небольшой уютный зальчик в полуподвале, когда заседание уже началось.

Женщин в зале было немного, человек тридцать, они сидели за столиками и слушали докладчицу, сидевшую в центре зала. На столиках стояли бокалы с разноцветными коктейлями, кофейные чашечки. Лера тут же оценила утонченный вкус, с которым был оформлен зал: никакой роскоши, но и никакой неряшливости. Картины на стенах, авангардистские скульптуры в углах – ничего лишнего, ничего, что могло бы создать впечатление пошлости.

Она почему-то сразу решила, что все оформлено в соответствии со вкусом председательницы – такое сильное ощущение незаурядности производила эта женщина, сидевшая рядом с докладчицей. На вид ей было лет тридцать пять, у нее было чуть скуластое лицо с огромными темными глазами. Именно из-за этих глаз лицо казалось таким выразительным, что всякий внимательный взгляд тут же выделял ее среди собравшихся.

– Это Марина Зельдович, – прошептала Зоська, увидев, что Лера

смотрит на председательницу. – Она главная тут у нас. Такая умница, вот ты увидишь!

Леру настолько заинтересовала Марина Зельдович, что она почти не слушала докладчицу. К тому же ей и так было известно все, что та рассказывала про женские образы в итальянском кинематографе.

– Вы и есть Валерия Вологодина? – спросила Марина, подходя к ним с Зоськой, когда окончен был и доклад, и обсуждение. – Мне Зося много о вас рассказывала, и я очень рада, что у вас возникло желание быть с нами.

В огромных глазах Марины светился ум и внимательный интерес к собеседнице.

– Я не могу сказать так определенно, что у меня возникло желание быть с вами, – сказала Лера. – Мне просто интересно было понять, отчего у людей появляется ощущение, что их жизнь имеет смысл.

Время незаметно шло в этом клубе. Женщины разговаривали, переходя от стола к столу, смеялись, спорили. Им явно было приятно общество друг друга. Да и сами они были приятными – действительно, как говорила Зося, все они производили впечатление умных, независимых и вполне уверенных в себе.

«Отчего же во мне такое равнодушие? – с удивлением думала Лера. – Мне даже познакомиться ни с кем не хочется – как странно!»

Это действительно было настолько странно для нее, и Лера чувствовала себя из-за этого настолько стесненно, что вскоре начала поглядывать на часы, а потом и вовсе незаметно поднялась и, не простившись даже с Зоськой, проскользнула к выходу.

Лера уже надевала плащ у зеркала в небольшом вестибюле, когда услышала голос Марины:

– Вы уходите, Валерия?

– Да, – смутилась Лера. – Понимаете, мне нужно самой обо всем подумать... Мне как-то не совсем понятно, для чего все это.

– А вам это и не может быть понятно – вот так, сразу, – спокойно ответила Марина. – Ведь вы просто посмотрели на нас со стороны, что же можно понять?

Лера смотрела на Марину и понимала, что чувство, которое вызывает у нее эта женщина, – что угодно, только не неприязнь. Марина была изящна, миниатюрна, маленькое шанелевское платьице выгодно подчеркивало достоинства ее фигуры. Ее длинные прямые волосы падали на плечи, оттеняя бледность выразительного лица.

– Как вы могли понять за какой-нибудь час, что представляет собой феминизм? – повторила она.

– А что он собой представляет? – тут же спросила Лера. – Это трудно объяснить в двух словах?

– Почему? – пожала плечами Марина. – Нетрудно. Вот вам, например, было бы приятно, если бы ваш муж сказал: «Дорогая жена, твое дело – дети, кухня и церковь, сиди дома, знай свое место»?

– Мой муж не говорил ничего подобного, – улыбнулась Лера. – Он просто взял и ушел, потому что ему, упрощенно говоря, не нравился мой образ жизни. И чем я могла его удержать? Сознанием того, что я права?

– В этом и состоит наша задача! – с неожиданной горячностью воскликнула Марина. – Ведь феминизм – это тот же антирасизм, вы понимаете? Чтобы каждая женщина могла жить в соответствии со своими склонностями и потребностями, чтобы никто никого не дискриминировал! Что можно против этого возразить?

– Ничего, – кивнула Лера. – Я пойду, Марина, мне пора.

На лице Марины отразилось сожаление, и Лере тут же показалось, будто она совершает что-то бестактное.

– Извините, – мягко сказала она. – Я обязательно приду еще как-нибудь. У меня просто сейчас дела, поэтому я и спешу.

– А вы не хотите принять участие в нашей конференции? – спросила Марина.

– Нет, – быстро ответила Лера.

– Но почему? Это будет международная конференция в Риме, приедут очень интересные люди – по моему впечатлению, цвет женщин всего мира. Разве это не интересно? Если вы действительно хотите понять, чем мы занимаемся...

– Спасибо, – сказала Лера. – Если получится, я тоже непременно поеду. У нашей фирмы сейчас как раз появляются новые интересы именно в Риме. Спасибо!

С этими словами Лера кивнула Марине и вышла на улицу.

То, что все это не для нее, Лера поняла сразу.

«Но почему? – думала она. – Ведь я и сама такая – неглупая, независимая, одинокая. И я со всем согласна, о чем она говорила, я действительно не могу возражать... Почему же?»

Все было нормально в этот промозглый осенний вечер. Она познакомилась с новыми людьми, с которыми, правда, ей не слишком хотелось продолжать знакомство, – но мало ли с кем приходилось ей знакомиться ежедневно!

Лера понять не могла, почему эта ничего не значащая встреча вдруг разрушила душевный покой, который так нелегко ей дался, почему в таком

угнетенном состоянии духа ехала она под холодным дождем по бульварам
домой.

Глава 12

Конференция, на которую приглашала Марина, должна была, оказывается, состояться не вообще когда-нибудь, а в феврале. Вскоре после вечера в клубе на Остоженке Лера получила приглашение в конверте с логотипом международной феминистской организации и, почему-то вздохнув, послала факс, подтверждающий свое участие.

Она думала, что то неожиданное чувство угнетенности и тоски, которое появилось у нее после встречи с Мариной Зельдович, вскоре пройдет без следа. Но оно не проходило, и едва ли Марина была в этом виновата...

Странные мысли посещали Леру в те редкие минуты, когда отпускали дела и когда она не занята была Аленкой. И она старалась, чтобы таких минут было как можно меньше.

В эти минуты она осознавала такую безнадежную неприкаянность, как будто была странницей без приюта. Это было удивительно, потому что именно теперь Лера ездила гораздо меньше, чем в начале своей работы, когда приходилось мотаться по всему белу свету, налаживая связи, лично все проверяя и пробуя. Теперь же у нее было достаточно людей, в которых она могла быть уверена, ее «Московский гость» работал вполне успешно – а ощущение странничества пришло именно сейчас...

Она физически ощущала его, даже без перемещения в пространстве, и оно начало угнетать ее почему-то именно после разговора с Мариной.

Лера ведь и не видела ее больше в Москве, ни разу не поддавшись на уговоры Зоськи еще раз сходить в клуб на Остоженке.

– В Риме увидимся, – сказала она. – Я не хочу обязываться, ты понимаешь? Я специально переговоры с Альбертини перенесла на февраль, вот и поеду по делам. А заодно на конференцию зайду.

Переговоры с синьором Альбертини, за которые так старательно пряталась Лера, касались строительства бизнес-центра в Москве, в котором тот собирался принять участие вместе с холдингом «Горизонт» и который должен был стать центром всей «приемной» деятельности «Московского гостя» в столице. Это был большой проект, и у Леры были все основания ехать для предварительных консультаций в Италию.

Впрочем, не меньше оснований было просто пригласить синьора Альбертини в Москву, и хватило бы на переговоры одного дня.

Как и в первую свою встречу с феминистками в Москве, Лера опоздала

к началу и вошла в конференц-зал отеля «Санта-Бальбина» как раз в тот момент, когда Марина Зельдович заканчивала свой доклад.

Но и усевшись наконец на свое место, Лера почти не слушала, о чем говорит Марина. Она смотрела на ее раскрасневшееся, взволнованное лицо, на то, как она поправляет тонкими пальцами прядь волос, падающую на глаза; слушала, как страстно звучит на весь зал ее голос.

Кажется, Марина говорила о том же, о чем говорила Лере – тогда, в вестибюле у зеркала: о равных правах, об антирасизме, о трудности преодоления традиционных русских представлений...

Это было неважно. Это было неважно потому, что Лере вдруг показалось, будто ясные, отчетливые слова звучат где-то у нее внутри – и слова эти никак не были связаны ни с тем, что говорила Марина, ни с ее взволнованным голосом...

Слова эти были печальны.

После Марины к микрофону подошла полная пожилая немка. Она говорила последовательно и четко, и Лера рассеянно слушала ее, ожидая момента, чтобы уйти. О равных правах на профессию, о необходимости скорректировать законодательство...

«Господи, – подумала Лера, – что я делаю здесь?»

Ее место располагалось очень неудачно – почти в центре небольшого полукруглого зала – и ей пришлось, извиняясь, второй раз пробираться по рядам, встречая недовольные и презрительные взгляды.

Она едва не плакала, выбравшись наконец в фойе и почти упав в огромное кресло у черного мраморного камина. Она смотрела на жаркие языки пламени и чувствовала, как дрожь поднимается у нее внутри.

– Лера, что с вами? – услышала она голос Марины и вздрогнула от неожиданности. – Вам плохо?

– Нет-нет, спасибо, – сказала Лера, поднимая голову и стараясь унять эту неожиданную дрожь.

– Мне показалось, с вами что-то случилось, – произнесла Марина, внимательно глядя на нее. – Вы стали такая бледная...

– Марина, извините меня, – сказала Лера. – Я не должна была сюда приходить, извините меня! Есть же вещи, про которые знаешь, что не должен их делать. Просто так, без объяснений, не должен и все, правда? И я не должна была сюда приходить... Я перестала чувствовать токи жизни, вы понимаете? И какие права могут сделать меня счастливой, если это случилось со мной?

Это были именно те слова! Лера смогла ясно произнести их только сейчас, но они давно печально звенели в ней: токи жизни... Forse de la

nature, сила природы, волшебное чутье жизни – все это вдруг исчезло, и Лера почувствовала, как у жаркого камина пробирает ее озноб.

Это было хуже, чем просто одиночество, это была утрата чего-то, составлявшего самую суть ее души и судьбы, – то, что никогда не покидало ее...

– Вы не виноваты в этом, – поспешно добавила она, глядя, какое изумление и непонимание выражается на Маринином лице. – Это не из-за вас произошло, это раньше... Просто когда я оказалась среди вас, это стало для меня очевидным. Я утратила – и ничем не заменить. Я вот смотрю сейчас на огонь – и даже не вижу, какого он цвета... Извините меня за эти глупости, они не имеют отношения ни к кому, кроме меня. Не сердитесь, Марина!

С этими словами Лера встала и почти побежала вниз по широкой черномраморной лестнице.

– Погодите, Лера, куда же вы! – крикнула ей вслед Марина. – Куда вы сейчас? Прямо в Москву?

– Да. То есть нет, не в Москву, – ответила Лера, останавливаясь посередине лестницы. Ей показалось, что Марина собирается что-то поручить ей в Москве, и не хотелось обманывать ее ожиданий. – Я должна еще... У меня дела еще... Я сейчас в Венецию, да! – неожиданно для себя сказала она.

– Дела в Венеции, – усмехнулась Марина. – По дороге из Рима... Как занята эта женщина – ей нет дела ни до чего, кроме собственных дел!.. Что ж, желаю успехов в вашем бизнесе!

И, резко развернувшись на высоких каблучках, Марина быстро пошла обратно в конференц-зал.

Лера сама не знала, почему вдруг вырвались у нее слова о Венеции. Но все остальное было правдой. Она действительно не различала сейчас даже цветов, не видела ни огня, ни резного каменного кружева над камином в холле. Краски мира словно пропали для нее, утраченные вместе с неведомым, неназываемым и неизвестно когда исчезнувшим чувством жизни...

Собственно говоря, в таком состоянии совершенно нечего было делать в Венеции. Она и по римским улицам шла в какой-то странной растерянности. Ведь это Рим, вечный город, великий город! А это Малый Авентин – вон купол Святого Петра виднеется вдали над невысокими крышами...

Лера думала об этом – и понимала, что не чувствует ничего. Она несколько раз бывала в Риме, ее всегда восхищал этот город, и потому

контраст с сегодняшним ее состоянием был особенно ощутим.

Пошел мокрый тяжелый снег, она медленно брела по виа Эрколе Роза к собору Святого Петра и заставляла себя думать: может быть, в такую же погоду шел по этой же дороге заговорщик Катилина, и тогда еще не было даже великого собора, а вечный город уже был... Да мало ли кто мог таким вот точно днем идти по этим улицам, мало ли кого видел этот город!

И вдруг Лере показалось, что именно величие мегаполиса подавляет ее сейчас, заставляет теряться в нем, исчезать, как снежинку, мгновенно тающую на рукаве пальто.

«А может быть, я не случайно сказала – в Венецию? – подумала она. – Может быть, надо сделать что-то самое простое – например, переменить пространство – и все встанет на свои места?»

Эта мысль показалась Лере такой точной и естественной, что она даже улыбнулась, даже вспомнила, что в сумке у нее есть зонтик и зря она мокнет в своем новом жемчужно-сером пальто под римским снегом.

И Венеция вспомнилась ей – удивительная, неуловимая в своем очаровании, как отражение в поднявшейся воде на площади Сан-Марко. Вот где сияла и трепетала волшебная *force de la nature*, которой Лере так не хватало сейчас!..

Она быстро выбралась на широкую центральную улицу и тут же махнула рукой, останавливая такси.

На венецианский вокзал Лера приехала поздним вечером: пришлось довольно долго сидеть на вокзале в Риме, потому что она попала как раз в паузу между поездами.

Лера пила кофе в вокзальном кафе и смотрела сквозь стеклянную стену, как беззвучно ссорится парочка у газетного киоска. Девушка то и дело порывалась уйти, парень удерживал ее, потом поворачивался и уходил сам, потом возвращался, сделав не больше трех шагов...

В каждом движении этих рассерженных ребят кипела жизнь, взрывался темперамент, и видно было, что мир для них полон ярких красок, сильных чувств и безудержных желаний.

Лера едва не опоздала на поезд, разглядывая людей за прозрачной стеной кафе и думая о своем. Вернее, не думая, а пытаясь обуздать ту холодную, но лихорадочную дрожь, которую чувствовала у себя внутри.

Поезд напоминал подмосковную электричку – с толпой веселых небритых парней в коридоре, с хохочущими девушками и открываемыми бутылками. Время от времени парочки уединялись в купе – если можно было назвать уединением их объятия и поцелуи за прозрачными дверями.

Во всем этом шуме и веселье время шло быстро. Лера не заметила, как промелькнули шесть часов дороги.

Хотя сама она чувствовала себя совершенно выключенной из этой неутомимой жизни, как будто бы все еще наблюдала ее сквозь стену кафе.

«А мне-то казалось, что исчезла пугающая пустота, что она была связана только с тем, что произошло с Аленкой, – думала Лера, глядя, как мелькают за окном поезда маленькие, сияющие в темноте февральского вечера станции. – А она осталась, только изменилась немного – пустота и холод неприкаянности... Зачем я еду, куда?»

Холод был не только в душе. Лера совсем замерзла, стоя на причале прямо за углом железнодорожного вокзала и пряча нос в тонкий сиреневый шарф в ожидании катера. Она бывала в Венеции, и ей даже не надо было теперь спрашивать, куда следует ехать, где можно снять комнату в пансионе и сколько это будет стоить. Она везде бывала, все видела, жизнь ее была в последние годы такой насыщенной, что ей позавидовал бы любой.

Но она не знала, зачем ей плыть на стареньком катере по Канале Гранде, куда она хочет попасть...

На мгновение ей показалось, что Венеция вообще исчезла – как исчезла картина с той, отраженной Венецией, которая так поразила однажды ее воображение в начале нового, неведомого пути.

Ей показалось, что нет города, который она когда-то знала и любила, еще ни разу в нем не побывав, а есть другой город – очень красивый, который она весь обошла не раз, в котором у нее есть деловые партнеры и в котором у нее нет никого.

Лера оглянулась на здание вокзала, как будто хотела вернуться, как будто можно было просто выйти на другой станции. Но над невзрачным зданием подтверждающе светилась надпись VENEZIA, и оттуда шли люди с чемоданами и дорожными сумками – наверное, прибыл следующий поезд. Люди спешили к причалу, выясняли расписание катеров, спорили и смеялись.

Наверное, она выглядела глупо, стоя на причале у воды, всех пропуская вперед и все никак не решаясь отправиться дальше – словно ей предстояло не ступить на палубу, а прыгнуть в темную поблескивающую воду.

– Сан-Марко, синьора! – крикнули ей наконец с подошедшего катера. – Поскорее, если вам надо на Сан-Марко, катера теперь долго не будет!

– Синьора сама не знает, куда ей надо, – пробормотала Лера.

Она уже собиралась что-то ответить мрачноватого вида мужчине,

кричавшему с катера, а потом, может быть, все-таки повернуться и идти обратно, в здание вокзала – как вдруг услышала:

– Синьора, видно, еще не решила, в какую точку Европы ей отправиться.

Она узнала Митю прежде чем обернулась и прежде чем прижалась замерзшей щекой к отвороту его пальто.

Она никогда не удивлялась, видя его перед собою – в гулкой арке их двора, в стамбульском отеле или на холодном венецианском причале... Она просто не успевала удивиться, как ей уже казалось, что он был здесь всегда.

– Митя, – прошептала Лера, не отрывая щеки от его плеча, – а здесь что же ты делаешь? Изучаешь итальянскую музыку?

– Здесь я разыскиваю тебя, – сказал он, прикасаясь губами к ее виску; она слышала биенье его сердца сквозь пальто. – Разыскиваю тебя по всему по белу свету... Пойдем, подружка моя любимая, ты же совсем замерзла.

Они спустились по ступенькам причала и шагнули на катер – весь скрипящий, как будто он вот-вот должен был развалиться под их шагами.

– Но как же можно было меня здесь найти, Митя? – спросила Лера, не отпуская его руки, словно он мог исчезнуть.

– Не так уж трудно. Позвонил из Вены, мама сказала, что ты в Риме, Зоська дала, к моему огромному удивлению, адрес какой-то феминистской конференции. А уже в Риме, по указанному адресу, какая-то дама с горящими глазами и абсолютно холодным лицом сказала, что ты отправилась в Венецию.

– А если бы я не задержалась из-за поездов, если бы не стояла здесь неизвестно зачем? – спросила Лера. – Как же ты нашел бы меня?

– «Если бы» не бывает, – улыбнулся Митя, и Лера увидела, как утонул отраженный от воды свет в уголках его глаз. – Как я мог тебя не найти, когда я только это и делаю всю жизнь?

Катер плыл по Канале Гранде не слишком быстро, темнели палаццо, стоящие в воде, темнели и поблескивали Митины глаза.

– А вдруг туман будет? – спросила Лера. – Ты знаешь, какой здесь бывает туман? Неделями ничего не видно в двух шагах, даже катера не ходят, не говоря уже про самолеты.

– Знаю, – кивнул Митя. – У меня здесь были концерты в Ла Фениче, и я потом на неделю застрял из-за тумана. И какая это была неделя!.. Но сейчас тумана не будет.

Лера не спросила, откуда Митя знает, что тумана не будет. Раз он сказал, значит, тумана и быть не может.

Людей на катере было много, но ей казалось, что они одни на

скрипящей, ржавой палубе. Она держалась за Митино плечо, ремень его сумки то и дело соскальзывал, Митя подхватывал его, приподнимая локоть, и Лерина рука вздрагивала на его плече.

– Сейчас – Риальто, – сказал он. – Ты знаешь, где хочешь выйти?

– Нет, – покачала головой Лера.

Он больше ни о чем ее не спрашивал, и они вышли на пристани Сан-Марко.

Ни в одном из окон маленького отеля, расположенного в лабиринтах узких улиц близ площади, уже не горел свет. Даже портье открыл не сразу.

– К сожалению, синьоры, у нас все занято, – начал было он, но тут же узнал Митю. – О, маэстро, неужели это вы? Но почему же вы не забронировали номер заранее, ах, как же это возможно! – Потом он удивленно оглядел их. – Вы без вещей? – спросил портье. – И даже без скрипки?

– Скрипка осталась в Вене, – объяснил Митя. – Я не знал, где и как долго мне придется разыскивать синьору, и, согласитесь, затруднительно было бы это делать, таская за собой Гварнери.

– Это очень жаль, – сказал портье, и сожаление действительно тут же отразилось на его крупном, дородном лице. – Я не могу забыть ваш концерт, маэстро, это сильнейшее впечатление моей жизни! Вы были так любезны, когда подарили мне контрамарку...

– На этот раз у меня не будет концертов, – сказал Митя. – И все-таки мне не хотелось бы, чтобы синьора замерзла на улице...

– Святая Мадонна! – ахнул портье. – Действительно, я держу вас на пороге уже два часа! Ах, маэстро, – продолжал он болтать, пока Митя и Лера входили вслед за ним в небольшой холл с мраморным полом и золотой лепкой на стенах. – Мне очень жаль, что вам достанется самый холодный номер, который, к тому же, тоже забронирован с завтрашнего вечера, и тогда придется...

– Но ведь сегодня номер свободен? – перебил Митя разговорчивого венецианца. – Вот и прекрасно, мы тут же поднимемся туда.

Поднимаясь на второй этаж по узкой мраморной лестнице с холодными перилами, Лера спросила:

– Откуда ты знаешь итальянский, Мить?

Он улыбнулся, услышав этот вопрос.

– Довольно много опер написано по-итальянски. Можно было научиться: некоторые я помню наизусть.

Митя открыл дверь, и они вошли в комнату, действительно показавшуюся Лере холодной как могила.

Он включил не верхний свет, а лампу под золотистым абажуром, стоявшую на столике у кровати и сразу осветившую комнату таинственным сиянием. Потом отвернул вентиль на батарее.

– Может быть, потеплеет, – сказал Митя. – Хотя скорее всего – не слишком... Я ведь как раз здесь и жил в туманную неделю. Это хороший отель, но теплом даже здесь не балуют.

Лера по-прежнему стояла на пороге, не в силах сделать ни шагу, хотя позади был нелегкий день и она, кажется, устала. Она не понимала, что с ней происходит. Вернее – понимала, но ничего не могла поделать с собою...

Номер был небольшой, в одну комнату. И широкая, застеленная кремовым покрывалом кровать под высоким балдахином, разверзалась перед Лерой как пропасть.

Митя повернулся, стоя у окна, и сразу наткнулся на ее остановившийся взгляд, устремленный на это кремовое ложе. Он быстро прошел через всю комнату к двери, на ходу снимая пальто. Лера не успела ничего сказать, как он обнял ее, прижал к себе так осторожно и нежно, точно она могла рассыпаться от его прикосновения.

Митя расстегнул ее пальто, снял и не глядя положил на кресло в углу. При этом ей казалось, что его руки не отрываются от ее плеч, и одновременно – его пальцы прикасаются к ее лицу, гладят лоб, щеки, губы...

– Что же ты, моя любимая? – прошептал он, и Лера вздрогнула: он никогда не называл ее так, и никогда она не слышала, чтобы у него был такой голос. – Что же с тобою сделала жизнь – ты и меня уже боишься?..

– Я не боюсь, Митенька, не боюсь... – прошептала она в ответ. – Но я пустая какая-то... Мне кажется, из меня ушла вся жизнь, утекла, как ручеек... Что мне делать?

– Ничего. – Он осторожно подвел ее к кровати, сел сам и ее посадил рядом. – Ничего тебе не надо делать. Надо уснуть и проснуться счастливой, зимой в Венеции, и больше ничего.

Лера потерлась щекой о его руку, лежащую у нее на плече, и почувствовала, как вздрогнули его пальцы.

– Но... Я ведь ничего не могу, Митя, ты понимаешь? Я ничего сейчас не могу, мне страшно и пусто... Мне страшно даже, когда я представлю, что снимаю платье...

– Здесь холодно, – сказал он. – Ты и в платье замерзнешь. Ложись и постарайся уснуть, вот все и будет хорошо.

С этими словами он привлек ее к себе и сам лег на кровать. Лера

почувствовала, как, не отрываясь от его плеча, она оказывается рядом с ним, прижимается к нему в полумраке. Его дыхание чувствовалось над ее виском, и его руки сомкнулись на ее плече.

Она вовсе не собиралась спать, она понимала, что невозможно спать, да еще вот так, в одежде, когда он чудом нашел ее в февральской венецианской ночи, – это было бы слишком несправедливо по отношению к нему. Но, едва почувствовав виском тепло его дыхания, его руки на своих плечах, – она тут же поняла, что проваливается в сон, что ничего не может поделать с тем ощущением покоя, которое исходит от Мити...

– Митенька, я сейчас проснусь... – пробормотала она, засыпая и слыша, как с приглушенным стуком падают на пол ее туфли. – Я подремлю пять минут и проснусь...

Глава 13

Когда Лера проснулась, комната была залита неярким жемчужно-серым светом. Первые несколько секунд она ничего не могла понять. Где она находится, утро сейчас или вечер?

Потом она почувствовала, что лежит не на подушке, и, подняв голову, увидела рядом Митино лицо с закрытыми глазами и едва заметными тенями под темными ресницами. Он спал, его дыхание было почти не слышно, и его руки были сомкнуты на ее плече.

Несколько мгновений Лера всматривалась в его лицо – знакомое, как ей казалось, до последней черточки – и понимала, что не узнает его. Не ресницы эти не узнает, не стрелки темных волос на лбу, и не легкие морщинки у сомкнутых губ, и не изгиб скул – выразительный и тонкий. Она не узнавала выражение его лица, и это так поразило ее, что она не могла отвести от него глаз.

Ей никогда не приходилось видеть, чтобы человек просто спал, а лицо его при этом было так освещено изнутри, словно что-то серьезное и значительное совершается с ним даже во сне.

Она прикоснулась пальцем к Митиной щеке, осторожно провела по губам. Его лицо показалось ей печальным, но она не могла понять, в чем скрыта печаль – в губах, ресницах, морщинках? И прежде чем она могла бы догадаться, он открыл глаза.

– Митя, – сказала Лера, быстро отведя руку от его губ, – неужели я так и проспала всю ночь – ведь уже утро? И даже не пошевелилась?

Лера увидела, что Митя, как и она, спал одетый – прямо в темно-синем пуловере и в брюках. Его туфли лежали рядом с кроватью – подошвами вверх, с неразвязанными шнурками.

– Но ты же устал так спать! Ты ведь тоже не пошевелился...

Он разомкнул руки, приподнялся на локте и взгляделся в Лерино лицо, как будто хотел рассмотреть в нем что-то, чего не было прежде.

– Я не устал, – ответил он. – Ты же... Как скрипка на моем плече.

– Что-что? – переспросила Лера. – Что значит – как скрипка? Это стихи, что ли?

– Ничего. По-моему, ты отдохнула, правда?

– Конечно! – воскликнула она, садясь на кровати и сбрасывая одеяло, которым были укрыты ее ноги. – Я и представить не могла, что можно так отдохнуть – в одежде, и даже не приняв душ.

Лера тут же осеклась. Она понимала, что ее сон был так безмятежен, потому что она спала на Митином плече. И, чтобы переменить тему, она сказала:

– Но как же здесь холодно, я только сейчас почувствовала!

– Да ведь зимой по всей Венеции так, – ответил Митя. – Разве ты не знала?

– Нет, – покачала головой Лера. – Я только летом здесь была.

Он ждал внизу, пока она спустится в вестибюль. Только теперь, при свете дня, Лера разглядела, что отель, в котором они так неожиданно оказались ночью, – из самых изысканных маленьких отелей, овеянных особым очарованием венецианской старины. Тусклое поблескивание старинной бронзы, винный бархат кресел, запах дорогих духов, – все это свидетельствовало именно об изысканности и отеля, и людей, которые в нем жили.

Они оставили сумки у портье, чтобы не таскать их с собой по городу, и вышли на узкую улочку.

– Куда мы пойдём? – спросила Лера.

– Куда хочешь.

– Знаешь, я, кажется, никуда не хочу, – вдруг ответила она.

Лера только сейчас почувствовала, что это так. Все ее поездки последних лет были деловыми поездками, и сейчас она вдруг поняла, что больше не хочет ничего осматривать – ни церкви, ни галереи – ничего! Это было так странно... Здесь, в чудесном этом городе, было все, к чему она так рвалась. В Палаццо Дукале был «Рай» Тинторетто, о котором она столько читала, о котором когда-то хотела написать и перед которым стояла не меньше часа, когда увидела впервые. И сияющая белым мрамором церковь Марии делла Салуте, и мост Риальто, и бесчисленные ангелы в маленьких двориках... Здесь было все, что никогда не может надоесть, – все смотрелось в эту вечную воду.

Но сейчас Лера не чувствовала нетерпеливой, счастливой тяги к загадочной венецианской красоте – и не понимала, почему. Она едва не заплакала, когда поняла, что ей никуда не хочется идти в Венеции...

– Тогда пойдём завтракать на Сан-Марко, – сказал Митя.

«Если бы я могла различать цвета, – думала Лера, идя рядом с Митей по площади Сан-Марко к „Флориану“. – Если бы цвета не исчезли – может быть, все было бы совсем по-другому...»

Они сели за белый столик прямо на улице, под аркадой; пар вился тонкими струйками на кофейными чашками. Лера действительно не различала цветов, хотя видела их вполне отчетливо и могла назвать, просто

перечислить. Она и сама не понимала, как это может сочетаться.

И вдруг она подумала – мгновенно, без всякой связи с Венецией и с этой площадью: а ведь Митя ехал вчера в таком же, как она, поезде, похожем на подмосковную электричку, и те же шесть часов разделяли Рим и Венецию... И о чем думал он, что чувствовал в это бесконечное время?

Лера хотела спросить об этом и уже подняла на него глаза – и тут же ей расхотелось спрашивать. Митя смотрел на нее сквозь синюю пелену сигаретного дыма – и то же чувство, что в минуту пробуждения на его плече, охватило ее. Он снова показался ей незнакомым, другим – человеком, которого она совсем не знала...

Они молчали, глядя друг на друга, и здания площади Сан-Марко обступали их, словно отгораживая от всего мира.

– Ты должен вернуться в Вену, Митя? – спросила Лера.

– Да. У меня еще один концерт будет в Мюзикферайне, перед ним репетиции.

– А оперы? Ты все время говоришь только о концертах...

– Да, – снова кивнул Митя. – Мне сейчас не хочется оперной музыки, я сам не понимаю, почему. То есть понимаю, конечно...

– Но мне не можешь объяснить, – закончила Лера.

Митя улыбнулся.

– Я что-то не помню, чтобы тебя это когда-нибудь интересовало. Ну, коротко говоря: музыка пересиливает, я не могу ввести ее в рамки другого искусства. И от оперы остаются одни декорации, которые мне не нужны. Это пройдет, наверное, но пока это так. И может быть, это даже к лучшему. Ставить в чужих театрах – неблагодарное дело, а свой театр... Ведь это даже не свой оркестр. По-моему, это не слишком реально.

– А почему ты не хотел мне об этом говорить? – снова спросила Лера. – Ты думаешь, я стала... глупее, или бесчувственнее? И не пойму?..

– Нет. Но я думал, что тебе не может быть интересно чувство, обращенное не в живой поступок, а в звук, в движение руки. Разве не так?

– Дело не в этом, – покачала головой Лера.

Теперь уже она не могла ему объяснить, в чем же дело. Дело было в том, что он сидел перед ней, смотрел ей в глаза, и она понять не могла, исчезает весь остальной мир или наоборот – проясняется; но что-то происходило с миром и с нею...

– А в Москву? – осторожно спросила Лера. – В Москву ты теперь не скоро вернешься?

Митя молчал, и Лера не решилась переспрашивать.

– Я могу вернуться, – ответил он наконец. – Если бы ты знала, как я

хотел бы вернуться... Ведь для меня нет никаких соблазнов нигде, ты понимаешь? Мне не хотелось об этом говорить, но я действительно не только достиг славы, но и смог сделать то, что хотел, к чему чувствовал себя предназначенным – насколько это вообще возможно. И при этом мне не стало казаться, что я дошел до своего предела...

Лера почувствовала, как прозвучало неслышимое «но» в его голосе.

– Но – что? – спросила она.

Митя неожиданно улыбнулся, и Лера почувствовала, как сердце у нее забилось быстрее от его улыбки.

– Какая ты сегодня! – сказал он. – Все спрашиваешь и спрашиваешь – как в детстве. Сейчас еще спросишь, какая бывает любовь, да бывает ли любовь на чердаке – и потребуешь, чтобы я ответил тебе немедленно!

Лера и сама улыбнулась.

– Ты еще помнишь? – спросила она. – Господи, да ведь это сто лет назад было! В другой жизни...

– В той же самой, – покачал головой Митя. – Я не почувствовал разрыва.

– Мить, а ты любил Зинку? – вдруг спросила Лера. – Ту, рыжую, помнишь?

Тут он расхохотался – как всегда, наморщив нос, и смеялся до слез – так долго, что Лера сначала улыбнулась, а потом и сама засмеялась.

– Зинку? – переспросил он наконец. – Милая моя, да ты, кажется, придумала какую-то романтическую историю про юного скрипача и Сонечку Мармеладову с Цветного бульвара?

– Нет, ну почему Сонечку, – слегка смутилась Лера. – Но я же помню, это как-то необычно было все, как-то непонятно... Помнишь, когда Витька Жох тебя ударил в арке? А дядя Леха – его?

– А ты сказала, что ты моя подружка? Вот уж это я точно помню! Нет, не любил я Зинку. – Митя наконец перестал смеяться. – Она ведь самая обыкновенная была и умела отмерять свою любовь. Вот и мне отмерила, сколько положено было – не больше и не меньше. Но я так тянулся к ней тогда – ах, Лерка, если бы ты знала! – Лицо его просияло, осветившись воспоминанием, и Лера даже почувствовала легкий укол ревности, увидев этот веселый свет. – Я ведь все и тогда понимал, – продолжал Митя. – И про отмеренность, и про то, что вовсе она в меня не влюблена, как это должно было бы быть, если бы жизнь шла по красивому сценарию. Я ей нравился, и погулять она любила – подарки, рестораны... Мне тогда уже платили что-то за концерты, но все равно – вечно приходилось у отца деньги брать. Со стороны это, конечно, выглядело по-свински: молодой

пижон тянет у папочки деньги на развлечения, – улыбнулся Митя. – Но отец ведь никогда не смотрел со стороны... Нормальная она была женщина, и в конце концов совершенно нормально влюбилась в одного уголовника – своего же, с Цветного, потом уехала к нему в Сибирь и исчезла. Тоже – отмерила именно тому, кому от нее было положено, а не случайному мальчику.

– Но что же тогда тебя так уж к ней тянуло? – спросила Лера. – Ну, кроме, конечно...

– Вот именно что кроме... «Кроме» было не очень-то много, в основном то самое... А кроме – ее естественность и полная неспособность притворяться.

– А я думала, – протянула Лера, – что ты ее все-таки любил... Мне тогда показалось, ты так рассердился, что Жох про нее...

– Да брось ты! – улыбнулся Митя. – Я же помню тот день – у меня тогда еще тело от нее не остыло. Что же мне было – позволять, чтобы какая-то сволочь... Хотя вообще-то – ну что я мог бы ему сделать, чем рот заткнуть? Он, ясное дело, был сильнее.

– Не знаю, мне не показалось, – пожала плечами Лера.

Они оба развеселились от этого случайного воспоминания.

– Пойдем по Венеции гулять? – спросил Митя.

– Да, правда! – спохватилась Лера. – С ума мы с тобой сошли: сидим посреди Сан-Марко и вспоминаем Зинку Юрченко!

– Ну и что? Хорошо сидим. Пойдем, пойдем, день-то зимой короткий!

Они вышли на середину площади. Солнце коротко разорвало тучи, вся площадь осветилась этим мгновенным светом, – и Лера увидела, как вспыхнули сияющим многоцветьем мозаики собора Святого Марка.

И тут же зазвучала музыка! Лера даже вздрогнула, такими неожиданными показались звуки скрипки – как будто они могли быть связаны только с Митей...

За их спиной, под колоннадой Палаццо Дукале, расположились уличные музыканты. Перед парнем со скрипкой стоял большой жестяной бочонок из-под пива, и вся веселая компания самозабвенно играла полонез Огинского, пытаясь привлечь к себе внимание немногочисленных туристов.

– Как у нас в подземном переходе, – обрадованно заметила Лера. – Говорят, там полонез Огинского лучше всего идет. Мить! – вдруг воскликнула она. – Поиграй, а?

– Полонез Огинского? – засмеялся он.

– А что, хорошая музыка, – почти обиделась Лера.

– Да хорошая, хорошая, разве я что говорю? – Он прикоснулся к рукаву

ее пальто. – Но у них и без меня отлично получается.

– А ты другое что-нибудь поиграй, – не унималась Лера. – Ну пожалуйста, ну я тебя очень прошу! Я тебя, может, сто лет уже не слышала, а ты не хочешь!

Ею вдруг овладела бесшабашность. Она почувствовала себя так легко, как давно уже не чувствовала. Не было ни непонятной тоски, ни пустоты – ничего! Она стояла рядом с Митей на площади Сан-Марко, и ей хотелось услышать, как зазвучит скрипка в его руках – и ничего не хотелось ей сейчас так сильно, так самозабвенно...

Кажется, Митя понял это, едва взглянув на нее.

– Что ж, – вздохнул он, – пойдем отбивать хлеб у музыкантов, раз уж подружке моей так нейдет. Синьоры! – торжественно произнес он, подойдя к четверым парням под колоннадой. – У меня есть к вам огромная просьба!

Выглядели музыканты довольно живописно – небритые, с длинными волосами, с картинно-разноцветными заплатами на джинсах и с ожерельями из чего-то, напоминающего акульки зубы.

– А именно, синьор? – приветливо спросил один из них, со скрипкой.

– Вы видите эту женщину? – спросил Митя тем же патетическим тоном. – Вот эту, похожую на жемчужину в золоте, которая сейчас подошла к вам такой же походкой, какой Венера вышла из воды прямо на картину Боттичелли?

– О да! – охотно подхватывая его интонации, хором ответили музыканты.

– Она прекрасна, не правда ли?

– Правда! – подтвердили они.

– Вот эту женщину я люблю всю жизнь, – вдруг сказал Митя, и Лера чуть не упала, услышав эти слова. – И эта женщина, для которой я готов на все, просит меня о немногом...

– О чем просит синьора эта женщина, походка которой похожа на скольжение гондолы по Канале Гранде? – торжественно раздувая щеки, спросил скрипач.

– Она просит, чтобы я сыграл ей что-нибудь на вашей скрипке, – сказал Митя.

– И всего-то, синьор! – воскликнул парень, сверкнув восхитительной улыбкой и дыркой вместо переднего зуба. – Я бы на вашем месте просто отнял у меня инструмент и даже не спрашивал.

С этими словами он протянул Мите скрипку и подмигнул своим товарищам.

– Благодарю вас, синьор, – церемонно кивнул Митя. – И обещаю, что не возьму ни лиры из тех денег, которые мне удастся собрать. Это будет вам платой за ваше благородство, а мне будет платой радость этой удивительной женщины!

Митя взял скрипку, и Лера увидела, как выражение шутливой патетики мгновенно исчезло с его лица. Он легко коснулся струн смычком, и она узнала этот жест – влюбленный, чуткий вопрос, на который так счастливо и чудесно отвечали ему всегда струны и клавиши... Потом он подкрутил один колок и начал играть – и Лера замерла, забыв обо всем.

Она видела, как меняется его лицо – даже не лицо, а только глаза, – когда звуки вырываются из-под его пальцев и, помедлив мгновение, несутся в небо над Сан-Марко. Радость была в его глазах – от того, что они родились, и одновременно – сожаление, когда они растворялись где-то над высокой колокольней.

Ей казалось, что Митя хочет вернуть эти звуки, но вместо этого создает их заново, и тут же снова отпускает. И все звуки были разные, а мелодия сплеталась сама, накатывалась бесконечными волнами – такими же, как волны в бесчисленных венецианских каналах.

Лера не могла понять, сколько это длилось, и даже не заметила, когда затихли звуки. Ей казалось, они все еще звучат и будут звучать всегда.

Она вздрогнула, увидев, что Митя стоит прямо перед нею, опустив скрипку, и в глазах его, в вечно скрытых под ресницами уголках его глаз, таится то, для чего не может быть слов.

– Лера... – сказал он – или только губы его дрогнули? – Не плачь, прошу тебя, я совсем этого не хотел...

Но слезы сами катились по ее щекам, она не могла их остановить, и в неудержимом потоке слез сияли голубые просветы неба над Сан-Марко, всеми цветами переливался мрамор, величественно высилась квадрига на соборе, и блестили темной глубиной Митины глаза.

– Еще, маэстро! – услышала Лера, и огляделась изумленно: она и забыла, что они не одни!

Вокруг собралась толпа. Кажется, их обступили все, кто был в это время на площади.

– Еще? – спросил Митя – снова едва дрогнувшими губами, не отводя от нее глаз.

– Да, – ответила она.

И звуки полились снова – к ней, к небу, к воде в просветах улиц, к бесчисленным куполам и башням Венеции...

Лера поняла, что звуки затихли, только по шквалу аплодисментов.

Бешено хлопал парень из музыкальной компании, зажав под мышкой кларнет; аплодировала молодая парочка в одинаковых ярко-красных пальто; хлопал какой-то старик в смешной вязаной шапочке с голубым помпоном и мальчик лет пяти с покрасневшим от холода носом.

– Благодарю вас, маэстро Гладышев! – воскликнул хозяин скрипки, принимая ее из Митиных рук. – А я только теперь вас узнал. Я вас слышал на «Музыкальном мае» во Флоренции, вы исполняли «Кантабиле» Паганини, помните? А я учусь в Консерватории в Риме. Но бывает же такое! А я-то захватил с собой скрипку только для того, чтобы отыграть билет до Венеции...

– Чего только не бывает, – повернулась к парню Лера. – Я ведь тоже еще вчера не знала, зачем еду сюда.

– А теперь, синьор, – вдруг сказал Митя, обернувшись к гитаристу и подмигивая ему. – Теперь я хочу сыграть на вашей гитаре любимую песню синьоры!

Парень с готовностью протянул ему гитару.

– Моя чудесная синьора любит это больше, чем Моцарта и Вивальди, она у меня невообразимо музыкальна, – приговаривал Митя, трогая гитарные струны.

Лера засмеялась его словам; ветер с Лагуны высушил слезы на ее щеках.

Конечно, он запел про Кейптаунский порт – про то, как четырнадцать французских моряков идут туда, где можно без труда и женщин, и вина найти всегда...

Остальные музыканты тут же подхватили мелодию – полились серебряные звуки кларнета, зазвучала скрипка римского студента. Толпа вокруг засмеялась, и монеты дождем посыпались в жестянку, под следующую песню – про лютики-цветочки у меня в садочке, милая, любимая, не дождусь я ночи...

– Все, синьоры! – сказал Митя, поднимая вверх гитару под смех и аплодисменты. – Я благодарю вас за участие в концерте. Женщину я уже нашел, а теперь пойду искать вина, как только что и было спето.

И, подхватив Леру под руку, он быстро пошел через площадь к Пьяцетте, сопровождаемый овациями.

– Ну, Митенька, – объявила Лера, – можешь быть спокоен: свой билет до Венеции ты всегда отыграешь на Сан-Марко!

Они незаметно забрели далеко – в самую глубь Венеции миноре, – выпили вина в какой-то маленькой траттории, на террасе, зажатой между домом и каналом. Вода плескалась у самых ног, и глухо ударялась о террасу

привязанная рядом гондола.

– А дядя Леха? – спросила Лера.

Она хотела объяснить, что – дядя Леха. Но Митя понял и так. Лера догадалась об этом по тому, как осветилось его лицо.

– Он удивительный человек, – сказал Митя. – В нем есть то же, что было в маме, – то же благородство, та же внутренняя утонченность. И понимаешь, он не только чувствует неуловимые душевные движения, но всегда имел мужество жить так, как они ему подсказывали. Даже если потом приходилось тяжело расплачиваться.

– Он так на тебя смотрел всегда... – вспомнила Лера. – Я в детстве не понимала, почему.

«А теперь понимаю», – хотела добавить она, но промолчала.

– Он меня оберегал, – снова улыбнулся Митя. – Как тогда, с Жохом. Говорил, что я должен жить так, как хочу. Меня мама все время хотела так оберегать, но так – не могла. Ей ведь трудно это было – согласиться с тем, что я должен жить, как хочу, ей это опасным казалось... – Как всегда, когда он вспоминал о матери, Митино лицо неуловимо просветлело, и одновременно печальная тень мелькнула в глазах. – Я его спрашивал, Алексея Константиновича, – продолжал он, помолчав. – Я его спрашивал: «Как же – как хочу? А если это будет просто мой каприз?» А он: «Ничего, Митя, твои капризы дорогого стоят». Баловал меня, в общем, – закончил Митя. – Но это ничего оказалось. Жизнь зато никого не балует, он-то это хорошо понимал...

Потом они медленно шли по Фондамента Нуова к двенадцати мостам – то и дело останавливаясь, глядя то на серебристо-серую воду, то друг на друга. Просветы в тучах затянулись, и разноцветные дома были теперь освещены таким же серебряным, как вода, отовсюду льющим светом.

Голова у Леры слегка кружилась, и она не отпускала Митину руку.

– Ты мне не сказал все-таки, – спросила она. – Приедешь ты в Москву?

– Да. Разве не сказал? Я приеду, они хотят, чтобы я приехал – весь оркестр. Все это кончилось – интриги эти, борьба за власть. Оно и должно было кончиться, я был в этом уверен. Я же сам собирал этот оркестр, я каждого знаю и чувствую иногда лучше, чем себя... Но мне не хотелось торопить, ты понимаешь? Мне хотелось, чтобы они сами... Нет, не просили меня, но чтобы они сами поняли, что мы значим друг для друга.

Лера смотрела, как ветер перебирает его темные волосы, как отблески от воды переливаются в глазах.

«Что же это? – думала она. – Ведь это Митя, ведь я знаю его всю жизнь – где же все это было, почему вдруг возникло только теперь?»

Но ответить было невозможно, да она и не искала ответа – только смотрела на Митю.

– Это хороший оркестр, о котором ты говоришь? – спросила она.

– Он не просто хороший... Конечно, им многого не хватает, они меня иногда злят до невозможности – особенно когда поработаешь в Европе и привыкнешь к точности интонаций, да и просто к дисциплине привыкнешь. Но зато они так эмоциональны и так чувствуют самую суть того, что исполняют, что пессимизм быстро проходит. Тем более, некоторые – мои однокурсники по Консерватории.

Митя улыбнулся – наверное, вспомнив тех, о ком говорил сейчас.

Сумерки опустились на город незаметно. Потемнела вода в каналах, еще таинственнее стали бесчисленные львы на фронтонах и карнизах.

– Ты, наверное, на гондоле хочешь покататься? – спросил Митя. – Жаль, луны не видно, а то бы я стоял с гитарой, весь в лунном свете, и пел «O sole mio», бросая на тебя проникновенные взгляды.

– Зачем ты смеешься, Митя? – тихо спросила Лера. – Что с тобой?

Он действительно переменился, она сразу это заметила – как будто сумеречная тень набежала на его лицо.

– У меня сегодня вечером самолет, – сказал он. – И на гондоле мы все равно не успеем покататься...

– Мы... не вернемся в отель? – спросила Лера.

– У нас был чудесный день, – не отвечая на ее вопрос, сказал Митя. – И ты мне за него благодарна, я знаю. Как в Стамбуле когда-то, помнишь? Но... Я не хочу, чтобы ты была благодарна, Лера.

– Ты думаешь о том, что из любого чувства, кроме благодарности?... – догадалась она.

– Видишь, мы читали одни и те же книжки. – Лера заметила, как улыбка скользнула по Митиному лицу, не осветив его радостью. – Пойдем, заберем сумки. Мы можем вместе ехать в аэропорт, если ты, конечно, не хочешь остаться еще.

– Не хочу, – покачала головой Лера.

Зачем ей было это «еще»? Зачем была ей Венеция, и Москва, и весь мир, когда глаза его потухли, и вместе с ними снова потухли краски мира, вспыхнувшие было в этот день?

– Пойдем, Митя, – сказала она. – У меня черт знает сколько дел завтра, и Аленка соскучилась... Ты не помнишь, во сколько самолет на Москву?

Когда самолет взлетал, облака над Венецией ненадолго развеялись, и

Лера смотрела, как уменьшается, словно падает вниз, город на воде, похожий на двух плоских рыб.

Она вдруг вспомнила, как исчезла со стены фотография отраженной Венеции, и ей показалось, что это произошло снова.

Митин самолет в Вену был раньше, чем ее московский, и Лера не могла забыть то чувство отчаянной, невосполнимой оставленности, которое охватило ее, когда она смотрела, как он не оглядываясь идет через зал за таможенной калиткой.

Когда они прощались, Митя взял ее за руку и, помедлив мгновение, поцеловал – прикоснулся к ее губам коротким, стремительным поцелуем. Лера едва удержалась, чтобы не схватить его за руки, за рукава расстегнутого пальто – чтобы не держать его, не просить остаться...

«Этого не было во мне – и вот это появилось, непонятно отчего, – думала она. – А в нем, значит, нет. Просто он пошутил с ребятами-музыкантами, чтобы меня немного развеселить. Он же и раньше любил меня радовать, ничего в нем не изменилось».

Бесчисленные, беспорядочно рассыпанные огни ночной Москвы засияли внизу; Лера застегнула пальто.

После влажной, серебристой венецианской зимы в Москве было так холодно, что у нее дыхание занялось, пока она дошла от трапа до здания аэропорта. Совершенно белые от инея деревья стояли вдоль дороги от Шереметьева, и Лере показалось вдруг, что даже деревья смотрят сурово.

Впервые она шла через свой двор с таким чувством: ей казалось, что само их детство, каждым воспоминанием, стеной стоит между нею и Митей.

Лера не могла понять, почему это случилось – вдруг, так неожиданно и мгновенно, почему произошел этот странный надлом? Они стояли у моста Вздохов и смотрели, как медленно, в угасающем зимнем свете, плывет гондола по узкому каналу между Палаццо Дукале и тюрьмой Карчери – и вдруг Митино лицо потемнело, и он сказал о проникновенных взглядах...

Она заставляла себя обидеться на него – может быть, это помогло бы?

«У него своя жизнь, – говорила себе Лера. – Я не знаю его жизни, не знаю, что его волнует и что ему надо. И он ведь не обычный человек, настроение у него меняется быстро. Может быть, у него вообще не настроение бывает, а тот самый каприз, минутная прихоть, ведь я даже этого не знаю о нем... И что же, так легко отказаться от всего, что так трудно далось мне в жизни? И ради чего – чтобы ненадолго стать причиной его капризов?»

Она думала об этом упорно, она старалась сравнивать Митю с мужчинами, которых знала, – с Костей, с Валиком Старогородским. Именно с теми мужчинами, у которых была своя жизнь и которым она, Лера, была нужна как маленький камешек в их мозаике, для которого отведено определенное и неизменное место.

Дел у нее действительно было много – как всегда. И только вечерами, когда все уже засыпало и она подходила к окну, всматриваясь в темные окна напротив, Лера думала обо всем этом – заставляла себя думать именно так, и заставляла себя не думать иначе.

Она даже не удивилась почти, когда занавеска в Митином окне осветилась изнутри последним зимним вечером. Не удивилась, но вздрогнула и присела на подоконник. Она ждала, что Митя покажется в просвете подъезда и вспыхнет огонек его сигареты.

Но его не было, хотя свет в его окне погас. И телефон молчал – и не надо было ждать.

Только по этому светящемуся окну Лера знала, что он уже больше недели как приехал. Других знаков его приезда просто не было.

Наконец она не выдержала и рано утром, перед работой, поехала на Большую Никитскую. Она стояла у входа в Консерваторию, смотрела на Митино имя на афише и пыталась понять, когда это – десятое марта? До нее не сразу дошло, что десятое – сегодня; все числа выветрились из ее головы.

– Что это ты сегодня заторможенная такая? – удивленно спросила Зоська. – Ты слышишь, Лер, с телевидения тебе звонили. Перезвонишь?

– Да-да, – рассеянно кивнула она. – Позвони сама, а, Зосенька?

Она думала только о Мите – о том, как вздрогнули его губы, когда он спросил ее: «Еще?» – и звуки понеслись в небо над Сан-Марко...

Он был прав: Лера действительно никогда не была особенно музыкальна и действительно любила простые песенки. Но сейчас ей казалось, что звуки не умолкают, что скрипка бесконечно звучит в его руках.

Глава 14

Оркестр уже был на сцене, уже отзвучали таинственные и беспорядочные звуки настраиваемых инструментов – и стояла последняя тишина ожидания.

Лера чувствовала, как сердце проваливается в гулкую пустоту и бьется там, в тайной тишине. Она ждала, когда появится Митя; больше не существовало ничего, и в глазах у нее темнело от этого единственного ожидания.

И она пропустила этот момент – когда он вышел и остановился перед оркестром, под нетерпеливые аплодисменты зала!

У нее было хорошее место – сбоку и близко. То есть, кажется, это было не самое лучшее место для того чтобы слушать музыку – ну конечно, Митя сам говорил ей однажды, что слушать вблизи плохо, – но зато Лера видела его лицо даже тогда, когда он повернулся к оркестру и забыл о зале.

Она видела его таким только однажды – в то утро, когда глаза его были еще закрыты и что-то огромное, ей непонятное, совершалось с ним, хотя он просто спал. Глаза его были сейчас чуть прищурены, потом он поднял руки, словно разрешив оркестру начинать – и первые звуки полились в зал.

Лера знала, что сегодня будет Бетховен и Чайковский, но она забыла обо всем, глядя на Митины руки. Она бывала на его концертах – правда, ужасно давно; ее всегда восхищало исполнение. Но только теперь она понимала, что же происходит...

Токи жизни – те самые, которые она чувствовала прежде и которые казались исчезнувшими из ее жизни безвозвратно, – текли через его пальцы и заряжали оркестр такой мощью, с которой ничто не могло сравниться.

Лера всегда стеснялась признаться в том, что ей не совсем понятно, что же делает с оркестром дирижер. Ведь музыка уже написана и изменить ее нельзя, и ведь все музыканты, конечно, знают свои партии? Теперь она смотрела на Митины руки и понимала: ничего не произойдет без их разрешения, ни один звук не прозвучит, если не будет вызван к жизни их движениями.

Она поражалась прежде: откуда это выражение твердости и силы в каждом его взгляде, ведь он музыкант, ведь он имеет дело с чем-то тонким и неуловимым, и к чему же эта твердость? Но теперь звуки неслись, сметая все преграды, они были неостановимы как выстрелы, хотя звучали пронзительно и легко, их было так много, что невозможным казалось

совладать с ними...

Сердце у Леры занялось, голова закружилась – ей впервые стало страшно, когда она окунулась в этот мощный звуковой поток и почувствовала всесилие звуков. Она поняла, что ей знакомо это чувство, хотя никогда прежде оно не связывалось для нее с музыкой. Это было чувство собственного бессилия перед страшными потоками жизни, которые могут смести кого угодно, сломать человека и заставить его поступать против собственной воли.

Лера едва не зажала уши, настолько жуткой показалась ей ее догадка. Она вспомнила, как сидела перед телефоном, как вкрадчиво звучал в нем голос с едва уловимым акцентом, как ничего нельзя было сделать и как зияла распахнутая постель Стаса Потемкина...

Все было связано в жизни, и музыка говорила об этом с такой неотменимой ясностью, которой не обладают слова.

И вдруг она почувствовала: что-то изменилось и, подняв глаза, поняла – что. Митя остановил этот поток, руками остановил то, что остановить было невозможно. Он словно показал ей: видишь, в жизни это так – пугающе, безжалостно, – но со мной это не будет так, не бойся, подружка моя дорогая...

Лера улыбнулась: ей показалось, будто он произнес это вслух. Она услышала, что духовые звучат теперь глуше, а скрипки отчетливее. Но дело было не в звучании отдельных инструментов – весь оркестр был единым дыханием, и оно больше не пугало ее.

Как это можно было совершить – она не знала, но это было так, и Митя это сделал.

Лера видела, что музыканты подчиняются едва уловимым движениям его пальцев, и сама она чувствовала власть его движений над потоками жизни. Это была какая-то особая власть – такой она не знала прежде...

Концерт шел без перерыва, не разрываемый даже аплодисментами. Но энергия накапливалась в зале и выплеснулась как взрыв – когда стихли звуки, когда Митя опустил руки и замер, еще не оборачиваясь.

Он повернулся к залу медленно, встречая шквал аплодисментов. Лера видела, как яснеют его глаза и как он все-таки не может вернуться окончательно... Он дышал тяжело, стрелки темных волос прилипли к его лбу. Митя наклонил голову, потом пожал руку первой скрипке, потом поднял руки, словно охватывая ими весь оркестр.

Потом взгляды их встретились, и Лера увидела, как он вздрогнул, чуть не уронил цветы и сделал шаг к ней, словно собирался спрыгнуть со сцены. Она приложила палец к губам, и Митя улыбнулся.

– Bravo! – неслось из зала, и аплодисменты не стихали.

Она поняла, почему дрогнули его губы. «Еще?» – беззвучно спросил он у нее, и она кивнула.

Она ждала его на улице у служебного входа, и ей показалось, что сердце у нее остановится, когда его силуэт возник в освещенном дверном проеме.

Митя шел ей навстречу стремительно, полы его пальто распахнулись от ветра и движения, и он прижал ее к себе так сильно, что в глазах у нее потемнело и она едва не вскрикнула.

Впервые Лера не чувствовала в его объятиях того спокойствия, которое было в них всегда, – но ей и не нужно было сейчас спокойствие... Митя прикоснулся к ее губам, ресницам; закрыв глаза, она чувствовала его пальцы на своих щеках. Потом она почувствовала, что он целует ее – но не тем, мимолетным и прощальным поцелуем, воспоминание о котором так мучило ее. Все ее тело затрепетало от его поцелуя, от горячего его прикосновения, и от того, как он провел изнутри языком по ее губам.

В нем было столько страсти, сколько Лера не встречала в своей жизни никогда, но его страсть не обрушивалась на нее, а подхватывала и защищала.

– Митя... – прошептала Лера, когда поцелуй на мгновение прервался, потому что оба они едва не задохнулись. – Митенька, где же ты был?..

– Дмитрий Сергеич! – крикнул кто-то из освещенного подъезда. – А я вас ищу! Машину-то я подогнал, поедем, что ли?

Лера оставила свою машину в Газетном переулке: у Консерватории яблоку негде было упасть перед концертом. Но она совершенно забыла о ней, да и все равно не смогла бы, наверное, сесть сейчас за руль.

Они вдвоем сели в подъехавшую машину. Мелькнули за окном ночные улицы – и Лера поднялась вслед за Митей по лестнице, и он снова обнял ее в темноте пустой квартиры – прямо в прихожей, не успев снять пальто и не в силах тратить на это время...

Ноги у них подкашивались, голоса прерывались, когда они пытались что-то сказать – и они снова замолкали, целовались, прижимаясь друг к другу, желая сейчас только одного – слиться совсем, и не понимая, как же это не произошло до сих пор.

– Господи... – сказал вдруг Митя, садясь на пол прямо у двери и прислоняясь головой к плащу, висящему на вешалке. – Ведь я уже – все, подумал, что этого не будет никогда...

Лера тут же поняла, о чем он говорит.

– Почему же? – прошептала она. – Как же ты мог так подумать,

Митенька, любимый мой?

– Не знаю... Только я сейчас с ума сойду.

Лера присела рядом с ним, взяла его руку и поднесла к губам. В прихожей было темно, но она ясно видела очертания его руки в темноте – пальцы с большими, словно набрякшими, суставами; широкоую, огромную какую-то, ладонь... Она поцеловала его в середину ладони и почувствовала, как весь он вздрогнул и рука его затрепетала под ее поцелуем.

– Молчи, молчи, Митя, – прошептала она. – Молчи, единственный мой, ничего не говори...

Она осторожно перевернула его руку, и губы ее заскользили по ней, перетекая по выступам и впадинам – январь, февраль, март... Время остановилось, превратившись только в эти месяцы на тыльной стороне Митиной ладони.

Лера не помнила, сколько сидели они вот так, у вешалки в прихожей, и сколько раз целовала она Митины пальцы.

– Иди ко мне, – вдруг произнес он, отнимая руку, и голос его прозвучал глухо, прерывисто. – Иди ко мне, сил моих больше нет, я же тебя люблю, никому я тебя больше не отдам...

Он встал, поднимая ее вслед за собою; пальто упало наконец с ее плеч на пол. Лера не помнила, как они оказались в спальне, она чувствовала только, что Митя раздевает ее, не переставая целовать, и вся она отдавалась движениям его рук, не в силах пошевелиться.

Она видела, что он сдерживает себя – иначе он просто не смог бы раздеться сам, не выдержал бы этих долгих мгновений. Но когда он оказался рядом с нею на кровати – он больше не сдерживался, и Лера не могла сдержать стон, едва он прикоснулся к ней, провел ладонью по ее телу от шеи до ног – такая волна пробежала по ней от одного его прикосновения.

Ей казалось, все происходит с нею впервые – да это и было впервые, потому что никогда и ни с кем не чувствовала она того, что чувствовала сейчас.

Токи жизни, исходившие из Митиных рук, сотрясали ее тело, бросали ее к нему – хотя они и так уже были вместе, и так уже она ощущала его в себе, и большее слиянье было невозможно – и все им было мало...

– Ты лежи так, Митенька... – попросила Лера, когда оба они чуть-чуть пришли в себя после первого порыва. – Давай так положим, а потом сразу опять, а? Бессовестная я женщина?

Она услышала, как он тихо рассмеялся в полутьме.

– Давай, – сказал он, переворачиваясь на спину, прижимая ее к своему животу и глядя ее плечи над собою. – Да я с тобой всю ночь готов – полежим, а потом опять... Любимая ты моя бессовестная женщина, если бы ты знала, как я тебя люблю – у меня в глазах темно...

Лера обняла его за шею и целовала его губы, тут же раскрывающиеся ей навстречу, целовала впадинку между его ключицами... Волосы на его груди щекотали ей нос, она смеялась и дула на них, а Митя гладил пальцами ее спину.

Они отдыхали совсем недолго – им незачем было отдыхать друг от друга, – и даже во время этого недолгого отдыха Лера не переставала чувствовать, как весь он трепещет у нее внутри.

– А вот уже и потом... – хрипло прошептал он. – А вот и опять!..

И она почувствовала, как вздрогнули под нею его бедра, как весь он устремился к ней – в ней, и как все у нее внутри снова задрожало, сжимающим трепетом отвечая его движениям.

Они забыли обо всем, прикикая друг к другу. Им не хотелось размыкать объятия даже на минуту – это было просто невозможно.

– А вина ты не хочешь? – вдруг спросил Митя, когда они снова лежали рядом, и он по-прежнему оставался в ней, отдыхая неизвестно в который раз, и его рука скользила по Лериному бедру, горяча и возбуждая.

– Хочу, – ответила она. – Но так хочу, чтобы ты бы не уходил – я тебя не хочу отпускать!

И она засмеялась, сжимая его внутри себя.

– А ты и не отпускай! – засмеялся он в ответ. – Ты меня вот так ногами обними, я тебя вот так подниму, и вот так вместе с тобой и пойду за вином.

– Ладно, Митька, – сказала Лера, наконец отодвигаясь от него и с сожалением переставая чувствовать его в себе. – Сходи за вином, отпускаю. Нет, я с тобой все-таки пойду, пожалуй!

Она соскользнула вслед за ним с кровати, хотела набросить свой длинный шелковый пиджак, но он остановил ее руку.

– Нет, это уж оставь, – сказал он. – Ты меня отпускать не хотела, а я на тебя смотреть хочу все время. Ты себе не представляешь даже, какая ты красивая... Не закрывайся, ненаглядная моя, я все время хочу тебя видеть!..

Вино было в буфете. Войдя в гостиную, Митя включил торшер, и Лера невольно зажмурилась даже от этого неяркого золотистого света. Но она тут же открыла глаза, чтобы видеть его. Это было удивительное чувство – видеть его, словно впервые. Да это и было впервые, как все, что происходило с нею сегодня. Она видела его ясным, обостренным зрением – стройную его фигуру, блеск темных глаз, движения, изящные в своей

точности...

Вино было красное, терпкое, Митя разлил его по бокалам и сел в кресло у стены, не выпуская Лериной руки.

– Посиди со мной, – сказал он, и она села к нему на колени, обняв его за шею и бокал свой поставив на его голое плечо. – Знаешь, как я тебя люблю?

– Как? – тут же спросила она. – Знать не знаю, хочу услышать!

– Вот как: вся ты во мне звучишь, я тебя каждую минуту слышу, и глаза твои слышу золотые, и походку твою слышу удивительную... Вот, например, я репетирую: сутками могу не есть, не спать, забыть обо всем, кроме музыки, не знать, какая погода, – но ты во мне звучишь, и я тебя слышу всегда...

– Как звуки? – догадалась она. – Помнишь, ты мне говорил, что звуки все время слышишь?

– Да. Но я тебя не только слышу, а хочу чувствовать все время, прикасаться к тебе хочу, и вообще тебя хочу так, что в горле у меня пересыхает. Погоди, я вина должен выпить, а то говорить не смогу, – заявил он в подтверждение своих слов. – Вот, теперь легче. Дай еще тебя потрогаю – совсем будет отлично.

Лера засмеялась и, подхватив свой бокал, скользнула вниз с его колен.

– Ты куда? – Митя сжал ее плечо.

– Никуда, миленький. Здесь посижу, буду снизу вверх на тебя смотреть!

– Не надо снизу вверх...

Митя попробовал поднять ее, но она покачала головой, прижавшись щекой к его колену.

– Нет-нет – мне ты нравишься отсюда, почему же не надо?.. Я тебе, может, заглядываю под ресницы – что у тебя там за тайна? Смотри, вино мое не разлей.

Она отхлебнула из своего бокала и поставила его возле Митиной ступни. Лицо ее вдруг стало серьезным.

– Митенька, – сказала она, поднимая на него глаза. – Что же это, а? И как же это – почему не было раньше, почему появилось вдруг? Ведь я тебя сто лет знала, смотрела на тебя, мы с тобой на лавочке сидели, говорили с тобой до утра, песни ты мне пел – и не было... Почему, объясни ты мне, а?

– Все тебе объясни. – Митя погладил ее по голове и, наклонившись, поцеловал в нос. – Думаешь, я понимаю, почему? Думаешь, это вообще можно объяснить? Я видел только, что в тебе этого нет – и ничего нельзя было поделать.

– Ты никогда ни словом не обмолвился... – тихо сказала Лера. – Ни

словом, ни жестом, ни взглядом... Почему, Митя?

Он молчал, и она повторила:

– Почему, скажи мне!..

– А что значили бы слова, и жесты, и все что угодно? – сказал он наконец. – Ты меня не любила – и какие тут слова, зачем?

– Но ведь это тяжело, Митя... Как можно все держать в себе, от этого ведь с ума можно сойти...

– Я привык. – Он провел рукой по ее волосам и улыбнулся. – Для меня в музыке всегда было так – невозможно выплескивать мимоходом, внутри оно сильнее. И я же говорил: ты вся – как музыка, вся во мне... Но это и правда было тяжело – как же тяжело, Лера, если бы ты знала! – Он быстро встал, прошелся по комнате. Лера сидела на полу у его кресла и смотрела, как сияет все его тело в золотом полумраке, как блестят глаза. – Если бы ты знала! – повторил он, поворачиваясь к ней. – Тогда, когда ты поехала к тому подонку, и из-за чего – из-за денег! О господи!.. Вот от этого я и правда чуть с ума не сошел, вот тогда я себя убить был готов...

– Но почему же себя, Митя, почему же себя?

– Потому что я думал, что должен был как-то по-другому... Что ты должна была знать: ты можешь мне хотя бы сказать... А ты не сказала, и я сам был в этом виноват. Я должен был на все наплевать – любишь ты меня, не любишь – и должен был тебе сказать: я тебя люблю, я все для тебя сделаю, не таись от меня...

Митя говорил сбивчиво, и в глазах его застыло такое страдание, что сердце у Леры сжалось.

– Иди ко мне, – сказала она так тихо, что сама едва расслышала свой голос. – Иди ко мне, мой родной...

Митя присел перед нею на корточки – как всегда делал, когда она была маленькая, – и Лера, приподнявшись, прижалась лбом к его плечу.

– Прости меня, – прошептала она сквозь слезы. – Прости меня, мне самой страшно вспомнить...

– А ты не вспоминай, – тут же сказал он, обнимая ее. – Есть о чем вспоминать – вот я тоже болван! Ну-ка перестань сейчас же плакать! Я теперь эгоист, мне тебя надоело утешать – я хочу, чтоб ты меня любила.

– Ах так! – Она рассмеялась, и слезы блеснули в ее глазах, исчезая. – Тогда сядь обратно, выпьем за твой эгоизм, без которого я жить не могу, и сейчас же рассказывай мне дальше: как ты меня любишь?

Митя снова сел в кресло, и Лера, сидя на полу у его ног, снова оказалась между его колен.

– Не веришь, что я эгоист? Ну так я тебя до утра заставлю слушать про

любовь, и так непонятно буду говорить – взвоешь! И вином не дам запить, не тяни руку! – Он отодвинул ногой бокал и сжал коленями ее плечи. – Значит – про твою походку. Походка у тебя вот такая: когда музыка хочет стать движением – получается твоя походка. Невозможно сказать, как ты идешь, какое движение ты делаешь сначала, какое потом – все происходит одновременно, одна мелодия. Что, непонятно?

– Понятно, – покачала головой Лера.

– Ох, не верти головой, ты где меня волосами щекочешь? Это может плохо для тебя кончиться! Может случиться, что я не успею договорить про твою походку...

– Давай, – тут же согласилась Лера. – Ты же хотел, чтоб я тебя любила? Ну, я и согласна. И хочу тебя любить сию секунду, прямо здесь, на холодном полу...

Уже через минуту ей показалось, что паркет стал горячим под ними. Митя целовал ее, глаза его были полузакрыты, и она чувствовала на своих плечах его поцелуи, а все его тело – уже в себе. И обнимала его всем своим телом, чувствуя, что он стремится в нее – все глубже, как будто возможно было им слиться больше, как будто можно было утолить эту жажду, которая сжигала их обоих.

Лера подчинялась каждому изгибу Митино тела и тут же сама выдумывала для него новые движения – радуясь оттого, что ее выдумки становятся наслаждением для него.

Вот она вдруг ускользнула из-под него, перевернулась на живот – и он лежал теперь на ней, всем телом лаская ее спину, и она чувствовала, что ему нравится повторять ее спину своим телом... Потом он положил ладони на ее бедра, приподнял – он хотел быть в ней снова, весь он дрожал в страстном нетерпении.

– Ты меняпусти, милая, в себяпусти, – произнес он, и Лера едва узнала его голос, ставший глухим и прерывистым. – Потом – еще, потом я тебя ласкать буду... А сейчас –пусти!.. Вот так, моя единственная, – ох, как... – прошептал он, чувствуя, как она раздвигает ноги.

Лера перевела дыхание чуть раньше и замерла, прислушиваясь, как затихают у нее внутри его содрогания; потом подняла голову от его груди. Митины глаза все еще были полузакрыты, губы еще вздрагивали после страстных слов и поцелуев, и она не могла насмотреться на него – на чудо его лица, на любимые, единственные тени под прямыми ресницами...

– Вино разлил... – сказала Лера, целуя его в полуоткрытые, пересохшие губы. – Ох, Митька, что я теперь буду пить?

– Я с тобой поделюсь. – Он осторожно приподнял ее над собою. – Давай-ка в кресло сядем, у тебя кожа стала холодная, как у лягушки.

Перед тем как сесть в кресло, Митя снял с него накидку и завернул в нее Леру.

– Ну вот, а говорил, смотреть на меня хочешь...

– Ничего, я гладить буду, – сказал он, кладя руку ей на грудь.

Лера положила голову ему на плечо, и они молчали, прислушиваясь к дыханию друг друга.

– А когда ты понял, Митя? – вдруг спросила она. – Ну, когда ты понял... Что оно во мне появилось?

– Когда появилось, тогда и понял, – ответил он. – Когда ты прикоснулась к моей щеке – помнишь, утром, в Венеции?

– Но у тебя даже глаза тогда были закрыты! – удивилась Лера.

– Ну и что? При чем здесь глаза...

– Почему же ты уехал? – тихо спросила она. – Ты не поверил мне, Митенька?

– Я боялся поверить. – Митя прижался губами к ее виску. – Прости меня – я правда боялся... Я уже смирился с тем, что этого не может быть, и я так боялся, что мне все только кажется...

– А это ведь и правда тогда появилось... Правда, Митя! Я тоже только потом поняла, когда же оно на самом деле пришло... А у тебя было такое лицо в то утро – ты знаешь, мне показалось, будто я тебя впервые вижу.

– И что же ты подумала? – засмеялся он. – Что, интересно, ты подумала, проснувшись в постели с незнакомым мужчиной?

– Я ничего не успела подумать. Мужчина тут же открыл глаза и сказал, что я скрипка на его плече. Митя! – вспомнила она. – А что это за стихи – ведь это стихи, правда?

– Правда. Но я не люблю, когда стихи удачно приходятся.

– Митенька, да о чем ты? Удачно, неудачно... Какая разница – я тебя люблю... Скажи, что там дальше?

– Дальше там: она как скрипка на моем плече. Что знает скрипка о высоком пенье? Что я о ней? Что пламя о свече? И сам господь, – что знает о творенье? Ведь высший дар себя не узнает. А красота превышает дарований – она себя являет без стараний и одарять собой не устает. И, отрешась от распрей и забот, мы слушаем в минуту просветленья то долгое и медленное пенье и узнаем в нем высшее значенье. Которое себя не узнает.

– Ты знаешь, я так боялась тогда... – сказала Лера, помолчав, словно прислушиваясь к затихающим звукам.

– Меня? – спросил он.

– Не знаю... Просто – я боялась, ты правильно тогда понял, что со мной сделала жизнь, и я тебе правда благодарна. Хотя мы оба начитались Тургенева и не любим этого слова. А ведь все оказалось неправдой – то, что он написал про благодарность!

– Ну, не обижай старика, – заступился за Тургенева Митя.

– Неправдой, неправдой, – не уступала Лера. – То есть, может быть, из благодарности и правда не рождается любовь, но ведь благодарность может быть совсем ни при чем, да?

– Да. Но чего же ты боялась все-таки в то утро?

– Нет, не в то утро – потом, когда ты уехал... Я думала: зачем я тебе нужна? Я не хочу об этом говорить, Митя, но ведь это так: всем мужчинам я была нужна для чего-то, и я уже не верила, что это может быть иначе. Как нянька, которая смотрит в рот, по сравнению с которой можно чувствовать свою значительность. Или как партнерша, которая вовремя ноги расставляет – помогает хозяину самоутвердиться. – Лера вздрогнула, произнеся это, вспомнив это. – И я думала: а тебе я зачем, ты-то чего от меня хочешь? Ты же музыкант – может быть, у тебя какие-нибудь творческие проблемы... Может, ты хочешь, чтобы я тебе ноты перелистывала!

Тут Митя так засмеялся, что Лера обиженно замолчала.

– Господи, музыкальная ты моя подружка! – произнес он наконец, утирая выступившие от смеха слезы. – Ноты перелистывала! Во-первых, для того чтобы перелистывать ноты, надо их знать. Во-вторых, где ты видела, чтобы дирижеру кто-нибудь ноты перелистывал? Я сам это делаю.

– Ну, когда не дирижируешь, когда на скрипке играешь. И я ведь это вообще говорю – как образ.

– А вообще... – Лицо у него стало серьезным. – Вообще – мне правда ничего от тебя не надо. Мне не надо, чтобы ты была такая или другая – мне надо, чтобы ты была. И когда ты... чуть не исчезла, я вообще был уже согласен, чтобы ты не со мной была – только бы была... Но это ты теперь забудь, – тут же добавил он. – Теперь я хочу, чтобы ты была со мной, а не с какими-то посторонними мужчинами, которым нужна нянька или партнерша. Я теперь даже на гастроли не уеду от тебя – до-олго буду тебе надоедать, миленькая, у меня много теперь дел в Москве... Ты-то не слышала, а я прекрасно слышал, как распустился без меня оркестр, а это слишком хороший оркестр, и я слишком много сил на него положил, чтобы можно было такое позволить.

Он говорил и проводил пальцами по Лериным плечам, по груди, и сильные, неуправляемые токи от его пальцев пронизывали ее.

Лера молчала, прислушивалась к Митиному голосу, положив голову на его плечо, чувствуя все его тело и всю его душу.

Ночь ли длилась, утро ли вставало за окном – они не видели ничего, они забыли о том, что мир вообще существует.

– Ну и не уезжай, – сказала она наконец. – Куда нам ехать друг от друга?

FB2 document info

Document ID: dc8585fb-e267-4dc1-8c77-f437896e947d

Document version: 2.01

Document creation date: 10 January 2008

Created using: FB Writer v2.2 software

OCR Source: Текст предоставлен издательством «ЭКСМО»

Document authors :

- MСat78 (MСat78)

Source URLs :

- <http://www.litres.ru>

Document history:

v 2.0 – создание fb2-документа из издательского текста – (MСat78)

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon